

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2021. Том 64

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2021. № 64

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2021. Nr. 64

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Заместитель главного редактора

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссес

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Чернов С.З., Гончарова Н.Н., Семёнов А.С.

Результаты определения гаплогрупп Y-ДНК и мтДНК для средневекового славянского захоронения XII в. в окрестностях посёлка Загорянский на Верхней Клязьме (Московская область). Часть II 9

Паскаль А.Д.

О рукописной традиции славянской версии Синтагмы Матфея Властаря в Молдавском княжестве XV–XVII вв. 38

Molnár Ferenc

The life and work of Stefan Pankovych, the Bishop of the Greek Catholic Eparchy of Mukachevo 52

Берг Л.Н., Корсаков К.В.

Якуб Шеля: неизвестные страницы истории 71

Суляк С.Г.

В.А. Францев и Карпатская Русь 89

Фединець Ч., Сакал І.

Одне з державних утворень карпатських русинів – Гуцульська Республіка .. 115

Омарбаев Ы.К., Таракчи В.Т., Базарбаев К.К., Кумганбаев Ж.Ж.

Подданные Австро-Венгрии в Западной Сибири и Туркестане в начале XX в. (1900–1917 гг.) 135

Лозовиук П., Шевченко К.В.

Политическое положение в Подкарпатской Руси в оценках чехословацких чиновников и учёных 154

Куцька О.М.

Пропагандистська конкуренція товариства «Просвіта» та Общества имени А. Духновича за русинську аудиторію Підкарпатської Русі у міжвоєнний період 176

Кудряченко А.І.

Поразка Карпатської України – предтеча Другої світової війни 201

Мищанин В.В.

Методология исследований советизации Закарпатья 1944–1950 гг. 223

ЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫК

Чижмарова М.

Паремиологическое богатство языка русинов Словакии: компонентный состав и семантические особенности	240
--	------------

БИБЛИОГРАФИЯ

Шевченко К.В.

Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров – участников Венгерского похода 1849 г.	255
---	------------

НЕКРОЛОГ

Памяти Николая Вадимовича Бабилунги	263
--	------------

CONTENTS

HISTORY

<i>Chernov S.Z., Goncharova N.N., Semenov A.S.</i>	
Determining Y-DNA and mtDNA haplogroups for the Twelfth-Century Medieval Slavic Burial near Zagoryansky Settlement on the Upper Klyazma (Moscow Region). Part II	9
<i>Pascal A.D.</i>	
On the handwritten tradition of the Slavic version of Matthew Blastares's <i>Syntagma</i> in the Principality of Moldavia in the 15th–17th centuries	38
<i>Molnár Ferenc</i>	
The life and work of Stefan Pankovych, the Bishop of the Greek Catholic Eparchy of Mukachevo	52
<i>Berg L.N., Korsakov K.V.</i>	
Jakub Szela: The Unknown Pages of History	71
<i>Sulyak S.G.</i>	
V.A. Frantsev and Carpathian Rus	89
<i>Fedinec Cs., Szakál I.</i>	
Another Short-Lived State of the Carpatho-Rusins – the Hutsul Republic	115
<i>Omarbayev Y.K., Tarakchi V.T., Bazarbayev K.K., Kumganbayev Zh.Zh.</i>	
Subjects of Austria-Hungary in Western Siberia and Turkestan in the early twentieth century (1900–1917)	135
<i>Lozoviuk P., Shevchenko K.V.</i>	
Political situation in Subcarpathian Rus as assessed by Czechoslovak officials and scholars	154
<i>Kutska O.M.</i>	
Propaganda competition between “Prosvita” and The A. Dukhnovych Society for the Rusinian audience of Subcarpathian Rus during the interwar period	176
<i>Kudriachenko A.I.</i>	
Carpatho-Ukraine's defeat as a precursor of WWII	201
<i>Mishchanyin V.V.</i>	
Methodology of the research of the Transcarpathia Sovietization in 1944–1950	223

LINGUISTICS AND LANGUAGE

Čižmarova M.

Paremiological wealth of the language of the Slovakian Rusins 240

BIBLIOGRAPHY

Shevchenko K.V.

**Rusins of the Austrian Empire in diaries and memoirsof the Russian officers –
participants of the Hungarian campaign of 1849 255**

OBITUARY

In memory of Nikolai Vadimovich Babilunga 263

Результаты определения гаплогрупп Y-ДНК и мтДНК для средневекового славянского захоронения XII в. в окрестностях посёлка Загорянский на Верхней Клязьме (Московская область). Часть II

С.З. Чернов¹, Н.Н. Гончарова², А.С. Семёнов³

¹ Институт археологии РАН

Россия, 117292, г. Москва, ул. Д. Ульянова, 19

E-mail: chernovsz@mail.ru

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Россия, 119234, г. Москва, Ленинские горы, 1/12

E-mail: 1455008@gmail.com

³ Консалтинговая группа «Deep Dive Group»

Россия, 129343, г. Москва, проезд Серебрякова,

д. 2, корп. 1, этаж 5, помещ. 13

E-mail: semyonov1980@mail.ru

Авторское резюме

Цель исследования – установить гаплогруппы Y-ДНК и мтДНК двух славянских раннесредневековых погребений могильника Болшево-1 (близ поселка Загорянский) на реке Клязьме, рассмотреть их возможные аналоги в других образцах средневековой славянской ДНК и дать историко-археологическую и антропологическую интерпретацию полученного результата. Сопоставление серии черепов из Болшево-1 с краниологическими славянскими сериями показало её близость сербской и западнославянским сериям. Принадлежность индивидуумов 5666 и 5672 к Y-ДНК гаплогруппам E1b1b и J2a1 позволило высказать предположение об участии дунайского компонента в этногенезе этой группы племени кривичей, пришедшей с Верхней Волги и Новгородско-Смоленской границы. Митохондриальная гаплогруппа индивидуума 5666 H1e1b позволяет рассматривать балтийскую ветвь этногенеза данной группы.

Ключевые слова: генофонд, палео-ДНК SNP и STR маркеры Y-хромосомы, мт-ДНК, гаплогруппы, секвенирование, восточные славяне.

Determining Y-DNA and mtDNA haplogroups for the Twelveth-Century Medieval Slavic Burial near Zagoryansky Settlement on the Upper Klyazma (Moscow Region). Part II

S.Z. Chernov¹, N.N. Goncharova², A.S. Semenov³

¹ Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences

19 Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117292, Russia

E-mail: chernovsz@mail.ru

² Moscow State University

1/12 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia

E-mail: 1455008@gmail.com

³ Consulting Firm "Deep Dive Group"

2 Proezd Serebryakova, Moscow, 129343, Russia

E-mail: semyonov1980@mail.ru

Abstract

The study aims at determining Y-DNA and mtDNA haplogroups of two early medieval Slavic burials at Bolshevo-1 burial ground (near Zagoryansky settlement) on the Klyazma River to consider their possible analogs in other samples of medieval Slavic DNA and to give a historical, archaeological and anthropological interpretation of the result. The comparison of the skulls from Bolshevo-1 with the craniological Slavic series has shown their proximity to the Serbian and West Slavic series. The belonging of Individuals 5666 and 5672 to Y-DNA haplogroups E1b1b and J2a1 suggests the Danube component in the ethnogenesis of this group of the Krivichi tribe, which came from the Upper Volga and the Novgorod-Smolensk border. The mitochondrial haplogroup of Individual 5666 H1e1b allows considering the Baltic branch of the ethnogenesis of this group.

Keywords: gene pool, paleo-DNA SNP and STR markers of Y-chromosome, mtDNA, haplogroups, sequencing, Eastern Slavs.

К началу 2010-х гг. на основании исследования палеоДНК прошлое мужских и женских линий населения Европы до и после появления

индоевропейцев было в общих очертаниях описано [6: 289–315; 36; 40; 46]. После этого стало возможным сравнительное изучение ДНК популяций, принимавших участие в Великом переселении народов и, в частности, в расселении славянских племён. Значение подобных исследований трудно переоценить. Для археологов никогда не было секретом, что люди из смешанных популяций разного этнического происхождения нередко не только жили одновременно в одной области, но и формировали общую самобытную культуру. Однако с помощью археологических методов проследить историю групп населения было практически невозможно.

В 2010-е гг. на территории *Germania Slavica* [39], Польши [41; 42; 47], Словакии [37] и Венгрии [35] была проведена серия исследований по генотипированию групп погребений одного или нескольких могильников с ингумациями I–IV вв. и IX–XIII вв., т. е. до или после эпохи кремаций. Поскольку исследования, проводимые методами ДНК и отражающие расселение восточнославянских племен, только начинают разворачиваться, авторы статьи полагают своевременным рассмотреть результаты проведённого ими проекта по изучению кривичских могильников Верхней Клязьмы (Московская область).

В предыдущей работе [30] были приведены археологическая характеристика погребений могильника Болшево-1, их антропологическое описание и опубликован результат определения Y-гаплогруппы погребения 5666 из этой курганный группы. Настоящая работа продолжает начатый цикл исследований. Болшевская группа рассматривается в контексте краниологических серий восточных, западных, южных славян и балтов, публикуются результаты определения Y-хромосомы и мтДНК по погребениям 5666 и 5672 и предлагаются объяснительные модели, которые в перспективе позволят интерпретировать полученные результаты.

Обращаясь к методике исследований, в частности, к инструментарию археологии, следует указать на необходимость соблюдения чётких требований при привлечении материалов раскопок в качестве источника для ДНК-исследований¹. Выработка подобного протокола применительно к древнерусским курганным и грунтовым ингумациям XI–XIII вв. особенно важна и является насущной научной задачей.

Как известно, эти ингумации отражают завершающую стадию переселения славянских племен, когда население уже было структурировано в систему погостов (XI–XII вв.) [16]. Предшествовавшая же стадия переселения, относящаяся к IX–X вв., не может быть непосредственно (по археологически зафиксированным погребениям) исследована ДНК-методами, поскольку в тот период погребальный обряд представлял собой кремацию. Для того, чтобы преодолеть этот

источниковедческий барьер и попытаться использовать данные о гаплогруппах и гаплотипах населения XI–XIII вв. в качестве источника по реконструкции колонизационных потоков летописных племен IX–X вв., требуется выполнение целого ряда условий.

Во-первых, необходимо понимание того, как подобные переселения происходили в принципе. Применительно к завершающей стадии переселений (XI–XII вв.) их механизм был описан лишь недавно на примере переселения вепсов из Приладожья в Заонежье, которое, по археологическим данным, началось на рубеже X–XI в. Это стало возможным благодаря комплексному изучению Мировой грамоты 1375 г. Имоченского погоста. Оказалось, что с реки Ояти в Прионежье переселялись не отдельные семьи «новоприходцев», но группы насельников определенного погоста-метрополии, связанные кровно-родственными узами (в грамоте 1375 г. староста Имоченского погоста действует «со всъмь племянем»). На новом месте они формировали дочерний погост по образу и подобию прежнего. Участие старосты приладожского Имоченского погоста в споре жителей Заонежских погостов с боярским кланом в 1375 г. свидетельствует о том, что вепсы не только сохраняли своё присутствие на нижнем течении Ояти в тот период, но и продолжали контролировать свои дочерние погосты в Заонежье, располагавшиеся в 380 км от Приладожья. При этом данные топонимии дают основание говорить о том, что именно они принесли в Заонежье древнерусские формы номинации, что свидетельствует об их двуязычии и присутствии среди них славянского компонента [31]. Экстраполируя результаты этих исследований на синхронные группы славян, можно допустить, что при их расселении использовался тот же переселенческий паттерн.

Во-вторых, далеко не все изученные археологами погребения могут стать полноценным источником для ДНК-исследований в силу нечёткой археологической атрибуции. Благодаря исследованиям в районе погоста на р. Клязьма (Болшевский археологический комплекс в окрестностях пос. Загорянский, частично заходящий на его территорию) удалось археологически зафиксировать группу древнего славянского населения, типологически близкую той, которая описана выше. Был выбран могильник, типичный для подмосковных кривичей (Болшево-1), и исследован его археологический контекст. В перспективе следовало бы говорить о создании сети подобных эталонных объектов для изучения популяций XI–XIII вв.

В-третьих, неотъемлемым элементом подобных работ является антропологическое изучение погребений на предмет выделения их особенностей на уровне группы и популяции. Так, анализ краниологического материала из полностью раскопанного небольшого

(семь мужских и два женских черепа) могильника Болшево-1, узко датированного в пределах первой половины XII в., и его сравнение с семью краниологическими сериями показали, что для этой группы характерна морфологическая массивность, обусловленная западным или юго-западным происхождением [30: 16–10].

Археологические данные

Как уже отмечалось в публикации 2019 г., верхнее течение р. Клязьмы выбрано для исследования, поскольку этот район в X–XI вв. играл ключевую роль в расселении славян на землях, на которых позднее сформировалось русское население Замосковья [38]. Судя по женскому погребальному убору в курганных группах, исследованных на Верхней Клязьме, в конце XI–XII вв. здесь доминировало кривичское (браслетообразные височные кольца) и присутствовало вятичское (семипопастные височные кольца) население [11; 34]. Учитывая наличие более ранних кривичских курганов с трупосожжениями на Верхней Волге X–XI вв., исследователи склонялись к мысли, что кривичское население продвинулось в северную часть современной Московской области и на Клязьму с Верхней Волги, через район Волока Ламского по водно-волоковым путям [10: 190–191, 214–220; 12: 55–60] (рис. 1).

На центральном поселении Болшевского археологического комплекса (селище Болшево-3) раскопками исследовано 1 116 м². Наиболее ранняя постройка южной усадьбы (яма 20), судя по находкам калачевидного кресала с язычком, крылатого псалма от удил III типа и соотношению лепной и раннекруговой посуды 80 %/20 %, возникла около 1025–1075 гг. Первопоселенцы, среди которых были представители автохтонного населения, владели техникой изготовления лепных сосудов не только ладожского (с ребром по плечу), но и мерянского (лощенные горшки с саблевидным профилем), и роменского типов, характерных для вятичских древностей [27: 112–136; 28: 546–572].

Иной этнический облик имели жители северной усадьбы, возникшей около 1050–1075 гг. (яма 9). Они владели керамической традицией, существовавшей в кривичском Новгородско-Смоленском пограничье и новгородском Верхневолжье во второй четверти XI в., когда навыки изготовления лепной посуды баночного типа ещё сохранялись, раннекруговые эсвидные сосуды со срезанными венчиками уже использовались, а западнославянские типы раннекруговой посуды вышли из употребления (рис. 2). Переселившись в третьей четверти XI в. на Клязьму, эти люди некоторое время сохраняли привычные им навыки [25: 64–104; 26: 85–87].

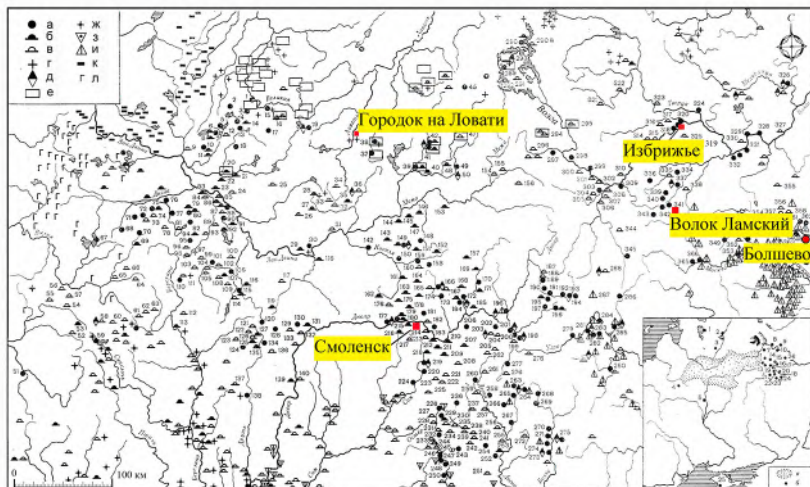

Рис. 1. Курганы смоленско-полоцких кривичей IX–XIII вв. (по В.В. Седову) с локализацией могильника.

Болшево-1 и Городка на Ловати: а – курганные могильники с браслетообразными завязанными височными кольцами; б – курганные могильники, содержащие трупосожжения; в – курганные могильники исключительно с трупоположениями; г – жальники; д – памятники с находками ромбоштитковых височных колец; е – курганные могильники с характерными признаками псковских кривичей; ж – памятники с дреговичскими бусами; з – памятники с височными украшениями радимичей; и – памятники с вятичскими височными кольцами; к – восточнолитовские курганы. Расшифровку № памятников археологии см.: Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 160–161.

В первой четверти XII в. южная усадьба обновляется. Здесь появляются представители элиты (в яме 31 найдены боевые стрелы, бляшка от поясного набора профессионального воина, близкая кругу балтийских древностей X–XI вв., и крест-тельник с эмалью), которые, видимо, выполняли военно-торговые функции на Клязьминско-Яузском водно-волоковом пути [29].

Наилучшим образом документирован могильник у д. Городище, расположенный в 500 м от селища Болшево-3 [23: 229–243]. В 1901–1902 гг. Ю.Г. Гендуне исследовала здесь 15 курганов (№ 1–8, 12–14, 17–20) [7; 8], а в 1921 г. В.А. Городцов раскопал ещё 5 [9]. Всего изучено 21 трупоположение с западной и северо-западной ориентировкой (14 на горизонте и семь – в ямах; в двух погребениях замечены колоды, три завернуты в бересту). Содержали женские

украшения 10 погребений, в девяти не было вещей и в двух найдены только горшки. Большинство браслетов и перстней имеют широкую дату – XII в., однако есть признаки, которые позволяют уточнить датировку. Это звёздчатая пряжка, тупоконечный браслет с орнаментом «волчий зуб», крестообразный бубенчик и золотостеклянные бусы (в трёх погребениях). Эти находки укладываются в первую половину XII в. [17: 276–277]. Среди женских украшений много височных колец: завязанные и загнутоконечные кривичские (пять в трёх погребениях), ромбоштитковые новгородские (семь в одном погребении), трехбугорчатые (в четырёх погребениях), а также гривны – витая и дробовая. Таким образом, можно предполагать, что могильник отражает группу населения, в формировании которой приняли участие переселенцы с Верхней Волги с преимущественно кривичскими корнями.

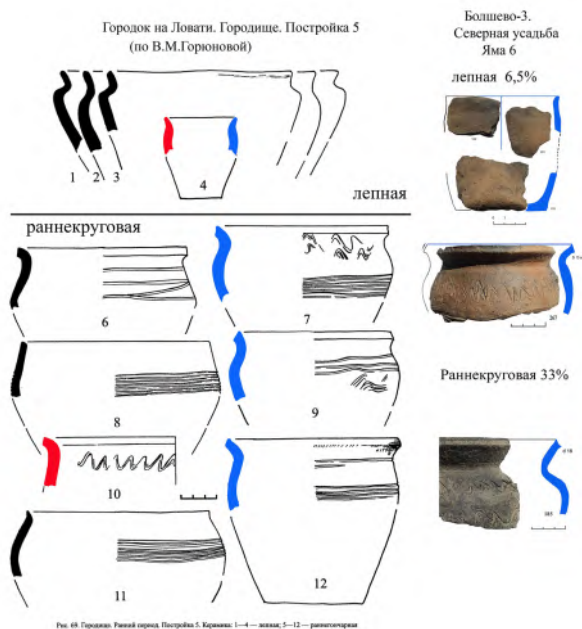

Рис. 2. Сравнение лепной и раннекруговой керамики Городка на Ловати (городище, постройка 5; по В.М. Горюновой) и селища Болшево-3 (северная усадьба, постройка 6).

Рис. 2. Сравнение лепной и раннекруговой керамики Городка на Ловати (городище, постройка 5; по В.М. Горюновой) и селища Болшево-3 (северная усадьба, постройка 6).

В настоящее время в НИИ антропологии МГУ хранятся девять черепов из раскопок Ю.Г. Гендуне и один – из раскопок В.А. Городцова [4]. После их изучения для исследования были выбраны два мужские черепа – № 5666 и 5672.

Антропологические данные

Особенности группы были установлены в первом анализе [30: 16–19] при сравнении этой выборки с наиболее близко расположенными синхронными сериями XII–XIII вв. В качестве сравнительного материала использованы данные по семи суммарным краниологическим сериям вятичского и кривичского населения. Этот анализ показал, что по большинству важных диагностических признаков изученная серия отличается заметно большей массивностью, все размеры мозговой коробки и лицевые признаки оказались больше, чем у синхронных серий курганного происхождения. В той же работе было сделано предположение об истоках такой массивности: увеличение размеров черепа обычно связывают с влиянием групп населения западного (балтского, западославянского) или южного происхождения. Так, В.П.Алексеев, разбирая вопросы происхождения антропологического компонента в составе восточных славян, пишет, что «современные восточнославянские народы (особенно русские) в большей мере сближаются с западославянским средневековым населением, нежели с восточнославянским» [1: 218].

В связи с дальнейшей разработкой темы изучения ДНК небольшой (в статистическом смысле) краниологической серии изучаемого могильника представляется уместным провести сравнение изученной группы с носителями тех антропологических особенностей, которые отличают её от соседних групп вятичей и кривичей. Для такого сравнения будет логичным отобрать краниологические серии, отличающиеся большей массивностью, т. е. более крупными размерами мозговой и лицевой части черепа. Т. к. предполагается участие западных или южных групп, то вполне обоснованным будет выбор балтских, западославянских групп (размерные характеристики западных славян взяты из обширной краниологической сводки [45]), а также различных групп юго-западного происхождения. Поскольку по результатам определения Y-гаплогруппы первого образца было сделано предположение о наличии связей с Балкано-Дунайским регионом, в анализ включены также группы с территории Центральной Сербии (могильники Омолица и Дупляя, расположенные в 20 км к юго-востоку от Белграда, XI–XII вв., неопубликованные данные Н.Н. Гончаровой). Эти две группы в анализе, так же как и Болшево, представляют собой палеопопуляции, в то время как остальные краниологические выборки являются сборными сериями. Все анализы проведены по данным мужских групп, поскольку именно в этом случае оказывается возможным подобрать большее количество сравнительных данных. Используемые в анализе признаки входят в число наиболее рас-

пространенных, измеряемых разными исследователями отечественной антропологической школы [2].

Для проведения классифицирующих сравнений выбран метод дискриминантного анализа, который позволяет находить место изучаемой группы по отношению к тем выборкам, особенности которых известны. Следует оговорить методический аспект, связанный с разным набором измеряемых показателей в отечественной и западной школах антропологии. В работах западных исследователей набор публикуемых краниологических показателей довольно ограничен и насчитывает всего лишь 10 признаков черепа, включая мозговую и лицевую его части. В отечественных исследованиях набор публикуемых характеристик значительно (в два-три раза) шире.

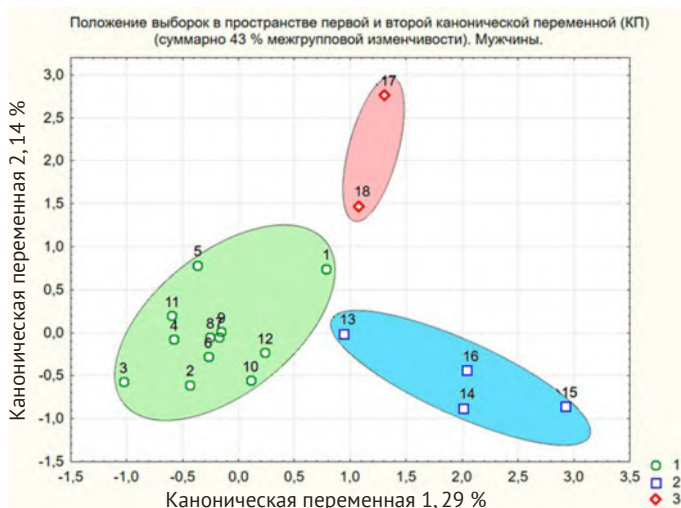

Рис. 3. Результаты дискриминантного анализа по 18 краниологическим признакам. Положение выбора в пространстве первой и второй канонической переменной (КП). Суммарно 43 % межгрупповой изменчивости. Мужчины. Обозначения: 1 – восточнославянские выборки; 2 – балтские выборки; 3 – выборки с территории Сербии. Нумерация выборок: 1 – Болшево; 2 – вятичи первой локальной группы (верхнее течение рек Москвы и Истры); 3 – вятичи второй группы (среднее течение р. Москвы); 4 – вятичи третьей локальной группы – междуречье Москвы и Клязьмы; 5 – вятичи четвертой группы (нижнее течение р. Москвы и р. Пахры); 6 – кривичи смоленские; 7 – кривичи тверские; 8 – кривичи смоленско-тверские; 9 – радимичи; 10 – дреговичи западные; 11 – поляне; 12 – северяне; 13 – латгалы первой группы; 14 – латгалы второй группы; 15 – земгалы (V–VII вв.); 16 – жемайты, сборная серия II–IX вв.; 17 – Омолица (Сербия); 18 – Дупляя (Сербия).

Можно видеть, что серия из Болшево-1 находится на периферии компактного кластера восточнославянских групп, отделяясь от него и тяготея к балтским и сербским группам. Важно подчеркнуть, что изучаемая группа всё же остается в зоне расположения «северных» выборок (нижняя половина координатного поля), к которым относятся все восточные славяне и балты. Этот факт важен, т. к. разделение на южную и северную ветви европеоидов является более глубоким, чем дальнейшая этническая дифференциация европеоидной расы в целом.

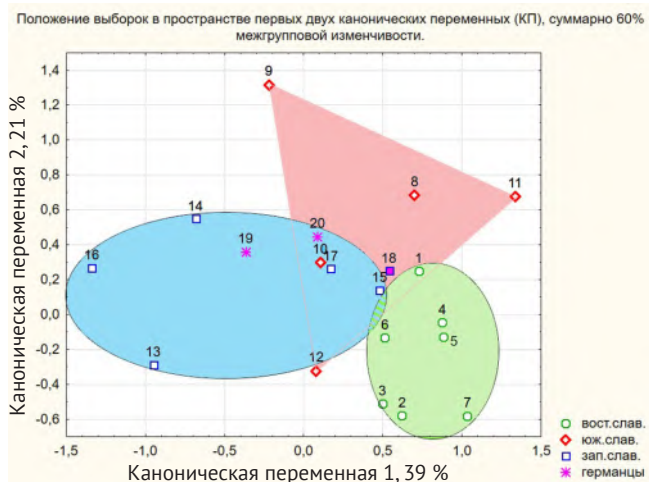

Рис. 4. Положение выборок в пространстве первых двух канонических переменных (КП). Суммарно 60 % межгрупповой изменчивости. Обозначения: 1 – Болшево; 2 – вятичи суммарно; 3 – кривичи суммарно; 4 – радимичи; 5 – дреговичи; 6 – поляне; 7 – северяне; 8 – сербы суммарно; 9 – хорваты; 10 – болгары, центральные регионы Болгарии; 11 – болгары южные; 12 – болгары северные; 13 – поляне польские, о-в Ледницкий; 14 – мекленбургские славяне; 15 – висляне; 16 – ободриты; 17 – поморяне; 18 – черняховцы, сборная серия, III–V вв.; 19 – саксы; 20 – тюринги. Особым символом обозначена сборная серия черепов черняховской культуры (№ 18 на рис.), так как вопрос её этнической принадлежности дискусионен.

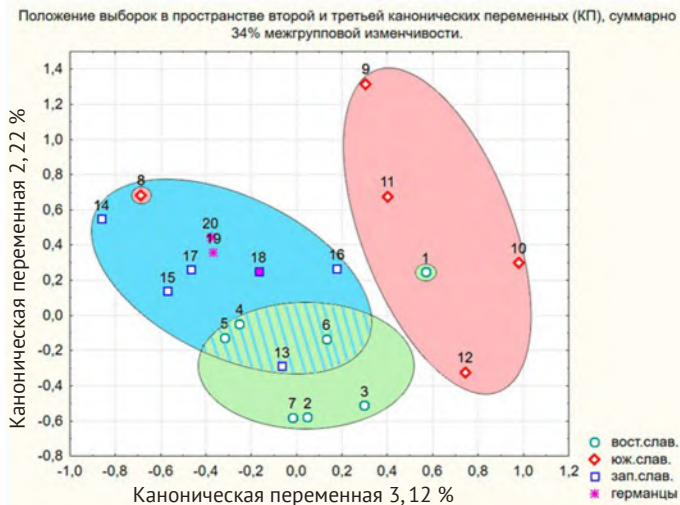

Рис. 5. Положение выборок в пространстве второй и третьей канонической переменной (КП). Суммарно 34 % межгрупповой изменчивости. Обозначения и нумерация групп – см. на рис. 4.

На следующем этапе анализа также задаются три группы классифицирующих выборок: восточные славяне, южные славяне и западные славяне, жившие вдоль побережья Балтийского моря и на территории современной Польши. В качестве североευропейских выборок представлены две германоязычных группы – саксы и тюринги. В число сравниваемых объектов включена сборная серия представителей черняховской культуры [13; цит. по: 3: 253]; эта группа – единственная в этом виде анализа, которая датируется более ранним временем, чем остальные выборки. Анализ проведён по десяти признакам, которые публикуются в работах западноевропейских исследователей. В таком виде анализа представлены выборки одинакового ранга: кроме группы из Болшево, которая представляет собой палеопопуляцию, все остальные объекты анализа являются смешанными сборными краниологическими сериями. Для этого по опубликованным данным Т.И.Алексеевой [3] были рассчитаны средние значения признаков для всех вятичей, всех кривичей, а также усреднённые значения признаков для групп из Сербии, остальные сравнительные данные взяты из оригинальных публикаций без изменений (см. краниологическую сводку [45]). Результаты представлены на рис. 4.

Здесь тоже можно видеть, что Болшево располагается на краю «поля» восточнославянских серий, сближаясь по морфологическим

характеристикам с южными и (в большей степени) с западными (балтийскими, полабскими) славянами.

На рис. 4 примечательно, что германские группы фактически не могут быть отделены от западнославянских (которые очень разнообразны, в отличие от восточных славян). Не менее интересен и чрезвычайный разброс южных славян. Это явление (высокая изменчивость краниологических признаков у западных и южных славян) было отмечено давно. Т.И. Алексеева, говоря о единстве антропологического типа у славян, отмечает, что «дисперсия таких признаков, как высота орбиты, размеры носа, у западных и южных славян превышает размах изменчивости их у восточных, что служит подтверждением контактов западно- и южнославянских групп с... группами неславянского происхождения» [3: 150]. Полученные нами результаты находятся в полном соответствии с приведённым утверждением.

Говоря об особенностях группы из Болшево, надо отметить, что по некоторым пропорциям лица эта выборка особенно сближается с представителями южнославянских групп, что отражает график на рис. 5. Правда, необходимо подчеркнуть, что рис. 5 демонстрирует положение групп в координатном поле второй и третьей канонической переменной, которые суммарно описывают лишь 34 % межгрупповой изменчивости, в отличие от рис. 4, который соответствует описанию 60 % межгрупповых закономерностей. Тем не менее положение идентифицируемой выборки из Болшево на рис. 5 нельзя считать случайной вариацией, т. к. этот сдвиг в сторону более крупных в морфологическом смысле южных и западных групп проявляется и в других анализах.

Таким образом, серия многомерных анализов по разным наборам признаков и на разном краниологическом фоне подтверждает предварительные гипотезы, сделанные в первой работе, посвящённой анализу данных из могильника Болшево. Изученная группа из Болшево отличается от представителей восточнославянского курганного населения по набору характеристик, который сближает эту популяцию с западнославянскими, балтскими и южнославянскими группами.

Данные ДНК-исследования. Для ДНК-анализа были выбраны образцы зубов, а именно: 1) клык и третий моляр верхней челюсти, шифр краниологического материала № 5666 (Музей антропологии МГУ); 2) второй коренной зуб нижней челюсти, шифр краниологического материала № 5672 (Музей антропологии МГУ).

Исследование данных образцов было проведено по договорам с ООО «ДНК-Наследие» № ДНК-Ла/04-19 от 29.04.2019, № ДНК-Ла/03-20 от 10.03.2020.

По договорам были заказаны определение STR-локусов Y-хромосомы методом капиллярного электрофореза ПЦР-продуктов и анализ методом NGS гаплогруппы мтДНК. Последующий анализ и выводы являются авторскими.

Все этапы работы с археологическим образцом проводились в вытяжном шкафу, размещённом в чистой лаборатории, оснащенной UЛРА-фильтрами и УФ-лампами. Чтобы избежать загрязнения, осуществлялась стерилизация всего инструментария и рабочего пространства в чистой лаборатории с помощью химических веществ и жесткого УФ-облучения в течение 24 ч.

Образцы зубов были очищены от верхнего слоя загрязнений на стоматологическом оборудовании. Далее очищенные зубы выдерживали на УФ-облучении с каждой стороны по 30 мин. Затем зубы измельчались до состояния костного порошка в мельнице. В результате из археологического образца был получен зубной порошок массой 1 г. Для образца 5666 выделялась ДНК из 0,2 г зубного порошка методом, основанным на колонках с SiO₂. Концентрация выделенной ДНК оценивалась на Qubit (HS) и составила 0,5 нг/мкл. Для образца 5672 для определения Y-гаплогруппы выделялась ДНК из порошка массой 6 г, и концентрация выделенной ДНК составила 0,5 нг/мкл. Для выделения митохондриальной ДНК было проведено дополнительное выделение ДНК из измельченного порошка массой 2 г, концентрация составила 2,5 нг/мкл.

С помощью набора реагентов Yfiler™ Plus PCR Amplification Kit (Thermo Fisher Scientific) фрагментный анализ по 27 STR локусам Y-хромосомы осуществлялся на капиллярном секвенаторе AB3500xl. Результаты по гаплотипу Y-хромосомы образцов получены в программе IDX v.1.4 Gene Mapper.

Анализ митохондриальной ДНК был проведен через NGS секвенирование областей HVR1-HVR2 с использованием реагентов PowerSeq™CRM (Promega).

Для образца 5666 выявлено девять STR локусов Y-хромосомы, а для образца 5672 – семь STR локусов со значениями аллелей, указанными в табл. 1, 2. Определение субклада по локусам по предиктору (<https://www.nevgen.org>) дало следующие результаты. Y-данные образца 5666 описаны в [1]. Y-данные образца 5672 приводятся впервые, и измерительные показания отражены в прил. 1 (значения отдельных локусов были отображены в текстовой распечатке показаний прибора). В табл. 1 и 2 приводятся данные из недавно опубликованных образцов (только по тем маркерам, что были выделены и в изучаемых образцах № 5666 и 5672). Данные митохондриальных ДНК приведены в табл. 3 (специфические для гаплогрупп мутации выделены).

Таблица 1

Результаты определения Y-гаплотипа образца погребения 5666 из Болшево-1 и кургана 15 из Теглицы-1

Наименование и аллели STR локусов										
	389 I	393	19	391	439	392	389 II	456	438	Прогноз гаплогруппы Y-хромосомы
Болшево-1. Образец 5666	13	14	13	10	12	11	28	15	10	E1b1b
Теглицы-1, курган 15, погребение 1. Ижорское плато конец XII – XIII вв. [21] (приведены только локусы образца 5666)	12	13	13	10	12	11	29	16	10	E1b1b

Таблица 2

Результаты определения Y-гаплотипа образца погребения 5672 из Болшево-1 и Borgharen – Pasestraat (Нидерланды)

Наименование и аллели STR локусов										
	439	389 I	458	437	460	H4	576	Прогноз гаплогруппы Y-хромосомы		
Болшево-1. Образец 5672	11	13	15	16	11	12	18	J2a-PF5087		
Нидерланды, Borgharen – Pasestraat, Образец 15 [43] (приведены только локусы образца 5672)	11	13	–	15	–	–	–	J2a-PF5087		

Таблица 3

Результаты определения митохондриальных гаплогрупп образцов погребений 5666 и 5672 из Болшево-1

Образец	HVR1	HVR2	Прогноз гаплогруппы мтДНК (на основании мутаций в HVR1 и HVR2)
5666	16519C	143A, 263G, 309T 310C, 453C	H1e1b
5672	16223T, 16526A	73G, 263G, 305T, 309.1C, 315.1C	U5a2

Обсуждение. Как отмечалось выше, имеются археологические и антропологические основания полагать, что предки погребенных, подвергнутых ДНК-секвенированию, происходили из зоны расселения смоленских кривичей в верховьях Днепра, Западной Двины или Ловати на Новгородско-Смоленском пограничье (см. рис. 1).

Таким образом, полученные данные потенциально могут стать источником для изучения генетического прошлого этой племенной группировки восточных славян. В силу того, что изучение основной части кривичских могильников ещё впереди, эти данные ставят перед исследователями ряд вопросов, обсуждение которых было бы бесполезно для выработки подходов к интерпретации гаплотипов и гаплогрупп Y-ДНК и мтДНК как данного могильника, так и других. Цель подобного обсуждения – нащупать подходы, которые могут пролить свет на этногенез и миграции кривичей.

Необходимо напомнить, что сложность интерпретаций в интересующей нас области обусловлена рядом факторов. Если генный портрет протославянских племен на этапе, отражённом пшеворской этнокультурной общностью на Великопольских землях, уже стал предметом серьёзных разработок [41; 42], то этого нельзя сказать о могильниках, отражающих эпоху миграции славянских племен. На первом этапе миграции (450–600 гг.) славянское население распространилось на востоке до Припяти и Днепра (пражско-корчакская культура), а на юге – в бассейне Дуная (пражско-пеньковская культура). В период военно-политического доминирования авар в Паннонии эта ситуация стабилизировалась. Второй этап миграции, толчком к которому послужил разгром Каролингами Аварского каганата в 796 г., имел обратную направленность. Он протекал в IX в. и завершился расселением восточнославянских племен на тех территориях, на которых их застают трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» (948–952, оригиналы 9-й главы – 940–950-е гг., 37-й главы – 910–920-е гг.), «Повесть временных лет» и другие источники X в. [33]. В процессе этих двух миграций славянское население входило в соприкосновение с рядом иноэтничных групп населения, что не могло не отразиться на гаплогруппном составе тех или иных восточнославянских племён.

Как было показано в предыдущей статье, данные ДНК из погребения 5666 свидетельствуют о наличии в среде кривичей центрально-европейской или даже южно-европейской, дунайской компоненты. Для этого погребения с высокой вероятностью (98 %) прогнозируется Y-гаплогруппа E1b1b и митохондриальная гаплогруппа H1e1b.

Y-гаплогруппа E1b1b. Прогнозирование данной гаплогруппы, которая занимает в современном русском генофонде всего 2 % [3: 156],

было достаточно неожиданным. Высокий процент E1b1b наблюдается у южных славян: 7 % – у хорватов, 11 % – у боснийцев, 22 % – у сербов (по данным обследований разных лет и районов, колеблется в диапазоне 16–29 %), 22 % – болгар и македонцев, 27 % – у черногорцев [5: 164, табл. 6.4.1]. Появление его связывают с ранним населением юго-востока Европы, существовавшим до распространения «неолитического пакета» ДНК. Эпицентр распространения данной гаплогруппы в Европе расположен в Косово (рис. 6, верхний). Учитывая эти данные, в работе 2019 г. было высказано осторожное предположение о возможных дунайских корнях мужской линии индивидуума 5666 [30: 20–21], что не противоречит записанному в «Повести временных лет» преданию о расселении восточнославянских племен с Дуная [15: 5–6].

В настоящее время появляются основания для того, чтобы говорить о «системности» присутствия E1b1b в древнеславянских могильниках. В 2020 г. в научный оборот были введены данные двух славянских погребений XII–XIV вв. из курганных могильников Ижорского плато, расположенных у д. Теглицы, в 12 км к юго-востоку от крепости Копорье, а также двух финно-угорских погребений того же района. В погребении из кургана 15 могильника Теглицы-1 конца XII – начала XIII в. были зафиксированы гаплогруппы E1b1b Y-хромосомы и I1b мтДНК, а в погребении могильника Теглицы-2 середины – второй половины XIII в. отмечены гаплогруппы R1a-M198 (предсказывается субклад R1a-M458) Y-хромосомы и H мтДНК [22: 355, 356].

И.В. Стасюк вполне обоснованно проявляет осторожность в установлении истоков славянской колонизации этого района Ижорского плато. Если предполагаемое ранее Ю.М. Лесманом проникновение води в Опольский погост из Причудья в XI в. документировано раскопками Опольского могильника [21], то движение славянского населения из заселенного новгородскими словенами в IX–X вв. верхнего течения р. Луги квалифицируется пока лишь как наиболее вероятное. Этому, впрочем, не противоречит женский убор погребений могильника Теглицы: серебряные головные венчики, щитково-конечные височные кольца, подковообразные фибулы, пластинчатые и витые обрубленноконечные браслеты, овальнощитковые перстни «петербургского» типа [18: 29].

Весьма показательно, что такая же пара субкладов (R1a-M458 и E1b1b) выявлена в погребении XII–XIII вв. в Узедоме на заселённом тогда славянами-лютичами южном побережье Балтики, между древней Арконой (на острове Рюген) и Волином (на устье Одера) [39].

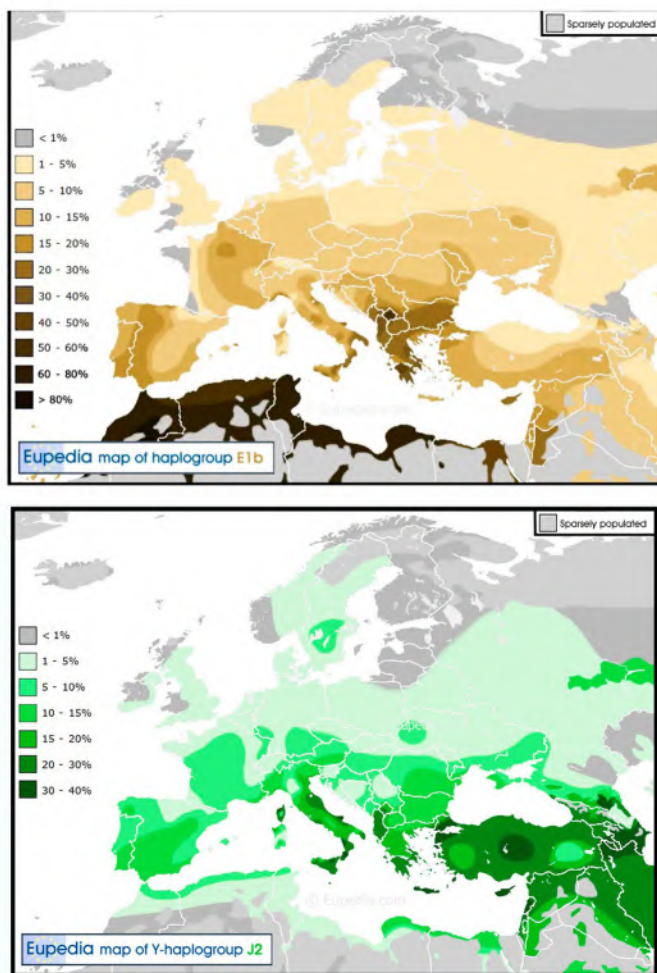

Рис. 6. Распределение плотности Y гаплогрупп E1b (вверху) и J2 (внизу).

Фиксация «пары» E1b1b и R1a-M458 на синхронных памятниках, расположенных в зонах расселения полабских славян, новгородских словен и кривичей (Болшево, Радонеж) [30; 44], даёт основание ставить вопрос об определенной закономерности и трактовать эти «пары» как следы ранних миграций славян из Балкано-Дунайского региона через центр Европы на север и северо-восток.

Y-гаплогруппа J2a-PF5087. Погребение Болшево-1 № 5672, для которого определено всего семь STR локусов, требует дальнейшего

изучения, поэтому мы ограничимся лишь кратким комментарием относительно полученного результата. Прогнозируемая гаплогруппа Y-ДНК J2a-PF5087 типична в настоящее время для Южной Европы и восходит к ранним этапам заселения этой территории. Судя по их ареалу, субклады J2a продолжительное время циркулировали в границах Римской империи (рис. 6, нижний). Данные об этой гаплогруппе в средневековой Европе единичны. Субклад J2a-PF5087 отмечен в меровингском погребении Боргарен 530–650 гг. на р. Маас близ Аахена. Учитывая присутствие здесь конского снаряжения аварского круга, авторы раскопок склонны говорить о дунайском происхождении носителя гаплогруппы [43]. Таким образом, данные по погребению 5672 не входят в противоречие с приведёнными ранее наблюдениями по Y-гаплогруппе E1b1b кривича 5666.

Митохондриальная гаплогруппа H1e1b. Современная база данных FTDNA показывает, что основная часть носителей гаплотипа H1e1b принадлежит к населению южного побережья Балтийского моря (известно в Дании – 11, в Польше – четыре, в Норвегии и в Англии – по одному), и что он является редким субкладом локального характера.

Весьма интересные данные на этот счёт можно почерпнуть из диссертации Анны Юрас (Университет им. Адама Мицкевича в Познани) «Этногенез славян в свете анализа древней ДНК» (2012) [41], монографического исследования Ирениуса Столарека (Институт биоорганической химии Польской академии наук), а также Анны Юрас и соавторов «Мозаичная генетическая структура человеческой популяции, проживавшей в Южнобалтийском регионе в эпоху железного века» (2018), которая опирается на материалы могильника I–II вв. н. э. Ковалевко на р. Варта близ г. Познань [47].

У двух погребений в могильнике Ковалевко зафиксирована гаплогруппа H1e1a [47: Table S4. Results of sequencing, haplogroup call assignment and mtDNA sequence assembly]. Это мужское погребение 50 и погребение подростка 38, пол которого не установлен [47: Table S1. Supplementary information of the Kowalewko archaeological site].

Секвенировав митохондриальную ДНК у людей, живших в Ковалевко на протяжении 200 лет, авторы исследования описали типичную популяцию вельбарского времени на междуречье Одера и Вислы. По археологическим данным, это население преимущественно (особенно в мужской части популяции) германского происхождения (готы Иордана), оно расселилось в Польском Поморье в пределах более ранней, также по преимуществу германоязычной, Оксывской культуры (II в. до н. э. – I в. н. э.). Южнее и выше по течению Варта располагались поселения пшеворской культуры (II в. до н. э. – IV в. н. э.), которую идентифицируют со славянами-венедами.

Многоуровневое исследование связей между гаплогруппами Ковалевко и могильниками североευропейских археологических культур железного и бронзового веков показало, что по распространности субкладов митогаплогруппы Н и другим характеристикам вельбарская популяция Ковалевко имеет устойчивые связи с культурами Ютландского железного века [47: 5. fig. 1, p. 10] (культуры Ясторф VI–IV в. до н. э., Риндорф III–II в. до н. э., Зеедорф II–I в. до н. э.), позднейшие из которых отражают «германцев», упоминаемых в «Записках о Галльской войне» Цезаря.

Эти выводы коррелируют с наблюдениями Анны Юрас, которые опираются на генотипирование погребений из шести могильников Великой Польши I–XIV вв. Данные наблюдения свидетельствуют о том, что гаплогруппный состав населения железного века и Средневековья междуречья Одера и Вислы довольно сильно отличается от гаплогруппного состава современного населения Польши, которое восходит к населению пшеворской и пражско-корчакской археологических культур Малой Польши [41: 109].

Учитывая, что гаплогруппа H1e1a, фиксируемая в Ковалевко, не полностью идентична гаплогруппе H1e1b кривича 5666, использовать приведённые данные можно с большой осторожностью и лишь на уровне предположений. Тем не менее наиболее вероятной причиной присутствия среди предков клязьминского кривича женщины с подобной гаплогруппой можно признать соприкосновение её предков со славянским населением, втянутым в движение германских племён.

К моменту прихода кривичей в Верхнее Поднепровье (не ранее конца VIII – начала IX в.) [32: 119–122] располагавшееся там ранее среди колочинских поселений городище Демидовка (радиоуглеродные даты по Н.А. Кренке – 430–560 гг.) с длинным «германским» домом, кладом серебряных украшений и большим количеством оружия, а также другие памятники этого круга [14] уже давно перестали существовать. Поэтому речь может идти о контактах, которые имели место в более раннее время и на иных территориях.

В случае с индивидуумом 5666 мы обладаем дополнительными возможностями для установления относительной хронологии данного события. Ценность этого индивида состоит в том, что его гаплотипы представляют собой сочетание двух генетических свидетельств. Его предки по мужской линии, возможно, вышли с берегов Дуная в VIII – начале IX в., а митохондриальная ДНК свидетельствует о более ранних контактах предков по женской линии с сообществами, оставившими вельбарскую культуру.

Как известно, наиболее интенсивные контакты германцев и славян, погребённых, соответственно, в вельбарских и пшеворских

могильниках, имели место на правобережье Вислы и нижнем течении Западного Буга на фазах C1b и C2 вельбарской культуры, которые исследователи датируют 230–270 гг. К началу IV в. население, вовлечённое в этот контакт, оказалось на Волини и Южном Буге, который смыкался своими верховьями с Западным Бугом. Весьма вероятно, что какая-то его часть сохранялась здесь в период, отражённый памятниками черняховской культуры. К моменту начала Великого славянского расселения в первой половине VI в., когда на Волини возникло племенное объединение дулебов (восточная часть пражско-корчакской культуры) [19: рис. 25], описанное выше население могло войти в состав данного объединения. Возможна и иная объяснительная модель. Следы славяно-германских контактов могли сохраняться в генофонде населения Великой Польши до пражско-корчакского периода, когда началось расселение этого населения на Волинь и образование племенного объединения дулебов. После создания Аварского каганата в Паннонии в 562 г. и покорения дулебов аварами, предание о котором автор «Повести временных лет» отнёс ко времени правления императора Ираклия (610–641 гг.) [15: 12], дулебы и другие славянские объединения были вовлечены в движение на Средний Дунай. Не позднее начала IX в. в ходе возвратного движения на восток часть их могла оказаться на Верхнем Днепре, чему не противоречит фиксация здесь отдельных категорий вещей придунайских типов [20: 531–550].

Митохондриальная гаплогруппа U5a2. Гипотетически прогнозируемая для погребения 5672 гаплогруппа U5a2, восходящая к древним охотникам-собираателям Европы [47: 1, 2; 48] и фиксируемая в культурах шнуровой керамики, унетицкой [47: 7, 11] и пшеворской [41], не выпадает из ряда гаплогрупп, которые могут быть типичны для славянских племен.

Заключение

Обращаясь к реконструкции генетической структуры славянского населения в северной части зоны формирования Московской земли, авторы предлагают в качестве метода изучения создание сети эталонных объектов. В качестве одного из таких объектов рассмотрен археологический комплекс на Верхней Клязьме в окрестностях пос. Загорянский.

Двое мужчин из могильника Болшево-1 первой половины XII в., по которым проведено тестирование, по археологическим данным, принадлежали к группе кривичского населения, переселившейся около 1050–1075 гг. на Верхнюю Клязьму с Верхней Волги, куда это

население продвинулось в X в. из Смоленско-Новгородского пограничья. По антропологическим данным, эта группа заметно отличается от вятичского населения Москворечья массивностью черепов, причём соответствующие показатели могут объясняться влиянием западнославянского и / или балтского субстрата, что не противоречит кривичским корням погребённого и всей группы. Рассмотрение данной группы в контексте краниологических серий восточных, западных, южных славян и балтов показало её близость к сербским и западнославянским сериям.

Обнаружение в погребении 5666 гаплогруппы Y-ДНК E1b1b даёт некоторые основания трактовать её как след миграции славян из Балкано-Дунайского региона в зону расселения кривичей, начало которой связывают с разгромом Аварского каганата Каролингами в 796 г. Антропологические данные фиксируют признаки, которые могут быть объяснены наличием дунайских корней исследованной группы.

Анализ гаплогруппы мтДНК H1e1b открывает, как нам представляется, определённые перспективы для выработки методов изучения генетической предыстории славянского расселения – темы, которая успешно разрабатывается сегодня польскими популяционными генетиками в содружестве с археологами.

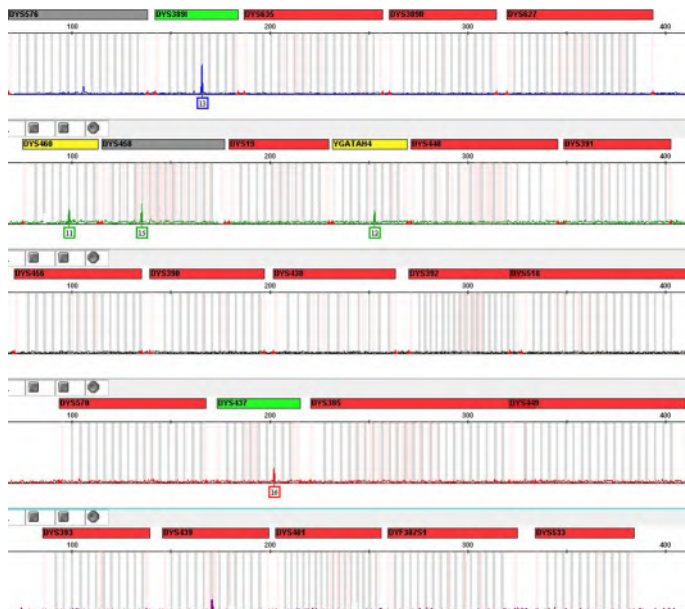
Предложенные гипотезы носят сугубо предварительный характер и могут потребовать корректировки по мере поступления новых данных. В то же время очевидно, что археологическое, антропологическое и ДНК-исследование ингумаций, отражающих группы населения XI–XIII вв., может дать уникальную информацию и по-новому описать миграции восточных славян.

Благодарности

Благодарим жителей дачных посёлков Загорянский, Валентиновка и Новые Горки, деревень Образцово и Васильевское, объединённых усилиями депутата Совета депутатов г. п. Загорянский IV созыва, краеведа, общественного деятеля Ростислава Львовича Виноградова, а также Ирину Матковскую, Николая Юскевича, Андрея Семенова, Алексея Симонова, Еву Янкевич, Ольгу Мокрушину, Ольгу Зайцеву и многих других, внёсших существенный материальный вклад в проведение исследования.

Приложение 1

Фореограмма образца «5672»

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Опыт постановки междисциплинарных исследований на пограничье археологии, палеогеографии и исторических реконструкций изложен в работе [24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука, 2008. 342 с.
2. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика палеоантропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
3. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Изд-во Московского университета, 1973. 328 с.
4. Алексеева Т.И., Ефимова Г.С., Эренбург Р.Б. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. М., 1986. 134 с.
5. Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007.
6. Балановский О.П. Генофонд Европы. М., 2015.

7. Гендуне Ю.Г. О раскопках в Калужской, Московской и Тульской губерниях // Архив ИИМК РАН в г. Санкт-Петербург. Ф. 2. Оп. 1. 1901. Д. 39.
8. Гендуне Ю.Г. О раскопках в Калужской и Московской губерниях // Архив ИИМК РАН в г. Санкт-Петербург. Ф. 2. Оп. 1. 1902. Д. 27.
9. Городицов В.А. Археологические раскопки в Советской России с 1919 по 1921 г. // Древний мир. М., 1924. Вып. 1.
10. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961.
11. Григорьев А.В., Сарычев И.Г. О времени гибели Роменской культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1999. Т. 5. С. 341–353.
12. Жилина Н.В., Жилин М.Г., Король Г.Г. и др. Введение // Археологическая карта России. Тверская область. М., 2003. Ч. 1.
13. Кондукторова Т.С. Населения Неаполя скифского за антропологическими данными // Материали з антропології України. Київ, 1964. Вип. 3.
14. Кренке Н.А., Казанский М.М., Лопатин Н.В., Ганичев К.А., Ершов И.Н., Ершова Е.Г., Модестов Ф.Э., Раева В.А. Городища Демидовка и Вязовеньки: об иерархии, хронологии и культурной атрибуции // Российская археология. 2021. № 1. С. 102–120.
15. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1, вып. 1. Л., 1926.
16. Платонова Н.И. Древнерусские погосты – новая старая проблема // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.
17. Равдина Т.В. Описание Болшевских курганных могильников // Культура Средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2004. Т. 1. С. 276–277.
18. Рябина Т.В. Раскопки могильника у д. Тegliцы // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 28–29.
19. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
20. Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.
21. Стасюк И.В. Могильник у поселка Ополе: новые данные о ранних этапах освоения Ижорского плато в древнерусскую эпоху // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб.: Нестор-история, 2008. С. 3–24.
22. Стасюк И.В., Мустафин Х.Х., Альборова И.Э. «Славянская колонизация» Водской земли: историография, проблемы, новые подходы // Stratum plus. 2020. № 5. С. 347–358.
23. Чернов С.З. Археологические памятники Болшева на Клязьме и Яузский волок // Культура Средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2004. Т. 1. С. 229–243.
24. Чернов С.З. О комплексных методах в русской средневековой археологии // Средние века. 2009. Вып. 70 (3). С. 98–131.
25. Чернов С.З. Болшево-3 на Верхней Клязьме: северная усадьба и её этнокультурные особенности (по данным раскопок 2012 г.) // Археология Подмосквья. М., 2018. Вып. 14. С. 64–104.
26. Чернов С.З. Комплексы лепной и раннекрugовой керамики Смоленско-Новгородского пограничья и западной части Волго-Окского междуречья: хронологические ритмы миграции // Археология Древней Руси: актуальные

проблемы и открытия: материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина (1918–2018). М., 2018. С. 85–87.

27. Чернов С.З., Волков И.В. Болшево-3 – древнерусское поселение XI века на Верхней Клязьме // Археология Подмосковья. М., 2009. Вып. 5. С. 112–136.

28. Чернов С.З., Волков И.В. Болшево-3 и особенности древнерусской колонизации севера Московского края в XI веке // Великий Новгород и средневековая Русь: сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009. С. 546–572.

29. Чернов С.З., Волков И.В. Постройка первой половины XII века селища Болшево-3 на Верхней Клязьме (яма 31) // Археология Подмосковья. М., 2010. Вып. 6. С. 139–163.

30. Чернов С.З., Гончарова Н.Н., Меркулов В.И., Семенов А.С. Результаты тестирования гаплогруппы Y-ДНК для средневекового славянского захоронения XII века в окрестностях поселка Загорянский на Верхней Клязьме (Московская область) // Русин. 2019. Т. 58. С. 13–25. DOI: 10.17223/18572685/58/2

31. Чернов С.З. Два погоста – одно «племя»: Мировая грамота 1375 г. и механизмы колонизации Новгородской земли // Русь XIV–XV вв.: материалы конференции «Комплексные методы изучения Древней Руси». М., 2021. В печати.

32. Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск, 2012.

33. Щавелев А.С. Славянские племена» Восточной Европы X – первой половины XI века: аутентификация. Локализация и хронология // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 2. С. 99–126.

34. Юшко А.А. Московская земля IX–XIV веков. М., 1991.

35. Alt K., Knipper C., Peters D., Müller W., Maurer A.-F., Kollig I. et al. Nicklisch N., Müller C., Karimnia S., Brandt G., Roth Ch., Rosner M., Mende B., Schoöne B.R., Vida T., Freedon U. Lombards on the move – an integrative study of the migration period cemetery at Szólád, Hungary // *PLoS One*. 2014. Vol. 9: e110793. DOI: 10.1371/journal.pone.0110793 (дата обращения: 15.12.2020).

36. Brandt G. et al. Ancient DNA reveals key stages in the formation of central European mitochondrial genetic diversity // *Science*. 2013. Vol. 342. P. 257–261. DOI: 10.1126/science.1241844 (дата обращения: 15.12.2020).

37. Csákyová V., Szécsényi-Nagy A., Csősz A., Nagy M., Fusek G., Langó P., Bauer M., Mende B.G., Makovický P., Bauerová M. Maternal Genetic Composition of a Medieval Population from a Hungarian-Slavic Contact Zone in Central Europe // *PLoS One*. 2016. Vol. 3. DOI: 10.1371/journal.pone.0151206 (дата обращения: 15.12.2020).

38. Chernov S., Erschova E. Internal colonization in Russia during the 13th and 14th centuries: three hamlets of the pre-manorial period // *Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements* / ed. Jan Klápště. Turnhout: Brepols Publishers, 2013. Vol. 9. P. 387–406.

39. Freder J. Die mittelalterlichen Skelette von Usedom. Anthropologische Bearbeitung unter besonderer Berücksichtigung des ethnischen Hintergrundes: Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades des Doktors der Natur-

wissenschaften eingereicht im Fachbereich Biologie, Chemie, Pharmazie der Freien Universität Berlin. Berlin, 2010.

40. Fu Q., Posth C. et al. The genetic history of Ice Age Europe // *Nature*. 2016. Vol. 534. P. 200–205. DOI: 10.1038/nature17993 (дата обращения: 15.12.2020).

41. Juras A. Etnogeneza Stowian w świetle badań kopalnego DNA Poznań, 2012 (Ethnogenesis of the Slavs in the light of ancient DNA analyses). URL: <http://hdl.handle.net/10593/2702> (дата обращения: 15.12.2020).

42. Juras A., Dabert M., Kushniarevich A., Malmström H., Raghavan M., Kosicki Jz. et al. Ancient DNA reveals matrilineal continuity in present-day Poland over the last two millennia // *PLoS One*. 2014. № 9: e110839. DOI: 10.1371/journal.pone.0110839 PMID: 25337992 (дата обращения: 15.12.2020).

43. Lauwerier R., De Kort J.W. Merovingers in een villa 2. Romeinse villa en Merovingisch grafveld Borgharen – Pasestraat. Onderzoek 2012. Amersfoort, 2014 (Rapportage Archeologische Monumentenzorg 222). P. 211–220.

44. Mustafin K.K., Alborova I.E., Semenov A.S., Vishnevsky V.I. Haplogroup analysis for a medieval Russian burial of 16th–17th centuries in Radonezh (Moscow Area) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. № 2 (24). P. 169–180. DOI: 10.21638/spbu19.2018.209

45. Rozing F.W., Schwidetzky I. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie des Hochmittelalters (1000–1500 n.d.Z.) // *Homo*. 1981. Bd. 32, h. 3–4. P. 211–251.

46. Soares P. et al. The archaeogenetics of Europe // *Current biology*: CB 20, R174–183. 2010. doi: 10.1016/j.cub.2009.11.054 (дата обращения: 15.12.2020).

47. Stolarek I., Juras A., Handschuh L., Marcinkowska-Swojak M., Philips A., Zenczak M., Dębski A., Kocka-Krenz H., Piontek J., Kozłowski P., Figlerowicz M. A mosaic genetic structure of the human population living in the South Baltic region during the Iron Age // *Scientific reports*. 2018. № 8. DOI: 1038s41598-20705-6 (дата обращения: 15.12.2020).

48. *The Peopling of Europe from the Mitochondrial Haplogroup U5 Perspective*. URL: https://www.researchgate.net/publication/43346207_The_Peopling_of_Europe_from_the_Mitochondrial_Haplogroup_U5_Perspective (дата обращения: 15.12.2020).

REFERENCES

1. Alekseev, V.P. (2008) *Proiskhozhdenie narodov Vostochnoy Evropy* [The Genesis of Eastern European peoples]. Moscow: Nauka.

2. Alekseev, V.P. & Debets, G.F. (1964) *Kraniometriya. Metodika paleoantropologicheskikh issledovaniy* [Cranimetry. The Methodology of Paleoanthropologic Research]. Moscow: Nauka.

3. Alekseeva, T.I. (1973) *Etnogeneza vostochnykh slavyan po dannym antropologii* [Ethnogenesis of the Eastern Slavs according to Anthropology]. Moscow: Moscow State University.

4. Alekseeva, T.I., Efimova, G.S. & Erenburg, R.B. (1986) *Kraniologicheskie i*

osteologicheskaya kollektzii Instituta i Muzeya antropologii MGU [Craniological and osteological collections of the Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University]. Moscow: Moscow State University.

5. Balanovskaya, E.V. & Balanovsky, O.P. (2007) *Russkiy genofond na Russkoy ravnine* [Russian Gene Pool on Russian Plain]. Moscow: Luch.

6. Balanovsky, O.P. (2015) *Genofond Evropy* [The European Gene Pool]. Moscow: KMK.

7. Gendune, Yu.G. (1901) *O raskopkakh v Kaluzhskoy, Moskovskoy i Tul'skoy guberniyakh* [About excavations in Kaluga, Moscow, and Tula provinces]. The Archive of Institute of the History of Material Culture, RAS, in St. Petersburg. Fund 2. List 1. File 39.

8. Gendune, Yu.G. (1902) *O raskopkakh v Kaluzhskoy i Moskovskoy guberniyakh* [About excavations in Kaluga and Moscow provinces]. The Archive of Institute of the History of Material Culture, RAS, in St. Petersburg. Fund 2. List 1. File 27.

9. Gorodtsov, V.A. (1924) *Arkheologicheskie raskopki v Sovetskoy Rossii s 1919 po 1921 g.* [Archaeological excavations in Soviet Russia from 1919 to 1921]. *Drevniy mir*. 1.

10. Goryunova, E.I. (1961) *Etnicheskaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya* [Ethnic History of the Volga-Oka Interfluve]. Moscow: USSR AS.

11. Grigoriev, A.V. & Sarychev, I.G. (1999) *O vremeni gibeli Romenskoy kul'tury* [On the time of the death of the Romenskay culture]. *Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii*. 5. pp. 341–353.

12. Zhilina, N.V., Zhilin, M.G., Korol, G.G., Maksimov, A.D. & Engovatova, A.V. (1999) *Vvedenie* [Introduction]. In: Kashkin, A.V. (ed.) *Arkheologicheskaya karta Rossii. Tverskaya oblast'* [Archaeological Map of Russia. Tver Region]. Moscow: Institute of Archeology, RAS.

13. Konduktorova, T.S. (1964) *Naseleniya Neapolya skifs'kogo za antropologichnimi danimi* [Population of Scythian Neapolis according to anthropological data]. *Materiali z antropologii Ukraini*. 3.

14. Krenke, N.A., Kazanskiy, M.M., Lopatin, N.V., Ganichev, K.A., Ershov, I.N., Ershova, E.G., Modestov, F.E. & Raeva, V.A. (2021) The fortified settlements of Demidovka and Vyazovenki in Smolensk Land: hierarchy, chronology and cultural attribution. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 1. pp. 102–120. (in Russian). DOI: 10.31857/S086960630013711-1

15. Anon. (1926) *Lavrent'evskaya letopis'* [Laurentian Codex]. In: Karsky, I.F. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1(1). Leningrad: [s.n.].

16. Platonova, N.I. (2012) *Drevnerusskie pogosty – novaya staraya problema* [Old Russian settlements as a new and old problem]. In: Melnikova, E.A. (ed.) *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2010 god. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva* [The Most Ancient States of Eastern Europe. 2010 year. Prerequisites and Ways of Formation of the Old Russian State]. Moscow: The Dmitry Pozharsky University, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science.

17. Ravdina, T.V. (2004) *Opisanie Bolshevskikh kurgannykh mogil'nikov* [Description of Bolshevo burial mounds]. In: Belyaev, L.A. & Makarova,

T.I. (eds) *Kul'tura Srednevekovoy Moskvy. Istoricheskie landshafty* [The Culture of Medieval Moscow. Historical Landscapes]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 276–277.

18. Ryabinina, T.V. (1981) Raskopki mogil'nika u d. Teglitsy [Burial excavation near Teglitsy village]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Arkheologicheskie otkrytiya 1980 goda* [Archaeological Discoveries in 1980]. Moscow: Nauka. pp. 28–29.

19. Sedov, V.V. (1979) *Proiskhozhdenie i rannyya istoriya slavyan* [Genesis and Early History of Slavs]. Moscow: Nauka.

20. Sedov, V.V. (2002) *Slavyane. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Slavs. Historical and Archaeological Research]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

21. Stasyuk, I.V. (2008) Mogil'nik u poselka Opol'e: novye dannye o rannikh etapakh osvoeniya Izhorskogo plato v drevnerusskuyu epokhu [A tomb area near Opolye settlement: new data on early stages of Izhora plateau colonization in Old Russia epoch]. In: Vinogradov, A.V. (ed.) *Issledovanie arkheologicheskikh pamyatnikov epokhi srednevekov'ya* [Exploration of Medieval Archaeological Sites]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 3–24.

22. Stasyuk, I.V., Mustafin, K.K. & Alborova, I.E. (2020) "Slavic Colonization" of the Vod' Land: historiography, problems, new approaches. *Stratum plus*. 5. pp. 347–358. (In Russian).

23. Chernov, S.Z. (2004) Arkheologicheskie pamyatniki Bolsheva na Klyaz'me i Yauzskiy volok [Archaeological Sites of Bolshevo on the Klyazma and the Yauza portage]. In: Belyaev, L.A. & Makarova, T.I. (eds) *Kul'tura Srednevekovoy Moskvy. Istoricheskie landshafty* [The Culture of Medieval Moscow. Historical Landscapes]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 229–243.

24. Chernov, S.Z. (2009) O kompleksnykh metodakh v russkoy srednevekovoy arkheologii [On complex methods in Russian medieval archaeology]. *Srednie veka*. 70(3). pp. 98–131.

25. Chernov, S.Z. (2018) Bolshevo-3 na Verkhney Klyaz'me: severnaya usad'ba i ee etnokul'turnye osobennosti (po dannym raskopok 2012 g.) [Bolshevo-3 on the Upper Klyazma: the northern estate and its ethnocultural features (according to the excavations in 2012)]. In: Engovatova, A.V. & Koval, V.Yu. (eds) *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archeology of Moscow Region]. Vol. 14. Moscow: RAS. pp. 64–104.

26. Chernov, S.Z. (2018) [Complexes of molded and wheel-made ceramics of the Smolensk-Novgorod borderland and the western part of the Volga-Oka interfluvium: chronological rhythms of migration]. *Arkheologiya Drevney Rusi: aktual'nye problemy i otkrytiya* [Archeology of Old Rus: Topical Problems and Discoveries]. Proc. of the International Conference. Moscow. pp. 85–87 (in Russian).

27. Chernov, S.Z. & Volkov, I.V. (2009) Bolshevo-3 – drevnerusskoe poselenie XI veka na Verkhney Klyaz'me [Bolshevo-3 – an ancient Russian settlement of the 11th century on the Upper Klyazma]. *Arkheologiya Podmoskov'ya*. 5. pp. 112–136.

28. Chernov, S.Z. & Volkov, I.V. (2009) Bolshevo-3 i osobennosti drevnerusskoy kolonizatsii severa Moskovskogo kraya v XI veke [Bolshevo-3 and specificity of the Old Russian colonization of the north of the Moscow region in the 11th century]. In: Makarov, N.A., Lopatin, N.B. & Sedov, V.V. (2009) *Velikiy Novgorod i*

srednevekovaya Rus' [Veliky Novgorod and Medieval Rus]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. pp. 546–572.

29. Chernov, S.Z. & Volkov, I.V. (1991) Postroyka pervoy poloviny XII veka selishcha Bolshevo-3 na Verkhney Klyaz'me (yama 31) [The construction of the first half of the 12th century, the village of Bolshevo-3 on the Upper Klyazma (Pit 31)]. *Arkheologiya Podmoskov'ya*. 6. pp. 139–163.

30. Chernov, S.Z., Goncharova N.N., Merkulov V.I. & Semenov A.S. (2019) Test results of Y-DNA haplogroup for the medieval Slavic burial of the 12th century near Zagoryansky settlement on the Upper Klyazma (Moscow Region). *Rusin*. 58. pp. 13–25 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/58/2

31. Chernov, S.Z. (2021) [Two settlements and one tribe: The Charter of 1375 and the Novgorod Land colonization mechanisms]. *Rus' XIV–XV vv.* [Rus in the 14th – 15th centuries]. Proc. of the Conference [in Russian, in print].

32. Shmidt, E.A. (2012) *Krivichi Smolenskogo Podneprov'ya i Podvin'ya (v svete arkheologicheskikh dannykh)* [Krivichi of Smolensk area valleys of the Dnieper and the Dvina (in the light of archaeological data)]. Smolensk: Svitok.

33. Shchavelev, A.S. (2015) Slavic “tribes” of Eastern Europe in the 10th – first half of the 11th century: Authentication, Localization and Chronology. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2. pp. 99–126 (in Russian).

34. Yushko, A.A. (1991) *Moskovskaya zemlya IX–XIV vekov* [The Moscow land of the 9th – 14th centuries]. Moscow: Nauka.

35. Alt, K., Knipper, C., Peters, D., Müller, W., Maurer, A.-F., Kollig, I. et al. (2014) Lombards on the move – an integrative study of the migration period cemetery at Szólád, Hungary. *PLoS One*. 9: e110793. DOI: 10.1371/journal.pone.0110793 PMID: 25369022

36. Brandt, G. et al. (2013) Ancient DNA reveals key stages in the formation of central European mitochondrial genetic diversity. *Science*. 342. pp. 257–261. DOI: 10.1126/science.1241844

37. Csákyová, V., Szécsényi-Nagy, A. et al. (2016) Maternal Genetic Composition of a Medieval Population from a Hungarian-Slavic Contact Zone in Central Europe. *PloS One*. 3. DOI: 10.1371/journal.pone.0151206

38. Chernov, S. & Erschova E. (2013) Internal colonization in Russia during the 13th and 14th centuries: three hamlets of the pre-manorial period. In: Klápště, J. (ed.) *Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements*. Vol. 9. Turnhout: Brepols Publishers. pp. 387–406.

39. Freder, J. (2010) *Die mittelalterlichen Skelette von Usedom. Anthropologische Bearbeitung unter besonderer Berücksichtigung des ethnischen Hintergrundes*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades des Doktors der Naturwissenschaften eingereicht im Fachbereich Biologie, Chemie, Pharmazie der Freien Universität Berlin.

40. Fu, Q., Posth, C. et al. (2016) The genetic history of Ice Age Europe. *Nature*. 534. pp. 200–205. DOI: 10.1038/nature17993

41. Juras, A. (2012) Etnogeneza Słowian w świetle badań kopalnego DNA. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/10593/2702> (Accessed: 15th December 2020).

42. Juras, A., Dabert M. et al. (2014) Ancient DNA reveals matrilineal continuity

in present-day Poland over the last two millennia. *PLoS One*. 9: e110839. DOI: 10.1371/journal.pone.0110839

43. Lauwerier, R. & De Kort, J.W. (2012) *Merovingers in een villa 2. Romeinse villa en Merovingisch grafveld Borgharen – Pasestraat*. Amersfoort: [s.n.]. pp. 211–220.

44. Mustafin, K.K., Alborova, I.E., Semenov, A.S. & Vishnevsky, V.I. (2018) Haplogroup analysis for a medieval Russian burial of 16th–17th centuries in Radonezh (Moscow Area). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2(24). pp. 169–180. DOI 10.21638/spbu19.2018.209

45. Rozing, F.W. & Schwidetzky, I. (1981) Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie des Hochmittelalters (1000-1500 n.d. Z.). *Homo*. 32(3–4). pp. 211–251.

46. Soares, P. et al. (2010) The archaeogenetics of Europe. *Current Biology*. 20. DOI: 10.1016/j.cub.2009.11.054

47. Stolarek, I., Juras, A. et al. (2018) A mosaic genetic structure of the human population living in the South Baltic region during the Iron Age. *Scientific Reports*. 8. DOI: 1038s41598-20705-6

48. Malyarchuk, B. et al. (2010) The Peopling of Europe from the Mitochondrial Haplogroup U5 Perspective. *PLoS One*. 5(4): e10285. DOI: 10.1371/journal.pone.0010285

Чернов Сергей Заремович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Московской Руси Института археологии РАН (Россия).

Sergey Z. Chernov – Institute of Archeology RAS (Russia).

E-mail: chernovsz@mail.ru

Гончарова Наталия Николаевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры антропологии биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Natalia N. Goncharova – Lomonosov Moscow State University (Russia).

E-mail: 1455008@gmail.com

Семёнов Александр Сергеевич – кандидат физико-математических наук, генеральный директор консалтинговой группы «Deep Dive Group», руководитель программы исследований древних поселений Верхней Клязьмы, житель дачного посёлка Загорянский (Россия).

Alexander S. Semenov – Consulting Firm "Deep Dive Group" (Russia).

E-mail: semyonov1980@mail.ru

УДК 930.272 27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/2

О рукописной традиции славянской версии Синтагмы Матфея Властаря в Молдавском княжестве XV–XVII вв.

А.Д. Паскаль

Российская государственная библиотека
Россия, 119019, г. Москва, ул. Воздвиженка, 3/5
E-mail: finvest3@gmail.com

Авторское резюме

Приводится анализ взаимоотношений списков славянской версии Синтагмы Матфея Властаря, созданных в XV–XVII вв. в Молдавском княжестве. Изучение случаев гаплогрфии (перескока строк) в восьми из 11 сохранившихся списков, доступных автору *de visu* и по фотокопиям, позволило определить, кроме монастыря Нямц, Сучавской и Романской митрополий, такой важнейший центр по копированию Синтагмы в Молдавском княжестве XV–XVII вв., как монастырь Путна. В этом монастыре последовательно были созданы три прямые копии каждого последующего списка с предыдущего, начиная с оригинала – Списка 1472 г. (Бухарест, библиотека Академии Румынии. № 131). Это следующие рукописи: Список 1474 г. (Москва, Российская государственная библиотека. Фонд 98. № 742); Список начала XVI в. (Москва, Российская государственная библиотека. Фонд 98. № 65); Список последней четверти XVI в. (Москва, Российская государственная библиотека. Фонд 178. № 4293). Другим результатом анализа является корректировка сведений о количестве славянских копий Синтагмы Матфея Властаря, циркулировавших в княжестве в XV–XVII вв., в сторону увеличения, т. к. для части сохранившихся списков этого произведения также существовали славянские рукописные оригиналы-протографы, которые пока не найдены в книгохранилищах мира или не сохранились до наших дней.

Ключевые слова: Синтагма Матфея Властаря, копии, Молдавия, Средние века, славяно-молдавская книжность, центры создания рукописей.

On the handwritten tradition of the Slavic version of Matthew Blastares's *Syntagma* in the principality of moldavia in the 15th–17th centuries

A.D. Pascal

Russian State Library

3/5 Vozdvizhenka Street, Moscow, 119019, Russia

E-mail: finvest3@gmail.com

Abstract

The article analyses the relationship of the copies of the Slavic version of Matthew Blastares's *Syntagma* made in the 15th – 17th centuries in the Principality of Moldavia. The author studied haplographies (line omissions) in eight of the eleven surviving copies de visu and by photocopies to determine that, in addition to the monastery of Neamc, Suceava, and Romanesque metropolitans, there was another most important center for copying the *Syntagma* in the Principality of Moldavia of the 15th-17th centuries in the Putna Monastery, where three direct copies of each subsequent copy from the previous one were created, starting with the original Copy of 1472 (Bucharest, Library of the Academy of Romania, Nr. 131). These are the following manuscripts: Copy of 1474 (Moscow, Russian State Library, Fund 98, Nr. 742); Copy of the early 16th century (Moscow, Russian State Library, Fund 98, Nr. 65); Copy of the last quarter of the 16th century (Moscow, Russian State Library, Fund 178, Nr. 4293). The information about the number of Slavic copies of Matthew Blastares's *Syntagma* in the Principality in the 15th – 17th centuries has been adjusted upwards, since some of the surviving copies can be traced back to their Slavic manuscript protographic originals, which have not yet been found in the world depositories or not survived to this day.

Keywords: Matthew Blastares's *Syntagma*, copies, Moldavia, the Middle Ages, Slavic-Moldavian literature, manuscripts making centers.

Среди источников церковного, гражданского, уголовного и процессуального права средневекового Молдавского княжества особое место занимает славянская версия Синтагмы Матфея Властаря (далее – Синтагма), созданная первоначально на греческом языке в 1335 г. иеромонахом из Фессалоники, который до пострига был юристом, как юридический справочник с классификацией материала по буквам

греческого алфавита. В качестве источников были использованы церковные каноны, Кодекс, «Дигесты» и новеллы императора Юстиниана, «Эклога», «Исагога», «Прохиرون», а также «Номоканон XIV титулов».

Текст Синтагмы состоит из 24 титулов – по числу букв греческого алфавита, при этом титулы поделены на 303 главы. В начале главы изложены каноны (правила апостолов, вселенских и поместных соборов, правила отцов церкви) по приведённому в главе институту, затем цитируются законы по этому вопросу. Главным образом в Синтагме раскрыто церковное право (регламент жизни христианина от рождения до смерти, статус священнослужителей, сведения о ересь и другие статьи, включая расчёты Пасхи). Кроме того, есть статьи гражданского права (право владения), семейного права с указанием видов и степеней родства, уголовного права (преступления и наказания за них) [12: 52–186].

Этот популярный в Византии сборник Властаря был не позднее 1349 г. переведён в Сербии. На основе этого перевода возникла краткая редакция Синтагмы, содержащая преимущественно нормы светского права, вошедшая в корпус законов сербского царя Стефана IV Душана (1331–1355) [1: 32–43].

Вплоть до XVII в. Синтагма Властаря оставалась одним из важнейших руководств по византийскому праву на Балканах и в Молдавском княжестве, в котором получила распространение версия среднеболгарского («тырновского») языкового извода.

К настоящему времени благодаря исследованиям А. И. Яцимирского [21], Эмиля Турдяну [10: 58–60], Раду Константинеску [2], Георге Михайлэ [4], Виктора Александрова [1], Валентины Пелин [8] в научной литературе известно о 13 славянских рукописных копиях и фрагментах из них Синтагмы Матфея Властаря, выполненных в Молдавском княжестве XV–XVII вв.

При этом местонахождение одной копии – списка начала XVII в. (№ 12¹), известного лишь по сообщению А. И. Яцимирского как хранившегося в румынском монастыре Хангу [21: 819–823], в настоящее время неизвестно.

Ещё один список конца XVI – начала XVII в. (Варшава, Народная библиотека. № 2742) из этого перечня, известный в литературе как молдавский по происхождению [1: 209], судя по палеографическим и кодикологическим особенностям его оформления, по нашему мнению, должен быть отнесён к южнорусской по своему происхождению копии с какого-то молдавского списка Синтагмы.

Таким образом, можно говорить о следующих 12 известных славянских списках Синтагмы молдавского происхождения в хронологической последовательности по времени их переписки:

№ 1. 1472 г. Бухарест, библиотека Академии Румынии. № 131 [2: 238; 1: 200; 3: 9; 4: 275–276; 6: 158–159; 18; 21: 688–691].

№ 2. 1474 г. Москва, РГБ. Ф. 98. № 742 [1: 201; 2: 239; 4: 276–277; 9: 327, 19].

№ 3. 1494/95 г. Санкт-Петербург, РНБ. Погод. 254 [1: 202; 2: 239; 3: 21–22; 4: 277; 8: 68–70; 14: 262–265].

№ 4. Конец XV в. Румыния, монастырь Сучевица. № 446 [1: 202; 2: 241; 4: 287–288; 5: 161–162].

№ 5. Конец XV в. Клуж-Напока, библиотека университета Бабеша. № 4104 [1: 203; 2: 239; 4: 277–279;].

№ 6. Начало XVI в. Москва, РГБ. ф. 98. № 65 [1: 204; 2: 240, 258–260; 4: 285–287; 11: 171–172; 20].

№ 7. 1556 г. Москва, ГИМ. Барс. 152 [1: 205–206; 2: 242; 4: 280–285; 13: 258–261].

№ 8. Последняя четверть XVI в. Москва, РГБ. Ф. 178. № 4293 [2: 240–241; 8: 186–187].

№ 9. 1606 г. Львов, Национальный музей. № 134 [1: 207; 2: 241; 4: 288].

№ 10. 1611 г. Саратов, библиотека Саратовского университета. № 208 [1: 207–208; 2: 241; 4: 288–289;].

№ 11. 1615 г. Бухарест, библиотека Синода. № 150 [1: 208; 2: 241–242].

№ 12. Начало XVII в. Местонахождение ранее – монастырь Хангу [1: 208; 2: 242; 4: 289–290; 21: 819–823].

Однако до сих пор текстологическая картина взаимоотношений между собой этого ряда списков и мест их создания остаётся неясной.

Следует отметить, что, учитывая особенность языковой ситуации в Молдавском княжестве XV–XVII вв. (славяно-молдавский билингвизм), когда язык книжности был достаточно независим и отчасти чужд языковым нормам устного общения, при переписке книг важную роль приобретала такая характерная черта феодальной письменности, как **традиционализм**, проявлявшийся в подражании, прямом копировании и следовании образцу. Это во многом определяло характер и состав создававшихся кодексов [16: 58–59].

В книгописных центрах средневековой Молдавии выявляется ряд наиболее активных и деятельных переписчиков и книжников, с которыми связаны заметные достижения в книжности – высокохудожественно оформленные кодексы, редактирование и перевод отдельных произведений или их комплексов, составление оригинальных сочинений, руководство перепиской книг и т. д.

В условиях славяно-молдавского билингвизма таких книжников было немного, а их приёмы работы и создававшиеся ими кодексы

были авторитетны, служили образцом и потому мало изменились в последующих копиях рядовых переписчиков, что позволяет использовать случаи гаплографии (перескока строк) [15: 71–72] как одного из возможных методов локализации славяно-молдавских рукописей XV–XVI вв. [17].

Изучение таких случаев гаплографии в восьми из одиннадцати сохранившихся списков, доступных автору *de visu* и по фотокопиям, позволило уточнить центры по написанию Синтагмы в Молдавском княжестве XV–XVII вв.

Первым таким центром исторически был, несомненно, древнейший **молдавский монастырь Нямец**, в стенах которого монахом Гервасием в 1472 г. был создан список для нового монастыря Путна (Бухарест, библиотека академии Румынии. № 131).

Как оказалось, именно этот список 1472 г., переписанный монахом Гервасием в монастыре Нямец, послужил непосредственным оригиналом для списка 1474 г., созданного иеромонахом Иаковом в **монастыре Путна** (Москва, РГБ. Ф. 98. № 742). Об этом свидетельствуют обнаруженные нами многочисленные случаи гаплографии и внесения исправленных ошибок на полях рукописи-оригинала в текст копии.

Например, в списке 1474 г. иеромонах Иаков при переписке внёс на поле л. 126 об. (рис. 2) пропущенную им четвёртую строку из оригинала – списка монаха Гервасия 1472 г. на л. 71 (рис. 1).

Факт появления списка 1474 г. вполне укладывается в историю формирования начальной библиотеки монастыря Путна, возведение которого по повелению воеводы Стефана Великого приходится на 1466–1470 гг.; библиотека тогда только начинала формироваться [7: 65].

В свою очередь этот список 1474 г., созданный иеромонахом Иаковом в монастыре Путна, послужил непосредственным оригиналом для последующей копии, а именно для списка начала XVI в. Синтагмы (Москва. Ф. 98. № 65), давно известного в литературе как имеющего на своих полях 662 глоссы (переводы отдельных славянских слов и выражений), выполненные кириллицей на молдавском языке². Об этом говорят обнаруженные нами многочисленные случаи гаплографии и внесения исправленных ошибок на полях рукописи-оригинала в текст копии [17: 98].

Например, в списке начала XVI в. (Москва. Ф. 98. № 65) писец при переписке внёс на поле л. 53 об. (рис. 3) пропущенную им четвёртую строку из оригинала – списка иеромонаха Иакова 1474 г. на л. 40 об. (рис. 4).

Далее, как нам удалось установить, упомянутый список Синтагмы начала XVI в. (Москва. Ф. 98. № 65), имеющий на своих полях 662 глос-

сы, послужил непосредственным оригиналом уже для более позднего списка последней четверти XVI в. (Москва, РГБ. Ф. 178. № 4293), где неизвестный писец не только скопировал сам текст Синтагмы, но и большую часть вышеуказанных глосс³. Об этом также свидетельствуют обнаруженные нами многочисленные случаи гаплографии и внесения исправленных ошибок на полях рукописи-оригинала в текст копии.

Так, в списке последней четверти XVI в. (Москва. Ф. 178. № 4293) на л. 276 об. писец при переписке внёс на поле (рис. 5) пропущенную им вторую строку из оригинала – списка начала XVI в. Синтагмы (Москва. Ф. 98. № 65) на л. 363 (рис. 6).

Рис. 1. Список 1472 г. (Бухарест, библиотека академии Румынии. № 131. Л. 71).

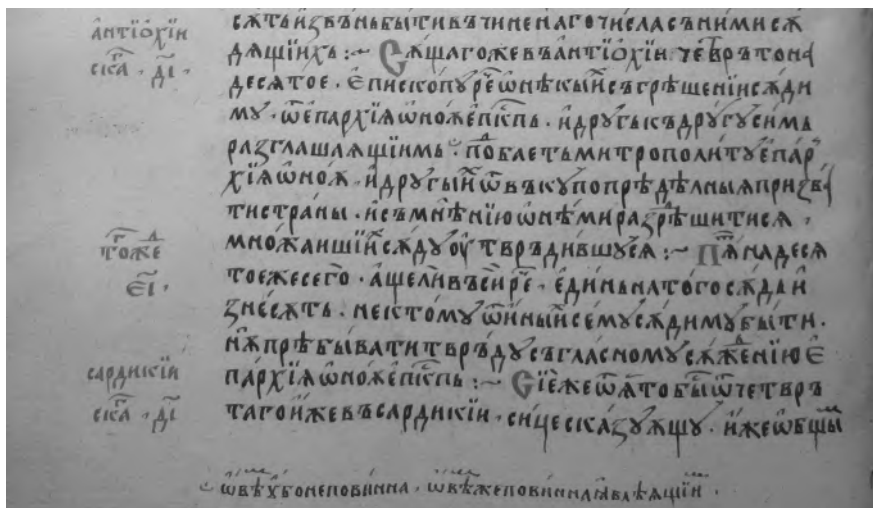

Рис. 2. Список 1474 г. (Москва, РГБ. Ф. 98. № 742. Л. 126 об.).

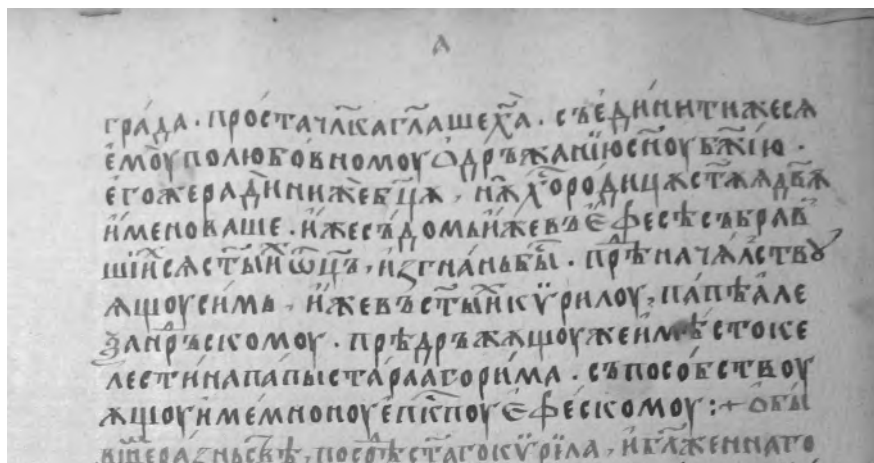

Рис. 3. Список начала XVI в. (Москва, РГБ. Ф. 98. № 65. Л. 53 об.).

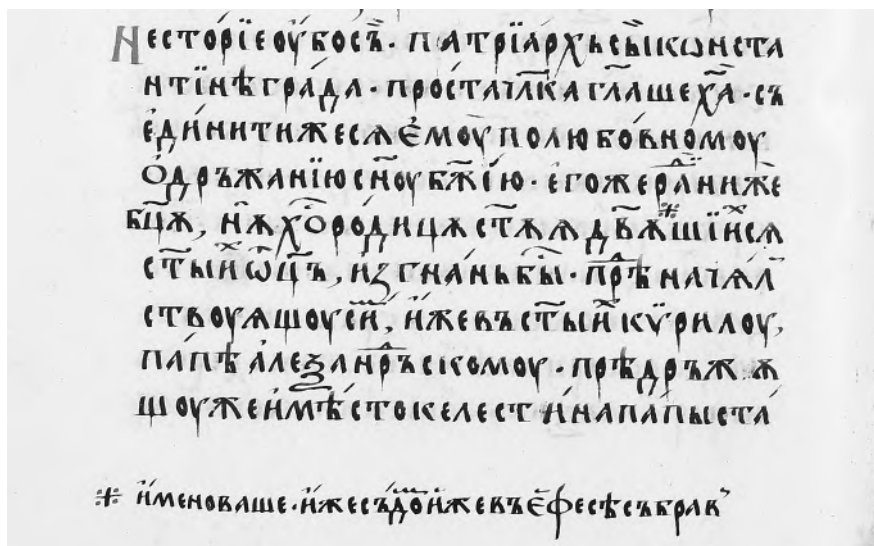

Рис. 4. Список 1474 г. (Москва, РГБ. Ф. 98. № 742. Л. 40 об.).

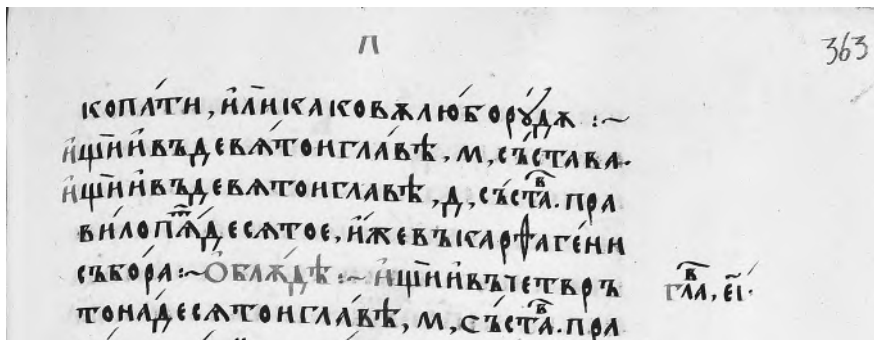

Рис. 5. Список последней четверти XVI в. (Москва, РГБ. Ф. 178. № 4293. Л. 276 об.).

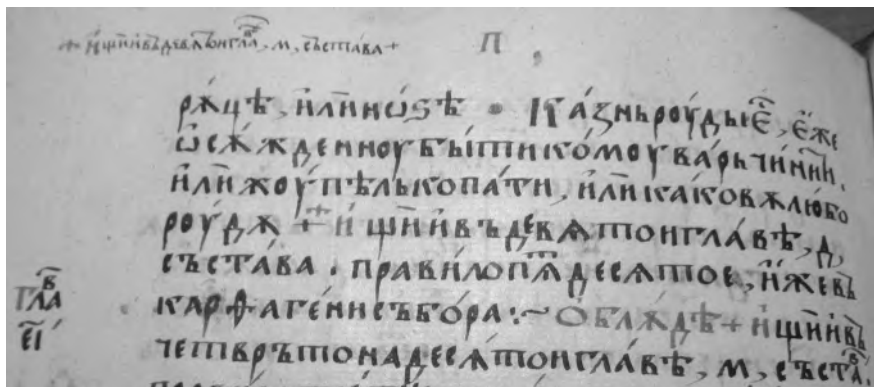

Рис. 6. Список начала XVI в. (Москва, РГБ. Ф. 98. № 65. Л. 363).

Таким образом, выявленная нами цепочка из четырёх вышеуказанных копий позволяет считать **монастырь Путна** одним из ведущих центров тиражирования славянской версии Синтагмы в Молдавском княжестве XV–XVI вв. Основанием для такого вывода послужили результаты изучения случаев гаплогрфии (перескока строк), наблюдаемые почти в каждой из переписывавшихся в Молдавском княжестве рукописей Синтагмы. Их появление объясняется невнимательностью писцов, когда происходил пропуск строк переписываемого текста, а также если в начале, середине или конце строки переписываемого оригинала находились одинаковые слова.

Другим подобным центром, несомненно, следует считать **Романскую митрополию**. Возглавлявший её митрополит Макарий, исполняя поручение воеводы Александра Лапушняну, составил новый вариант

Синтагмы, расположив в ней статьи в алфавитном порядке согласно славянской азбуке, а не греческому языку, как в остальных славянских списках молдавского происхождения этого произведения. Это знаменитый список 1556 г. (Москва, ГИМ, Барс. 152), известный своей припиской об отправке её Ивану Грозному: *Іѡъ Александръ воевода вѣжію млстію гспдръ вѣсеи Молдовлахіискои земли. вѣже бѣгопроизволих гспдвоми. нашим бѣгим произволеніемъ чѣтим. и свѣтлимъ срдцемъ. и послахомъ сіа книгъ рекомаа правила великаа сѣихъ ѿцѣвъ вѣселенскихъ. Православному кнѣзю. и великому црю вѣсеа великіа Рѣсіа Ивану Василіевичю. в ѣто рѣдъ (7069) септєврїа мѣца ѣи* (рис. 7).

Ещё один центр переписки – **Сучавская митрополия**, где по заказу митрополита Сучавского Феодосия была выполнена копия 1606 г. (Львов, Национальный музей. № 134), а сучавский митрополит Анастасий Кримка продолжил рукописную традицию воспроизведения славянской версии Синтагмы в Молдавском княжестве – по его заказу были изготовлены ещё две копии: 1611 г. (Саратов, библиотека Саратовского университета. № 208) и 1615 г. (Бухарест, библиотека Синода. № 150).

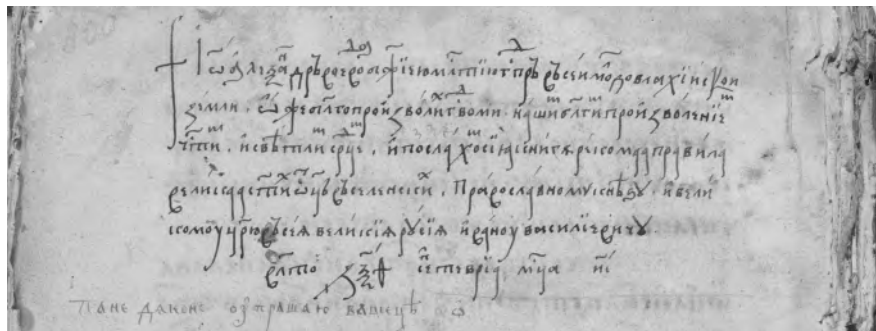

Рис. 7. Запись в списке 1556 г. (Москва, ГИМ. Барс. 152. Л. 400 об.).

Синтагмы по месту их создания

В заключение отметим, что ещё одним результатом предпринятого изучения доступных автору *de visu* и по фотокопиям восьми из одиннадцати сохранившихся списков Синтагмы является **корректировка сведений о количестве славянских копий Синтагмы Матфея Властаря, циркулировавших в княжестве в XV–XVII вв. в сторону увеличения**, т. к. для части указанных выше списков, очевидно, также существовали славянские рукописные оригиналы-протографы Синтагмы, которые пока не найдены в книгохранилищах мира или не сохранились до наших дней⁴.

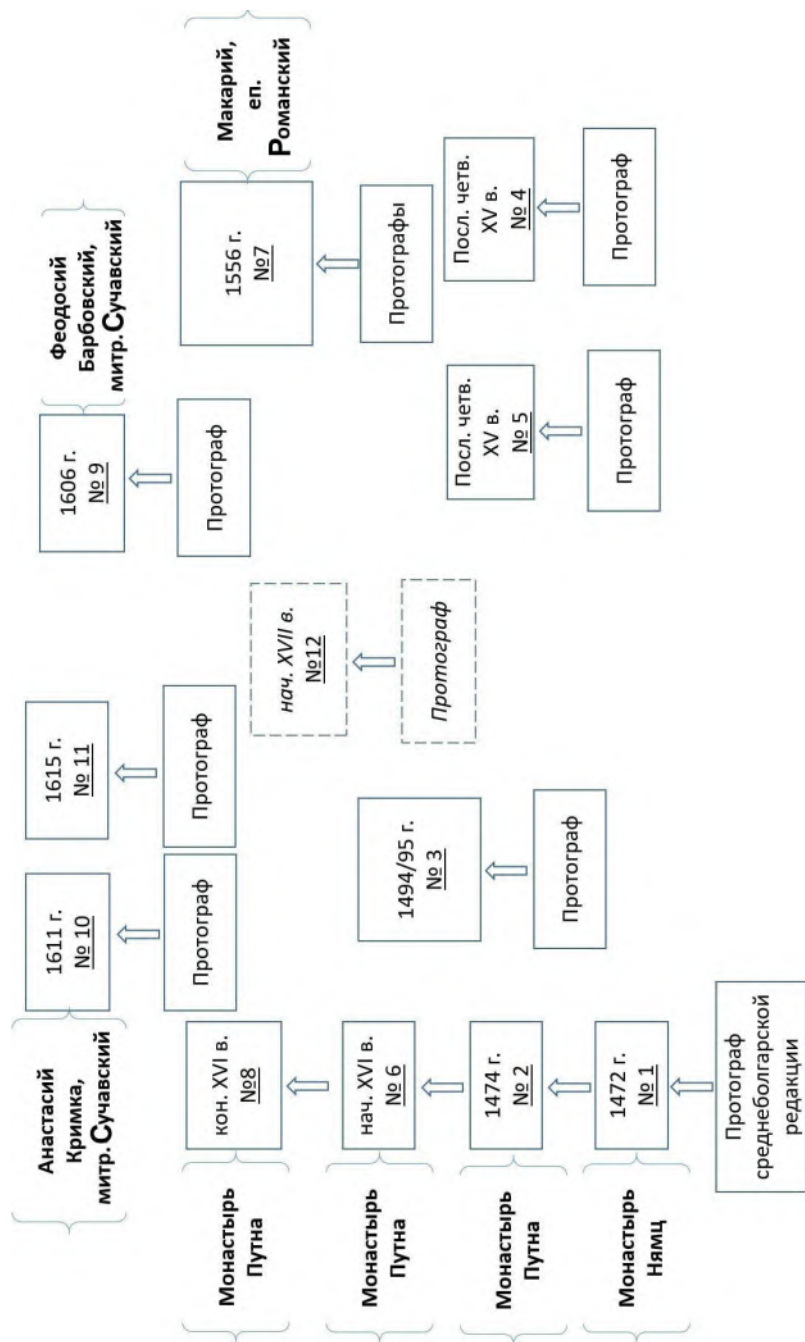

Рис. 8. Стемма славянских списков молдавского происхождения XV–XVII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь и далее для удобства указан условный порядковый номер списка Синтагмы из нашего перечня списков в хронологическом порядке, приведенном далее в тексте (см. также рис. 8).

2. Подробнее об этих глоссах (т. н. *Glosele Bogdan*) и публикацию их см.: [9: 365–463].

3. На данный факт указал Раду КонстантINESКУ, но румынский исследователь не подтвердил это конкретными аргументами [2: 241].

4. См. подробнее рис. 8. Более точно это количество можно будет назвать при дополнительном изучении текстов ещё трёх сохранившихся списков, пока, к сожалению, оставшихся недоступными автору *de visu* или по их фотокопиям: Список конца XV в. (Румыния, монастырь Сучевица. № 446); Список конца XV в. (Клуж-Напока, библиотека университета Бабеша. № 4104); Список 1615 г. (Бухарест, библиотека Синода. № 150). Например, оригиналами первых двух из этих списков могут быть как несохранившиеся копии, так и списки Синтагмы № 1–3. В свою очередь эти же два списка могут оказаться оригиналами для списков 3, 7, 9–12, впрочем, как и несохранившиеся какие-то другие протографы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Alexandrov V.* The Syntagma of Matthew Blastares: the destiny of a Byzantine legal code among the Orthodox Slavs and Romanians, 14–17 centuries // *Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte*. Frankfurt am Main, 2012. Bd. 29. 247 p.

2. *Constantinescu R.* Vechiul drept romanesc scris. Repertoriul izvoarelor 1340–1640. Intocmit de Radu Constantinescu. Bucureşti: Direcţia generală a arhivelor statului, 1972. 311 p.

3. *Insemnări de pe manuscrise şi cărţi vechi din Țara Moldovei*. Un corpus editat de Ioan Caproşu şi Elena Chiaburu Vol. I: 1429–1750. Iaşi: Casa Editorială Demiurg, 2008.

4. *Mihăilă G.* Sintagma (pravila) lui Matei Vlastaris şi începuturile lexicografiei româneşti (secolele al XV-lea – al XVII-lea) // *Contribuţii la istoria culturii şi literaturii române vechi*. Bucureşti: Editura Minerva, 1972. P. 261–306.

5. *Mitric O.* Catalogul manuscriselor slavo-române din Biblioteca Mănăstirii Suceviţa. Iaşi: Editura Universităţii Alexandru Ioan Cuza, 2018. 299 p.

6. *Panaïtescu P.* Manuscrisele slave din biblioteca Academiei R.P.R., I. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1959. 406 p.

7. *Pascal A.* Din istoria scrierii de carte în Mănăstirea Putna în secolele XV–XVI // *Analele Putnei*. 2012. Vol. VII. P. 65–110.

8. *Pelin V.* Manuscrise româneşti din secolele XIII–XIX în colecţii străine

(Rusia, Ucraina, Bielorusia). Catalog, ediție îngrijită de acad. Andrei Eșanu, dr. Valentina Eșanuși Veronica Cosovan. Chișinău: Știința, 2017. 407 p.

9. Texte românești din secolul al XVI-lea: I. Catehismul lui Coresi; II. Pravila lui Coresi; III. Fragmentul Todorescu; IV. Glosele Bogdan; V. Prefețe și epiloguri. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România. 1982. 638 p.

10. Turdeanu E. La littérature bulgare du XVe siècle et sa diffusion dans les pays roumains. Paris: Imprimerie Nationale, Librairie Droz, 1947. 184 p.

11. Анисимова Т. В. Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е. Е. Егорова. М.: Пашков Дом, 2018. Т. 1, № 1–100. 373 с.

12. Ильинский Н. И. Синтагма Матфея Властаря. М.: Московское общество любителей духовного просвещения, 1892. 239 с.

13. Калужняцкий Э. И. Обзор славяно-русских памятников языка и письма, находящихся в библиотеках и архивах львовских. Киев: Университетская типография, 1877. 109 с.

14. Иванова К. Български, сръбски и молдовлахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София: АИ Марин Дринов, 1981. 576 с.

15. Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983. 693 с.

16. Паскаль А. Д. О традиционализме средневековой славяно-молдавской книжности // Мир источниковедения: сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза. 1994. С. 58–60.

17. Паскаль А. Д. Изучение гаплографии как один из методов локализации средневековой рукописной книги (по материалам славяно-молдавской книжности XV–XVI вв.) // Современные проблемы археографии. СПб.: Библиотека Российской академии наук, 2016. Вып. 2. С. 94–110.

18. Синтагма Матфея Властаря. Рукопись 1472 г. URL: <https://medievalia.com.ro/manuscrise/item/ms-sl-131> (дата обращения: 22.03.2021).

19. Синтагма Матфея Властаря. Рукопись 1474 г. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/98/f-98-742> (дата обращения: 22.03.2021).

20. Синтагма Матфея Властаря. Рукопись начала XVI в. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/98/f-98-65> (дата обращения: 22.03.2021).

21. Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1905. Т. LXXIX. 1015 с.

REFERENCES

1. Alexandrov, V. (2012) *The Syntagma of Matthew Blastares: the destiny of a Byzantine legal code among the Orthodox Slavs and Romanians, 14–17 centuries*. Frankfurt am Main: Löwenklau-Gesellschaft.

2. Constantinescu, R. (1972) *Vechiul drept romanesc scris. Repertoriul izvoarelor 1340–1640*. București: Direcția generală a arhivelor statului.

3. Caproșu, I. & Chiaburu, E. (eds) (2008) *Însemnări de pe manuscrise și cărți vechi din Țara Moldovei I (1429–1750)*. Iași: Casa Editorială Demiurg,

4. Mihăilă, G. (1972) Sintagma (pravila) lui Matei Vlastaris și începuturile lexicografiei românești (secolele al XV-lea - al XVII-lea). In: Mihăilă, G. (ed.) *Contribuții la istoria culturii și literaturii române vechi*. București: Minerva. pp. 261–306.

5. Mitric, O. (2018) *Catalogul manuscriselor slavo-române din Biblioteca Mănăstirii Sucevița*. Iași: Alexandru Ioan Cuza.

6. Panaitescu, P. (1959) *Manuscrisele slave din biblioteca Academiei R.P.R., I*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

7. Pascal, A. (2012) Din istoria scrierii de carte în Mănăstirea Putna în secolele XV–XVI. *Analele Putnei*. VII. pp. 65–110.

8. Pelin, V. (2017) *Manuscrise românești din secolele XIII–XIX în colecții străine (Rusia, Ucraina, Bielorusia)*. Chișinău: Știința.

9. Buză, E. & Gheție, I. (eds) (1982) *Texte românești din secolul al XVI-lea*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

10. Turdeanu, E. (1947) *La littérature bulgare du XIVe siècle et sa diffusion dans les pays roumains*. Paris: Imprimerie Nationale, Librairie Droz.

11. Anisimova, T. (2018) *Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig iz sobraniya E.E. Egorova* [Catalog of Slavic-Russian manuscript books from E.E. Egorov's collection]. Vol. 1. Moscow: Pashkov Dom.

12. Ilinskiy, N. (1892) *Sintagma Matfeya Vlastarya* [Matthew Blastares's *Syntagma*]. Moscow: Moskovskoe obshchestvo lyubiteley dukhovnogo prosveshcheniya.

13. Kaluzhnyiatskiy, E. (1877) *Obzor slavyano-russkikh pamyatnikov yazyka i pis'ma, nakhodyashchikhsya v bibliotekakh i arkhivakh l'vovskikh* [A survey of the Slavic-Russian language and writing monuments from the Lviv libraries and archives]. Kiev: Universitetskaya tipografiya.

14. Ivanova, K. (1981) *B'lgarski, sr'bski i moldovlakhiski kirilski rukopisi v sbirkata na M.P. Pogodin*. Sofia: Al Marin Drinov.

15. Likhachev, D. (1983) *Tekstologiya. Na materiale russkoy literatury X–XVII vv.* [Textology. Based on the Russian literature of the 19th – 17th centuries]. Leningrad: Nauka.

16. Pascal, A. (1994) O traditsionalizme srednevekovoy slavyano-moldavskoy knizhnosti [On the traditionalism of medieval Slavic-Moldavian books]. In: Zaitsev, A.D. et al. (eds) *Mir istochnikovedeniya. Sbornik v chest' Sigurda Ottovicha Shmidta* [The World of Source Studies: A Collection in Honor of Sigurd Ottovich Schmidt]. Moscow; Penza: Russian State University for the Humanities. pp. 58–60.

17. Pascal, A. (2016) Izuchenie gaplografii kak odin iz metodov lokalizatsii srednevekovoy rukopisnoy knigi (po materialam slavyano-moldavskoy knizhnosti XV–XVI vv.) [The study of haplography as a method of medieval manuscript book localization (a case study of the Slavic-Moldavian book industry of the 15th – 16th centuries)]. *Sovremennye problemy arkheografii*. 2. pp. 94–110.

18. Blastares, M. (1472) *The Syntagma* [Manuscript]. [Online] Available from: <https://medievalia.com.ro/manuscrise/item/ms-sl-131> (Accessed: 22nd March 2021).

19. Blastares, M. (1474) *The Syntagma* [Manuscript]. [Online] Available from: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/98/f-98-742/> (Accessed: 22nd March 2021).

20. Blastares, M. (n.d.) *The Syntagma*. [Manuscript of the early 16th century]. [Online] Available from: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/98/f-98-65/> (Accessed: 22nd March 2021).

21. Yatsimirskiy, A.I. (1905) Slavyanskije i russkije rukopisi rumynskikh bibliotek [Slavic and Russian manuscripts of Romanian libraries]. In: *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoj Akademii Nauk* [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. LXXIX. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Паскаль Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора изучения особо ценных фондов Центра по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе Российской государственной библиотеки (Россия).

Alexander D. Pascal – Russian State Library (Russia).

E-mail: finvest3@gmail.com

УДК 94(4)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/3

The life and work of Stefan Pankovych, the Bishop of the Greek Catholic Eparchy of Mukachevo*

Ferenc Molnár

Ferenc Rákóczi II Transcarpathian Hungarian College
of Higher Education

6 Kossuth Square, Berehove, 90202, Ukraine

E-mail: molnarkmf@gmail.com

Abstract

When Bishop Stefan Pankovych (1866–1874), who succeeded Vasyl Popovych (died in 1864) was inaugurated, he was almost unknown to the Rusin clergy of the Greek Catholic Eparchy of Mukachevo. The new bishop maintained good relations with members of the Hungarian political elite and actively supported the policy of the Hungarian government. This was manifested on several levels. He promoted to high ecclesiastical positions those who did not support Adolf Dobriansky, a Russophile considered the most significant Rusin leader. Following the Austro-Hungarian Compromise of 1867, Rusin leaders had the opportunity to hold various offices, mainly with the trust of the Hungarian government and the Bishop of Mukachevo. In 1871, Bishop Stefan Pankovych and his followers removed Adolf Dobriansky and Ivan Rakovsky from the leadership in St. Basil the Great Society, which led to a gradual decline of the Russophile trend in the Rusin movement. The Great Russian camp supporters also confronted Stefan Pankovych because of the attempt to introduce the Gregorian calendar and the Latin alphabet in the Mukachevo Diocese. Even more moderate clergy were divided on such issues, because these concepts were important for Rusin identity. However, Stefan Pankovich's unexpected death on August 29, 1874, temporarily froze debates in the Rusin movement.

Keywords: Stefan Pankovych, Greek Catholic Diocese of Mukachevo, Rusins, Uzhhorod, Russophiles, Adolf Dobriansky.

*The study was supported by the ÚNKP-20-4 New National Excellence Program of the Ministry for Innovation and Technology from the Source of the National Research, Development and Innovation Fund (Hungary).

Жизнь и деятельность мукачевского греко-католического епископа Стефана Панковича

Ференц Молнар

Закарпатский венгерский институт им. Ференца Ракоци II
Украина, 90202, г. Берегове, пл. Кошута 6
E-mail: molnarkmf@gmail.com

Авторское резюме

Стефан Панкович, избранный епископом после смерти Василия Поповича в 1864 г., был малоизвестной личностью в среде русинского духовенства Мукачевской греко-католической епархии. Новый епископ имел хорошие контакты с венгерской политической элитой и был сторонником политики венгерского правительства. Это проявилось в нескольких вещах. После австро-венгерского компромисса 1867 г. получить руководящие должности сумели преимущественно те русинские деятели, которые пользовались доверием и венгерского правительства, и мукачевского епископа. Стефан Панкович отбирал на высокие церковные должности людей, не поддерживавших русофильских взглядов самого известного в то время русинского лидера Адольфа Добрянского. В 1871 г. епископ и его сторонники отстранили А. Добрянского и И. Раковского от руководства «Обществом святого Василия Великого», что привело к постепенному упадку русофильского направления в русинском движении. Последователи Добрянского выступили против руководителя епархии и из-за его попытки внедрить в Мукачевской епархии григорианский календарь и латинский алфавит. В таких вопросах разделилось мнение даже более умеренного духовенства, ведь эти понятия были важными элементами русинской идентичности. Но неожиданная смерть Стефана Панковича 29 августа 1874 г. на определенное время заморозила дискуссии в русинском движении.

Ключевые слова: Стефан Панкович, Мукачевская греко-католическая епархия, русины, Ужгород, русофилы, Адольф Добрянский.

The so-called October Diploma issued in the autumn of 1860 proclaimed a return to constitutional principles in the Habsburg Empire. It is in this spirit that parliamentary elections were held in Hungary which had a great impact on the Rusins of the country, most of whom lived in the territory of Greek Catholic Eparchy of Mukachevo [21: 121–122; 23: 160]. The current bishop of the diocese, who resided in Uzhhorod

was considered to be the number one leader of the Rusins [81: 6, 21]. Vasyl Popovych, Bishop of Mukachevo, who had also been the Emperor Franz Joseph's privy councillor since 1863, tried to balance between Vienna and the Hungarian political elite [73: 64]. During 1861, many Rusin priests and intellectuals formulated their linguistic and national demands. Compared to other Rusin leaders, the councillor of Hungary's Lieutenancy Council and later court counselor, Adolf Dobriansky's programme was the most radical with the suggestion of the federal transformation of Hungary and the establishment of an autonomous Rusin district [16: 172–173; 21: 122; 51: 488; 64: 33]. Bishop Vasyl Popovych wanted to avoid a confrontation with the Hungarian leaders seeking to establish the Austro-Hungarian Compromise, so he did not support the Russophiles led by A. Dobriansky. The bishop was unable to become an active participant in the turmoil of events because of his serious illness and his death in the autumn of 1864 [73: 64]. The solution of the increased problems remained with Stefan Pankovych, who became the next bishop of Mukachevo.

Although the significance of the Russophile movement in north-eastern Hungary during the 1860–1870s has been discussed in the literature, the biography and the activities of pro-Hungarian Bishop Stefan Pankovych can be mentioned among the less researched issues. Some aspects of his episcopate have been examined in the publications of D. Danyliuk [5], M.Yu. Kashka [16; 17], R.I. Mayor [21; 22; 23], M. Mayer [64], V. Padyak [26; 27], A.B. Pekar [72] and etc. Russophile contemporaries such as I. Silvay [24; 25], V. Terletsy [36] and I. Rakovsky [14] also took pen in hand to record the events of Stefan Pankovych's episcopate. Contemporaries and historians are divided on the bishop's historical evaluation. According to some opinions, Stefan Pankovych was “a renegade”, “a magyarone” or “an assimilator” [23: 163; 26: 11; 57: 276; 80: 216], and his followers were called “the Magyarones”, “the members of the bishop's party”, “the opportunists”, “the utilitarians”, “the moderates” or “the renegades” [23: 163; 26: 11; 28: 395]. From the Hungarian point of view, he was a “Hungarian patriot” or a “true reformer” [72: 190; 73: 65; 88].

The main purpose of this study is to provide insight into Stefan Pankovych's life and work. It also provides supplements for understanding the internal conflicts of the Rusin movement.

Stefan Pankovych was born on October 27 or 29, 1821, in Velejte (today Veľaty, Slovakia) belonging to Count Andrassy's estate in Zemplyn (Zemplén) County. His father was the Greek Catholic priest of the village. Stefan completed the grammar school classes in Sátoraljaújhely (today Hungary) and Szatmárnémeti (today Satu Mare, Romania), and theology

at the seminary in Uzhhorod. He was then accepted as a home teacher by Baron Ágoston Vécsey's widow [69: 73; 72: 190; 73: 65; 74: 372].

In 1850, Pankovych was appointed a teacher of mining law and statistics at the Academy of Košice. On August 27, 1851, Bishop Vasyl Popovych ordained him a priest and appointed him to his father's parish. The ambitious young priest wanted to work as a diocesan clerk or secretary. After his expectations for his church career were not met, he decided to break up with the priesthood. Thus he joined the Nákó family for about 14 years. As a home teacher of Count Kálmán Nákó, he had the opportunity to travel to Europe, Egypt and West Africa [24: 55–57; 68; 69: 73; 72: 190; 74: 372]. He fit well into the circles of the Hungarian aristocracy [18: 96]. As Ivan Silvy, a writer in the Great Russian language, put it: "Despite his tutor appearance, just his long clerical robe and cleanshaven face distinguished him from the members of the high society" [64: 139].

Thanks to his relations, his office career accelerated in the 1860s. In 1865, he was awarded the title of Archimandrite of Hrushevo Monastery, and at the same time he was appointed study lecturer at the Hungarian's Lieutenantcy Council. Through his appointment, he gained influence in the management of church affairs [40: 96; 69: 74].

In 1865, the political life of Hungary took a turn. On June 26, Franz Joseph I appointed György Mailáth Hungarian Chancellor, and by December, the Emperor reconvened the Hungarian parliament, which in 1867 approved the Austro-Hungarian Compromise. As a result, the Hungarian Kingdom gained extensive self-government in the Habsburg Empire, and the Hungarian nobility regained its leading role within the country [83: 739–748].

For about two years after the death of Bishop Vasyl Popovych on October 19, 1864, Vicar Antal Csopey administered the Eparchy of Mukachevo. In the years before the Austro-Hungarian Compromise, the conservative Hungarian leaders led by Chancellor Mailáth wanted to see a person at the head of the eparchy who was accepted by both Vienna and Hungarian political circles [40: 96]. This is how the young and talented Stefan Pankovych, who had close ties to the Hungarian nobility, was chosen. Franz Joseph I appointed him Bishop of Mukachevo on September 14, 1866. Papal confirmation took place on February 22, 1867 [40: 96; 72: 190; 73: 65]. Stefan Pankovych's episcopal appointment was also due to the fact that at their meeting in Hajdúdorog on May 6, 1866, Hungarian-speaking Greek Catholics asked the Emperor, János Scitovszky, the Archbishop of Esztergom, Chancellor Mailáth and the Hungarian government to appoint "a Hungarian patriot" as Bishop of Mukachevo [73: 65; 92: 82–84].

Prior to the official inauguration of the new bishop, the Consistory of the Eparchy of Mukachevo greeted Count Gyula Andrásy on the occasion of his appointment as Prime Minister of Hungary [6]. In a letter published in the form of a press release, the prelacy believed in the Austro-Hungarian Compromise and the Hungarian government. The Consistory hoped that the Andrásy cabinet would provide support to combat the deep poverty in the Eparchy of Mukachevo and help find a solution to the “complications” of the nationality question that would be satisfactory to all parties [86].

Stefan Pankovych was consecrated on May 5, in Prešov [40: 90; 72: 190]. After that, all that was left – his official inauguration. On May 15, 1867, he marched to his bishopric seat in Uzhhorod, referred to by the pro-government “Pesti Naplo” [Pest Diary] as the “Mecca of Greek Catholics”, where crowds of spectators greeted him in Hungarian and Rusin. According to the journal, the public opinion had an expectation of the new bishop that the interests of the Andrásy government should be firmly reflected in his political role [87]. Things started to move in that direction. The solemn inauguration of the bishop was held on May 16. He gave his inaugural speech, but in addition to Hungarian, it was also distributed in Rusin [32], Latin and German translations. In his address, Stefan Pankovych emphasized his loyalty to the Hungarian homeland and the king [87]. The new bishop had a frequently uttered slogan: “God, King, Home!” [24: 55; 73: 65].

After his inauguration, Stefan Pankovych became the head of an eparchy of nearly 400,000 people, whose jurisdiction extended to Zemplyn (Zemplén), Uzh (Ung), Bereg, Ugocha (Ugocsa), Maramorosh (Máramaros), Szabolcs and Sotmar (Szatmár) Counties. Most of the believers were Rusins, but in addition to them, the number of Hungarians and Romanians was also significant. The eparchy consisted of 376 parishes [82]. By consecration, as the other Mukachevo bishops, Stefan Pankovych received the title of Archimandrite of the Monastery of Sts. Peter and Paul in Tapolca (today Miskolctapolca, Hungary) [32: 1; 72: 60, 223].

In October 1867, an anonymous correspondent in Pro-Hungarian orientation of “Pesti Naplo” noted with satisfaction that Stefan Pankovych had taken over the management of the Eparchy of Mukachevo as a “true reformer”. In two months, the bishop submitted a nomination for the appointment of five persons as archdeacon to Franz Joseph I, who had meanwhile been crowned king of Hungary. The journal praised the bishop for helping to appoint “patriotic” clergy who could support the elite of the counties of north-eastern Hungary [88]. The bishop needed to surround himself with people he believed to be trustworthy, as he was almost unknown to the priesthood before his appointment as bishop.

The main positions of the eparchy at that time were still held by those who owed their appointment to Bishop Vasyl Popovych [67: 450].

The pro-Hungarian bishop started his work enthusiastically, as evidenced by the fact that, after his inauguration, he made canonical visits to several archdeaconates. On these occasions, on the one hand, he had the opportunity to use his personal persuasive power and to explain the new political situation created by the Compromise to his clergy and the mostly illiterate Rusin peasants. On the other hand, he could obtain information about the urgent problems of the local parishes (lack of financial resources, schools, textbooks, etc.), for the solution of which he often sought the help of the Hungarian Ministry of Religion and Culture. Stefan Pankovych visited Mukachevo during 1867 [88]. The following September his next stations were the Hungarian-speaking parishes of Hajdú District and of Maramorosh County, where he distributed hundreds of Hungarian and Rusin reading books, Bibles and catechisms [7].

During his visit to Hajdúdorog, the bishop openly informed the locals that he supported the establishment of an independent Hungarian-speaking eparchy. Stefan Pankovych “in the festive moments <...> even stated that he considered it the most beautiful task of his life to be the first Hungarian Greek Catholic bishop” [91: 40]. The main goal of the supporters of the so-called Hajdúdorog Movement was to create an independent diocese from the Hungarian-language parishes of the Eparchy of Mukachevo. At the same time, they demanded the permission to use the Hungarian language in liturgy that was a violation of canon law [3: 18–26; 40: 101; 56: 57; 63; 72: 88]. In light of this, the ruler's decision to establish the Hajdúdorog Vicariate under the authority of Bishop Stefan Pankovych on September 17, 1873, instead of an independent diocese, was very disappointing for the Hungarian believers. However, the vicariate with 33 parishes became the basis of the Eparchy of Hajdúdorog, founded in 1912 [59: 138; 72: 92–94; 73: 91, 109].

Stefan Pankovych visited Maramorosh County on September 6, 1868, where had not been a bishop of Mukachevo for 91 years [70]. The situation here was quite complicated. Among the Greek Catholic believers of the county and its capital, Máramarossziget (today Sighetu Marmăției/Sighet, Romania), which also serves as a vicariate centre, we find both Rusins and Romanians. The priest of the city, Vicar Peter Anderko of Romanian origin, supported the initiative to separate the parish of Sighet from the Eparchy of Mukachevo and to attach it to the Romanian-speaking Gherla (Szamosújvár) Eparchy. By joining the Romanian Greek Catholic Church, the believers of Maramorosh would have come under the direct rule of Rome. This plan would have eliminated their dependence on the leader of the Hungarian Catholic

Church, the Archbishop of Esztergom. Not surprisingly, the Hungarian government protested against the idea. On August 29, 1865, Hungary's Lieutenantcy Council declared Sighet as a Rusin parish and left it under the jurisdiction of the Eparchy of Mukachevo [10; 46: 32–33; 72: 71]. As early as 1867, after the inauguration of Stefan Pankovych as bishop, he appointed his nephew, Ioann (Ivan) Pastelii Kovach Archdeacon of Maramorosh [72: 190].

Even during his visit in 1868, Stefan Pankovych was unable to dissuade Romanian believers from their original plan for separation. In a confidential letter dated 24 May, 1869, the bishop instructed the temporary priest of Sighet, Mihály Suba, to inform him by telegram as soon as possible in the event of the death of his superior, the elderly and ailing Anderko. The funeral of the vicar can only be performed by a priest under the jurisdiction of the Eparchy of Mukachevo [12]. On June 2, Anderko passed away [45]. The newspaper "Máramaros" wrote about him that "with his death, the last link that connected the Romanians of Maramorosh to the Eparchy of Mukachevo was broken" [90]. Subsequently, local Romanian believers sought permission from Bishop Stefan Pankovych and then János Simor, Archbishop of Esztergom to join the Romanian-speaking Gherla Eparchy in order to preserve their mother tongue and nationality from the influence of the Rusin Church [9; 11]. (Similar reasons were raised by adherents of the Hajdúdorog Movement.) Pankovych, however, found the secession unacceptable. His view was shared by Franz Joseph. After the death of Anderko, Bishop Stefan Pankovych appointed Ioann Pastelii Kovach as vicar of Maramorosh [72: 190; 73: 66]. The new vicar, who also served as the parliamentary representative of Huszt (today Khust, Ukraine) in the colours of the Hungarian ruling party between 1869 and 1872, brought an intermediate solution. On July 8, 1871, Vicar Ioann Pastelii Kovach divided the Rusin and Romanian parishes of Sighet, leaving them under the jurisdiction of Uzhhorod [40: 103–104; 46: 33].

Thanks to his excellent relations with the Hungarian government, the bishop of Mukachevo obtained considerable financial support for his eparchy. According to the newly-appointed Minister Baron József Eötvös, Stefan Pankovych also asked for "the last garas (i. e. coins)" from the coffers of the Religious Fund managed by the Ministry of Religion and Culture [77]. The received amount exceeded 100 thousand forints. From this, the bishop completed the construction of the episcopal palace in Uzhhorod, remodelled the orphanage of the young boy priests and purchased a building for the ladies' institute. At his intervention, the Religious Fund raised the salaries of the canons. It has provided significant aid to many parishes [73: 65]. At bishop's request, the ruler

and his wife, Elizabeth, presented the cathedral of Uzhhorod with precious gold-embroidered silk mass robes at Christmas 1870 [8].

Stefan Pankovych's provisions also affected the life of the theological seminary in Uzhhorod. In 1870, he ordered the presentation of domestic law and statistics so that priests could provide legal advice to their followers if necessary [49: 197–198]. However, he did not support Rusin language education. Until the middle of the 19th century, the seminary in Uzhhorod was a bastion of Rusin identity and culture, reproducing the elite. If a Rusin young person who wanted to join the elite of his people had to enrol in the seminary in Uzhhorod [56: 17–20; 59: 136–137; 80: 216]. Following the Compromise of 1867, career building led to identification with Hungarian culture. During the service of Bishop Stefan Pankovych, with the help of the educational institution, the first generation of Hungarian-minded Greek Catholics was formed, calling themselves “Hungarian Greek Catholics” or “Uhro-Rusins” [22: 331; 40: 97; 80: 215–216].

An article in the opposition newspaper, “A Hon” [Homeland] claimed that the seminary in Uzhhorod forced the greatest rigor and the most conservative Catholic (Ultramontane) views on the youth studying there [43]. At the request of the Hungarian government, Stefan Pankovych repatriated four seminarians of the Eparchy of Mukachevo studying at the Barbareum of Vienna in 1873, who were able to continue their studies in Pest or Esztergom, Hungary. The bishop wanted to prevent Rusin students from building “Pan-Slavic” relations with young people from the Slavic regions of the Austro-Hungarian Monarchy [3: 17; 40: 100; 56: 57]. A newspaper article in 1874, however, praised the fact that the seminarians had founded the Hungarian Literary Self-Education Circle [60]. This year, the institution had 79 Rusin and only four Romanian students [41].

However, not everyone wanted to follow Stefan Pankovych's policy of supporting assimilation. A. Dobriansky became the first president of the St. Basil the Great Society, which aimed to promote the education of Greek Catholics living in the eparchies of Mukachevo and Prešov [5: 166, 170; 39: 2, 16; 56: 53–54; 64: 15–27]. The main initiators of the Rusin society were the Greek Catholic bishops, Iosyf Gaganets of Prešov and Vasyl Popovych of Mukachevo. It began to function on 1 October, 1866 [25: 80; 29: 70; 36: 30; 93: 65]. At the beginning the society numbered nearly 350 members. It included both ecclesiastical and secular representatives of the Rusins [17: 19; 28: 395; 29: 71; 34: 37]. Thanks to A. Dobriansky's activities, a significant portion of the association's membership followed the Russophile line, several of whom also sympathized with Orthodoxy. Its presidency was dominated by priests who graduated

from Greek Catholic seminary or theology [29: 71; 56: 207–212; 58: 444–445]. These include Vice President Ivan Rakovsky, who from 1859 served as parish priest of Iza (today Ukraine) in Maramorosh [75: 411]. On the initiative of I. Rakovsky, an expert in newspaper editing, the first Rusin newspaper in north-eastern Hungary, “Svit” [Light], was published in Uzhhorod on July 13, 1867 [28: 395; 40: 97; 50: 24–26].

I. Rakovsky designated Great Russian as the language of the paper, which he considered a weapon against Pankovych-backed assimilation [2: 140; 17: 19; 24: 64–65; 80: 214]. “Svit” predominantly published articles expressing sharp criticism of the bishop’s denationalization policy [56: 56; 80: 216]. For the Rusin clergy, the Russian language proved incomprehensible and unpopular [15, 20, 37]. Not surprisingly, the readers of “Svit” dropped from 400 to 200 in half a year [2: 140; 24: 79–81; 50: 25–26]. However, On December 16, 1869, Bishop Iosyf Gaganets of Prešov imposed the support and dissemination of the “Svit” as a national duty of the Greek Catholic clergy and teachers [33: 85; 50: 25–26].

Bishop Stefan Pankovych, who acted vigorously in all areas, often confronted the Russophile leadership of the St. Basil the Great Society [52]. On the last day of September, 1869, a renewal meeting of the association was held in Uzhhorod. The bishop criticized Dobriansky’s activities on a number of points before the general meeting. Stefan Pankovych complained that the society neglected the publication of folk education and books in Hungarian, although these activities were also among the original objectives of it. As a result, he envisaged ending his patronage support. However, the bishop failed to convince the general assembly. The membership re-elected A. Dobriansky as president by 43 votes against bishop’s candidate (Adviser to the Interior Minister, Antal Ruby), who received only 24 votes [30: 2; 89].

The contradictions between the Russophile and the pro-Hungarian Rusin tendencies sharpened during the first Hungarian Congress of Catholic Autonomy (1870–1871) [34: 38; 40: 98]. At that time, A. Dobriansky, as a secular envoy, took the position that the self-determination of Greek Catholics within the Hungarian Catholic Church should be supported. In his view, Greek Catholics should convene a special congress. For historical reasons, he sought to substantiate his claim that the right to elect a bishop should belong to the Greek Catholic clergy, not the ruler [1; 3: 22; 72: 90]. Bishop Stefan Pankovych and his followers did not support A. Dobriansky’s ideas in the field of ecclesiastical autonomy, as they believed that these demands would jeopardize the state subsidy of the Eparchy of Mukachevo [4; 40: 98; 50: 28].

Stefan Pankovych tried to strengthen his position against Dobriansky by convening a “popular conference” between 8 and 10 January, 1871.

A report of "Svit" stated that 96 supporters of the bishop gathered in Uzhhorod [19]. According to the Hungarian journal "Ung", about 200 Greek Catholic and secular believers arrived at the seat of the Eparchy of Mukachevo to greet Bishop Stefan Pankovych on the occasion of his name day [66]. Members of the Rusin intellectuals gathered and wanted to make a statement against the A. Dobriansky's ecclesiastical autonomy program and expressed their adherence to the Esztergom-based Hungarian Catholic Church. Yuriy Markosh (Gyorgy Markos), director of the Hungarian treasury in Uzhhorod, stated that Greek Catholics adhere to their ecclesiastical ceremony and faith, but not to ask for more in the field of ecclesiastical administration, than Roman Catholics deserve. This practically meant that it did not support the autonomy of the Greek Catholic Church, which fully complied with the will of the Hungarian political elite. Yu. Markosh stressed that the Rusins must distance themselves from the "Pan-Slavic" and "pro-Russian" aspirations of A. Dobriansky and his circle. At the meeting in Uzhhorod, Yu. Markosh's proposals were accepted, thus standing firmly in favour of the bishop [19; 40: 93; 66]. Then, Bishop Stefan Pankovych accepted the jurisdictional status of his eparchy under the authority of the Roman Catholic Church of Hungary at the Church Congress at Pest [28: 395–396; 74: 372]. He was the main Rusin proponent of the latinization and Hungarization of the Greek Catholic Church [5: 166; 24: 82; 72: 89, 190; 80: 216].

Bishop Stefan Pankovych was vigilant in ensuring that Russophilism in literature and linguistics did not spill over into political space [64: 22]. An episcopal decree dated December 31, 1870, called on the clergy to sever its relationship with the "Svit" because of its "dangerous tendencies" and to publish its official publications in the Hungarian-language newspaper, "Ung" [3: 25; 13: 94–98; 27: 290; 37: 19; 93: 74–76]. The bishop punished those priests who dared to criticize his person by relocation. Several of them emigrated to the Tsarist Empire (Emanuil Hrabar, Mykhaïl Molchan, Vladimir Terletsii) [3: 26; 28: 396; 59: 139; 64: 22–23].

It resonated greatly on January 21, 1871, when the society's management committee ousted the pro-Russian editor-in-chief of "Svit", Viktor Kymak, by a 21: 6 vote. At the same time, it was decided that the journal would appear in a new spirit, called "Novyi svit" [New Light]. According to the new editor-in-chief, Victor Gebei, this was necessary because "Svit" was neither religious nor civic in terms of compliance. The "Novyi svit" wanted to publish writings in vernacular instead of Greater Russian [3: 27; 5: 172; 25: 92; 64: 22–23]. The editor-in-chief made an attempt to declare the organ a political tabloid, but this plan failed in the absence

of the required caution. Thus the last issue of the “Novyi svit” was published in December 1872. In this, V. Gebei announced his resignation as editor-in-chief [27: 291; 50: 30–31]. V. Padyak came to the conclusion that distribution of the new journal was not successful among the Rusin readership [26: 27]. Moreover, Stefan Pankovych considered the journal too Russophile in orientation [28: 396; 58: 444].

On June 20, 1871, the former editor of “Svit”, V. Kymak, launched a satirical journal entitled “Sova” [Owl]. Owing to the bishop’s good connection with the Hungarian government Kymak did not dare to criticize Stefan Pankovych directly in his newspaper. Instead, caricatures of bishop suggested that he would make concessions to the Latin-ordained church that were already threatening the self-abandonment of Greek Catholics. The paper depicts A. Dobriansky as opposed to the bishop, usually as a defender of the Greek Catholic Church and Rusins [31; 35; 50: 35–37; 76: 472]. After all, it was not surprising that “Sova” could only appear five times. The first three issues were published in Uzhhorod, the last two in the Minerva Printing House in Pest [79]. Stefan Pankovych transferred Kymak to Pécs, who instead chose emigration and accepted the position of headmaster in Odessa [56: 57; 64: 23].

On 28 September, 1871, there was a change of guard at the head of the St. Basil the Great Society. After about six years, at the renewal meeting held in Uzhhorod the course represented by Dobriansky and his circle ended. Member of Parliament, Oleksandr Nehrebetsky was elected the president of the society, and the manorial director, Yu. Markosh was elected the second president [3: 26; 13: 98; 27: 291; 36: 47–48]. With the renewal of the office, the St. Basil the Great Society was led by more loyal Rusin leaders who were unconditional followers of the bishop of Mukachevo. The general meeting took place in an intensified atmosphere. Then A. Dobriansky retreated to his estate in Csértész (Čertižné, today Slovakia) [13: 110; 23: 163; 55: 37]. From that time on, I. Rakovsky did not take an active role in public life [75: 411].

The activities of Stefan Pankovych pushed his rivals into the background, but for a time the leadership of the St. Basil the Great Society was still significantly influenced by well-known Russophile writers and publicists such as Ivan Silvy, Anatolii Kralytskyi (Superior of St. Nicholas Basilian Monastery in Mukachevo), or Ievhenii Fentsyk. This wing rather became increasingly fragmented, and they were not able to play a direct role in the Rusin cultural affairs [23: 163; 38; 64: 24]. However, it did not mean that there were no people who aroused resentment against the bishop. In a heated debate, Stefan Pankovych taught I. Silvy: “If now we live under the rule of the Hungarians, then we should become Hungarians” [25: 102; 40: 97].

The bishop had several plans that also divided the Rusin prelacy. In his eparchy, instead of the Julian calendar, he would have introduced the Gregorian calendar used by Latin ceremonies [18: 96; 40: 101; 72: 190]. His intention of unifying the Byzantine rite with the Latin one increased tensions among Greek Catholic clergy. For instance, the idea provoked a fierce protest from the clergy of Maramorosh [65]. Another similarly controversial initiative of the bishop would have been to replace the Cyrillic alphabet with Latin letters. In December 1873, Ágoston Trefort, the Hungarian minister of education and religion called the Greek Catholic bishops of Prešov and Mukachevo to view their opinion on the possibility of script change. The possibility of introduction of Latin alphabet for Rusin language was opposed by Bishop Iosyf Gaganets of Prešov and by Mukachevo chapter [40: 99; 53: 201]. Stefan Pankovych was out of his seat when the local consistory expressed their opposition towards ministry's request [24: 65; 53: 201].

The raising of the calendar and alphabet reform touched on important elements of Rusin identity [53: 204]. Only the priests of Hajdúdorog and Zemplýn County supported the unification of the calendar. Eventually, Stefan Pankovych failed to accept either the transition to the Gregorian calendar or the eparchial use of the Latin alphabet with his clergy [40: 99; 63; 73: 66]. According to the pro-government "Pesti Naplo", the moderate Vicar Antal Csopey, was among the prelacy who counterbalanced the bishop's "anti-nationality" (meaning anti-Rusin) "calendar mania" and his intentions to introduce a calendar according to Latin ceremonies [47].

Stefan Pankovych proclaimed an eparchial synod on September 1, 1874, where he probably wanted to raise issues of great significance before his priesthood. However, the 150 priests who appeared at the synod could only see their bishop at the funeral, as he died on August 29. Thus, the meeting chaired by Vicar Antal Csopey could not decide on important issues. Stefan Pankovych's death froze for a time the debates over the introduction of the Gregorian calendar and the Latin alphabet [40: 93–95; 44; 48; 53: 209; 54; 85].

The funeral of the bishop was held on September 2. It was celebrated by Chief Provost Iulii Hadzhega and Vicar Antal Csopey. Many secular and ecclesiastical dignitaries appeared in Uzhhorod. Stefan Pankovych's body was laid to rest in the tomb of the Uzhhorod Cathedral [40: 101; 71; 84]. The work of the bishop was recognized and rewarded at the highest level by the Hungarian governments and Franz Joseph I. In 1869, Stefan Pankovych was awarded the middle cross of the knight of the Order of St. Stephen, and in the same year he was the real inner privy councillor of the ruler [61, 78]. Two years later, Franz Joseph donated the first class of the Order of the Iron Crown to him [62].

The news of Stefan Pankovych's death was evaluated in different ways. The Russophile writer, Aleksander Pavlovych called him "the ancient enemy" of the Rusins [80: 217]. The other Russophile leader, I. Rakovsky firmly stated that during his bishopric the Rusin movement suffered a "fatal blow" [5: 201; 14: 388]. After the death of the bishop, the Hungarian political elite believed that it would be difficult to find a successor who would continue to take strong action against the Russophiles in Hungary [42]. In light of this, it is not surprising that the next bishop was a close relative of Stefan Pankovych, Ioann Pastelii Kovach.

As a son of a Rusin Greek Catholic priest, Stefan Pankovych began to pursue a typical career by following in his father's footsteps. During his student years, he adopted the norms of necessary to the dominant Hungarian culture. Working as a children's tutor of influential families, he tightened the relationship with the Hungarian aristocracy. As a bishop of the Rusin-dominated Eparchy of Mukachevo, he devoted a great deal of energy in developing of the eparchial infrastructure, building new churches, parish homes and schools. Bishop Stefan Pankovych tried to influence the clergy to adopt a pro-Hungarian orientation. He was highly critical of the A. Dobriansky-led Rusin movement. However, the influence of Russophiles still remained even after the bishop's death. We can also find nationally minded Rusin priests in the consistory who opposed to introduce the so-called "calendar reform" and script change. After the dominance of the Russophile orientation declined, the "pro-Hungarian camp" became increasingly prominent in the Rusin intellectual circles. As a result of Stefan Pankovych's episcopate, the Mukachevo Eparchy no longer served as a bastion for Rusin national identity.

REFERENCES

1. *Svit*. (1870) Avtonomicheskoe sobranie [Autonomy Meeting]. 29th October (10th November). pp. 338–340.
2. Voloshin, A. (2002) *Vibrani tvoriv*. Uzhhorod: Zakarpattya. pp. 140–145.
3. Gadzhaga, Yu. (1925) *Istoriya "Obshchestva sv. Vasiliya Velikago" i rich'ko dnyu 60-litiya ot ego uchrezhdeniya* [The History of St. Basil the Great Society and Speech to the Day of the 60th Anniversary of His Establishment]. Uzhhorod: Shkolnoy pomoshch.
4. Gomichkov, A. Yu. (1869) Tserkovnaya avtonmiya [Church Autonomy]. *Svit*. 23rd February (7th March). pp. 1–2.
5. Danilyuk, D. (1997) *Istoriya Zakarpattya v biografiyakh i portretakh (z davnikh chasiv do pochatku XX st.)* [History of Transcarpathia in Biographies and Portraits (from Ancient Times to the Early Twentieth Century)]. Uzhhorod: Patent.
6. The State Archives of Transcarpathian Oblast (DAZO). Fund 151. List 12. File 1316. Ark. 48.

7. The State Archives of Transcarpathian Oblast (DAZO). Fund 151. List 12. File 1322. Ark. 11.
8. The State Archives of Transcarpathian Oblast (DAZO). Fund 151. List 12. File 1322. Ark. 25–26.
9. The State Archives of Transcarpathian Oblast (DAZO). Fund 151. List 12. File 2079. Ark. 1–5.
10. The State Archives of Transcarpathian Oblast (DAZO). Fund 151. List 12. File 2135. Ark. 1–19.
11. The State Archives of Transcarpathian Oblast (DAZO). Fund 151. List 12. File 2162. Ark. 1–3.
12. The State Archives of Transcarpathian Oblast (DAZO). Fund 151. List 12. File 2187. Ark. 1–2.
13. Dobosh, S. (1956) *Adol'f Ivanovich Dobryanskiy: Ocherk zhizni i deyatel'nosti* [Adolf Dobriansky: A Sketch of his Life and Activities]. Prešov: SVKL.
14. Nikitin, S.A. (ed.) (1975) *Zarubezhnye slavyane i Rossiya. Dokumenty arkhiva M.F. Raevskogo. 40–80 gody XIX veka* [Foreign Slavs and Russia. Documents from M.F. Rajewski's Archive. 1840–1880s]. Moscow: Nauka.
15. *Svit*. (1869) Kak imiem pisati? [How Do We Write?]. 17th (29th) August. pp. 1–2.
16. Kashka, M.Yu. (2008) *Etnopolitichniy rozvitok rusiniv-ukraintsiv Zakarpattya (seredina XVIII st. – 1867 r.)* [Ethnic and Political Development of Ukrainian-Rusins in Transcarpathia (the mid-18th–1867)]. History Cand. Diss. Uzhhorod.
17. Kashka, M.Yu. (2011) *Suspil'no-politichni protsesi v pivnichno-skhidnikh komitatakh Ugorshchini v 60-kh rokakh XIX st.* [Socio-political Processes in the North-eastern Counties of Hungary during the 60's in the 19th Century]. *Naukoviy visnik Uzhgorods'kogo universitetu. Seriya: Istoriya*. 26. pp. 16–21.
18. Kondratovich, I.M. (1991) *Istoriya Podkarpats'koi Rusi dlya naroda*. [The History of Subcarpathian Rus for the People]. Facsimile edition. Uzhhorod: Patent.
19. *Svit*. (1871) Konferentsiya u mukachivskago katolicheskago episkopa i protest protiv 7 nashikh avtonomicheckikh predstaviteley [Conference at the Bishop of Mukachevo Eparchy and Protest against Our Seven Autonomous Representatives]. 7th (19th) January. pp. 4–5.
20. *Svit*. (1869) Kritika "Svita" [Critique of "Svit"]. 24th August (5th September).
21. Mayor, R.I. (2012) *Parlaments'ka diyal'nist' A. Dobryans'kogo v ugars'komu seymi ta yogo borot'ba proti madyarizatsii natsional'nikh menshin Ugorshchini v 1861–1868 rr.* [A. Dobriansky's Parliamentary Activities in the Hungarian Sejm and His Struggle against Hungarisation of Minorities in Ugorshchina 1861–1868]. In: Stepankov, V.S. (ed.) *Problemi istorii krain Tsentral'noi ta Skhidnoi Evropy* [Problems of History of Central and Eastern Europe]. Kamianets-Podil'skyi: Kamianets-Podil'skyi National University. pp. 120–140.
22. Mayor, R.I. (2013) *Politika madyarizatsii ta ii vpliv na rozvitok ukrains'kogo natsional'nogo rukhu v Zakarpatti v seredini XIX – na pochatku XX st.* [Magyarization Policy and Its Influence on the Development of the Ukrainian National Movement in Transcarpathia in the Middle of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries]. *Naukovi pratsi Kam'yanets'-Podil's'kogo natsional'nogo universitetu imeni Ivana Ogiienka. Istorichni nauki*. 23. pp. 324–343.

23. Mayor, R.I. (2017) Russophilia in Transcarpathia in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries: Origins, Development and Ideology. *Rusin*. 1(47). pp. 154–176. DOI: 10.17223/18572685/47/13

24. Meteor, U. (Silvay, I.A.) (1875) Polozhenie ugarskikh russkikh pod upravleniem Stefana Pankovicha, episkopa Mukachevskago [The Position of Ugric Rusins under Stephen Pankovich, Bishop of Mukachevo]. In: Golovatsky, Ya. et al. *Slavyanskiy sbornik* [Slavic Collection]. Vol. 1. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 55–88.

25. Meteor, U. (Silvay, I.A.) (1938) *Avtobiografiya* [Autobiography]. Uzhhorod: Shkol'naya Pomoshch'.

26. Padyak, V. (2006) *Uzhgorods'kiy tizhnevnik "Novyy Svit" (1871–1872): Annotovana bibliografiya materialiv ta istorichniy naris* [The Uzhgorod Weekly "Novyy Svit" (1871–1872): An Annotated Bibliography of Materials and a Historical Sketch]. Uzhhorod: V. Padyak.

27. Padyak, V. (2015) *Tovariststvo sv. Vasiliya Velikogo v Uzhgorodi 150-richchya vid dnya zasnuvannya (1866–1902)* [St. Basil the Great Society in Uzhhorod, 150th Anniversary from Its Foundation (1866–1902)]. In: Padyak, L.O. (ed.) *Kalendar kraeznavchikh pam'yatnikh dat na 2016 rik* [Calendar of Local History Anniversaries for 2016]. Uzhhorod: Vid-vo V. Padyaka. pp. 287–295.

28. Pap, S. (2003) *Istoriya Zakarpattya* [The History of Transcarpathia]. Vol. 3. Ivano-Frankivsk: Nova Zorya.

29. *Misyatsoslov na 1867 god.* (1866) *Protokol Pervago obshchago sobraniya Obshchestva sv. Vasiliya Velikago proiskhodivshago v Uzhgorodi, 19 Sentyabrya (1. Okt.) 1866 goda* [Protocol of the First General Meeting of St. Basil the Great Society, Held in Uzhhorod, 19th September (1st October) in the Year 1866]. Uzhhorod: Obshchestvo Sv. Vasiliya Velikago.

30. *Svit.* (1869) *Protokol Chetvertago obshchago sobraniya Obshchestva svyatago Vasiliya Velikago, proiskhodivshago v Ungvar, 18 (30) Sentyabrya 1869 g.* [Protocol of the Fourth General Meeting of St. Basil the Great Society, Held in Uzhhorod, 18th (30th) September in the Year 1869]. 26th October (7th November). pp. 1–2.

31. Sova. (1871) *Russkiy narod i intelligentsiya ego po syu storonu Karpat v 1871 godu* [Rusin People and Its Intelligentsia on this Side of the Carpathians in 1871]. 20th June (2nd July). p. 8.

32. Pankovych, S. (1867) *Rich', proiznesenna ego preosvyashchenstvom kir Stefanom Pankovichom bozhiim providiniem episkopom Mukachevskim* [Speech Delivered By His Eminence Stefan Pankovych, the Divine Providence Bishop of Mukachevo]. Budini: [s.n.].

33. Sabov, E. (1893) *Khristomatiya tserkovno-slavyanskikh i ugro-russkikh literaturnykh pamyatnikov, s pribavleniem ugro-russkikh narodnykh skazok na podlinnykh narychiyakh* [Christomacy of Church Slavonic and Ugro-Rusin Literary Monuments, With the Addition of Ugro-Rusin Folk Tales in Authentic Dialects]. Ungvar: Knigopechatnyy Fond Eparkhii Mukachevskoy.

34. Svitlik, N.M. (2017) *Obshchestvo svyatago Vasiliya Velikogo i knigotorgivlya v Avstro-Ugors'kiy imperii v kintsi XIX st.* [The Society of St. Basil

the Great and the Book Trade in the Austro-Hungarian Empire in XIX Century]. *Sotsium. Dokument. Komunikatsiya. Seriya: Istorichni nauki*. 3. pp. 33–47.

35. Sova. (1871) *Stseny na poprishchъ literaturnom' russkikh po syu storonu Karpat v 1870–1871. godakh* [Scenes from Rusin Literature on this Side of the Carpathians in the Years 1870–1871]. 7th (19th) July. p. 13.

36. Terletskiy, V. (1874) *Ugorskaya Rus' i vozrozhdenie soznaniya narodnosti mezhdru russkimi v Vengrii* [Hungarian Rus and the Renaissance of National Consciousness among the Rusins of Hungary]. Kiev: Tip. S.T. Eremieva.

37. *Svit*. (1871) Ungvar, 13 yanvarya [Uzhhorod, 13th January]. 14th (26th) January. pp. 19–21.

38. *Novyy Svit*. (1871) Ungvar, 10-go (22-go) avgusta, 1871 [Uzhgorod, 10th (22th) August 1871]. 28.

39. St. Basil the Great Society. (1866) *Ustav Obshchestva sv. Vasiliya Velikago* [The Charters of St. Basil the Great Society]. Uzhhorod: Tipografiya Karla legera.

40. Fenich, V., Kichera, V. & Shterr, D. (2018) Episkopi Mukachivs'koï greko-katolits'koï eparkhiï [The Bishops of the Greek Catholic Eparchy of Mukachevo]. In: Kichera, V., Fenich, V. & Shterr, D. *Gabsburz'ka tserkva: Mukachivs'ka greko-katolits'ka eparkhiya v avstriys'ku dobu (1771–1918)* [The Habsburg Church: The Greek Catholic Eparchy of Mukachevo in the Austrian era (1771–1918)]. Uzhgorod: Vidavnitstvo V. Padyaka. pp. 53–122.

41. *Pesti Napló*. (1875) A felsőbb közoktatás Magyarországon a múlt évben. Hittani intézetek. I. [Upper Secondary Education in Hungary Last Year. Theological Institutes. I.]. 23rd July. Morning edition.

42. *Fővárosi Lapok*. (1874) A munkácsi püspöki szék [The Episcopal Chair of Mukachevo]. 3rd September. p. 873.

43. *A Hon*. (1871) A szent falak mögül [From behind the Sacred Walls]. 9th April. Morning edition.

44. *A Hon*. (1875) A vidék [The Countryside]. 22nd April. Evening edition.

45. *Máramaros*. (1869) Anderkó vikárius nekrológja [Obituary of Vicar Anderko]. 16th June.

46. Balogh, M. (1909) *A máramarosi görög szertartású orosz egyház és vicariatus történelme* [The History of Greek Rite Ruthenian Church and Vicariate of Máramaros]. Ungvár: Unió Könyvnyomda Rt.

47. *Pesti Napló*. (1874) Bereghmegyéből, decz. 9. A munkácsi püspöki szék betöltése [From Bereg County, 9th December. The Occupation of the Episcopal Chair of Mukachevo]. 12th December. Evening edition.

48. *Das Vaterland*. (1874) Bischof Pankovics † [Bishop Pankovych †]. 2nd September. p. 3.

49. Borhalmi, G. (Bendász, I.) (1994) Kárpátalja első főiskolai jellegű intézménye [The First College of Higher Education in Subcarpathia]. *Magyar Egyháztörténeti Vázlatok*. 3–4. pp. 195–202.

50. Böör, Gy. (1943) *A magyarországi ruszin időszaki sajtó a XIX. században* [Periodical Journals of the Rusins in Hungary during the 19th century]. Kolozsvár: Ferenc József Tudományegyetem Történeti Intézete.

51. Deák, Á. (2008) *From Habsburg Neo-Absolutism to the Compromise 1849–1867*. New York: Columbia University Press.

52. *Fremden-Blatt*. (1871) Der "Golos" [The "Voice"]. 24th November. p. 4.
53. Dwornik, K. (2020) First Subcarpathian Episode of Ruthenian Alphabet War in 1873–1874. *Slavica Slovaca*. 2(55). pp. 198–210.
54. *Budapesti Közlöny*. (1874) Halálozás [Mortality]. 3rd September. p. 1612.
55. Jasik, M. (2017) *Adolf Dobriansky, významný predstaviteľ Rusínov 19. storočia* [Adolf Dobriansky, A Prominent Representative of the Rusins in the 19th Century]. Svidník: [s.n.].
56. Magocsi, P.R. (1978) *The Shaping of a National Identity Subcarpathian Rus', 1848–1948*. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press.
57. Magocsi, P.R. (1997) Adaptation Without Assimilation: The Genius of the Greco-Catholic Eparchy of Mukachevo. *Logos: A Journal of Eastern Christian Studies*. 1–4(38). pp. 269–281.
58. Magocsi, P.R. & Pop, I. (2005) St. Basil the Great Society. In: Magocsi, P. R. & Pop, I. (eds) *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press. pp. 444–445.
59. Magocsi, P.R. (2015) *With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Budapest; New York: Central European University Press.
60. *Máramaros*. (1874) Magyar Irodalmi Önképző Kör [Hungarian Literary Self-Education Circle]. 11th November. 89.
61. Hungarian National Archives (MNL OL). K 255. Pénzügyminisztériumi Levéltár [Ministry of Finance Archives]. 1869.
62. Hungarian National Archives (MNL OL). W 12. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek [Protocols of the Cabinet of Ministers]. 8th March 1871.
63. *Tages-Post*. Linz. (1871) Magyarisirung auf kirchlichem Gebiete [Magyarization in the Ecclesiastical Field]. 2nd December. p. 2.
64. Mayer, M. (1977) *Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések: 1860–1910* [Carpatho-Ukrainian (Ruthenian) Political and Social Aspirations: 1860–1910]. Budapest: Akadémiai Kiadó.
65. *Máramaros*. (1873) Naptárkérdés [The Issue of Calendar]. 5th November.
66. *Ung*. (1871) Nevezetes vallás-egyházi esemény Ungvárott. Január 10-én. [A Notable Religious and Church Event in Uzhhorod. On 10th January]. 14th January. p. 6.
67. *Magyarország és a Nagyvilág*. (1874) Pankovics István [Stefan Pankovych]. 13th September. pp. 349–350.
68. *Katholikus Hetilap*. (1873) Pankovics István munkácsi gör. kath. püspök [Stefan Pankovych, Greek Catholic Bishop of Mukachevo]. 28th August. p. 350.
69. *Katholikus Néplap*. (1868) Pankovics István munkácsi gör. kath. püspök [Stefan Pankovych, Greek Catholic Bishop of Mukachevo]. 5th March. pp. 73–74.
70. *Máramaros*. (1868) Pankovics István munkácsi Püspök úr Ő Méltóságának fogadtatása Huszton [The Welcome of His Excellency, Bishop Stefan Pankovych in Khust]. 16th September.
71. *Budapesti Közlöny*. (1874) Pankovics püspök temetése [The Funeral of Bishop Pankovych]. 10th September. pp. 1651–1652.
72. Pekar, A.B. (1992) *The History of the Church in Carpathian Rus'*. New York: Columbia University Press.

73. Pirigy, I. (1990) *A magyarországi görög katolikusok története* [The History of Greek Catholics of Hungary]. Vol. 2. Nyíregyháza: Görög Katolikus Hittudományi Főiskola.

74. Pop, I. (2005) Pankovych, Shtefan. In: Magocsi P.R. & Pop I. (eds) *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press. p. 372.

75. Pop, I. (2005) Rakov'skyi, Ioann/Ivan. In: Magocsi P.R. & Pop I. (eds) *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press. p. 411.

76. Pop, I. (2005) Sova. In: Magocsi P.R. & Pop I. (eds) *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press. p. 472.

77. *Budapesti Hirlap*. (1883) Roskoványi nyitrai püspök [Roskoványi, Bishop of Nyitra]. 22nd December. p. 2.

78. *Fővárosi Lapok*. (1869) Rövid hírek [Short news]. 10th November. p. 1029.

79. *Fővárosi Lapok*. (1871) Rövid hírek [Short news]. 17th September. p. 979.

80. Rusinko, E. (2003) *Straddling Borders: Literature and Identity in Subcarpathian Rus'*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press.

81. S. Benedek, A. (2003) *A gens fidelissima: A ruszinok* [The Most Loyal People. The Rusins]. Budapest: Belváros-Lipótváros Ruszin Kisebbségi Önkormányzat.

82. Anon. (1865) *Schematismus Venerabilis Cleri Graeci Ritus Catholicorum Dioecesis Munkacsensis Pro Anno Domini 1865* [Schematism of the Venerable Greek Rite Catholic Clergy of Mukachevo Diocese of the Year of 1865]. Unghvarini: Typis Caroli Jäger.

83. Szabad, Gy. (1979) Az önkényuralom kora (1849–1867) [The Age of Despotism (1849–1867)]. In: Kovács, E. & Katus, L. *Magyarország története 1848–1890* [History of Hungary 1848–1890]. Vol. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó. pp. 435–768.

84. *Neuigkeits Welt-Blatt*. (1874) Ueber das Leichenbegängniß des Bischofs Pankovics [About the Funeral of Bishop Pankovics]. 10th September. p. 5.

85. *Salzburger Kirchenblatt*. (1874) Ungarn [Hungary]. 3rd September. p. 284.

86. *Budapesti Közlöny*. (1867) Ungvár, martius 23án [Uzhhorod, on 23rd March]. 16th April. p. 318.

87. *Pesti Napló*. (1867) Ungvárott, jun. 3. [In Uzhhorod, 3rd June]. 20nd June.

88. *Pesti Napló*. (1867) Ungvár, oct. 18. [Uzhhorod, 18th October]. 29th October.

89. *Pesti Napló*. (1869) Ungvár, october 2. [Uzhhorod, 2nd October]. 5th October.

90. *Máramaros*. (1869) Vallási mozgalom Szigeten [Religious Movement in Shiget]. 30th June.

91. Véghseő, T. (2014) A görögkatolikus magyarok mozgalma a kezdetektől 1905-ig [The Movement of Greek Catholic Hungarians from the Beginning until 1905]. In: Véghseő, T. & Katkó, M.Á. *Források a magyar görögkatolikusok történetéhez. 1778–1905* [Sources to the History of Hungarian Greek Catholics. 1778–1905]. Vol. 1. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola. pp. 31–47.

92. Véghseő, T. & Katkó, M. Á. (2014) *Források a magyar görögkatolikusok történetéhez. 1778–1905* [Sources to the History of Hungarian Greek Catholics.

1778–1905]. Vol. 1. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola.

93. Žeguc, I. (1965) *Die nationalpolitischen Bestrebungen der Karpato-Ruthenen 1848–1914* [The National Political Aspirations of the Carpato-Rusins in 1848–1914]. Wiesbaden: Harrassowitz.

Ferenc Molnár – Ferenc Rákóczi II Transcarpathian Hungarian College of Higher Education (Ukraine).

Ференц Молнар – доктор философии, доцент кафедры истории и общественных дисциплин Закарпатского венгерского института им. Ференца Ракоци II (Украина).

E-mail: molnarkmf@gmail.com

УДК 930.272 27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/4

Якуб Шеля: неизвестные страницы истории

Л.Н. Берг¹, К.В. Корсаков²

¹ Уральский государственный юридический университет
Россия, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

E-mail: l.n.berg@uslu.su

² Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук
Россия, 620048, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Авторское резюме

Рассмотрены новые и малоизвестные исторические факты о Якубе Шеле – одном из руководителей крестьянского восстания в Западной Галиции 1846 г., направленного против польских помещиков, знати, правительственных чиновников и католических священников, также известного как Галицийская резня. Авторы указывают на русинское происхождение Якуба Шели и многих других участников данного антифеодального восстания, которое объясняет как причины, так и характер этих сопровождавшихся жестокими убийствами крестьянских выступлений в Западной Галиции, истоки и корни которых лежат в нерешённых польской администрацией социальных, национальных и религиозных противоречиях. Описаны жизнь и судьба Якуба Шели – типичные для того времени и наполненные притеснениями, унижениями и лишениями со стороны представителей привилегированных сословий, объединявшие его с другими известными историческими личностями, которые возглавили крестьянские и казацкие народные восстания и бунты, а также встали по этим причинам во главе разбойничьих банд и повстанческих отрядов в Польше, Словакии, Венгрии, Молдавии и на Украине. В отношении деятельности Якуба Шели, о которой по-прежнему высказываются полярные мнения и суждения – от сугубо положительных до резко отрицательных, сделан вывод о её прогрессивном значении. Показаны роли Австрийской империи и России в подавлении польского освободительного движения середины XIX в., совпавшего по времени с Галицийским восстанием 1846 г., а также то значение, которое последнее сыграло в его нейтрализации. Также подчеркнуто то обстоятельство, что Якуб Шеля и его спод-

вижники достигли своей основной цели – отмены крепостного права и барщинного труда в Галиции.

Ключевые слова: Якуб Шеля, Галицийское восстание 1846 г., русины в Польше, польские лемки, крестьянские бунты, Западная Галиция.

Jakub Szela: The Unknown Pages of History

L.N. Berg¹, K.V. Korsakov²

¹ Ural State Law University

21 Komsomolskaya Street, Yekaterinburg, 620137, Russia

E-mail: rektorat.science@usla.ru

² Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

16 Sofia Kovalevskaya Street, Yekaterinburg, 620048, Russia

E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the new and little-known historical facts about Jakub Szela, a leader of the peasant uprising in Western Galicia in 1846, also known as the Galician Massacre, against Polish landowners, nobility, government officials and Catholic priests. The authors emphasize the Rusin origin of Jakub Szela and many other uprising participants, which explains both the reasons for and nature of these peasant uprisings accompanied by brutal murders in Western Galicia. These controversies originate from the social, national, and religious contradictions unresolved by the Polish administration. Jakub Szela suffered from oppression, humiliation and deprivation from the representatives of the privileged classes, which united him with other famous historical figures who led peasant and Cossack popular uprisings and riots and headed robber bands and insurgent groups in Poland, Slovakia, Hungary, Moldova, and Ukraine. The authors argue that Jakub Szela's activities were progressive, although the opinions and judgements about them now are polarized. The Austrian Empire and Russia played a noticeable role in the suppression of the Polish liberation movement in the middle of the 19th century. The authors emphasize that the Galician uprising of 1846 coincided with the Polish liberation movement and did much to counteract it. Finally, Jakub Szela and his associates achieved their main goal – the abolition of serfdom and corvée labor in Galicia.

Keywords: Jakub Szela, Galician Uprising of 1846, Rusins in Poland, Polish Lemkos, peasant revolts, Western Galicia.

В истории русинского народа имя Якуба Шели практически неизвестно, в отличие от, например, Андрея Савки – знаменитого «Робина Гуда лемков» из Дукли, повешенного польскими карателями, и «гуцульского Робина Гуда» Олексы Довбуша – воспетого в народных песнях и сказаниях руководителя повстанческого движения опришков в Закарпатье, о котором написано много книг и статей, сняты художественные и документальные фильмы, в честь которого названы улицы и скалы, возведены памятники, сочинены балет и опера и создан историко-краеведческий музей. Между тем у Якуба Шели и у таких известных предводителей казацко-крестьянских восстаний, мятежей и бунтов в Польше, Словакии, Венгрии, Румынии и на Украине, как Олекса Довбуш, Василий Баюрак, Андрей Савка, Юрай Яношик, Томаш Угорчик, Григор Пынтя, Шандор Рожжа, Устим Кармалюк, Лукьян Кобылица и Андрей Боруля, много общего. Помимо того, что все эти люди были незаурядными историческими личностями, которым верили, подчинялись и за которыми шли на смертельный риск простые люди – русинские, словацкие, польские, венгерские, румынские и украинские крестьяне и казаки, всех их объединяет единство предпосылок, причин и мотивов, побудивших их организовать и возглавить крестьянские восстания, погромы, грабежи и бунты.

Наряду с личными мотивами (в частности, польские и венгерские магнаты разоряли и обрекали на голод, нужду и лишения бедные лемковские и гуцульские семьи, в которых родились Олекса Довбуш и Василий Баюрак [2: 12; 3: 68]; Устима Кармалюка польский помещик А. Пигловский, грубо нарушив действовавший на тот момент императив о рекрутском наборе в Подольской губернии, отдал на 25 лет в армию; Якуб Шеля, представлявший галицийских крестьян в судебных процессах против польских дворян, незаконно захватывавших крестьянские земли и увеличивавших различные крестьянские повинности, безрезультатно долгие годы судился и обращался с жалобами к губернатору во Львов и за свою деятельность в интересах крестьян подвергся преследованию: был помещён в тюрьму, публично избит и унижен) у всех этих лидеров мятежников была основная, объединяющая их цели, решения и поступки причина – несправедливое и высокомерно-пренебрежительное отношение, проводившаяся столетиями политика «двойных стандартов» и дискриминация по этническим, языковым, религиозным и социальным признакам со стороны узурпировавших власть местных национальных элит, сопровождавшие и обрамлявшие сильный феодальный гнёт.

Недостаточная изученность личности Якуба Шели и его до сих пор неоднозначно оцениваемой как в Польше и в Австрии, так и в России и на Украине исторической роли со стороны специалистов в области науки

русинистики, которая, по верному замечанию М.Ю. Дронова, становится всё более авторитетной и популярной научной дисциплиной [4: 33], связана с вопросом о национальности Якуба Шели. Многие польские и австрийские историки долгое время считали его поляком, и лишь в последнее время благодаря исследовательским разработкам и находкам ученых из Польши он стал признаваться русином (северным лемком).

Следует заметить, что как предположения, так и утверждения о русинском происхождении Якуба Шели высказывались и задолго до этих исследований, причём как в польской, так и в отечественной научной и публицистической литературе. Так, например, известный русский мыслитель и революционер М.А. Бакунин в своих сочинениях писал: «Шеля, Якуб (1777–1860 гг.) – мазовецкий крестьянин, русин, бывший солдат, возглавил галицийскую гайдаматчину в 1846 г. Родился в Тарнувском округе, долго служил в австрийской армии, вёл от имени своей деревни, в которой был старостою и, видимо, кулаком, длительный процесс с помещиком Богушем, принуждавшим местных крестьян к лишним барщинным работам. По польским источникам, оспариваемым его защитниками, осуждён за уголовное преступление на тюремное заключение» [1: 558]. О том, что Якуб Шеля был польским русином, писали и современные авторы. В частности, известный польский журналист, обозреватель, прозаик, поэт и драматург А. Стасюк писал, указывая разнящиеся с официально принятыми годы жизни Я. Шели: «1787–1862 или 1866 гг.» [25: 109]. Между тем польские историки (которые установили, что день рождения Якуба Шели по каким-то причинам не был записан в метрическую книгу – польскую метрику (*metryka*), однако нашли документы о его крещении в приходской церкви владений помещиков Богушей 15 июля 1787 г. и сделали вывод, что он мог родиться в день календарных именин Иакова) определили даты рождения и смерти Я. Шели: 14 или 15 июля 1787 г. и 21 апреля 1860 г. [10].

Отметим, что вопрос о деятельности и исторической роли Якуба Шели изучали многие польские историки, среди которых следует выделить таких исследователей, как Б. Бачинский, С. Биалас, Ч. Вучич, Ф. Зейка, Т. Каргол, С. Киневич, С. Радзиковский и К. Трациловский. Занимались им и австрийские ученые: Р. Каиндл, М. Краинский, М. Сала, Г. Шлиттер, Т. Шуберт и др. Личность Я. Шели привлекала исследовательское внимание и неоднократно упоминалась в трудах, посвящённых историческим проблемам [22], известного уроженца Галиции австрийского писателя Л. фон Захер-Мазоха, героями художественных произведений которого часто становились галицкие и прикарпатские русины («Одна галицкая история. Год 1846», «Дон Жуан из Коломыи», «Гайдамак», «Галицкие рассказы» и др.).

Согласно данным, полученным современным польским историком К. Трациловским, разыскавшим потомков Якуба Шели, последний происходил из русинской католической семьи, и если фамилия его отца Яна – Шеля – является западнославянской, которая может относиться как и к восточнопольским, русинским и гуральским фамилиям, и к фамилиям представителей других этносов и этнографических групп, проживавших в то время в Подкарпатском воеводстве Польши, то фамилия его матери Анны Лукашов(н)ой (Anna Łukaszo(w)na) является типично лемковской. К. Трациловским было установлено, что Анна переехала к своему мужу в селение (где впоследствии появился на свет Якуб Шеля), называвшееся Смарзова (с 2000 г. – Смаржова) и находящееся на северо-востоке от города Бжостек, из села Гбиская на реке Вислока, расположенного на юго-западе от города Стшижува (эти земли оказались в эпицентре Галицийского восстания 1846 г.). Там до сих пор живут частично ополяченные семьи северных лемков-католиков, носящие эту фамилию в немного измененном виде – Лукашик (Лукасик). Примечательно, что на хорошо известной среди русинистов карте территорий преимущественного проживания русинов в 1920 г., составленной Павлом Робертом Магочием, селение Гбиская и его окрестности также отмечены как места проживания северных лемков [29].

Известно, что Якуб Шеля был трижды женат. Саломея Неверовская, последняя из его жён, тоже имела русинские корни, тогда как две другие жены были полячками. Т. к. в те времена русины (лемки) в Польше считались автохтонами, свободно говорили как на родном, так и на польском языке и исповедовали преимущественно униатство и католицизм, браки между ними и польскими крестьянами не были редкостью: в этом отношении более значимым был социальный фактор (сословное происхождение), нежели национальный (заметим, что как в объединениях восставших против польских помещиков галицийских крестьян, состоявших из поляков и русинов, так и в отрядах Устима Кармалюка, хорошо понимавшего польский, было достаточно много обедневших поляков из Подолья и Волыни – селян, мещан, деклассированных элементов и представителей мелкопоместной застенковой (околичной, шарачковой, заградовой, загонавой) шляхты – низшей категории польского дворянства).

Крупный исследователь биографии Якуба Шели профессор Венского университета Т. Шуберт подчёркивает, что изначально имя Шели писалось как Яков, однако реформа орфографии, произошедшая в Польше в 1936 г., привела к замене в некоторых польских словах гласной буквы «о» на «у», и его имя стало писаться как «Якуб», что, по мнению учёного, несколько искажает историческую достоверность, а

потому он предлагает в научных трудах, посвящённых Шеле, писать его имя в изначальном варианте – Яков [27: 487].

В ряде польских источников начала и середины XX в. указывалось, что Я. Шеля в юношеском возрасте сжёг отцовский дом, за что был лишён наследства [11; 21; 20; 35], однако данная версия не имеет под собой никакой доказательной основы и до сих пор не нашла своего подтверждения (так же как и якобы распространявшиеся в родном селе Якуба Шели слухи об убийстве им своей второй жены). Следует заметить, что некоторые польские авторы не раз стремились выставить Шеля в негативном свете – как человека без строгих моральных принципов, алчного и бессердечного палача мелкопоместной шляхты, грубого и невежественного крестьянина. Даже известный польский писатель-коммунист Бруно Ясенский (В.Я. Зисман) писал о нём в своём знаменитом произведении – поэме «Слово о Якубе Шеле», переделанной им в 1927 г. в стихотворную пьесу «Галицийская жакерия», не только как о смелом и решительном народном заступнике, но и как о сладострастном, своекорыстном и жестоком человеке, который убил любовника своей жены [8]. Примечательно, что в этой поэме есть строки, намекающие читателю на то, что Якуб Шеля для его соседей-поляков далеко не «свой» и они, наряду с представителями духовенства (в период Галицийского восстания 1846 г. (т. н. Галицийской резни), были зафиксированы многочисленные факты убийств восставшими крестьянами ксендзов), его недолюбливают, считая его злым и мстительным человеком, закоренелым преступником и пьяницей [8].

Справедливости ради хочется отметить, что такой «портрет» Я. Шели далёк от действительности, т. к. он был одним из популяризаторов и активных участников движения трезвости, начавшегося в 1830-е гг. в Западной Галиции – одной из самых первых «социальных инициатив» в этих землях. Однако следует признать, что до начала Галицийского восстания 1846 г. Якуб Шеля всё же имел проблемы с законом: предполагают, что в 1805 г. он был зачислен в 35-й пехотный полк и при окружении австрийской армии под Ульмом попал в плен к наполеоновским войскам, откуда был освобождён либо сбежал [28: 834]. Однако последовавшее за этим событие подтверждается свидетельствами многих его современников: Я. Шеля, дабы избежать армейской службы, отрубил себе топором на левой руке мизинец и безымянный палец, изувечив при этом и средний палец. Заметим, что подобные случаи были тогда в деревнях и селах нередки (схожий поступок совершил упоминавшийся выше Устим Кармалюк: чтобы уклониться от рекрутства, он выбил себе два передних нижних зуба), поскольку многие русинские, украинские и словацкие крестьяне не

хотели служить по принуждению в императорских и царских армиях и погибать в войнах за чужие интересы.

Данное событие было охарактеризовано как низкий и малодушный акт членовредительства с целью дезертирства в статье польских журналистов, написанной ими с ультраправых позиций и опубликованной в 2014 г. в краковской газете «Dziennik Polski». После её выхода площадь в городе Вроцлав, названная в бытность коммунистической Польши именем Якуба Шели, по решению совета городской гмины перестала носить его имя и стала называться Площадью птичьей рощи. Не только эта небольшая газетная публикация, но и внушительная серия публицистических, научных и даже художественных произведений, изданных за последние десятилетия в современной Польше, ознаменовали собой новую страницу в истории менявшихся в зависимости от социально-политической конъюнктуры трактовок той исторической роли, которую сыграл крестьянин Якуб Шеля в судьбе польского государства.

Если после событий 1846 г. в английской и французской прессе Шеля стал объектом едкой и уничижительной критики, невольно получив общеевропейскую известность, то в собственно польских изданиях середины и конца XIX в. он был показан незаурядным и достойным уважения человеком, ставшим первым предводителем польских крестьян, выступивших против крепостного права. К ним относятся драматическая пьеса «Туронь» Стефана Жеромского [34], научные работы польских историков М. Бобжинского, П. Рысевича, М. Яника и, конечно, большой пласт польского фольклора: песен, былин, сказаний, поговорок и пословиц, в которых русин Якуб Шеля предстаёт крестьянским героем и борцом за народное счастье. В XX в. на театральных сценах его роль исполняли такие выдающиеся польские актеры, как Е. Глыбин, К. Драч, Э. Каревич, И. Маховский, С. Ярач и др.

Не только многие польские учёные XIX в. положительно характеризовали историческую роль Якуба Шели. Идеи и цели крестьянского восстания в Западной Галиции были высоко оценены Ж. Жоресом, П. Лафаргом, К. Марксом и Э. Эвелингом, а австрийская писательница баронесса Мария Эбнер фон Эшенбах, которая до 1848 г. владела крепостными крестьянами в Моравии, с большим сочувствием изобразила его в рассказе «Якуб Шеля», опубликованном в её книге «Dorf- und Schlossgeschichten» 1883 г. В 42-м томе Биографического словаря Австрийской империи (Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich), писавшегося Константином Вурцбахом фон Танненбергом с 1856 по 1891 г., Шеля назван мужественным лидером и вдохновителем галицийских повстанцев, боровшихся против угнетения крестьян и засилья крепостнических порядков. Строгие,

архаичные феодальные порядки и крайне тяжёлые условия жизни, часто вынуждавшие русинских и польских крестьян к эмиграции из Польши, очень точно и достоверно описаны в народной драме «Хлопская эмиграция» польского поэта и драматурга Владислава Людвика Анчица.

В современных польских публикациях Якуб Шеля изображается уже не просто как антигерой – разбойник и палач, а как персонаж, символизирующий жестокость, ненависть и предательство, как некое земное воплощение зла. Показательной в этом отношении является книга польского писателя Радека Рака (получившего за неё 4 октября 2020 г. главную польскую литературную премию «Нике»), название которой говорит само за себя: «Сказ о змеином сердце, или Ещё одно слово о Якубе Шеле» [19]. Этот роман написан в историко-фантазийном жанре с элементами пародии, мистицизма, фантазмагии, трагедии и польских народных сказок. В частности, в нём повествуется о том, как Якуб Шеля отправился в подземную страну людей-змей и получил там для себя... змеиное сердце.

В научных работах, издаваемых в Польше в последние годы, также отчётливо прослеживается тенденция очернительства личности Шели, причём нередко без каких-либо новых фактов и убедительных доказательств. Так, например, упоминавшийся выше венский историк Т. Шуберт пишет, что возглавленное Якубом Шелей народное восстание было поднято не им и его единомышленниками, а было инспирировано Россией и Австрией. Он указывает на то, что этому событию предшествовал Мюнхенгретский съезд российского и австрийского императоров и прусского наследного принца в 1833 г., на котором в традициях Священного союза России, Австрии и Пруссии было принято решение о совместном упреждении действий польских заговорщиков, которое в виде письменного документа должно было быть оформлено в 1845 г. во время визита российского императора Николая I в Вену. Идея спровоцировать антидворянское крестьянское восстание на юге Польши, по его словам, долго обсуждалась австрийским министром иностранных дел князем Клеменсом фон Меттернихом и российскими дипломатами, которые ставили цели подавить деятельность польского дворянского подполья, центром которого был Краков, укрепить австрийские территориальные приобретения в Польше и усилить позиции и имидж России как оплота справедливости и порядка в Европе [26].

Для иллюстрации своих доводов Шуберт приводит тексты почтовой переписки главы австрийского полицейского ведомства графа Йозефа фон Седльницкого и комиссара пражской полиции Морица Дейма, датированной 1846 г., в которых есть фраза: «...теперь мы

держим оружие против польского дворянства, и когда все сословия восстанут против него, мы безжалостно направим их против него», а также перечни расходов старосты (олдермена) польского города Тарнува Иоганна Брейндля, который, согласно его версии событий, распускал среди галицийских крестьян слухи о том, что местная шляхта планирует против них масштабные карательные акции, а затем лично сопровождал и курировал всю «Галицкую операцию» [26]. Между тем никакими подтверждениями своих ремарок и выводов об участии России в подготовке и развязывании Галицийского восстания 1846 г. этот автор не располагает, что делает их бездоказательными.

Факт содействия и помощи австрийских властей русинским и польским крестьянам в ходе Галицийского восстания 1846 г. никаких сомнений и возражений никогда не вызывал и был убедительно доказан многими историками ещё до Т. Шуберта. Видный представитель русинистики П.Р. Магочий и его соавторы писали, что Якуб Шеля после восстания даже получил медаль от австрийского правительства [16]. Известно, что Я. Шеля после массовых крестьянских волнений почти два года находился «под опекой» австрийцев в г. Тарнуве и передвигался по городским улицам только в сопровождении офицера полиции, который охранял его от возможных покушений. Сотрудничество австрийской администрации с Якубом Шелей имело место ещё до начала восстания в Западной Галиции. В частности, он написал для австрийского правительства в 1845 г. постулаты в области избирательного права. Несмотря на своё крестьянское происхождение, русин Якуб Шеля был образованным, умным и разносторонним человеком, схожим в этом плане с Лукьяном Кобылицей – крепостным крестьянином, который возглавлял антифеодальные выступления на Буковине в 1840-х гг. и в 1848 г. стал депутатом австрийского парламента – рейхсрата.

В то же время было бы в корне неверным рассматривать Я. Шеля как некоего сателлита и марионетку в руках австрийских властей. Пользуясь поддержкой со стороны австрийского правительства, он всегда сохранял свою независимость и нередко подчеркивал, что действует в интересах крестьянства и выступает против крепостного права. Когда после его адресованных австрийскому престолу настоячивых требований выпустить обещанный галицийским крестьянам императорский манифест об отмене крепостного права в Галиции австрийцы пригрозили ему тюремным заключением, он ответил им: «Только попробуйте, и тогда от Тарнува не останется камня на камне» [31: 287]. Показательно в этом отношении также и то, что в селении Хохолув Сандецкого округа крестьянские волнения приобрели антиавстрийский характер, однако польские и русинские крестьяне

из других сел их не поддерживали и пресекли. Неподалеку от г. Бохня австрийцы были атакованы отрядом местных восставших крестьян, а само Галицийское восстание 1846 г., грозившее разрастись и перекинуться на Восточную Галицию, Словакию, Закарпатье и Буковину [12], в конечном итоге было быстро подавлено регулярными австрийскими войсками, спешно переброшенными в тот район, причём к некоторым особенно непокорным крестьянам австрийские военные применили суровые телесные наказания [15].

Независимая позиция Якуба Шели привела к тому, что императорские власти, осознававшие, что его дальнейшее пребывание в Западной Галиции становится для них неудобным и даже опасным, 6 февраля 1848 г. отправили его на Буковину, где он получил надел в 17 гектаров из казённых земель. В те же края помимо Я. Шели австрийцы переселили и большую группу других участников крестьянских волнений в Польше, немалую часть которых составляли этнические русины. Их потомки живут на Буковине до сих пор.

В польской националистической среде в течение долгих лет активно распространялись слухи о том, что на Буковине Якуб Шеля якобы был убит группой польских шляхтичей, которые поклялись во что бы то ни стало отомстить ему, однако никаких доказательств этому нет. Неизвестно и место захоронения на Буковине Я. Шели, который в возрасте 78 лет скончался в австрийском Лихтенберге (ныне румынский Dealul Edri) 21 апреля 1860 г. [9; 36].

Русинское происхождение столь ненавистного польским шовинистам и праворадикальным патриотами Якуба Шели даёт ответ на вопрос, который до сих пор волнует умы в националистической среде: почему деловитый и зажиточный польский крестьянин из Галиции столь коварно и предательски «изменил» своему Отечеству, перешёл на сторону захватчиков-австрийцев и так яростно, люто и беспощадно убивал своих мирных соседей – польских помещиков и ксендзов? Русинские крестьяне, подавляющее большинство которых были униатами, вооружались, организовывались в отряды (один из таких крупных отрядов возглавляли Якуб Шеля и его старший сын Станислав) и при содействии австрийских властей грабили и убивали местных шляхтичей-католиков ввиду не только классовой ненависти и неприязни, порожденных неравенством и крепостническим гнѐтом, но и национальной вражды и розни, т. к. они не подверглись навязывавшемуся им ополячиванию и поляками себя не считали. Успех австрийского влияния на галицийских крестьян был связан ещё и с тем, что они ощутили некоторое улучшение своих жизненных условий в ходе нового австрийского правления, которое казалось им гуманнее и снисходительнее, чем польское.

Эти выводы подтверждаются как тем, что не только галицийские русины помогли австрийской администрации подавить антигабсбургские заговоры и мятежи польских патриотов (включая помощь австрийской армии в разгроме повстанцев в сражении при Гдове), но и прикарпатские русины точно так же и примерно в то же самое время помогали австрийцам сокрушить восставших венгров. А спустя три года, когда российская армия вошла в бывшие польские и венгерские владения, автохтонное русинское население Галиции и Карпатского региона горячо её приветствовало, скандируя знаменитые стихи-воззвания из сборника «Сын Руси» М.С. Шашкевича («Руслана») и осознавая свою неразрывную связь со всеми русскими. После этого И.Г. Наумович в своей знаменитой статье «Взгляд в будущее» напишет: «Все усилия дипломатии и поляков сделать из нас особый народ рутенов-униатов оказались тщетными... Русь Галицкая, Угорская, Киевская, Московская, Тобольская и пр. с точки зрения этнографической, исторической, языковой, литературной, обрядовой – это одна и та же Русь...» [7: 61].

Несмотря на то, что после раздела в конце XVIII в. Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией суверенная польская держава прекратила свое существование, польские дворяне сохранили свои права и привилегии и продолжали жить и властвовать на разделённых землях. Поэтому в Галиции, оказавшейся в австрийских владениях, крестьяне-русины оказались в зависимости как от австрийских императорских чиновников, так и от прежних польских помещиков, причём феодальный гнёт, панщина, жёсткая экономическая эксплуатация и дискриминация со стороны последних лишь усилились, а политика ополячивания и окатоличивания не прекратилась. Польская знать не только насаждала и всячески защищала свои архаичные, ортодоксальные и консервативные феодальные порядки, но и стремилась к свержению власти оккупантов. В 1845 г. польское дворянское подполье объединилось вокруг генерала Людвика Мерославского и тайно готовило крупное восстание, центром которого должна была стать Краковская республика (вольный город Краков). Готовившийся краковчанами мятеж был раскрыт и пресечён, а бунт в российской части Польши (Царстве Польском, Конгрессовой Польше, «Конгрессовке») также потерпел крах (мятежные поляки, напавшие в феврале 1846 г. на российский гарнизон в г. Седлец (Седльце), были обезоружены местными крестьянами и выданы ими российским властям).

В то же время на территории Западной Галиции польское повстанческое движение было более масштабным, и его не удалось подавить сразу. Именно в тот момент австрийская администрация, будучи неплохо осведомлённой о длившихся веками и не решавшихся по-

ляками социальных, национальных и религиозных противоречиях, о яром недовольстве галицийских крестьян крепостничеством и барщинным трудом (панщиной), содействовала местному крестьянству в выступлениях против их господ, обещав им не только не оказывать никакого противодействия, но и отменить ненавистные им крепостное право и крестьянские повинности [6: 123–124]. Вооружённые волнения галицийских крестьян спровоцировал не только кризис феодально-крепостнических отношений в этом крае, но и голод в Галиции, вызванный неурожаем 1844 и 1845 гг.

На то обстоятельство, что польская шляхта (по поверьям того времени, якобы происходившая от древних сарматов) была явно враждебна русинским крестьянам – представителям совсем иной социокультурной среды, указывает в т.ч. и та беспримерная жесткость, которая имела место во время Галицийского восстания (Галицийской резни) 1864 г. Крестьяне самыми жестокими способами убивали польских помещиков и связанных с ними местных польских служащих (презрительно именовавшихся ими «панами-ляхами», «царахами» и «сюртуками»), а также католических священников, не преследуя при этом габсбургских чиновников и евреев [38]. Семейства галицийских дворян также истреблялись: ни женщин, ни стариков, ни детей восставшие не щадили. По словам многих спасшихся, крестьяне четвертовали топорами и распиливали пилами схваченных помещиков, заживо сдирали с них кожу, заставляли родителей перед смертью смотреть на пытки и мучительную гибель своих детей [13; 14; 18]. Некоторым польским дворянам удалось сбежать в российскую часть Польши – Царство Польское, где они и их семьи получили защиту от российского наместника генерала-фельдмаршала Ивана Паскевича [5: 201]. За всё время восстания, длившегося около двух месяцев (с 19 февраля по апрель), было убито около 1 200 (по другим оценкам, от 2 000 до 3 000) чел. и разрушено порядка 500 помещичьих имений. Особенно пострадали усадьбы и землевладения в районе Тарнува (свыше 90 % поместий в Тарнувском округе были разрушены, включая усадьбу Богушей, которые притесняли Якуба Шелю и других крестьян), Бжостека, Лимановы и Ясло, где процент русинского (лемковского) крестьянского населения в те годы был наиболее высок [23: 82; 33: 112].

В польской исторической литературе до сих пор тиражируется мнение, что австрийские чиновники выдавали соль и платили крестьянам деньги не только за живых (по 5 флоринов) и мертвых (по 10 флоринов) польских дворян, но и за отрезанные у них головы. Нередко при этом утверждается, что, когда в «пункты оплаты», располагавшиеся в здании австрийской администрации в центре Тарнува, крестьяне приводили захваченных ими польских помещиков и узнавали, что

выгоднее сдать только голову, они прямо у этого здания отрезали либо отпиливали головы у ещё живых пленников [32]; сцена таких «расчётов за головы» изображена на картине «Галицийская резня (1846 года)» польского художника Яна Левицкого (1795–1871 гг.), который за свои националистические и сепаратистские взгляды преследовался российской полицией. Однако на самом деле австрийская центральная власть не давала таких приказов и инструкций. Долгое время она лишь поверхностно знала о том, что происходит на территориях, охваченных восстанием, и впоследствии была глубоко потрясена беспрецедентной жестокостью [17; 24; 30].

Галицийское восстание 1846 г. имело серьёзные последствия: оно по сути уничтожило польское освободительное движение на юге, ударив по его движущей силе – мелкопоместным дворянам, привело к поражению Краковского антиавстрийского и антирусского восстания 1846 г. (в ходе которого один из его организаторов польский писатель и философ Эдуард (Эдвард) Дембовский отправился с крестным ходом под хоругвями, крестами и иконами к отрядам крепостных крестьян, которые выступали на стороне австрийских властей, и был убит), нарушило планы польских националистов начать массовое общепольское восстание на территории Польши, разделённой между тремя империями, с целью восстановить её независимость. Именно после него вольный город Краков был взят российскими экспедиционными войсками, передан австрийцам и утратил свой независимый статус, войдя в состав Австрийской империи. Немаловажно и то, что под влиянием событий Галицийского восстания в польских шляхетских кругах получила распространение запоздавшая идея примирения с крестьянством путём отмены крепостничества как «добровольного дара» со стороны дворянства [31; 37].

Якуб Шеля и его сподвижники добились своей главной цели: 17 апреля 1848 г. обещанный Веной крестьянам-русинам перед началом их кровавого восстания императорский закон отменил в Галиции крепостное право с его панщиной, а 9 августа 1848 г. этот судьбоносный и долгожданный закон, подписанный императором Австрии Фердинандом I, был распространён и на Буковину: тысячи русинских семей были избавлены от крепостной неволи. Роль Якуба Шели в Галицийском восстании 1846 г. трудно переоценить: неслучайно его фигура стала своеобразным символом этого восстания, приобретая в польской литературе «демонический» оттенок, а само это событие прочно ассоциируется с его именем. Вся жизнь этого человека, угнетённого и униженного существовавшим в ту пору феодальным строем, долгое время терпеливо, мужественно и безуспешно добивавшегося правды в судах и прочих властных инстанциях, утратив-

шего в итоге веру в правосудие, в справедливость и решившегося на поднятие кровавого бунта, была посвящена борьбе за народное счастье. Примерами своей стойкости, бескомпромиссности и многолетнего подвижничества он вдохновлял отряды крестьян Западной Галиции – русинов и поляков – на сопротивление ненавистному им режиму, внося тем самым существенный личный вклад в их общее дело – ликвидацию изживших себя феодально-крепостнических порядков и притеснений со стороны польской знати.

Вопреки попыткам части польских историков придать Галицийскому восстанию 1846 г. исключительно социальный (межклассовый) характер и полностью игнорировать иные его причины, подчеркнём, что оно имело не только социальную, но и национальную и религиозную подоплёку. Не только жесточайшая эксплуатация (панщина в Галиции на момент её присоединения к Австрии доходила до 300 дней в году) и зависимое положение галицийских крестьян, многие из которых были русинами и униатами (греко-католиками), порождали их конфронтацию с польскими дворянами-католиками (панами): их протест также был следствием окатоличивания, ополячивания и грубых ошибок и просчётов в области межнациональных отношений. В силу данных факторов автохтонное русинское население районов Западной Галиции ещё до событий Галицийской резни приветствовало оккупацию территорий их проживания Австрийской империей, надеясь на изменения к лучшему. Эти изменения действительно произошли: проведённые австрийским престолом реформы привели к демографическому, культурному, образовательному и экономическому подъёму в Галиции, которую поляки превратили до этого в один из наиболее отсталых регионов Восточной Европы. А когда галичане-католики в 1809 г., в период противостояния Австрии и Франции, восстали и поддержали последнюю, считая, что Наполеон вернёт Польше независимость, русины-униаты выступили против восставших и помогли австрийской армии подавить этот путч.

«Невыученные уроки» Галицийского восстания 1846 г. постоянно, раз за разом приводили поляков к усилению и разрастанию межэтнических и межконфессиональных конфликтов с галицийскими русинами. Так, два года спустя, в 1848 г., при очередной попытке поляков восстановить своё государство в его прежних границах в противовес созданной во Львове польской Центральной раде народовой русины Галиции сформировали собственную национальную организацию во главе с греко-католическим епископом Г.И. Яхимовичем, поддерживавшую Габсбургов, – Головну руськую раду. Её участники и сторонники – галицийские русины – вновь помогли австрийским войскам подавить польские мятежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876. М.: Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. Т. 3. 571 с.
2. Висіцька Т. Опришки. Легенди і дійсність. Ужгород: Ліра, 2007. 312 с.
3. Грабовецкий В.В. Олекса Довбуш. Львів: Світ, 1994. 272 с.
4. Дронов М.Ю. Российская русинистика на современном этапе: наблюдения историка // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2015. № 1. С. 28–34.
5. Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава: Научное изд-во ПВН, 1995. 381 с.
6. Миллер И.С. Накануне отмены барщины в Галиции (из истории идейно-политической борьбы в польском обществе в 30–40-х годах XIX столетия) // Ученые записки института славяноведения. 1949. Т. 1. С. 119–240.
7. Мончаловский О.А. Житие и деятельность Ивана Наумовича. Львов: Политическое общество «Русская рада», 1899. 112 с.
8. Ясенский Б. Слово о Якубе Шеле. Поэмы и стихотворения. М.: Гослитиздат, 1962. 167 с.
9. Baczyński B. Jakuba Szeli opisanie we współczesnej mu prasie // Rocznik Tarnowski. 2012. № 17. S. 25–27.
10. Białas S. Jakub Szela. Kim był? Kraków: Wydawnictwo CCNS, 2006. 71 s.
11. Jakub Szela: Pięć prac o Jakubie Szeli / pod redakcją C. Wycech. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1956. 160 s.
12. Kaindl R.F. Die Bukowina in den Jahren 1848 und 1849 // Österreichisch-Ungarische Revue. 1899. № 25. S. 276–277.
13. Kargol T. Szela Jakub // Polski Słownik Biograficzny. Warszawa; Kraków: Instytut Historii PAN im. Tadeusza Manteuffla, 2011. T. 47. S. 607–611.
14. Kieniewicz S. Ruch chłopski w Galicji w 1846 roku. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo we Wrocławiu, 1951. 369 s.
15. Krainski M. Memoiren und Actenstücke aus Galizien im Jahre 1846. Leipzig: Engelmann, 1847. 328 s.
16. Magocsi P.R., Wandycz P. and oth. A History of East Central Europe. Seattle; London: University of Washington Press. 1974. Vol. 7. 431 p.
17. Oesterreichische Soldatenfreund: Zeitschrift für militärische Interessen. 1864. 2 Januar. S. 8.
18. Radzikowski S.E. Powstanie chochołowskie w roku 1846. Lwów: Polskie Towarzystwo Nakładowe, 1904. 132 s.
19. Rak R. Baśń o węzowym sercu albo wtóre słowo o Jakóbie Szeli. Warszawa: Powergraph, 2019. 462 s.
20. Rok 1846 w Galicji: Materiały źródłowe / Pod redakcją J. Sieradzkiego, C. Wycech. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958. 488 s.
21. Rozdolski R. Do historii «krwawego roku» 1846 // Kwartalnik Historyczny. 1958. T. 65, № 2. S. 403–422.
22. Sacher-Masoch L. Polnische Revolutionen. Erinnerungen aus Galizien. Prag: F.A. Credner, 1863. 386 s.
23. Sala M.F. Geschichte des polnischen Aufstandes vom Jahre 1846. Nach

authentischen Quellen dargestellt. Wien: Verlag von Carl Gerold's Sohn, 1867. 418 s.

24. Schlitter H. Aus Österreichs Vormärz. T. 1: Galizien und Krakau. Zürich; Leipzig: Wien: Amalthea-Verlag, 1920. 148 s.

25. Stasiuk A. Jadąc do Babadag. Wołowiec: Wydawnictwo Zarne, 2011. 219 s.

26. Szubert T. Jak(ó)b Szela (14) 15 lipca 1787 – 21 kwietnia 1860. Warszawa: Wydawnictwo DiG w Warszawie, 2013. 356 s.

27. Szubert T. Kilka faktów z życia Jakuba Szeli // Kwartalnik Historyczny. 2013. T. 120, № 3. S. 485–531.

28. Szubert T. «Twarze» Jakuba Szeli // Przegląd Historyczny. 2013. T. 104, № 4. S. 809–840.

29. Traciłowski K.R. Jakub Szela. Puławy-Rudki: Warszawska Firma Wydawnicza, 2011. 248 s.

30. Wiener Zeitung. 1846. April 8. S. 4.

31. Wolff L. The Idea of Galicia: History and Fantasy in Habsburg Political Culture. Stanford: Stanford University Press, 2010. 486 p.

32. Wycech C. Powstanie chłopskie w roku 1846: Jakub Szela. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1955. 245 s.

33. Zerboni Sposetti W. Aus Galizien. Leipzig: Costenoble, 1851. 327 s.

34. Żeromski S. Turoń: Dramat w 3 aktach. Warszawa: Mortkowicz, 1929. 151 c.

35. Ziejka F. Dwie legendy o Jakubie Szeli // Kwartalnik Historyczny. 1969. T. 86, № 4. S. 831–852.

36. Ziejka F. Jakub Szela // Życiorysy historyczne, literackie i legendarne / pod redakcją Z. Stefanowskiej, J. Tazbir. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1980. S. 207–252.

37. Ziejka F. Wesele w kręgu mitów polskich. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1997. 439 s.

38. Ziejka F. Złota legenda chłopów polskich. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1984. 422 s.

REFERENCES

1. Bakunin, M.A. (1935) *Sobranie sochineniy i pisem. 1828–1876* [Collected Works and Letters. 1828–1876]. Vol. 3. Moscow: Izd. Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.

2. Visicka, T. (2007) *Oprishki. Legendy i diysnist'* [Oprishki. Legends and Reality]. Uzhhorod: Lira.

3. Grabovetskiy, V.V. (1994) *Oleksa Dovbush* [Oleksa Dovbush]. Lviv: Svit.

4. Dronov, M.Yu. (2005) *Rossiyskaya rusinistika na sovremennom etape: nablyudeniya istorika* [Russian Rusin studies nowadays: a historian's observations]. *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana – New Historical Perspectives: From the Baltic to the Pacific Ocean*. 1. pp. 28–34.

5. Dybkovskaya, A., Zharyn, M. & Zharyn, Y. (1995) *Istoriya Pol'shi s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Poland from Ancient times to the Present]. Warsaw: PVN.

6. Miller, I.S. (1949) *Nakanune otmeny barshchiny v Galitsii (iz istorii ideyno-*

politicheskoy bor'by v pol'skom obshchestve v 30–40-kh godakh XIX stoletiya) [On the eve of serfdom abolition in Galicia (from the history of the ideological and political struggle in Polish society in the 1830–40s)]. *Uchenye zapiski instituta slavyanovedeniya*. 1. pp. 119–240.

7. Monchalovskiy, O.A. (1899) *Zhit'e i deyatel'nost' Ivana Naumovicha* [Life and work of Ivan Naumovich]. Lvov: Politicheskoe obshchestvo "Russkaya rada".

8. Yasenskiy, B. (1962) *Slovo o Yakube Shele. Poemy i stikhotvoreniya* [A word about Jakub Szela. Poems]. Moscow: Goslitizdat.

9. Baczyński, B. (2012) Jakuba Szeli opisanie we współczesnej mu praise. *Rocznik Tarnowski*. 17. pp. 25–27.

10. Biały, S. (2006) *Jakub Szela. Kim był?* Kraków: Wydawnictwo CCNS.

11. Wycech, C. (1956) *Jakub Szela: Pięć prac o Jakubie Szeli*. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza.

12. Kaindl, R.F. (1899) Die Bukowina in den Jahren 1848 und 1849. *Österreichisch-Ungarische Revue*. 25. pp. 276–277.

13. Kargol, T. (2011) Szela Jakub. In: *Polski Słownik Biograficzny*. Vol. 47. Warszawa-Kraków: Instytut Historii PAN im. Tadeusza Manteuffla. pp. 607–611.

14. Kieniewicz, S. (1951) *Ruch chłopski w Galicji w 1846 roku*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo we Wrocławiu.

15. Krainski, M. (1847) *Memoiren und Actenstücke aus Galizien im Jahre 1846*. Leipzig: Engelmann.

16. Magocsi, P.R., Wandycz, P. et al. (1974) *A History of East Central Europe*. Vol. 7. Seattle, London: University of Washington Press.

17. *Oesterreichische Soldatenfreund: Zeitschrift für militärische Interessen*. (1864) 2nd January.

18. Radzikowski, S.E. (1904) *Powstanie chochołowskie w roku 1846*. Lwów: Polskie Towarzystwo Nakładowe.

19. Rak, R. (2019) *Baśń o węzowym sercu albo wtóre słowo o Jakóbie Szeli*. Warszawa: Powergraph.

20. Sieradzkiego, J. & Wycech, C. (eds) (1958) *Rok 1846 w Galicji: Materiały źródłowe*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

21. Rozdolski, R. (1958) Do historii "krwawego roku" 1846. *Kwartalnik Historyczny*. 65(2). pp. 403–422.

22. Sacher-Masoch, L. (1863) *Polnische Revolutionen. Erinnerungen aus Galizien*. Prague: F.A. Credner.

23. Sala, M.F. (1867) *Geschichte des polnischen Aufstandes vom Jahre 1846. Nach authentischen Quellen dargestellt*. Wien: Verlag von Carl Gerold's Sohn.

24. Schlitter, H. (1920) *Aus Österreichs Vormärz*. Vol. 1. Zürich, Leipzig, Wien: Amalthea-Verlag.

25. Stasiuk, A. (2011) *Jadąc do Babadag*. Wołowiec: Wydawnictwo Zarne.

26. Szubert, T. (2013) *Jak(ó)b Szela (14) 15 lipca 1787 – 21 kwietnia 1860*. Warszawa: Wydawnictwo DiG w Warszawie.

27. Szubert, T. (2013) Kilka faktów z życia Jakuba Szeli. *Kwartalnik Historyczny*. 120(3). pp. 485–531.

28. Szubert, T. (2013) "Twarze" Jakuba Szeli. *Przegląd Historyczny*. 104(4). pp. 809–840.

29. Traciłowski, K.R. (2011) *Jakub Szela*. Puławy-Rudki: Warszawska Firma Wydawnicza.
30. *Wiener Zeitung*. (1846) 8th April.
31. Wolff, L. (2010) *The Idea of Galicia: History and Fantasy in Habsburg Political Culture*. Stanford: Stanford University Press.
32. Wycech, C. (1955) *Powstanie chłopskie w roku 1846: Jakub Szela*. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza.
33. Zerboni Sposetti, W. (1851) *Aus Galizien*. Leipzig: Costenoble.
34. Żeromski, S. (1929) *Turoń: Dramat w 3 aktach*. Warszawa: Mortkowicz.
35. Ziejka, F. (1969) Dwie legendy o Jakubie Szeli. *Kwartalnik Historyczny*. 86(4). pp. 831–852.
36. Ziejka, F. (1980) Jakub Szela. In: Stefanowskiej, Z. & Tazbir, J. (eds) *Życiorysy historyczne, literackie i legendarne*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. pp. 207–252.
37. Ziejka, F. (1997) *Wesele w kręgu mitów polskich*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
38. Ziejka, F. (1984) *Złota legenda chłopów polskich*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.

Берг Людмила Николаевна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета (Россия).

Lyudmila N. Berg – Ural State Law University (Russia).

E-mail: l.n.berg@uslu.su

Корсаков Константин Викторович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Россия).

Konstantin V. Korsakov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: korsakovekb@yandex.ru

УДК 94(470+437+438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/5

В.А. Францев и Карпатская Русь

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Владимир Андреевич Францев (4(16).04.1867 – 19.03.1942) – русский учёный-славист. Закончил одну из варшавских гимназий, затем – Императорский Варшавский университет. В 1893–1895 гг. с научной целью совершал командировки за границу. В 1895 г. получил звание магистранта и стал готовиться к защите магистерской диссертации. С 1897 г. три года пробыл в заграничной командировке. В 1899 г. Францев совершил поездку по Угорской Руси. По результатам командировки опубликовал в Варшаве в «Русском филологических вестнике» (1901, № 1–2) статью «Обзор важнейших изучений Угорской Руси». Во время поездки он познакомился и впоследствии поддерживал связи с видными деятелями возрождения Угорской Руси.

С 1899 г. стал и.о. доцента кафедры истории славянских наречий и литератур Императорского Варшавского университета, с 1903 г. – экстраординарный профессор, с 1907 г. – ординарный профессор университета. В 1900–1921 гг. читал лекции в Варшавском университете, который в 1915 г. в связи с Первой мировой войной переехал в Ростов-на-Дону. Его преподавательская деятельность отличалась широтой и разнообразием. Всё своё свободное время В.А. Францев посвящал научным занятиям в архивах, главным образом в славянских землях Австро-Венгрии. Он командировался в архивы «на летнее вакационное время» с 1901 по 1914 г. включительно. Некоторые его командировки распространялись и на зимние каникулы, и даже на все три вакационных периода: зимний, пасхальный и летний, например, в 1906/07 и в 1907/08 академических годах, когда университет не функционировал из-за студенческих волнений. О результатах своих командировок В.А. Францев докладывал в «Обществе истории, филологии и права» при Варшавском университете, в деятельности которого он активно участвовал.

В период 1902–1907 гг. В.А. Францев издал почти все свои наиболее крупные труды (за исключением переписки П.И. Шафарика). В их числе магистерская диссертация «Очерк по истории чешского Возрождения» (Варшава, 1902), докторская диссертация «Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст.» (Прага, 1906), «Чешские драматические произведения XVI–XVII ст.» (Варшава, 1903) и др. В 1909 г., в период острых дискуссий по будущему устройству Холмско-Подляшской

Руси, он выпустил «Карты русского и православного населения Холмской Руси с статистическими таблицами к ним».

В 1915 г. В.А. Францев стал членом-корреспондентом Императорской академии наук в Петрограде по отделению русского языка и словесности (ОРЯС), с 1921 г. – действительным членом.

Октябрьскую революцию он не принял, но публично против новой власти не выступал. В конце 1919 г. получил предложение Совета профессоров пражского Карлова университета (Чехословакия) возглавить русское отделение Славянского семинара. В Чехословакию эмигрировал в 1921 г. Стал профессором Карлова университета, в 1927 г. принял чехословацкое подданство.

Вся последующая жизнь его была связана с русской эмиграцией. В.А. Францев был действительным членом и председателем Русского института, а также председателем Русской академической группы в Чехословакии, заместителем председателя Союза русских академических организаций за границей, членом комиссии по исследованию Словакии и Подкарпатской Руси. В 1924 г. ужгородское Культурно-просветительское общество им. А. Духновича переиздало работу В.А. Францева «Из эпохи возрождения Угорской Руси» под названием «К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси». В той же серии вышло небольшое исследование Францева «Из истории письменности Подкарпатской Руси» (1929). В 1930 г. в Ужгороде вышел «Карпатский сборник», где в предисловии помещена статья В.А. Францева «Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси».

Последние годы жизни Францева пришлись на период оккупации Чехословакии нацистской Германией. В.А. Францев умер 19 марта 1942 г. Был похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Автор более 300 работ по славяноведению.

Ключевые слова: Владимир Францев, Карпатская Русь, Холмщина, Угорская Русь, Подкарпатская Русь, Чехословакия, русины.

V.A. Frantsev and Carpathian Rus

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Frantsev Vladimir Andreevich (April 4 (16), 1867 – March 19, 1942) – a Russian Slavist, who authored more than 300 works on Slavic studies. He graduated from a Warsaw grammar school, then studied in the Imperial Warsaw University. In 1893–

1895, V. Frantsev made several journeys abroad with the academic purpose. In 1895, he began to prepare for the master's degree. In 1897, he went abroad and spent three years there. In 1899, V.A. Frantsev made a trip to Ugrian Rus, after which published an article "Review of the most important studies of Ugri Rus" in the Russian Philological Bulletin (1901, Nr. 1–2) in Warsaw. During his trip, V.A. Frantsev met and subsequently maintained contacts with prominent figures in the revival of Ugrian Rus. In 1899, he became Associate Professor of the Department of the History of Slavic Dialects and Literatures of the Imperial Warsaw University, in 1903 – an extraordinary professor, in 1907 – an ordinary professor. In 1900–1921, V.A. Frantsev lectured at the University of Warsaw, which in 1915 moved to Rostov-on-Don in connection with WWI. Teaching actively at the University, he devoted his free time to archival studies, working mainly in the Slavic lands of Austria-Hungary, where he went "for summer vacations" from 1901 to 1914. Sometimes he continued his work during the winter vacations and Easter holidays, as in 1906/07 and in 1907/08, when the university did not function due to student unrest. V.A. Frantsev reported to the "Society of History, Philology and Law" at the University of Warsaw, of which he was an active participant. In 1902–1907, Frantsev published almost all of his major works (except P.Y. Shafarik's correspondence, published much later). Among them were his master's thesis "An Essay on the History of the Czech Renaissance" (Warsaw, 1902), doctoral dissertation "Polish Slavic Studies in the late 18th and first quarter of the 19th century" (Prague, 1906), "Czech dramatic works of the 16th – 17th centuries" (Warsaw, 1903), etc. In 1909, during heated discussions on the future structure of Chełm-Podlasie Rus, he published "Maps of the Russian and Orthodox population of Chełm Rus with statistical tables". In 1913, V.A. Frantsev became a member of the Czech Royal Society of Sciences. Since 1915, he was a corresponding member of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg in the Department of Russian Language and Literature. He did not accept the October Revolution, yet never publicly opposed the new government. At the end of 1919, he received an offer from the Council of Professors of the Prague Charles University (Czechoslovakia) to head the Russian branch of the Slavic Seminar. In Czechoslovakia, he became a professor at Charles University. In 1927, he took Czechoslovak citizenship. V.A. Frantsev's life was associated with the Russian emigration. He was a full member and chairman of the Russian Institute, as well as chairman of the "Russian Academic Group in Czechoslovakia", deputy chairman of the "Union of Russian Academic Organizations Abroad", a member of the Commission for the Study of Slovakia and Subcarpathian Rus. In 1924, the Uzhhorod "A. Dukhnovich Cultural and Educational Society" republished V.A. Frantsev's *From the Renaissance Era of Ugri Rus* under the title *On the Question of the Literary Language of Subcarpathian Rus* and a brief *From the History of Writing in Subcarpathian Rus* (1929). In 1930, The Carpathian Collection was published in Uzhhorod, with Frantsev "From the history of the struggle for the Russian literary language in Subcarpathian Rus" in the preface. He spent his last years in Czechoslovakia occupied by Nazi Germany. V.A. Frantsev died on March 19, 1942, a few days before his 75th birthday. He is buried in the Olshansk cemetery in Prague.

Keywords: Vladimir Francev, Carpathian Rus, Chełm Land, Ugrian Rus, Czechoslovakia, Subcarpathian Rus, Rusins.

Владимир Андреевич Францев родился 4 (16) апреля 1867 г. в русской части Польши, в Новогеоргиевской крепости (ныне – польский Модлин) в небогатой семье лекарского помощника местного военного госпиталя, коллежского регистратора (низший гражданский чин 14-го класса в Табели о рангах) Андрея Константиновича Францева. Его мать Мария Адольфовна была полькой римско-католического вероисповедания [5: 79; 10: 292; 11: 148]. Несмотря на ограниченность в средствах, родители дали сыну неплохое образование. Он окончил русскую гимназию в Варшаве в 1886 г., затем в 1890 г. – историко-филологический факультет Императорского Варшавского университета с правом на степень кандидата. Стал сверхштатным учителем русского языка и словесности, истории и географии во 2-й Варшавской женской гимназии [5: 79; 8: 349; 10: 292; 11: 148].

В 1892 г. В.А. Францев представил диссертацию на тему «Сказки и песни о благородных животных», был утверждён в степени кандидата и стал стипендиатом при Варшавском университете для подготовки к профессорскому званию по предмету «Славянские наречия и литературы». Одновременно он продолжал работать в гимназии [5: 79; 10: 292–293].

В июне 1893 г. его командировали на летнее вакационное время с научной целью за границу. Учёный посетил Загреб, Любляну, Будапешт, Прагу, Вену. Он изучал древнеславянский, сербскохорватский и чешский языки, работал с рукописями в библиотеках и музеях, познакомился со славянскими семинариями И.В. Ягича. Его вторая командировка длилась с 1 июля по 1 декабря 1894 г. Он посетил в Вене лекции Ягича и практические занятия К.Й. Иречека, М. Мурко, В. Вондрака и М. Решетара [5: 79; 10: 293–294].

В первом полугодии 1895 г. В.А. Францев сдал магистерский экзамен и получил звание магистранта. В 1896 – начале 1897 г. он работал учителем в 3-й и 1-й женских гимназиях Варшавы. Для подготовки к профессорскому званию был откомандирован с июня 1897 г. за границу, где пробыл три года. В командировке он продолжил изучение языков, литературы, истории и этнографии западных и южных славян. Учёный посетил Моравию, где изучал историю и частично диалектологию [5: 79; 10: 293; 11: 151].

Во время этой командировки в 1899 г. В.А. Францев совершил поездку по Угорской Руси. Он работал в библиотеках и архивах Ужгорода и Мукачева. Здесь же познакомился с известными угрорусскими деятелями: К. и Е. Сабовыми, Е. Фенциком, П. Яновичем, Ю. Чучкой, Ф. Матяцковым и др. Проблемами Угорской Руси заинтересовался под

влиянием профессоров А.С. Будиловича и И.П. Филевича [28: 20–21]. Результатом его научных изысканий стала историографическая работа «Обзор важнейших изучений Угорской Руси», опубликованная в Варшаве в «Русском филологическом вестнике» в 1901 г. [18].

С 29 октября 1899 г. в Варшавском университете в связи с уходом Константина Яковлевича Грота освободилось место на кафедре истории славянских наречий и литератур. После возвращения из командировки В.А. Францев был назначен исполняющим должность доцента на этой кафедре с 10 октября 1900 г. [5: 80; 8: 349; 10: 294–295; 11: 151].

В 1902 г. учёный защитил магистерскую диссертацию «Очерки по истории чешского возрождения» и в 1903 г. был назначен экстраординарным профессором. В 1906 г. он защитил докторскую диссертацию «Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетия» и с 1907 г. стал ординарным профессором Варшавского университета [5: 80; 8: 349; 10: 295; 11: 151].

В университете читал курсы новой чешской литературы, исторической грамматики чешского языка, истории южнославянских литератур, славянских древностей, лингвистического введения в славяноведение, исторической этнографии, грамматики церковнославянского языка и т.д. Многие его курсы были опубликованы в качестве пособий для студентов (см., напр.: [22]). Также он вёл практические занятия по чтению чешских и других славянских текстов и преподавал чешский язык [5: 80; 8: 349; 10: 295; 11: 151].

Много времени В.А. Францев уделял научной работе. В летнее вакационное время (с 20 июня по 20 августа) с 1901 по 1914 г. он был в командировках, работая в архивах славянских земель Австро-Венгрии. Некоторые его командировки приходились и на зимние, и на пасхальные каникулы. О результатах командировок учёный докладывал на заседаниях Общества истории, филологии и права при Варшавском университете, будучи членом его бюро и редактором [5: 80–81; 10: 295–297; 11: 152].

Участвовал он и в общественной жизни университета. В качестве представителя Варшавского университета читал торжественный адрес академику И.Я. Ягичу, участвовал в открытии памятника Н.В. Гоголю в Москве, славянском съезде в Софии и т.д. В.А. Францев был членом редакционной и библиотечной комиссий университета, редактором университетских «Известий», секретарём историко-филологического факультета, членом и председателем университетского суда и т.д. [5: 81–82; 10: 297].

В период с 1902 по 1907 г. были изданы все его крупные работы (за исключением «Корреспонденции П.Й. Шафарика с русскими учёными», вышедшей в Праге в 1927–1928 гг. на чешском языке).

В их числе магистерская диссертация «Очерк по истории чешского возрождения» (Варшава, 1902), докторская диссертация «Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст.» (Прага, 1906), «Чешские драматические произведения XVI–XVII ст.» (Варшава, 1903), два тома «Писем к Вячеславу Ганке из славянских земель» (Варшава, 1905) и т. д. [5: 82; 10: 297–298; 11: 152].

В 1905 г. он опубликовал статью «К истории кафедры славяноведения в Варшавском Королевском Александровском университете» в «Новом сборнике статей по славяноведению», который был подготовлен и выпущен учениками В.И. Ламанского к 50-летию его научно-литературной деятельности [20]. Это был первый университет, открытый русскими властями в Варшаве в 1816 г. и ликвидированный в 1831 г. после подавления польского мятежа.

Научный авторитет В.А. Францева рос. В 1904 г. его избрали иностранным членом Чешской академии наук и искусств. В 1907 г. он получил премию митрополита Макария за издание корреспонденции В. Ганки и премию им. профессора А.А. Котляревского за докторскую диссертацию и издание второго тома корреспонденции И. Добровского. В 1913 г. он стал членом Чешского королевского общества наук, Чешского этнографического общества, членом-сотрудником Пушкинского общества при бывшем Александровском лицее, а в 1915 г. – членом-корреспондентом Российской академии наук по отделению русского языка и словесности (ОРЯС) [5: 82; 8: 349; 10: 298; 11: 152].

Во время Первой мировой войны, перед взятием немцами Варшавы, в июне 1915 г. Императорский Варшавский университет был эвакуирован и размещён в Ростове-на-Дону. Как писал В.А. Францев академику А.А. Шахматову накануне переезда в Ростов-на-Дону, это решение его удручает: потеряв «всю свою библиотеку, собранную в течение почти 25-летних моих поездок в славянские земли, не имея ни листочка своих заметок и материалов, я решительно не вижу никакой возможности работать в Ростове, где нет никакой библиотеки по истории славянских литератур и вообще по славяноведению» [5: 82–83; 10: 298–299; 11: 152].

Октябрьскую революцию учёный не принял, но публично против новой власти не выступал [5: 83; 10: 299–300; 11: 152]. В конце 1919 г. получил предложение пражского Карлова университета на постоянную работу. После отступления Белой армии он решил эмигрировать из России. Т. к. В.А. Францев родился на территории, ставшей частью независимого польского государства, то получил польское гражданство и советские власти разрешили ему перебраться в Польшу, откуда он переехал в Чехословакию. В Прагу учёный прибыл 10 сентября 1921 г. (у В.Т. Пашуто – 11 ноября [14: 60]), а в штате Карлова универ-

ситета числился с 1 января 1922 г. 9 ноября 1921 г. он был избран действительным членом Российской академии наук по отделению русского языка и словесности (ОРЯС). В Советскую Россию В.А. Францев возвращаться не хотел. В письме от 15 июля 1923 г. он пишет своему коллеге академику М.Н. Сперанскому: «В Россию, очевидно, не вернусь; с грустью об этом думаю и не нахожу ни в чём утешения; надо работать здесь, пока есть силы, но тоска давно уже одолевает, и трудно, тяжело жить без отчизны, без родной почвы под ногами, без родного воздуха» [5: 83–84; 10: 300–301; 11: 152].

На решение эмигрировать из Советской России повлияло также состояние здоровья учёного, который в 1920–1921 гг. несколько раз перенёс брюшной тиф, сыпной тиф и паратиф [16: 195]. В первые годы эмиграции В.А. Францев не исключал возможности возвращения на родину, о чём сообщал в письме, направленном секретарю академии в феврале 1922 г. В свою очередь руководство ОРЯС почти два года предпринимало попытки вернуть учёного, вплоть до «ультиматума». Планы В.А. Францева изменились, и он отказался от звания академика [16: 316].

В 1927 г. учёный принял чехословацкое гражданство. Из-за непосещений заседаний Российской академии наук был исключён из её состава постановлением Общего собрания АН СССР 15 декабря 1928 № 245, утвердившим Постановление Президиума АН СССР о лицах, утративших связь с АН СССР ввиду выезда за границу¹ [10: 300–301; 11: 152].

Он был лоялен к чехословацкому государству, ему импонировало, что чехи «умеют строить, не разрушая старых исторических основ, создавать новую жизнь, почитая традицию и храня свято заветы предков, оберегая все святыни народные и утверждая высокие идеалы славянской взаимности» [24: 13].

В.А. Францев стал ординарным профессором славянской филологии в Карловом университете, преподавал русский язык и словесность, читал лекции по истории русского языка, русскому фольклору, древнейшей русской письменности, русской литературе XV–XIX вв., истории славянской филологии. Первую лекцию в Карловом университете на тему «Начало славянских изучений в России и Польше. Исторические параллели» он прочитал 2 марта 1922 г. В дальнейшем больше внимания стал уделять русскому языку и словесности, читая лекции по истории русского языка, русской науке и литературе конца XVIII – начала XIX ст., русскому фольклору, древнейшей русской письменности, русской литературе XV–XVII вв., XVIII в., начала и середины XIX в., русскому романтизму, историографии русской литературы и т. д., проводил семинары по «Слову о полку Игореве», русским былинам, эпическим песням, текстам XV–XVII вв. и т. д. [5: 85; 11: 152].

Основным направлением исследовательской работы В.А. Францева в Праге стало изучение связей русских писателей и поэтов с южными и западными славянами, их славянских идей и устремлений. Особенно много внимания в этом смысле он уделял А.С. Пушкину. Учёный продолжил заниматься изучением творчества основных деятелей чешского возрождения. Й Добровскому посвящены статьи Cesta J. Dobrovského a hrab. J. Šternberka do Ruska v letech 1792–1793, Praha, 1923; Maloruské národní písně v pozůstalosti J. Dobrovského, Praha, 1923 (отд. отт. из Národopisný Věstník Československý, d. 16, 1923, č. 1–2); Dopisy neznámé české šlechtičny Josefu Dobrovskému z r. 1796, vydal V. A. Francev, Praha, 1929; Писма Ат. Стојковића Јосифу Добровскому, публ. В. Францева, «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», књ. 10, 1930, св. 2, стр. 176–190; K dějinám lidovědných studií Dobrovského, «Listy filologické», d. 57, 1930, str. 291. Учёный опубликовал двухтомную переписку П.И. Шафарика (Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. Vzájemné dopisy P.J. Šafaříka s ruskými učiteli (1825–1861). Vydal V.A. Francev. Část I v Praze, 1927; Část II v Praze, 1928), над которой начал работать ещё в Варшаве, несколько небольших статей. Ряд работ он написал о Я. Колларе. В 1932 г. издал чешский перевод «Слова о полку Игореве», выполненный Й. Юнгманном в 1810 г., вместе с русским текстом в латинской транскрипции и собственным введением. Одна публикация посвящена В. Ганке («Gessnerovy Idylly» v překladu Hankově, Sborník prací, věnovaných V. Tillovi, Praha, 1927). В 1928 г. в Софии вышла его работа «Болгарско-чешские литературные связи в половине XIX столетия», отд. отт. из «Списание на Българска академия на науките», кн. 38, стр. 33–80 [5: 85–87].

В Праге В.А. Францев продолжил изучение истории и языка населения Подкарпатской Руси. Он сотрудничал с ужгородским Культурно-просветительным обществом им. А. В. Духновича, которое выпускало на русском языке журнал «Карпатский свет» и в приложении к нему серию брошюр и сборники научных статей [5: 86].

В.А. Францев активно участвовал в жизни русской эмиграции. Он был действительным членом, а затем и председателем Русского института, существовавшего в Праге в 1922–1938 гг. Как записано в «Положении о Русском институте в Праге», его целью было «распространение сведений о России, русской культуре и текущих работ русских учёных и писателей, и представителей всех областей знания и искусства». Русскому институту оказывало финансовую помощь чехословацкое правительство. В.А. Францев также стал почётным председателем Русской академической группы в Чехословакии, заместителем председателя Союза русских академических организаций за границей, руководителем русского отделения Славянского семинара при Карловом университете, членом комиссии по исследованию

Словакии и Подкарпатской Руси [5: 84–85; 11: 165; 17: 127–129, 129], участвовал в работе Философского общества в Праге, Русского исторического общества, Археологического семинара Н.П. Кондакова (Институт Н.П. Кондакова), Института изучения России и т.д. [3: 8–9]. Учёный сотрудничал со «Славянской библиотекой», которая была образована МИД ЧСР 4 декабря 1924 г. в рамках «Русской вспомогательной акции». Её фонды первоначально насчитывали 12 тыс. книг и постоянно пополнялись. В 1929 г. принял участие в выпуске «Пушкинского сборника» [2: 21].

Его научная работа привела к дальнейшему росту авторитета учёного. В.А. Францева избрали членом-корреспондентом Болгарской академии наук (1926 г.), членом-корреспондентом Этнографического общества в Праге, действительным членом Пражского славянского института (1930 г.) [5: 86–87; 10: 374].

Учёный в годы эмиграции продолжал сотрудничать с советскими исследователями. Об это говорит его инициатива в подготовке I Съезда славистов (Прага, 1929), в котором участвовали и делегаты из СССР. Он никогда не выступал в печати против Советского Союза. Нацизм он отвергал, к советско-чехословацкому сближению накануне войны отнёсся положительно, о чём говорит новое издание его труда «Русские войска в Чехии. К 200-летию, 1735–1935» [14: 61–62]. В 1937 г. он вышел на пенсию [14: 64].

Последние годы жизни В.А. Францева пришлось на период оккупации Чехословакии нацистской Германией. В этих условиях русская эмиграция разделилась на два лагеря: одни перешли на сторону нацистов, другие пытались просто приспособиться, выжить. Коллаборационистом учёный не стал. Он умер 19 марта 1942 г., за несколько дней до своего 75-летия, и был похоронен на Ольшанском кладбище в Праге [5: 87; 10: 374–375; 12: 690].

В.Н. Францев, племянник учёного, в своих воспоминаниях привёл слова Владимира Андреевича: «Когда придут большевики, я буду первый махать из окна красным платком» [14: 62].

По данным Т. Силлабы, научное наследие В.А. Францева насчитывает 316 работ. Их можно условно разделить на публикацию источников по истории славяноведения, изучению чешской науки о славянах и её культуры, исследованию славяноведения в Польше и польско-русских отношений в научной сфере, развитию славяноведения у других славянских народов и межславянским отношениям [10: 301].

На первом месте как по объёму, так и по значению стоят работы по изданию источников. Также сюда можно отнести его монографии и статьи, где преобладает авторский текст В.А. Францева, но в качестве приложения публикуются те источники, на основе которых написана данная работа. Вторую группу составляют его самостоятель-

ные труды, в первую очередь, обе диссертации. Небольшие работы В.А. Францева связаны с публикацией архивных материалов. К ним также относятся десятки библиографических заметок, рецензий, некрологов, критико-биографических статей. Среди библиографических работ можно отметить биографию К.Я. Грота, изданную в 1935 г. в Праге на чешском языке [5: 87, 90, 92, 93]. Ряд работ К.Я. Грот посвятил истории Карпатской Руси. Сохранились курсы лекций В.А. Францева, которые раскрывают широкий научный кругозор учёного [5: 94].

Основное направление научной деятельности, как определил он его сам в 1898 г.: «стремление основательно и, главным образом, самостоятельно ознакомиться с периодом чешского возрождения, литературной деятельностью и заслугами выдающихся его деятелей» [10: 301–302; 11: 153].

Около 60 трудов В.А. Францева посвящено польской тематике [10: 341]. Последней крупной работой исследователя, освещающей проблему польско-русских отношений, является монография «Пушкин и польское восстание 1830–1831 годов. Опыт исторического комментария к стихотворениям “Клеветникам России” и “Бородинская годовщина”», вышедшая в юбилейном «Пушкинском сборнике» (Прага, 1929) [11: 163] и в том же году отдельным оттиском.

Ряд работ учёного, как уже говорилось выше, посвящён истории и языку Карпатской Руси [15: 18–19; 21; 23; 25–27].

Можно согласиться с мнением Л.П. Лаптевой, что «В.А. Францев относится к тем русским учёным-гуманитариям, которые в начале XX в. определили почётное место России в европейской науке. Он был славяноведом энциклопедического типа, т.е. изучал славянский мир в его совокупности: историю, филологию, языкознание, этнографию, литературу, источники о славянах, прошлое и современное состояние всех сторон культуры и вообще духовной жизни славянских народов» [11: 146].

Собранные учёным многочисленные факты, опубликованные забытые или ранее неизвестные источники способствовали дальнейшему развитию славяноведения [8: 351].

Т. Силлаба считал, что «исследовательский труд всей жизни В.А. Францева заключает в себе материал, который можно считать необходимым для всех дальнейших исследований по истории славистики. Было бы жаль, если из-за идеологических, теоретических и методологических недостатков автора он оставался и далее мало использованным» [34: 35].

Биография, научная, педагогическая и общественная деятельность учёного освещались в работах Л.П. Лаптевой, в т. ч.: [4–11], М.Ю. Досталь [1], чешских учёных [13; 31–36], в исследованиях по русской эмиграции [2–3; 14; 16–17].

К сожалению, работы В.А. Францева, посвящённые Карпатской Руси, лишь частично упоминаются в нескольких исследованиях [5; 10].

В 1900 г. В.А. Францев под псевдонимом Путник опубликовал в «Русском вестнике» статью «Современное состояние Угорской Руси». В ней он писал: «За Карпатскими горами, в северо-восточном углу Угорской (Венгерской) половины Австрийской монархии, в ближайшем соседстве с Русью Галицкой и Буковиной, искони обитает полумиллионный русский народ, отрезанный от мира и неведомый ему вследствие того тяжёлого гнёта, который заставил его умолкнуть и погрузиться в то состояние полнейшего равнодушия к своей судьбе...». Автор подчеркнул, что «современное состояние Угорской Руси чрезвычайно печально» [15: 629].

Одной из причин такого положения народа автор считал то, что «кормчие народа», которым следовало бы вести свой утлый корабль к тихой пристани мирного развития и просвещения народа, сами укрываются по норам как кроты...». Интеллигенцию составляли «исключительно лица духовные и народные учителя». «Школа, которую проходят эти ближайшие наставники народа, вовсе не подготавливает их к великому делу служения народу, она служит прежде всего целям мадьяризации и в этом направлении воспитывает всю угрорусскую молодёжь; тяжёлая же школа жизни убивает все лучшие её стремления». Те, кто вышел в чиновники, быстро перерождаются «в рьяных мадьяров-ренегатов» [15: 630]. Также учёный упоминал о «мадьяризации нынешнего угрорусского духовенства» [15: 631]. «Пример священников увлекает и их ближайших помощников в деле мадьяризации, народных учителей (певцеучителей), также не отказывающихся от милостей начальства в воздаяние патриотических заслуг» [15: 633].

Автор отметил «привязанность народа к русской церкви, её обрядам, древнему богослужебному языку и кирилловской азбуке», что объясняет неудачные попытки ввести в богослужение мадьярский язык. Упоминает он и о наличии в церкви «искренно преданных ей сынов её, а не слепых орудий политических замыслов правительства», которые ведут просветительскую деятельность [15: 633–634].

Образование юношество получало в Пряшевской и Ужгородской (Унгварской) духовных семинариях, в гимназиях и препарандиях (учительских семинариях). Большинство людей, обучившихся в средней и высшей школе, слабо владели русским языком, зато в совершенстве знали мадьярский [15: 634]. В семинариях преподавание велось в основном на латинском языке, церковное право читалось на мадьярском, пастырское богословие – на русском, студентов обучали церковнославянскому языку и церковному пению [15: 635–636]. В учительскую семинарию в Пряшеве принимали после окончания четырёх классов гимназии, не окончившие гимназию поступали в

подготовительный класс препарандии. Её выпускники становились сельскими учителями и одновременно псаломщиками (певцеучителями). Поэтому при обучении важное место отводилось церковному пению и церковнославянскому языку [15: 636–637].

Образование девушек поставлено плохо, как и во всей Австро-Венгрии. Девушки обучались преимущественно у монахинь-католичек. Для воспитания девушек-сирот, дочерей священников в Ужгороде был открыт пансион, в котором все предметы преподавали на мадьярском языке. По-русски учили только читать и писать. Как отмечал автор, в просветительских учреждениях Угорской Руси «ничего русского нет, и русский язык не играет в них никакой роли» [15: 637].

Просветительские задачи провозгласило в своём уставе Общество св. Василия Великого в Ужгороде, возникшее в 1864 г. Оно сплотило «все лучшие умственные силы Угорской Руси». Общество начало свою деятельность под председательством А.И. Добрянского и его помощника о. Иоанна Раковского. Оно «охватило широкие круги угрорусского образованного общества». С 1867 г. общество стало издавать еженедельную газету «Свет», в которой сотрудничали «все выдающиеся угрорусские деятели этой знаменательной эпохи» [15: 637]. К сожалению, газета и книги, выпускаемые обществом на литературном русском языке, были доступны лишь узкому кругу интеллигенции [15: 639].

С назначением епископом на Мукачевскую кафедру мадьярского ставленника Стефана Панковича Общество св. Василия и его вожди стали подвергаться гонениям до тех пор, пока, по выражению одного из видных его членов, не впало в «летаргический сон». Более 30 лет общество бездействовало и возобновило свою работу после общего собрания его членов 24 декабря 1896 г. [15: 640].

Обратил В.А. Францев внимание и на тяжёлое экономическое состояние угрорусского народа, на которое должно было обратить мадьярское правительство [15: 648–652]. «Одним из величайших зол многострадальной Угорской Руси» автор считал «непомерно развитое пьянство» [15: 652]. Упоминал он и эмиграцию в Америку, где многие угрорусы «стали богатыми людьми». Вместе с выходцами из Галичины они создали свои «отлично организованные общества», издавали «Американский русский вестник», имели свыше 50 своих униатских церквей и 36 священников. Связей со своей родиной они в большинстве случаев не теряли и, заработав средства в Америке, возвращались домой. Мадьярские власти смотрели на них с недоверием, опасаясь распространения православия и идей панславизма [15: 652–653].

В статье «Обзор важнейших изучений Угорской Руси» (из отчёта о заграничной командировке) (1901 г.) В.А. Францев напомнил о «важ-

ных и обширных задачах русской исторической науки на Карпатах», на которые ранее обратили внимание Н.И. Надеждин и И.П. Филевич [18: 145]. Вопрос о русском имени на Карпатах на протяжении последних более пятидесяти лет создал «весьма небольшую литературу» [18: 145–146]. Помимо вышеперечисленных учёных, данный вопрос поднимали М. Лучкай, П.И. Шафарик, А. Годинка, Л. Нидерле, А. Орлай, Я. Головацкий, А. Добрянский, Ю. Жаткович и др. [18: 146–153].

Обратил внимание исследователь и на важность изучения угрорусских говоров [18: 153]. Вопрос о языке интересовал первых русских путешественников по Угорской Руси П.И. Кеппена, В.Б. Броневского, И.И. Срезневского, польского славяноведа А. Кухарского, его чешского коллегу Ф. Пастернака. Он поднимался в ранних трудах П.И. Шафарика. Об особенностях угрорусского наречия писали И. Заборский, А. Будилович, Е. Огоновский, И. Верхратский, А. Кочубинский, Л. Петров, И. Шкультетый, О. Брок, В. Гнатюк и др. [18: 154–164]. Исследователь представил обзор изучения численности «русского населения Угорщины и пределах распространения его», указал на фальсификацию данных в официальной венгерской статистике. Он привёл пример: «По официальным сведениям, в 1880 году в общей цифре населения Угорского королевства 15 642 102 чел. (из них мадьяр 6 445 467 чел.) числилось русинов 356 062 ч.; в 1890 г. в общей цифре населения 17 349 398 чел. (из них мадьяр 7 426 730 чел.) русинов числится 383 392 чел. В течение семнадцати лет чисто мадьярское население с 6 445 467 душ (в 1880 г.) возросло до 8 164 147 чел. (в конце 1897 года), т. е. увеличилось на 1 718 680 чел., или на 26,7 %, тогда как немадьярское население усилилось всего только на 13 %, русское – меньше, чем на 8 %. Между тем известно, что славянское население Угрии отличается наибольшею плодovitостью, что семьи в 6–8 и даже 12 детей, например, у словаков, весьма нередки». Некоторым подспорьем для определения численности угрорусского населения могут служить, по мнению автора, епархиальные шематизмы (списки духовных лиц, всех приходов, количество верующих и т. д.). Данные, правда, будут приблизительные, т. к. они не различают национальность, показывая только вероисповедание, «при отдельных приходах ограничиваются глухим указанием на язык прихожан». Все угрорусские приходы принадлежат к греко-католическому (униатскому) вероисповеданию, поэтому, выбрав данные о греко-католических приходах с русским языком, получим «достаточно верную сумму населения русского чистого». Однако остаются приходы со смешанным населением, где угрорусов сложно выделить, да и данные шематизмов относительно употребления русского языка не во всех случаях можно принять на веру. Он обратил внимание на замеченный ещё И.И. Срезневским факт: русинами по вере в Венгерском королевстве называли всех

униатов и православных, независимо от того русины они, или словаки, или венгры (мадьяры), кроме сербов и волохов (валахов) [18: 171–174].

По шематизму Пряшевской епархии на 1898 г. (*Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Eperjesiensis pro a. d. 1898, Eperjesini, 1898*) было 169 254 чел. греко-католического вероисповедания. Из них 130 541 чел. приходилось на 154 прихода с языком исключительно русским (*slavo-ruthenica*); 4 396 чел. на 4 прихода – с языком только мадьярским; 29 395 чел. на 28 приходов – с языком мадьярским и русским (в одном случае шематизм отмечает *linguam slavicam*, но не *slavo-ruthenicam*, et *hungaricam*, а именно в *Bölzse-Sziget*, в Абауй-Торнянском комитате); и 4 922 чел. с языком русским, мадьярским и немецким в 2 приходах (Пряшев и Кошицы). Далеко не все греко-католики с языком *slavo-ruthenicae* приходов Пряшевской епархии могли быть причислены к угрорусам, что видно при сопоставлении шематизмов с данными официальных переписей по народностям [18: 175].

В 1899 г. в Мукачевской епархии насчитывалось 488 123 греко-католиков (по данным *Schematismus cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkacsensis ad a. d. 1899, Ungvárini, 1899*). Среди них употреблявших один русский язык – 354 804 чел. в 281 приходе (в 1896 г. – 284 прихода), язык русский и мадьярский – 56 421 чел. в 48 приходах (в 1896 г. – 63 прихода), язык мадьярский – 83 394 чел. в 53 приходах (в 1896 г. – 39 приходов), румынский и русский – 1 269 чел. в 1 приходе (осталось по-прежнему), мадьярский, русский и румынский – 654 чел. в 1 приходе (осталось по-прежнему) [18: 175–177].

Греко-католиков с русским языком получается 485 345 чел. (130 541 + 354 804). Официальная статистика показывает в 1890 г. только 383 392 чел. Если к полученной цифре прибавить русское население Бачки и Срема, насчитывавшее, по официальным данным, 12 933 чел. и 414 русских жителей Семиградья, получается 498 692 чел. Если сюда добавить русское население смешанных приходов, если даже принять, что оно составляет треть населения таких приходов, то количество русского населения можно увеличить на 30 тыс. чел. Это, как минимум, 528 682 чел. [18: 177]. В.А. Францев обратил внимание на то, что количество русского населения в Венгрии постоянно уменьшалось и «русские селения исподволь, но систематически мадьяризируются» [18: 178].

Исследователь пишет, что работа по собиранию, изданию и изучению «небогатой угрорусской письменности» почти не ведётся. «Листок», издававшийся о. Евгением Фенциком, обращался «с воззваниями потрудиться на этом широком поле к угрорусской молодёжи, “новосвященникам” без мест, причётникам, пользующимся каникула-

ми народным учителям и “усердным, трудолюбивым приходникам” (настоятелям)». В 1892 г. «Листок» объявил конкурс «на соби́рание угрорусских сказок, предлагая за каждую подлинную угрорусскую сказку, записанную “тем простым языком, каким оне в простонародье говорятя”, от 2 до 5 гульденов». Е. Фенцик один из составленных таким образом сборников передал А.Л. Петрову для издания этих материалов в сборниках Императорского русского географического общества. Относительно дальнейшей судьбы сборника Е. Фенцику было ничего не известно [18: 178–179].

«На важность изучения географической номенклатуры страны для решения вопросов древнейшей истории её» обращал внимание известный галицко-русский учёный о. Антоний Петрушевич, который считал, что необходимо издать полный чертёж территории, занятой угрорусами, «с определением имён населений, рек, гор, потоков и пр.; далее необходимо собрать акты, грамоты, к истории Закарпатской Руси принадлежащие; затем составить краткую историю закарпатских русских епископий, монастырей, братств церковных и сочинить подробное описание всех русских местностей, т. е. городов, урочищ древних укреплений, подземных частей, могил с преданиями; наконец, собрать народные песни исторические, обрядовые, пословицы». К соби́ранию исторических и топографических сведений о Прикарпатской Руси призывал и галицко-русский писатель, общественный деятель В.М. Площанский [18: 179].

Осуществить данную задачу, требовавшую солидной научной подготовки, материальных средств и т.д., «силами весьма немногих просвещённых деятелей Угорской Руси» было невозможно. «Научная экспедиция ма́дьярских учёных для русской науки была бы совершенно бесполезной при общеизвестном политическом и национальном шовинизме ма́дьяр, без стеснения переносимом ими и в область чисто научной деятельности». В.А. Францев считал, что на эти призывы должны откликнуться «ближайшие братья-русские по ту сторону Карпат и за рубежом Австро-Венгерской монархии» [18: 179–180]. Ранее о необходимости снарядить в Угорскую Русь русскую научную экспедицию высказывались А.Н. Пыпин, А.Л. Петров, А.С. Будилович, И.П. Филевич [18: 180–182].

Из исследований, посвящённых описанию Угорской Руси и её населения, автор отметил статью Я.Ф. Головацкого «Cesta po halické a uherské Rusi» («Časopis Česk. Mus.», 1841–1842), две её главы были переведены на русский язык А. Старчевским и опубликованы в «Журнале Министерства народного просвещения» (1844, № 3, 4), а также топографическо-географическое описание Северо-Восточной Угорщины Анатолия Кралицкого («Науковый сборник», год II, 1866, вып. I–IV, Львов) [18: 183].

В.А. Францев обратил внимание на необходимость работы в архивах Венгрии, всё хранившееся в них на славянских языках «умышленно игнорируется исследователями мадьярскими». Об этом в своё время писали А.С. Будилович и И.П. Филевич [18: 184].

В заключительной части материала учёный перечисляет работы, посвящённые истории, этнографии, языку Угорской Руси, упоминая труды местных исследователей М. Лучкая, А. Кралицкого, Н. Нодя, А. Митрака, Ю. Жатковича и др., а также российских А. Дешко, А. Петрова, Г.А. Де-Воллана, галицких Я. Головацкого, В. Гнатюка и др. [18: 184–197].

Во Львове в 1-й книге «Научно-литературного сборника Галицко-русской матицы» за 1902 г. была опубликована статья В.А. Францева «Из эпохи возрождения Угорской Руси (Несколько неизданных писем)», вышедшая в том же году и как отдельный оттиск [19]. В 1924 г. она была переиздана в Ужгороде культурно-просветительным обществом А. Духновича под названием «К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси» [23].

В.А. Францев напоминает, что «вопрос о литературном языке в Б. Угорской (ныне Подкарпатской) Руси не имел, по-видимому, никогда двух решений. С самого начала того знаменательного умственного движения, которое началось и в Угорской Руси под влиянием событий и идей 1848 г., обновлённая угрорусская письменность определённо и решительно высказалась за единый русский литературный язык. Колебаний в том отношении не наблюдалось» [23: 3]. Представление о взглядах И.И. Раковского и современных ему деятелей возрождения Угорской Руси дают его письма к Д.И. Зубрицкому и др. [23: 3–4]. В статье автор приводит письма А. Добрянского, А. Духновича, П. Яновича, А. Кралицкого, А. Петрашевича (от имени студентов Ужгородской духовной семинарии) профессору Варшавского университета, уроженцу Богемии Ф.И. Иезбере, который начал в Праге издавать всеславянский журнал «Словенин». После его смерти сыновья покойного передали письма автору статьи [23: 4–5]. Сами письма, по мнению В.А. Францева, «при всей видимой незначительности своего содержания заключают, однако, далеко не бесценные данные для истории русского национального и литературного возрождения Подкарпатской Руси» [23: 5].

В период обострения обсуждения холмского вопроса вышли составленные В.А. Францевым «Карты русского и православного населения Холмской Руси» (Варшава, 1909), где наряду с историей изучения вопроса приводятся статистические таблицы. Автор пишет, что «вопрос о количестве и пределах распространения православного и исконного русского населения в границах Царства Польского – в Холмской, или Забужной Руси и Подляшье, т. е. в восточных уездах

нынешней Седлецкой и Люблинской губерний, имеет весьма незначительную литературу». Попыток решить эту задачу было немного, причём они относятся к прошлому. Однако, когда был поднят «давний проект образования Холмской особой губернии из восточных частей названных двух» и когда возник интерес к этому в печати, появилось несколько статей и очерков на эту тему. Автор обратил внимание на то, что эти работы имели односторонний характер, принадлежали полякам и обращали «исключительное внимание на определение числа и границ православного населения в названных губерниях» и совершенно игнорировали «вопрос о количестве и пределах русского (resp. малорусского) населения». И если первый вопрос был достаточно разработан, то в своей работе учёный постарался ответить и на второй вопрос [21: I].

Впервые картину расселения православного и русского населения в вышеперечисленных губерниях дал А.Ф. Риттих (Карта народонаселения Люблинской губернии по исповеданиям и племенам / Сост. Ген. штаба подполк. А. Риттих. СПб., 1864; Приложение к материалам для этнографии Царства Польского, губернии: Люблинская и Августовская / Сост. Ген. штаба подпол. Риттих. СПб., 1864) [21: II]. В новейшее время вопросом о количестве православного населения Холмщины и Подляшья занимались в основном польские исследователи [21: II–VI].

Значительно труднее, пишет автор, «определить точную цифру русского, т. е. говорящего по-русски (по-малорусски) населения и строго разграничить его от населения польского» [21: VIII]. Это пытались сделать П.Й. Шафарик, А.Ф. Риттих, П.П. Семёнов-Тян-Шанский, П.П. Чубинский, П.К. Щебальский, Г.И. Величко, Т.Д. Флоринский [21: VIII–IX].

Исследователь указывает, что до Указа от 17 апреля 1905 г. в Люблинской и Седлецкой губерниях числилось 449 571 чел. православного населения. В начале 1908 г., по данным православного духовенства, его осталось только 280 292 чел. За три года в католичество перешло 169 279 чел. В.А. Францев считал, что общее количество малорусского населения достигало минимум 350 тыс. чел. К этой цифре следует прибавить католиков, говоривших по-русски. Он обратил внимание, что там, где «сильнее привязанность к православной церкви, тем прочнее сохраняется и русский язык, но вообще понятие "русский" и "православный" здесь не покрывают друг друга; как и в пределах Холмщины, как и других частях Западной Руси, мы встречаем селения, где жители говорят по-русски, но в то же время принадлежат к католической церкви, и, наоборот, православные по исповеданию говорят по-польски (особенно, напр., в Замостском уезде)». Кроме того, население этой области, постоянно проживая рядом с поляками во многих местах, владеет и польским языком,

есть селения, где половина населения русская, вторая – польская. В ряде селений, где господствует польский язык и молодое поколение полностью перешло на него, «старики ещё сохраняют язык прадедов» [21: XII]. В «Статистических таблицах» учёный показывает количество православных и католиков до Указа от 17 апреля 1905 г., количество перешедших в католичество, количество православных и католиков к 1 января 1906 г., количество православных к началу 1908 г., на каком языке говорит коренное население в настоящее время в населённых пунктах Люблинской и Седлецкой губерний, а также наличное население шести уездов Люблинской и пяти уездов Седлецкой с указанием процентного соотношения православных и католиков в гминах. В конце брошюры даются карты православного и русского населения Холмской Руси [21: 3–48].

В 20–30-е гг. XX в. в Ужгороде действовало Культурно-просветительское общество им. А. Духновича, выпускавшее на русском языке журнал «Карпатский свет» и серию брошюр в качестве приложения к нему. В 1924 г. это общество переиздало старую работу В.А. Францева «Из эпохи возрождения Угорской Руси» под названием «К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси». В той же серии вышло небольшое исследование Францева «Из истории письменности Подкарпатской Руси» (1929). В 1930 г. в приложении к журналу «Карпатский свет» была напечатана его статья «Русский иезуит И.М. Мартынов, сотрудник "Церковной газеты" и "Церковного вестника" о. Иоанна Раковского (Несколько дополнений к галицко-русской библиографии Левицкого)». В 1930 г. в Ужгороде вышел «Карпатский сборник», где была помещена статья В.А. Францева «Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси».

В статье «Из истории письменности Подкарпатской Руси XVIII–XIX вв.» учёный говорит о том, что этот вопрос ещё «ждёт своего исследования». Первый опыт исследования угрорусской литературы предпринял о. Евмений Сабов в 1893 г., дав в своей «Хрестоматии» краткий очерк её истории. В.А. Францев обратил внимание на творчество двух студентов, уроженцев Угорской Руси, воспитанников иезуитской семинарии в Трнаве, «имена которых должны будут войти в словарь русских писателей Подкарпатья» [25: 1]. В своё время П.И. Шафарик для своего «Славянского народоописания» (1842) собирал этнографические и диалектические материалы, образцы языков и наречий. В его бумагах в библиотеке Чешского национального музея в Праге обнаружилось два листа со стихотворениями воспитанника Трнавской семинарии Андрея Вальковского, относящиеся к 1807 г. [25: 2].

Первое произведение – поздравление, или, «как автор сам выражается, тёплая молитва питомцев, поднесённая еп. Андрею Бачинскому в великий для угрорусов день его именин». Второе произведение –

пастушеская идиллия, жанр весьма популярный в то время в западноевропейской литературе, её «также, по-видимому, следует отнести к еп. Бачинскому» [25: 4].

В 1724 г. в Нюрнберге вышла книга «Slavonisch-Russisches Heiligthum mitten in Teutschland; Das ist: Der grosse Heilige und Märtyrei...». Книга содержит описание «древнерусского» изображения св. великомученика Феодора Стратилата, которое хранилось в церкви одного рыцарского имения. После вступительной исторической части о происхождении иконы приводится подлинник на славянском языке и в немецком переводе надписи, которая сопровождает отдельные сцены из жизни страстотерпца. Славянские надписи переписаны небрежно и неумело латинским письмом. Такое воспроизведение жития святого не удовлетворило автора книги, и в том же году он выпустил отдельным изданием текст надписей по-славянски с латинским переводом. «Правщиком-корректировщиком» текста и автором перевода на латинский язык стал студент Трнавской академии угрорус Григорий Булко из Мукачевского монастыря Св. Николая [25: 7–8].

В статье «Русский иезуит И.М. Мартынов, сотрудник "Церковной газеты" и "Церковного вестника" о. Иоанна Раковского (Несколько дополнений к галицко-русской библиографии Левицкого)» В.А. Францев пишет, что «в числе деятельных зарубежных сотрудников "Церковной газеты" и "Церковного вестника" И. Раковского мы можем, прежде всего отметить галичан Я.Ф. Головацкого и А. Петрушевича, а рядом с ними следует упомянуть известного русского учёного иезуита Ивана Матвеевича Мартынова» [26: 3].

«Сотрудничество Мартынова в газете Раковского было довольно значительно», – отметил автор. Но, вероятно, не все материалы, выславшиеся им, были опубликованы. И. Раковский не хотел никаких выступлений против православной церкви, «дабы не нарушить закона, строго воспрещавшего нападки на вероисповедания, признаваемые государством», «он стремился к тому, чтобы газета его была проникнута духом миролюбия и примирения, была бы поучительною и благочестивою». В то же время статьи И.М. Мартынова бывали подчас, как выразился редактор, «самого щекотливого и задорного» содержания. Начиная с 1857 г. и до прекращения «Церковного вестника», в обоих изданиях Раковского было опубликовано много писем Мартынова из Парижа и других его сообщений [26: 4]. Далее автор перечисляет опубликованные статьи, заметки и стихотворение И.М. Мартынова, отмечая, что кое-что не было напечатано «из-за резких взглядов Мартынова» на православие, некоторые мелочи могли затеряться среди других известий [26: 4–8].

В 1930 г. в «Карпаторусском сборнике» вышла статья В.А. Францева «Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской

Руси в половине XIX ст.». Через год она была издана отдельно [27]. Учёный пишет, что «вопрос о литературном языке нынешней Подкарпатской (прежней Угорской) Руси имеет уже продолжительную историю». В письменности Подкарпатской Руси до XVIII в. «наблюдается преобладание церковнославянского языка, хотя уже с конца XVI ст. появляется некоторое число памятников», в которых обнаруживаются «явные, иногда значительные следы влияния местных русских говоров». К началу XIX ст. «на этот основной фон ложится более заметным наслоением живой народный язык», который, однако, «никогда не достигает господствующего или преобладающего значения, а тем более не возвышается в чистом своём виде до полной роли языка литературного». Исследователь не разбирает подробно причины, которые «помешали народным говорам Закарпатья, разделённым и значительно друг от друга отличающимся, при отсутствии достаточно подготовленных сил учёных и выдающихся дарований литературных, вне всякого влияния школы, вообще при скудости образовательных средств, развиться в единый и обработанный орган письменности». В.А. Францев задаётся вопросом: «была ли бы по существу необходима вся эта длинная и сложная работа для того, чтобы создать новый литературный язык на основе нескольких малорусских закарпатских говоров, т. е. выработать ещё один новый малорусский язык литературы», как это было в Галичине и в произведениях Т.Г. Шевченко в России [27: 1–2].

Учёный считал, что у Угорской Руси было два пути решения вопроса о литературном языке: «она могла или примкнуть без оговорок к литературной жизни малорусской (украинской) и слиться с ней в дальнейшем своём развитии, или избрать органом своей письменности высокоразвитый язык большой русской литературы, общее создание всех творческих сил русского народа, язык Пушкина, Гоголя, Тургенева, Льва Толстого». Третий путь, которым последовали в то время некоторые известные учёные круги Подкарпатской Руси, не желавшие примкнуть к вышеперечисленным течениям, – «особый язык, который носит ныне официальное название подкарпатского русского языка ("podkarpatská rusinština" или "p. ruština")». В.А. Францев называет его «искусственно взрожденным плодом», культивируемым одними из-за слепой приверженности к старине, другими – «вследствие полной неосведомлённости в истории развития литературных языков» [27: 2].

Он пишет, что «в русской науке такие усилия уже получили надлежащую оценку» и «в новой письменности бывшей Угорской Руси никогда не было течения, которое стремилось бы вывести на степень органа литературы и утвердить в ней исключительно какой-либо из местных народных говоров». «Примыкающие непосредственно к ближайшей, родственной Руси Галицкой, знакомые с длинными остры-

ми спорами галицко-русских писателей о языке их письменности, с языковым нестроением её русские литературные деятели Угорщины определённо высказываются за единый русский литературный язык, за идею объединения в этом языке с великою русскою литературою. Противники этой идеи обнаруживаются исключительно вне пределов Угорской Руси» [27: 2–3]. Далее автор рассказывает о взглядах по этому вопросу известных деятелей Угорской Руси: епископа Григория Тарковича, католического священника словака Андрея Радлинского, Иоанна Раковского, Александра Духновича. Много внимания он уделил взглядам на этот вопрос и «деятельности на литературном поприще» И. Раковского, который «осуществлял сознательно и последовательно идею сближения и объединения угрорусской письменности с литературою русской, и в этом объединении он видел источник новых сил, залог преуспеяния и дальнейшего роста маленькой угрорусской литературы, нуждавшейся в опоре и искавшей её» [27: 4–38].

Хотя исследования В.А. Францева по истории, этнографии, языку Угорской Руси не были приоритетными в его научных изысканиях, они информировали общественность, в т. ч. и научную, России, а позже и Чехословакии о проблемах изучения Подкарпатской Руси. Также он ввёл в научный оборот ряд источников. Его «Карты русского и православного населения Холмской Руси с статистическими таблицами к ним», выпущенные в период обострения дискуссий по холмскому вопросу, сыграли свою роль в положительном решении вопроса о выделении регионов компактного проживания русинов Холмщины и Подляшья в отдельную губернию.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Восстановлен (посмертно) в списках персонального состава АН СССР постановлением Общего собрания АН СССР № 17 от 22 марта 1990 г. [26: 198].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Досталь М.Ю.* Из переписки В.А. Францева (Письмо В.А. Францева В.С. Иконникову, письма А.В. Флоровского В.А. Францеву) // Славяноведение. 1994. № 4. С. 102–107.

2. *Кишкин Л.С.* Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1995. № 4. С. 17–26.

3. *Кишкин Л.С.* Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 4. С. 3–10.

4. *Лаптева Л.П.* В.А. Францев. По материалам его литературного наследия // Sborník Národního Muzea v Praze. Řada C – Literární historie. Sv. 10. 1965. Č. 1.

5. *Лаптева Л.П.* В.А. Францев. Биографический очерк и классификация тру-

дов // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. 1966. Rocník 35. Seš. 1. S. 79–95.

6. *Лантева Л.П.* Русский славист В.А. Францев и обстоятельства его эмиграции из России // *Rossica*. II. Pr., 1997. S. 55–62.

7. *Лантева Л.П.* В.А. Францев как историк славянства // *Славянская историография* / Под ред. И.М. Белявской и др. М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 204–246.

8. *Лантева Л.П.* Францев Владимир Андреевич // *Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь*. М., 1979. С. 349–351.

9. *Лантева Л.П.* Научная и общественная деятельность Владимира Андреевича Францева в эмиграции в Чехословакии // *Русская акция помощи в Чехословакии: История, значение и наследие* / Сост. Л. Бабка, И. Золотарев. Прага, 2012. С. 295–300.

10. *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX века первой трети XX в. М.: Индрик, 2012. 840 с.

11. *Лантева Л.П.* Владимир Андреевич Францев (1867–1942) – русский исследователь межславянских научных связей в XIX веке // *Новая и новейшая история*. 2016. № 3. С. 146–165.

12. *Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. Т. 6, кн. 2: Скр–Ф. М.: Пашков дом, 2006. 723 с., ил.*

13. *Олонова Е. К* предыстории присуждения Нобелевской премии 1933 года (Письма П.Б. Струве и И.А. Бунина к В.А. Францеву, 1930–1933 гг.) // *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведённых исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов*. Пр., 1995. С. 321–329.

14. *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе / Отв. ред. Б.В. Левшин; вступ. статьи Е.А. Мельниковой, М.К. Шацилло. М.: Наука, 1992. 398, [2] с.

15. *Путник [Францев В.А.]* Современное состояние Угорской Руси // *Русский вестник*. 1900. Т. 265. С. 629–655.

16. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 429, [1] с.

17. *Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е гг.) / Отв. ред. М.А. Робинсон. М.: ИСБ, 1995. 96 с., ил.

18. *Францев В.А.* Обзор важнейших изучений Угорской Руси (из отчёта ограничной командировке) // *Русский филологический вестник*. 1901. № 1–2. С. 145–197.

19. *Францев В.А.* Из эпохи возрождения Угорской Руси (Несколько неизвестных писем). Львов: Галицко-русская матица, 1902. 14 с.

20. *Францев В.А.* К истории кафедры славяноведения в Варшавском Королевском Александровском университете // *Новый сборник статей по славяноведению* / Сост. и изд. учениками В.И. Ламанского, при участии их учеников, по случаю 50-летия его учёно-лит. деятельности. СПб., 1905. С. 348–360.

21. *Францев В.А.* Карты русского и православного населения Холмской Руси с статистическими таблицами к ним. Варшава: Холм. свято-богородиц. братство, 1909 (Прага: Типография «Политики»). [2], XVI, 48 с., 2 л. карт., табл.

22. *Францев В.А.* Лекции по ист. этногр. славян: читанные студентам Императорского варшавского университета в 1911/12 акад. году. Варшава: Типолит. Феликс Регульский и К°, 1912. 347 с.

23. Францев В.А. К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси. Издание культурно-просветительного общества им.А.Духновича в Ужгороде. Ужгород: Типография «Школьная помощь», 1924. Вып. 2. 15 с.

24. Францев В.А. Десять лет свободной жизни чехословацкого народа. Приложение к журналу «Карпатский свет». Издание культурно-просветительного общества им. А. Духновича в Ужгороде. Ужгород: Типография «Школьная помощь», 1928. Вып. 48. 15 с.

25. Францев В.А. Из истории письменности Подкарпатской Руси XVIII – XIX вв. Издание культурно-просветительного общества им. А. Духновича в Ужгороде. Ужгород: Типография «Школьная помощь», 1929. Вып. 61. 18 с.

26. Францев В.А. Русский иезуит И.М. Мартынов, сотрудник «Церковной газеты» и «Церковного вестника» о. Иоанна Раковского (Несколько дополнении к галицко-русской библиографии Левицкого). Приложение к журналу «Карпатский свет». Издание культурно-просветительного общества им. А. Духновича в Ужгороде. Ужгород: Типография «Школьная помощь», 1930. Вып. 90. 8 с.

27. Францев В.А. Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX ст. Отдельный оттиск из «Карпаторусского сборника», 1930 г. Прага: Издательское общество «Единство», 1931. 38 с.

28. Яворский Ю.А. Из истории научного исследования Закарпатской Руси Прага: Живое слово, 1928. 26 с., 2 л. портр.

29. Andreyev C., Savický I. Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven, L., 2004. P. 83, 97, 103.

30. Francev V.A. K.J. Grot. V Praze: Nákladem České akademie věd a umění, 1935. 56 s., portrét.

31. Hlaváček P., Fesenko M. Rusové v Praze: ruští intelektuálové v meziválečném Československu. Petr Hlaváček, Mychajlo Fesenko. Vydání první Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, 2017. 155 s.

32. Olonová E. V.A. Francev v Praze v letech 1921–1942: Na základě pražských archivů. Elvíra Olonová. Česká literatura: časopis pro literární vědu 44. 1996. Č. 1. S. 89–99.

33. Kudělka M. Francev Vladimír Andrejevič // Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovník. Praha, 1972.

34. Syllaba Th. V.A. Francev: bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti. Praha: Statní knihovna ČSR - Slovanská knihovna, 1977. 130 s.

35. Zahradníková M. Zpráva o pozůstalosti Vladimíra Andrejeviče Franceva. Moderní revue. Praha: Památník Národního písemnictví 1997. 28. S. 151–153.

36. Weingart M. Vladimír Francev // Slavia. Časopis pro moderní filologii. Praha, 1937. 23. Č. 4.

REFERENCES

1. Dostal, M.Yu. (1994) Iz perepiski V.A. Frantseva (Pis'mo V.A. Frantseva V.S.Ikonnikovu, pis'ma A.V.Florovskogo V.A. Frantsevu) [From the correspondence of V.A. Frantsev (Letter from V.A. Frantsev to V.S.Ikonnikov, letters from A.V. Florovsky to V.A.Frantsev)]. *Slavyanovedenie*. 4. pp. 102–107.

2. Kishkin, L.S. (1995) Russkaya emigratsiya v Prage: kul'turnaya zhizn' (1920–1930-e gody) [Russian emigration in Prague: cultural life (1920s – 1930s)]. *Slavyanovedenie*. 4. pp. 17–26.

3. Kishkin, L.S. (1996) Russkaya emigratsiya v Prage: pechat', obrazovanie, gumanitarnye nauki (1920–1930-e gody) [Russian emigration in Prague: printing, education, humanities (1920s – 1930s)]. *Slavyanovedenie*. 4. pp. 3–10.

4. Lapteva, L.P. (1965) V.A. Frantsev. Po materialam ego literaturnogo naslediya [V.A. Frantsev. Based on his literary heritage]. *Sbornik Národního muzea v Praze*. 10. p. 1.

5. Lapteva, L.P. (1966) V.A. Frantsev. Biograficheskiy ocherk i klassifikatsiya trudov [V.A. Frantsev. A biographical sketch and classification of works]. *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. 35(1). pp. 79–95.

6. Lapteva, L.P. (1997) Russkiy slavist V.A. Frantsev i obstoyatel'stva ego emigratsii iz Rossii [Russian Slavist V.A. Frantsev and the circumstances of his emigration from Russia]. *Rossica*. 2. S. 55–62.

7. Lapteva, L.P. (1966) V.A. Frantsev kak istorik slavyanstva [V.A. Frantsev as a historian of Slavism]. In: Belyavskaya, I.M. et al. (eds) *Slavyanskaya istoriografiya* [Slavic Historiography]. Moscow: Moscow State University. pp. 204–246.

8. Lapteva, L.P. (1979) Frantsev Vladimir Andreevich. In: Diakonov, V.A. et al. (eds) *Slavyanovedenie v dorevolyutsionnoy Rossii: Biobibliograficheskiy slovar'* [Slavic Studies in Pre-Revolutionary Russia: Biobibliographic Dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 349–351.

9. Lapteva, L.P. (2012) Nauchnaya i obshchestvennaya deyatel'nost' Vladimira Andreevicha Frantseva v emigratsii v Chekhoslovakii [Vladimir Andreevich Frantsev's scientific and social activities in emigration in Czechoslovakia]. In: Babka, L. & Zolotarev, I. *Russkaya aktsiya pomoshchi v Chekhoslovakii: Istoriya, znachenie i nasledie* [Russian Assistance to Czechoslovakia: History, Meaning and Heritage]. Prague: National Library of the Czech Republic – Slavic Library. pp. 295–300.

10. Lapteva, L.P. (2012) *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX veke pervoy treti XX v.* [The history of Slavic studies in Russia in the late 19th – first third of the 20th century]. Moscow: Indrik.

11. Lapteva, L.P. (2016) Vladimir Andreevich Frantsev (1867–1942) – Russian researcher of scientific Interslavic relations in the nineteenth century. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 3. pp. 146–165 (in Russian).

12. Chuvakov, V.N. (2006) *Nezabytye mogily. Rossiyskoe zarubezh'e: nekrologi 1917–1997: v 6 t.* [Unforgotten graves. Russian Diaspora: obituaries 1917–1997: in 6 vols]. Vol. 6. Moscow: Pashkov dom.

13. Olonova, E. (1995) K predystorii prisuzhdeniya Nobelevskoy premii 1933 goda. (Pis'ma P.B. Struve i I.A. Bunina k V.A. Frantsevu, 1930–1933 gg.) [On the background of the 1933 Nobel Prize. (Letters from P.B. Struve and I.A. Bunin to V.A. Frantsev, 1930–1933)]. In: *Russkaya, ukrainskaya i belorusskaya emigratsiya v Chekhoslovakii mezhdru dvumya mirovymi voynami. Rezul'taty i perspektivy provedennykh issledovaniy. Fondy Slavyanskoy biblioteki i prazhskikh arkhivov* [Russian, Ukrainian and Belarusian emigration in Czechoslovakia between the

two world wars. Results and prospects of the conducted research. Funds of the Slavic Library and Prague Archives]. Prague: Narodni Knihovna CR. pp. 321–329.

14. Pashuto, V.T. (1992) *Russkie istoriki-emigranty v Evrope* [Russian historians-emigrants in Europe]. Moscow: Nauka.

15. Putnik [Frantsev, V.A.]. (1900) *Sovremennoe sostoyanie Ugorskoy Rusi* [The current state of Ugrian Rus]. *Russkiy vestnik*. 265. pp. 629–655.

16. Robinson, M.A. (2004) *Sud'by akademicheskoy elity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-kh godov)* [The Fates of the Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930s)]. Moscow: Indrik.

17. Serapionova, E.P. (1995) *Rossiyskaya emigratsiya v Chekhoslovatskoy Respublike (20–30-e gg.)* [Russian emigration in the Czechoslovak Republic (20–30s)]. Moscow: ISB.

18. Frantsev, V.A. (1901) *Obzor vazhneyshikh izucheniy Ugorskoy Rusi (iz otcheta o zagranichnoy komandirovke)* [Review of the most important studies of Ugrian Rus (from the report on a business trip abroad)]. *Russkiy filologicheskii vestnik*. 1–2. pp. 145–197.

19. Frantsev, V.A. (1902) *Iz epokhi vozrozhdeniya Ugorskoy Rusi (Neskol'ko neizdannykh pisem)* [From the Renaissance Era of Ugrian Rus (Several unpublished letters)]. Lvov: Galitsko russkaya matitsa.

20. Frantsev, V.A. (1905) *K istorii kafedry slavyanovedeniya v Varshavskom Korolevskom Aleksandrovskom universitete* [On the history of the Department of Slavic Studies at Warsaw Royal Alexander university]. In: Frantsev, V.A. et al. *Novyy sbornik statey po slavyanovedeniyu* [New Articles on Slavic Studies]. St. Petersburg: Tip. M-va putey soobshcheniya (t-va I.N. Kushnerev i K°). pp. 348–360.

21. Frantsev, V.A. (1909) *Karty russkogo i pravoslavnogo naseleniya Kholmской Rusi s statisticheskimi tablitsami k nim* [Maps of the Russian and Orthodox population of Chełm Rus with statistical tables]. Warsaw: Kholm. Svyatobogorodits. bratstvo.

22. Frantsev, V.A. (1912) *Leksii po ist. etnogr. slavyan: chitannye studentam Imperatorskogo varshavskogo universiteta v 1911/12 akad. godu* [Lectures on history, ethnography of the Slavs: to the students of the Imperial Warsaw University in 1911/12 academic year]. Warsaw: Tipo-lit. Feliks Regul'skiy i K°.

23. Frantsev, V.A. (1924) *K voprosu o literaturnom yazyke Podkarpatskoy Rusi. Izdanie kul'turno-prosvetitel'nogo obshchestva im. A. Dukhnovicha v Uzhgorode* [On the literary language of Subcarpathian Rus. Publication of The A. Dukhnovich Cultural and Educational Society in Uzhhorod]. Uzhhorod: Tipografiya "Shkol'naya pomoshch".

24. Frantsev, V.A. (1928) *Desyat' let svobodnoy zhizni chekhoslovatskogo naroda. Prilozhenie k zhurnalu "Karpatskiy svet". Izdanie kul'turno-prosvetitel'nogo obshchestva im. A. Dukhnovicha v Uzhgorode* [Ten years of the free life of the Czechoslovak people. Supplement to the magazine "Carpathian Light". Publication of The A. Dukhnovich Cultural and Educational Society in Uzhhorod]. Uzhhorod: Tipografiya "Shkol'naya pomoshch".

25. Frantsev, V.A. (1929) *Iz istorii pis'mennosti Podkarpatskoy Rusi XVIII–XIX vv. Izdanie kul'turno-prosvetitel'nogo obshchestva im. A. Dukhnovicha v*

Uzhgorode [From the history of writing in Subcarpathian Rus in the 18th – 19th centuries. Publication of The A. Dukhnovich Cultural and Educational Society in Uzhhorod]. Uzhhorod: Tipografiya “Shkol’naya pomoshch”.

26. Frantsev, V.A. (1930) *Russkii iezuit I.M. Martynov, sotrudnik “Tserkovnoy gazety” i “Tserkovnogo vestnika” o. Ioanna Rakovskogo (Neskol’ko dopolnenii k galitsko-russkoy bibliografii Levitskogo). Prilozhenie k zhurnalu “Karpatskiy svet”. Izdanie kul’turno-prosvetitel’nogo obshchestva im. A. Dukhnovicha v Uzhgorode* [Russian Jesuit I.M. Martynov, employee of the “Church Gazette” and “Church Bulletin” of Fr. John Rakovsky (Several additions to Levitsky’s Galician-Russian bibliography). Supplement to the magazine “Carpathian Light”. Publication of The A. Dukhnovich Cultural and Educational Society in Uzhhorod]. Uzhgorod: Tipografiya “Shkol’naya pomoshch”.

27. Frantsev, V.A. (1931) *Iz istorii bor’by za russkii literaturnyy yazyk v Podkarpatskoy Rusi v polovine XIX st. Otdel’nyy ottisk iz “Karpatorusskogo sbornika”, 1930 g.* [From the history of the struggle for the Russian literary language in Subcarpathian Rus in the half of the 19th century. A separate reprint from the “Carpathian Collection”, 1930]. Prague: Edinstvo.

28. Yavorskiy, Yu.A. (1928) *Iz istorii nauchnogo issledovaniya Zakarpatskoy Rusi* [From the history of scientific research of Transcarpathian Rus]. Prague: Zhivoe slovo.

29. Andreyev, C. & Savický, I. (2004) *Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938*. New Haven, L.: [s.n.]. pp. 83, 97, 103.

30. Francev, V.A. (1935) *K.J. Grot*. Prague: Nákladem České akademie věd a umění.

31. Hlaváček, P. & Fesenko, M. (2017) *Rusové v Praze: ruští intelektuálové v meziválečném Československu*. Prague: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta.

32. Olonova, E. (1996) V.A. Francev v Praze v letech 1921–1942: Na základě pražských archivů. *Česká literatura: časopis pro literární vědu*. 44(1). pp. 89–99.

33. Kudělka, M. (1972) Francev Vladimir Andrejevič. In: *Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovník*. Prague: [s.n.].

34. Syllaba, Th. (1977) V.A. Francev: *bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti*. Praha: Statní knihovna ČSR – Slovanská knihovna.

35. Zahradníková, M. (1997) Zpráva o pozůstalosti Vladimíra Andrejeviče Franceva. *Moderní revue*. 28. pp. 151–153.

36. Weingart, M. (1937) Vladimir Francev. *Slavia. Časopis pro moderní filologii*. 23. p. 4.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(4)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/6

Одне з державних утворень карпатських русинів – Гуцульська Республіка

Ч. Фединець¹, І. Сакал²

¹ Інститут досліджень меншин Центру соціальних наук,
Дослідницька мережа ім. Л. Етвеш
Угорщина, 1097, м. Будапешт, вул. К. Товт, 4
E-mail: fedinec.csilla@tk.hu

² Закарпатський угорський інститут ім. Ференца Ракоці II
Україна, 90202, м. Берегове, пл. Кошута, 6
E-mail: szakal.imre@kmf.org.ua

Авторське резюме

Осінь 1918 р. в Європі була надзвичайною з усіх точок зору. Закінчилася Перша світова війна, розпадалися імперії, на їх місці виникали нові держави. Однак умови створення нових держав не були однаковими для всіх: ті, хто опинилися на стороні переможців, мали більші переваги, переможені отримали менше шансів, а були й такі народи, яким і в цих умовах не вдалося створити власну, незалежну державу. Окремою сторінкою цих історичних процесів є державні утворення, які проіснували лише короткий час, і які, крім їхніх творців, ніхто не розглядав як держави. Такі утворення були й на території Угорщини. До подібних спроб вдавалися й карпатські русини в Польщі та Угорщині. На території останньої це була Гуцульська Республіка, яка проіснувала з січня по червень 1919 р. в селищі Ясіня та його околицях (сучасна Закарпатська область України). У статті зроблено спробу з'ясувати місцевий контекст проголошення цього державного утворення, його унікальність, плани на майбутнє місцевих політичних еліт, а також ставлення офіційної Угорщини до самопроголошеної республіки. Розкрито ті місцеві обставини, які уможливили короткочасну екзистенцію Гуцульської Республіки: розпад угорського державного управління, становище солдат, які поверталися з фронту, перебої з постачанням, епідемії. Також висвітлено сьогоденішнє сприйняття тих подій як у народній пам'яті, так і в державній політиці.

Ключові слова: карпаторусини, українці, Угорщина, Румунія, Ясіня, Закарпаття, Карпати, Гуцульщина, історична пам'ять.

Одно из государственных образований карпатских русинов – Гуцульская Республика

Ч. Фединец¹, И. Сакал²

¹ Институт исследований меньшинств Центра социальных наук
Исследовательская сеть им. Л. Этвеш
Венгрия, 1097, г. Будапешт, ул. К. Товт, 4
E-mail: fedinec.csilla@tk.hu

² Закарпатский венгерский институт им. Ференца Ракоци II
Украина, 90202, г. Берегово, пл. Кошута, 6
E-mail: szakal.imre@kmf.org.ua

Авторское резюме

Осень 1918 г. в Европе была весьма примечательной во всех отношениях. Окончилась Первая мировая война, распались империи, на месте которых возникали новые государства. Однако условия создания новых стран были неодинаковыми: оказавшиеся на стороне победителей получили привилегии, те, кто оказался в стане побеждённых, получали меньше шансов, а были и такие народы, которым даже в этих условиях не удалось создать собственное независимое государство. Отдельной страницей этих исторических процессов являются государственные образования, просуществовавшие лишь краткое время, которые, кроме их создателей, никто не признавал как государства. Такие образования были и на территории Венгрии. К подобным попыткам прибегали и карпатские русины в Польше и Венгрии. На территории последней это была Гуцульская Республика, просуществовавшая с января по июнь 1919 г. в поселке Ясиня и его окрестностях (современная Закарпатская область Украины). В публикации сделана попытка проследить местный контекст провозглашения этого государственного образования, его уникальность, видение будущего местных политических элит, а также отношение официальной Венгрии к самопровозглашённой республике. Раскрыты те местные обстоятельства, которые сделали возможным краткое существование Гуцульской Республики: распад венгерского государственного аппарата, состояние солдат, вернувшихся с фронта, перебои с поставками, эпидемии. Также освещено сегодняшнее восприятие тех событий как в народной памяти, так и в государственной политике.

Ключевые слова: карпаторусины, украинцы, Венгрия, Румыния, Ясиня, Закарпатье, Карпаты, Гуцульщина, историческая память.

Another Short-Lived State of the Carpatho-Rusins – the Hutsul Republic

Cs. Fedinec¹, I. Szakál²

¹ Institute for Minority Studies of the Centre for Social Sciences,
Eötvös Loránd Research Network
4 Tóth Kálmán Street, Budapest, 1097, Hungary
E-mail: fedinec.csilla@tk.hu

² Ferenc Rákóczi II Transcarpathian Hungarian College
6 Kossuth Square, Berehove, 90202, Ukraine
E-mail: szakal.imre@kmf.org.ua

Abstract

The autumn of 1918 in Europe was quite remarkable in every respect. WWI ended, empires collapsed to give place to new state formations. New states had to form under unequal terms: those supporting the victorious side received privileges, while those who were with the vanquished were given less chance to create their own independent state. Some state formations existed for only a short time and were recognized as states only by their creators. Carpathian Rusins in Poland and Hungary made such attempts. In Hungary, they formed the Hutsul Republic, which existed from January to June 1919 in the village of Yasinia and its environs (modern Transcarpathian region of Ukraine). The article aims at describing the local context of this state entity, its uniqueness, perspectives of local political elites, and the attitude of official Hungary towards the self-proclaimed republic. The authors focus on the local circumstances that made the Hutsul Republic possible (the collapse of the Hungarian state apparatus, the state of soldiers returning from the front, supply disruptions, and epidemics) and highlight the current perception of those events in the national memory and state policy.

Keywords: Carpatho-Rusins, Ukrainians, Hungary, Romania, Yasinia, Transcarpathia, Carpathians, Hutsulshchyna, historical memory.

Історіографія та використані джерела

З історії Гуцульської Республіки залишилося мало першоджерел, історики переважно черпають із вторинних джерел. За кількістю об'ємна українськомовна література в основному спирається на спогади Степана Ключурака [5] та на документальні художні твори [13;

32], меншою мірою черпають з джерел Західноукраїнської Народної Республіки [4]. Угорська історична література майже не звертала увагу на даний відрізок історії.

В той самий час Державний архів Закарпатської області зберігає спорадичні, але цінні матеріали щодо подій, в т. ч. фонд 14 (Берегівське жупанське управління, м. Берегове) [2] та фонд 59 (Правління Руської Країни, м. Мукачеве Угорської Республіки) [3]. Крім того, можемо черпати цінні відомості з тогочасної угорської преси, яку вдалося обробити [17–21; 23; 28; 31; 42]. Також застосовуємо метод особистого спостереження для виявлення очної форми (ландшафту) збереження, сучасної репрезентації історичної пам'яті на місці, разом з аналізом на законодавчій основі політики пам'яті сучасної України.

Угорщина в 1918–1920 рр.

До жовтня 1918 р. стало очевидним, що Австро-Угорська монархія, належавши перед цим до найпотужніших держав Європи, прогнала Першу світову: до війни з площею в 676 443 км² вона була другою за територією після Росії, та з населенням у 51 390 000 осіб третьою за кількістю жителів після Росії й Німеччини. Розпалася не тільки Габсбурзька імперія, Угорщина, яка вийшла з її складу, не змогла зберегти свою цілісність. Після поразки у війні знадобилося два роки для того, аби роздроблення історичної Угорщини стало доконаним фактом, завершеним підписанням Тріанонського мирного договору 4 червня 1920 р. Внаслідок революції айстр 30–31 жовтня 1918 р., через кілька днів після того, як 13 листопада король Карл IV (як імператор Австрії Карл I) зрікся угорського престолу, нова угорська влада проголосила 16 листопада незалежну Угорську Народну Республіку. Новостворена держава спробувала замість попередньої політики сили налагодити більш миролюбні відносини зі словаками, сербами і румунами, які заявили про свої наміри від'їднатися. Навесні і влітку 1919 р. країні, яку повороти історії перетворили вже на Радянську республіку, довелося збройно захищати кордони, однак навіть так їй не вдалося досягти результату. Створені демаркаційні лінії, які згодом стали реальними державними кордонами, всё більше звужували територію країни. Угорська Радянська Республіка не змогла зупинити переважаючі військові сили Антанти. Радянська республіка розпалася, Угорщина знову стала королівством – конституційною монархією без короля і з двопалатним парламентом. З 1920 по 1944 р. країною управляв регент Міклош Горті [38: 290–295].

Уряд Народної республіки хотів засвідчити перед Антантою свій пацифізм, припускаючи, що чим швидше і якомога далі просунеться

країна на шляху демократичних перетворень, тим більшу довіру викликає вона до себе та зможе розраховувати на краще ставлення з боку переможців [33: 272]. Національностям була обіцяна автономія, однак їх еліти на той час переважно уявляли майбутнє своїх спільнот поза межами угорської держави. Щоправда Антанта не сприймала всерйоз намагань народної республіки, зокрема, міністр закордонних справ Франції Стефен Пішон заявив, що ультралібералізмом уряд Угорщини намагається всього лише прикрити намір утискувати нацменшини [29: 281].

Форми державного правління Угорщини в 1867–1944 рр.

1867–1918		1918–1919	1919	1920–1944
Австро-Угорська монархія	Австрійська імперія	Угорська Народна Республіка, згодом Угорська Республіка	Угорська Радянська Республіка	Королівство Угорщина
	Королівство Угорщина			

У розпал воєнного краху населенню і без національного питання всё важче було виживати у повсякденних буднях. За чотири роки війни Угорщина втратила понад пів мільйона солдатів загиблими, більше 1,5 млн були поранені в боях, а ще приблизно 800 тис. перебували у таборах для військовополонених [38: 286]. Невдоволеність солдат, що поверталися з фронту, та селян, які прагнули землі, нерідко набувала форм парамілітарного насилля [22]. Особливо відчутно і чиновники, і прості громадяни зіткнулися з проблемою послаблення державної влади на окраїнних територіях, їм довелося усвідомити той факт, що вирішення питань на місцевому рівні необхідно брати на себе [25]. Створювалися народні ради, загони охорони правопорядку, і саме тут, на околицях держави, посилюлися сепаратистські настрої: у різних регіонах країни виникали короточасні територіальні утворення, які мали окремі елементи державності. Одним із них стала Гуцульська Республіка, створена на території сучасної Закарпатської області. Недовговічні руські державні утворення виникали в той час і на території сучасної Польщі – Східно-Лемківська Республіка (Команчанська Республіка) та Західно-Лемківська Республіка (Флоринська Республіка).

Гуцули – етнографічна група русинів разом із лемками та бойками. Територія проживання лемків – це південно-східні землі сучасної Польщі, на південь від них живуть бойки, а ще південніше – на мармороській частині сучасної Закарпатської області, переходячи на сусідні Івано-Франківську та Чернівецьку області – простяглася Гуцульщина. Павло Роберт Магочі вважає, що з-поміж етнічних груп

карпатських русинів гуцули найбільше відрізняються від решти, зокрема в тому, що часто відокремлюють себе від карпатських русинів та зазвичай вважають себе українцями [34: 173].

Осінь 1918 р. на історичному Підкарпатті

Осінь 1918 р. була унікальною з багатьох точок зору: кінець Першої світової війни, нові державні утворення, спалах епідемій та навіть через незвично для цієї пори року теплу погоду. Навесні 1919 р. на тиф хворів навіть президент Гуцульської Республіки Степан Ключурак [9: 109].

Найновіші дослідження, присвячені просторовому розміщенню економічного потенціалу історичної Угорщини, однозначно свідчать, що лінія поділу за економічними показниками пролягала через Пряшів–Ужгород–Сату–Маре–Орадя–Тимишоара. На схід від неї простяглися найбільш відсталі регіони держави, серед них і гірська місцевість Карпат [40: 76]. Усі прояви Великої війни, близькість фронту, наступ російської царської армії, пересування військових частин, епідемії, що почастішали під кінець війни (спочатку холера, потім іспанка і, зрештою, тиф), а також скрутне матеріальне становище, зубожіння і без того бідного населення, конфлікти між політичними елітами регіону, послаблене державне управління на місцях, скандали навколо зловживань соціальними допомогами до краю загострили напруження в північно-східних комітатах Угорщини [24: 221].

Частина солдат австро-угорської армії, яка поверталися (десь організовано, а десь хаотично) з російського фронту Першої світової додому на Підкарпаття (сучасна Закарпатська область України), приносила з собою зброю. Один вчитель з Березького комітату писав: «Озлоблені подіями на фронті солдати не переймаються більше нічим, безладно повертаються додому хто зі зброєю, хто без неї і шукають тих, кого вважають винуватцями страждань і нужди своїх рідних» [2]. Гнів солдат був направлений насамперед проти державних службовців та єврейських крамарів і торговців. Траплялися випадки, коли застрелювали нотаря, його родину проганяли, а були місця, де представникам держави щастило більше, і їм вдавалося врятуватися. Лютування людей проявлялося в різних населених пунктах неоднаково, та зупинити ці явища швидко не вдавалося. У більшості місць події затихли самі по собі, а десь якраз жандарми, надіслані з центру для відновлення правопорядку, спричинили ще більше потрясіння, грабували і карали населення. Процвітала контрабанда, зокрема кави й сигарет, з Галичиною, звідти ж прибували т. зв. іноземні агітатори [39: 41].

Формування громадської думки стосовно державної приналежності регіону – через відсутність наприклад референдуму – ми можемо простежити з тих заяв і маніфестів, які видавали ради, що виникали одна за одною з осені 1918 по весну 1919 р. Значна частина інтелігенції, а також більшість міського населення – угорці, євреї, німці та мадяризовані русини Ужгорода, Мукачева, Берегова – бажали залишитися у складі Угорщини. Організовані у цих містах та ще кількох населених пунктах (наприклад, Вилок) органи виступили за цілісність угорської держави. У західних землях регіону, зокрема в районі Пряшева (сучасна Східна Словаччина), активісти переважно вимагали приєднання до новоствореної держави – Чехословаччини. На марамороській частині висловлювалися думки за приєднання Підкарпаття до Румунії. У східних та південно-східних районах краю найсильнішою була проукраїнська орієнтація. Проукраїнські ради сформувалися в спишській Старій Любовні (Словаччина), березькій Сваляві, марамороських Хусті та Ясінях [35: 182–184].

У період Угорської Народної Республіки Законом № Х від 25 грудня 1918 р. передбачалося створення автономії Руська Країна з центром у Мукачеві. Не випадково, що уряд у цій все більш безвихідній для держави ситуації дав автономію саме русинам – тій національності, яка не мала материнської держави. Створення автономії призвело до виникнення в північно-східних комітатах Угорщини, тобто в сучасному Закарпатті, своєрідного подвійного державного управління. З одного боку, на владу претендувало Державне намісництво (адміністрація) Руської Країни, з іншого – зберегли свої позиції жупани, очільники комітатів, які не надлежали розформуванню, через що часто спалахували дискусії про розподіл повноважень і компетенцій [11: 121–122].

Повстання в Ясіня

8 листопада 1918 р. в селищі Ясіня була обрана Гуцульська народна рада, яка складалася з сорока двох осіб, переважно ветеранів Першої світової. Її головою став теж учасник війни Степан Ключурак, який користувався великим авторитетом у селищі [1: 110]. Головною метою організації такого утворення було забезпечити порядок і не допустити грабежів з боку солдатів, які поверталися додому з фронту. У селищі, яке мало прикордонний статус, розквартирувалася жандармерія та гарнізон військових, однак вони з розпадом імперії залишилися фактично без центрального управління в той час, коли ситуація ставала все більш заплутаною і складною [6: 12].

Угорська преса не замовчувала пов'язаних із цим проблем: «Дебреценська народна рада вживе масштабних заходів для прийому солдат

у Ясінях, оскільки у найближчі дні туди з України прибуде майже двадцять тисяч угорських солдат. Для наших угорських воїнів в Ясінях буде зведено продуктовий пункт, куди вже сьогодні буде направлено загін забезпечення із Дебрецена. У протистоянні грабіжницьким бандам, які розбрелися по всій країні, зокрема в захисті земель Східної Угорщини найбільша вага припадає на Дебрецен. Дебреценський армійський штаб направив патрульні загони у найвіддаленіші райони, завдяки їхній роботі вдалося значною мірою очистити від банд мародерів Східну Угорщину» [17: 8]. 22 грудня в Ясіня відправлено нові сили, що послабило вплив Народної ради, спонукавши незадоволених до нових кроків [5: 122].

Вимоги, сформовані радою в Ясінях, у багатьох моментах перегукувалися із заявами інших руських народних рад. Вони вимагали вирішення соціальних проблем, розподілу землі, а також об'єднання заселених русинами комітатів із Галичиною. У цьому самому маніфесті саме угорську владу звинувачували в серйозних втратах, перенесених внаслідок війни, а також дорікали попередньому та чинному угорському уряду в тому, що вони позбавили місцеве населення можливості користуватися «русинсько-українською культурою» та розвивати її [5: 122].

Про маніфест писала й угорська преса. Зокрема, відзначалося, що «рутенські народні збори» в Ясінях виступили «з такими вимогами: негайний мир без порушення цілісності країни. Демократичний уряд та демократична система управління, що забезпечить нашому народу духовний і матеріальний добробут. Загальне, рівне та таємне виборче право. Суворе забезпечення чистоти та невторчання у вибори. Соціальні установи, завдяки яким розквітне матеріальне становище народу. Обов'язкове навчання дітей шкільного віку. Загальні народні кооперативи, які задовольняють різноманітні потреби народу та врятовують народ з пазурів лихварів. Справедлива земельна реформа. Зменшення кількості корчм, їхнє повне закриття на свята і в неділі. Ухвалення суворіших постанов проти спекулянтів. Унормування податку на утримання священника. Скасування реформи календаря. Незалежність греко-католицьких єпархій та їх підпорядкування окремому патріархату. Чесне вирішення проблеми громадських пасовищ із врахуванням народних інтересів. Передача державних пасовищ громадам. Націоналізація державного управління. Чиновники повинні вміти розмовляти рідною мовою народу. Скасування вірилізму¹. У представницьких органах громад рутенці повинні бути представлені пропорційно своїй кількості. Окрема греко-католицька автономія» [21: 4].

Натомість з боку органів угорської центральної влади спостерігалася певна недооцінка подій. Так, наприклад, близька до уряду

громадянська радикальна газета «Világ» («Світ») намагалася створити видимість того, що ні про який сепаратизм не йдеться: «На великих зборах, проведених у Ясінях, рутенський народ заявив про свою приналежність до угорців і рішуче виступив на захист цілісності держави. Звісно вони мають вимоги до демократичного уряду, але вірять у їх виконання. В Ясінях були невеликі заворушення, які здійснювалися солдатами, що пішки поверталися додому з України, але сподіваємося, що вже в короткий час порядок буде відновлено по всій Мараморощині» [42: 7]. Крім цього, з'явилися публікації, які представляли події не як повстання, а як заворушення українців, виходом з Галичини. «Можливо є такі окремі люди, які, скориставшись важкими часами, бажають отримати владу та, переслідуючи власні інтереси, підбурюють мирний рутенський народ, ба навіть є окремі села та місцевості, в яких спостерігаються певне незадоволення і сум'яття, але загалом безсумнівно можна стверджувати, що рутенці Угорщини не бажають відірватися від угорської держави. Новини з Ясіня повідомляли, що нібито місцеве рутенство повстало, однак ця звістка не відповідає дійсності. Трапилося всього лише те – що і стало підставою для фальшивого повідомлення – що чужі солдати, які переходили через селище, грабували та руйнували, а різний збрід, як і всюди, допомагав їм у цьому» [31: 2]. В іншій публікації: «З Дебрецена наш репортер телеграфував: З Ясіня надходить усе більше скарг на тамтешню ситуацію. <...> Капітан Еде Сілі повідомив телеграфом, що українці захопили у Вишово-Вижньому цілий поїзд, на якому було п'ятсот людей. На пасажирів напали з дикою жорстокістю, грабуючи всіх без розбору – і солдат, і цивільних. Над тими, хто виявляв найменший опір, знущались» [19: 6].

У січні 1919 р. чеська армія з півночі, а румунська – з півдня просунулися до нової демаркаційної лінії, тож протягом місяця Ужгород і Сигіт (Мармарош-Сигіт – місто в Румунії) опинилися під окупацією [29: 336–353]. Скориставшись ситуацією, Гуцульська народна рада організувала на православне Різдво, 7–8-го січня, повстання проти розквартированого в Ясіня угорського гарнізону. Після збройного протистояння з обох боків залишилися поранені [5: 122]. Серед організаторів повстання були найбільш активні учасники попередніх подій – чоловіки з родини Клочураків, брати Климпуші, Дмитро Німчук, Микола Сабадюк та ін. Повстання відбулося за цілком унікальних обставин. Ввечері 6 січня чоловіки з Ясіня, як і личить, вирушили на Святвечір колядувати, і до тих, що несли радісну звістку, все більше приєднувалося таких, які прихопили з собою зброю, принесену з фронту. Озброєний загін, що сформувався під прикриттям традицій, у наступні дні взяв селище під контроль [9: 106].

Зрештою, в результаті ясінянського «колядування» було проголошено Гуцульську Республіку [9: 107]. У тогочасній угорській пресі ми зустрічали вираз «республіка», натомість у галицьких українських періодичних виданнях такого формулювання не помітили, використовувалися лише вирази «угорські українці» та «ясінчани». Місцеві газети у цей період не виходили. Згадуючи події навколо створення республіки, С. Клочурак розповідав, що ідея створення самостійного державного утворення належала найстаршому члену Народної ради Іванові Марусяку, оскільки до Угорщини вони належати не хотіли, а до Західноукраїнської Народної Республіки, яка зароджувалася в Галичині, наразі можливості приєднатися не було [5: 134]. Створення королівства через традиційний протест проти угорської форми державного правління було виключене, тож за зразок взяли республіку галицьких українців.

Як і колядування, другим ключовим елементом цієї історії є саме місце, де відбувалися описувані події. У спогадах С. Клочурак неодноразово зазначав, що Гуцульська народна рада засідала в ясінянському кінотеатрі. Те, де точно розташована будівля і чи це дійсно був кінотеатр, з джерел з'ясувати не вдалося, не пам'ятають такого і жителі селища. Ймовірно, йдеться про будівлю, яка з 1915 р. була передана в розпорядження місцевого військового гарнізону. Під час Першої світової війни австро-угорська армія використовувала її в т. ч. для перегляду кінострічок. Щоб уникнути непорозумінь, відзначимо, що та будівля, яку сьогодні жителі Ясіня знають як кінотеатр, була переоблаштована під ці потреби тільки в радянську епоху, а раніше це була синагога. У 2019 р. для вже дуже занедбаної будівлі знайшли нового власника і нове призначення. А проголошення республіки, як стверджує народна пам'ять, відбулося «під вікнами» готелю «Едельвейс». Принаймні так розповідають гостям закладу [30: 41], і про це пише блог, що популяризує міську бібліотеку Рахова [15]. Але ця будівля була зведена на порожній ділянці 1940 р. як готель «Будапешт» і з того часу зберігає оригінальні форми, включаючи й елементи інтер'єру, наприклад вирізьблені з дерева символи Будапешта. Це, звісно, не виключає, що можливо колись тут стояла будівля (гарнізонного) кінотеатру.

Початки гуцульської державності

У краї з'явилися й військові Західноукраїнської Народної Республіки. У листопаді 1918 р., невдовзі після проголошення у Львові ЗУНР, її головний керівний орган – Українська народна рада направила до Будапешта делегацію, яку очолив член ради Володимир Сінгалеви́ч.

В інтерв'ю газеті «Est» («Вечір») В. Сінгалевич, зокрема, розповів: «19 жовтня на Конституційних зборах у Львові було обрано Українську народну раду, а в ніч на перше листопада ми взяли під військовий контроль найважливіші місця Львова, і до ранку влада була в наших руках». Стосовно політичних відносин Угорщини й «України» він відзначив: «Політизувати зараз не на часі. Звісно, що Конституційні збори оголосили про необхідність об'єднати всі території, де проживають українці. Це рішення стосується і Північно-Східної Угорщини, де проживає пів мільйона українців. Звичайно, що йдеться і про Ужгород та Мукачево. Чи має намір Українська народна рада, яка дотримується проголошених В. Вільсоном пунктів², військово окупувати Північно-Східну Угорщину, на це я не можу відповісти, я не стратег і якщо наступ дійсно входить до планів Української народної ради, я про це тут, у Будапешті, не повідомлятиму» [18: 7]. Дії гуцулів у січні 1919 р. змінили ситуацію. Українська народна рада, яка після втрати Львова розташувалася у Станіславі, допомагала місцевим, «неофіційно» направляючи сюди військові загони. Вони брали участь у патрулюванні Ясіня та поході на Сигіт [14].

Територію новоствореної Гуцульської Республіки швидко розширили за межі Ясіня. Її загони без проблем зайняли Рахів (районний центр) та Великий Бичків, розташований на схід від обласного центра Сигіта. Війська продовжили наступ безпосередньо на Сигіт, але вже без успіху. Оскільки угорські військові, розквартировані в Сигеті, отримали дозвіл тільки на мирні переговори, наступ українців зупинила вже румунська армія. У боях з румунами багато українських солдат загинули та були поранені. Крім цього, румуни захопили й військовополонених [27: 236]. У відповідь батальйони, що відступали до Галичини, захопили полонених з числа місцевого населення [3]. Румунський наступ зупинився 19 січня біля Великого Бичківа, війська до квітня не переходили через демаркаційну лінію, яка пролягла всього за 60 км від Ясіня [36: 238]. Про ці події в угорській пресі писали: «Ті українські банди, які були вибиті румунами з Сигіта і які за короткий час забралися з Ясіня», знову з'явилися в селищі «і разом із рутенським населенням, що приєдналося до них, розпочали в Ясінях владу терору (sic!)». Хто лиш може, «пішки тікає з Ясіня та його околиць в сторону Сигіта. Банда, зважаючи на малу чисельність, не організовувала переслідування» [20: 2].

Влада Гуцульської Республіки у більш-менш встановлених кордонах поширювалася на Ясіня та з дужину навколишніх сіл. Районний центр Рахів уже не був частиною республіки. Верховним органом правління Гуцульської Республіки залишилася народна рада. Створені в її складі в січні 1919 р. п'ять секцій функціонували як виконавча влада, а го-

ловою був обраний Степан Клочурак. Військову і зовнішніх зв'язків, внутрішніх справ, харчову, господарську, освіти та шкільництва секції очолювали ясінянські активісти. У селах недовговічної республіки обрали нових старост та нотарів, полонених угорських солдат відпустили, налагоджували співпрацю з єврейським та німецьким населенням Північного Мараморошу. Була створена місцева міліція, в Ясінях діяв загін гуцульської народної оборони [6: 24].

Відносна ізоляція, яка уможливила у період із січня по червень 1919 р. саме існування республіки, у щоденному житті спричинила й певні труднощі. Керівництво спробувало залучити до сил народної оборони та відновлення зруйновано війною господарства робочу силу з навколишніх сіл. За кілька місяців їм вдалося стабілізувати ситуацію, але вирішити проблеми місцевого населення влада республіки була нездатна. Найбільше люди страждали через перебої з постачанням продовольства та через проблеми з охороною здоров'я. Іноді вдавалося отримати предмети вживання з Галичини, переважно це було зерно та нафта [5: 134]. У січні 1919 р. пресою рознеслася звістка, що нібито в Будапешті створено товариство, яке постачатиме на ринок українську нафту, що прибуватиме до Угорщини через Ясіня [23: 10]. Втім від угорської влади, яку в листівках називали «чужою» та «ворожою», допомоги республіка не чекала, а для захисту навіть розібрала залізничне полотно, яке вело до Ясіня. Таким чином, свої запаси влада могла поповнити тільки скромними поставками від галицьких українців [5: 140].

У квітні 1919 р. спочатку румунська, а згодом і чехословацька армія перейшли демаркаційну лінію і розпочали наступ проти Угорської Радянської Республіки, яка на цей час поширила свою владу на сусідню з Гуцульською Республікою територію Руської Країни. Наступаючі іноземні війська дуже швидко взяли під свій контроль територію майбутньої Підкарпатської Русі³. 11 червня румуни зайняли Ясіня й арештували більшість членів Гуцульської народної ради, в т. ч. й Степана Клочурака. Це означало кінець короткого існування Гуцульської Республіки [5: 167]. Румунські регулярні частини залишалися в краї аж до підписання Тріанонського мирного договору, хоча вся територія історичного Підкарпаття, в т. ч. й гуцульські землі, ще 10 вересня 1919 р. згідно із Сен-Жерменським договором ввійшла до складу новоствореної Чехословаччини.

Гуцули весь цей час продовжували в горах партизанську боротьбу, чехословацька армія змогла умиротворити ситуацію вже тоді, коли влітку 1920 р. румунські війська після підписання Тріанонського мирного договору залишили регіон [16: 101]. Румунська влада ув'язнила С. Клочурака за організацію походу на румунський Сигіт

і кілька місяців протримала у тюрмі міста Брашов. Після звільнення він ще короткий період провоював у Галичині на боці українців, що боролися за незалежність проти поляків, але вже в листопаді 1920 р. бачимо його в Чехословаччині, де він склав присягу на вірність новій державі і повернувся в політику [10: 35].

Пам'ять про Гуцульську Республіку

У 1896 р. Ясіня стало одним із місць проведення святкувань міленіуму (тисячоліття) угорської державності. З цієї нагоди тут перед будинком селищної ради звели меморіальну колону з сірого мармуру висотою 2,5 м. На колоні було висічено напис: «В пам'ять тисячоліття створення нашої Вітчизни. 896–1896» [37: 373]. Наприкінці 1918 р. гуцули висікли на цій меморіальній колоні дату створення Гуцульської народної ради та відому фразу із поеми «Кавказ» (1845) Т. Шевченка, яка часто цитується й сьогодні [4: 165–166]: «Борітеся – поборете» [12: 312]. Цей монумент сьогодні вже не існує.

Про цікаву подію читаємо в будапештській газеті «Görög Katolikus Szemle» («Греко-католицький погляд») від 1930 р.: «Гуцульська Україна. Безкінечний реєстр назв Рутенської території збільшився новим найменуванням: якийсь буйний українець назвав їх Гуцульською Україною. На прикордонному стовпі Верецького перевалу він замалював чорною фарбою напис "Чехословацька Республіка" і записав над ним нову назву. Адже по той бік гір також живуть гуцули, як і з цього боку, навіть якщо не безпосередньо вздовж кордону» [28: 3]. Прикордонний знак у формі каменю був встановлений ще 1881 р., в період монархії. У 1896 р. його замінили на гранітний обеліск, ймовірно саме про нього йдеться в публікації. Сьогодні не існує вже і його, на місці обеліску в 2008 р. встановили пам'ятний знак на честь здобуття угорцями Батьківщини [41].

У 1938–1939 рр. Підкарпаття знову стало частиною Угорського Королівства, з кінця 1944 р. – де-факто, а в 1945 р. вже і де-юре ввійшло до складу Радянського Союзу. В обидва періоди історія Гуцульської Республіки була під знаком табу. У наш час в угорській історіографії Гуцульську Республіку розглядають більше як «історичну цікавинку», натомість в Україні вона тісно вплітається в канон історичних змагань за державний суверенітет. У двох різночитаннях розділяються просторова історія та імперська історія. Хоча в преамбулі ухваленої 1996 р. Конституції України нема історичних відсилань, на відміну від, наприклад, Основного Закону (2011) Угорщини, цей історичний факт – попри дискусію в середовищі політикуму – український парламент включив до одного з нормативних актів ухваленого в 2015 р.

т. зв. «декомунізаційного пакету», намагаючись таким чином зробити канонізований наратив безапеляційним. Закон України № 314-VIII від 9 квітня 2015 р. «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті» визнає легітимними попередниками ті тимчасові державні утворення першої половини XX ст., які поділяли ідеї української незалежності, в т. ч. й Гуцульську Республіку. Згідно з духом цього закону служба національній ідеї превалює над усіма іншими обставинами («держава вважає правомірними форми і методи боротьби за незалежність України у XX столітті» – ст. 2, п. 2) [26].

Гуцульська Республіка живе і в народній пам'яті. Тих, хто бажає сьогодні відвідати Ясіня, при в'їзді до населеного пункту зустрічає яскрава табличка. У її правій частині зображено колоритного чоловіка в гуцульському народному вбранні, обрамленого українським національним стягом, а з лівого боку розміщено напис українською мовою: «Ясіня – столиця Гуцульської Республіки, вітає Вас!». 2011 р. в селищі відкрито пам'ятник Степанові Клочураку (автор – скульптор Михайло Белень) [8]. Якщо цю скульптуру і можна вважати продуктом політичного середовища, то нанесений фарбою на щити місцевого футбольного стадіону напис «Гуцульська Республіка» – уже навряд. Місцевий люд дійсно пишається тим, що живе в столиці колишньої республіки. Так само і серед угорців, що проживають на Закарпатті, теж відомо, що Ясіня – це «столиця». Тут дуже сильним є почуття локального патріотизму, з приводу чого в одній газетній статті, присвяченій Гуцульській Республіці, відзначалося: «Історична пам'ять нині в тренді <...>» [7].

Висновки

Центром нашого дослідження було освітлення особливості трансформаційних змін, складові соціально-економічних і суспільно-політичних зрушень тогочасної Угорщини, які уможливили появу короткочасного державного утворення. З жовтня 1918 р. послаблення угорської центральної влади, поступова втрата державного суверенітету, прояви мілітарного, парамілітарного та політичного насилля, особливо на периферійних територіях, полегшила заповнити вакуум влади, знизити рівень спротиву, протидії змінам. Угорська влада не була спроможна не тільки запобігти утворення Гуцульської Республіки, але і його розпад був зв'язаний з окупацією території регулярними загонами сусідньої Румунії. Угорська адміністрація, яка без допомоги Будапешта мала стабілізувати хитливу ситуацію, ясинянське зворушення не сприйняла як загрозу для безпеки. Наразі Західна Укра-

їнська Народна Республіка, згодом Українська Народна Республіка у багатofронтoвій війні не могла приділити достатню увагу подіям на південь від Карпат. З приводу останньої нам вдалося розкрити деякі моменти відносин з гуцулами та з офіційною Угорщиною, яка прагнула налагодженню відносин незалежно від сепаратистських настроїв на лінії Карпатських гір.

Для сучасної угорської історіографії Гуцульська Республіка не виявляє великого інтересу. Натомість у сучасній Україні частина символічного простору держави в контексті меморіальної політики, а також кольорова сторінка регіональній пам'яті. Втім навіть у такому розкладі вдалося виокремити елементи легенди та реалії.

Примітки

1. Інститут вірилізму в Угорщині був уведений Законом про місцеве управління № XLII від 1870 р. Згідно з § 19 закону половина членів муніципального комітету призначалася на основі списку платників податків у порядку розмірів сплаченого ними податку, тобто членами муніципального комітету ставали найбільші платники податків.

2. Президент США В. Вільсон своє бачення нових принципів міждержавних стосунків висловив у «14 пунктах», оприлюднених 8 січня 1918 р. Пункт 10 голосив: «надання автономії народам Австро-Угорщини».

3. Офіційна назва краю під владою Чехословацької Республіки (1919–1939).

ЛІТЕРАТУРА

1. *Вегеш М.* Карпатська Україна на шляху державотворення. Ужгород: Карпати, 2009. 536 с.

2. Державний архів Закарпатської області (ДАЗО). Ф. 14. Оп. 10. Од. зб. 126.

3. ДАЗО. Ф. 59. Оп. 1. Од. зб. 36.

4. Західно-Українська Народна Республіка 1918–1923. Документи і матеріали. Т. 1–5 / Ред. О. Карпенко. Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2001.

5. *Ключурак С.* До волі: спомини. Нью-Йорк: Карпатський Союз, 1978. 188 с.

6. *Королько А., Павлючок Я.* Гуцульська Республіка 1918–1919 рр. До питання організації «січневого зриву» і становлення української влади на Закарпатській Гуцульщині // Вісник Прикарпатського університету. Історія. 2010. Вип. 17. С. 17–25.

7. *Масляник О.* Гуцульське повстання. URL: <https://bit.ly/3q8CalW> (останній перегляд: 12 грудня 2020).

8. *Масляник О., Нитка В.* Монумент на тлі епохи // Голос України. 23 листопада 2011.

9. Мушинка М. Взаємини Гуцульської Республіки із Західноукраїнською Народною Республікою // Галичина. 2019. Ч. 32. С. 104–112.
10. Мушинка М. Лицар волі: Життя і політично-громадська діяльність Степана Клочурака. Ужгород: Поличка «Карпатського краю», 1995. 282 с.
11. Сакал І. Спроба створення русинської автономії в Угорщині у 1918–1919 рр. // Русин. 2015. № 61. С. 111–131. DOI: 10.17223/18572685/61/7
12. Шевченко Т. Кобзар. Харків: Школа, 2009. 351 с.
13. Самчук У. Гори говорять! Чернівці: Накладом авт., 1934. 162 с.
14. Штефан А. Українське військо в Закарпатті. URL: <https://bit.ly/3kuaQx4> (останній перегляд: 12 грудня 2020 р.)
15. Яворенко М. Слідами Гуцульської Республіки. URL: <https://bit.ly/2PnDzbD> (останній перегляд: 12 грудня 2020 р.)
16. Ярославин О. [о. Исидор Сохоцький.] Визвольна боротьба на західноукраїнських землях. Филадельфія: Накладом гуртка прихильників, 1956. 183 с.
17. Az Est. 1918.11.10.
18. Az Est. 1918.11.15.
19. Az Est. 1918.11.17.
20. Az Est. 1919.02.06.
21. Az Ujság. 1918.11.10.
22. Beneš J.S. The Green Cadres and the Collapse of Austria-Hungary in 1918 // Past & Present. 2017. № 1. P. 207–241. DOI 10.1093/pastj/gtx028
23. Budapesti Hírlap. 1919.01.19.
24. Cieger A. A Bereg megyei politikai elit a dualizmus időszakában // Levéltári Évkönyv. Szerk. Nagy F. Nyiregyháza: Szabolcs-Szatmár-Bereg Megyei Levéltár 1997. 213–281. o.
25. Egry G. Negotiating Post-Imperial Transitions. Local Societies and Nationalizing States in East Central Europe // Embers of Empire. Continuity and Rupture in the Habsburg Successor States after 1918 / eds. by P. Miller, C. Morelon/ New York; Oxford: Berghan Books, 2019. P. 15–42.
26. Fedinec Cs., Csernicskó I. (Re)conceptualization of Memory in Ukraine after the Revolution of Dignity // Central European Papers. 2017. № 1. P. 46–71.
27. Fogarassy L. Az ismeretlen Székely Hadosztály. Adatok Tiszántúlról és Erdély hadtörténetéhez az 1918/1919. évi forradalmi időszakban a román általános támadásig // A Debreceni Déry Múzeum Évkönyve 1971. Szerk. Dankó I. Debrecen, 1972. 225–252. o.
28. Görög Katolikus Szemle. 1930. 06. 29.
29. Hatos P. Az elátkozott köztársaság. A 1918-as összeomlás és forradalom története. Budapest: Jaffa Kiadó, 2018. 488 o.
30. Kiss N. Csernovic // Magyar Lettre Internationale. 2005. № 58. 39–42. o.
31. Köztársasági Újság. 1918. 12. 11.
32. Kuděj Z. M. Horalská republika: román z Podkarpatské Rusi. Praha: Sfinx (B. Janda), 1933. 324 p.
33. Litván Gy. Októberек üzenete. Budapest: Osiris Kiadó, 1996. 379 o.
34. Magocsi P.R. The Fourth Rus': A New Reality in a New Europe // Journal of Ukrainian Studies. 2010–2011. P. 167–177.

35. *Magocsi P.R.* With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest: Central European University, 2015. 564 p.
36. *Ormos M.* Padovától Trianonig 1918–1920. Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1984. 451 o.
37. *P. Punykó M.* A vallás szerepe az anyanyelv megőrzésében a szórványban, Körösmezőn élő magyarok között // Népi vallásosság a Kárpát-medencében. Szerk. S. Lackovits E., Mészáros V. Veszprém: Veszprém Megyei Múzeumi Igazgatóság, 2004. 373–379. o.
38. *Romsics I.* A Nagy Háború és az 1918–1919-es magyarországi forradalmak. Válogatott tanulmányok. Budapest: Helikon Kiadó, 2018. 331 o.
39. *Szakál I.* «Rend, fegyelem, összetartás, s nem lesz panasz többé a Kárpátok bércei között». Iratok Ruszka Krajna történetéhez (1918–1919). Beregszász; Ungvár: RIK-U, 2018. 248 o.
40. *Szilágyi Zs.* A Kárpát-medence fejlettségi membránja (1910) // Területi egyenlőtlenségek nyomában a történeti Magyarországon. Módszerek és megközelítések. Szerk. Demeter G., Szulovszky J. Budapest; Debrecen: MTA BTK, 2018. 47–84. o.
41. *Túri L.* A vereckei honfoglalási emlékmű «mitológiájának» kialakulása és újraértelmezése mélyinterjúk tükrében // Fórum Társadalomtudományi Szemle. 2013. № 1. 87–99. o.
42. Világ. 1918. 11. 10.

REFERENCES

1. Vegesh, M. (2009) *Karpats'ka Ukraïna na shlyakhu derzhavotvorenniya* [Carpathian Ukraine on the way to state formation]. Uzhhorod: Karpati.
2. The State Archive of Transcarpathian Oblast (DAZO). Fund 14. List 10. File 126.
3. The State Archive of Transcarpathian Oblast (DAZO). Fund 59. List 1. File 36.
4. Karpenko, O. (ed) (2001) *Zakhidno-Ukraïns'ka Narodna Respublika 1918–1923. Dokumenty i materialy* [West Ukrainian People's Republic 1918–1923. Documents and Materials]. Vol. 1–5. Ivano-Frankivsk: Lileya-NV.
5. Klochurak, S. (1978) *Do voli: spomini* [Strive for freedom (Memories)]. New York: Karpats'kiy Soyuz.
6. Korolko, A. & Pavlyuchok, Ya. (2010) Gutsul's'ka Respublika 1918–1919 rr. Do pitannya organizatsii "sichnevogo zrivu" i stanovlennya ukraïns'koi vladi na Zakarpats'kiy Gutsul'shchini [Hutsul Republic of 1918–1919. On organizing the "January disruption" and formation of Ukrainian power in the Transcarpathian Hutsul region]. *Visnik Prikarpat's'kogo universitetu. Istoriya*. 17. pp. 17–25.
7. Maslyanik, O. (n.d.) *Gutsul's'ke povstannya* [Hutsul insurgence]. [Online] Available from: <https://bit.ly/3q8CalW> (Accessed: 12th December 2020.)
8. Maslyanik, O. & Nitka, V. (2011) Monument na tli epokhi [Monument on the background of the era]. *Golos Ukraïni*. 23rd November.
9. Mushinka, M. (2019) *Vzaïmini Gutsul's'koi Respubliki iz Zakhidnoukraïns'koyu*

Narodnoyu Respublikoyu [Relations of the Hutsul Republic with the Western Ukrainian People's Republic]. *Galichina*. 32. pp. 104–112.

10. Mushinka, M. (1995) *Litsar voli: Zhittya i politichno-gromads'ka diyal'nist' Stepana Klochoraka* [Knight of Freedom: Stepan Klochorak, his life, political and social activity]. Uzhhorod: Polichka "Karpats'kogo krayu".

11. Szakál, I. (2020) An Attempt to Create a Rusin Autonomy in Hungary in 1918–1919. *Rusin*. 61. pp. 111–131 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/61/7

12. Shevchenko, T. (2009) *Kobzar*. Kharkiv: Shkola.

13. Samchuk, U. (1934) *Gori govoryat'!* [Mountains are Talking]. Chernivtsi: Nakladom avt.

14. Stefan, A. (n.d.) *Ukrain's'ke viys'ko v Zakarpatti* [Ukrainian Army in Transcarpathia]. [Online] Available from: <https://bit.ly/3kuaQx4> (Accessed: 12th December 2020).

15. Yavorenko, M. (n.d.) *Slidami Gutsul's'koï Respubliki* [In the footsteps of the Hutsul Republic]. [Online] Available from: <https://bit.ly/2PnDzbD> (Accessed: 12th December 2020).

16. Yaroslavin, O. [Isidor Sokhotskiy] (1956) *Vizvol'na borot'ba na zakhidnoukraiń's'kikh zemlyakh* [Liberation movement in Western Ukraine]. Nakladom gurtka prikhil'nikiv.

17. *Az Est* (1918a) 10th November.

18. *Az Est* (1918b) 15th November.

19. *Az Est* (1918c) 17th November.

20. *Az Est* (1919) 6th February.

21. *Az Ujság* (1918) 10th November.

22. Beneš, J.S. (2017) The Green Cadres and the Collapse of Austria-Hungary in 1918. *Past & Present*. 1. pp. 207–241. DOI: 10.1093/pastj/gtx028

23. *Budapesti Hírlap* (1919) 19th January.

24. Cieger, A. (1997) A Bereg megyei politikai elit a dualizmus időszakában [The political elite of Bereg County in the period of dualism]. In: Nyíregyháza, N. (ed.) *Levéltári Évkönyv*. Szabolcs-Szatmár-Bereg Megyei Levéltár. pp. 213–281.

25. Egry, G. (2019) Negotiating Post-Imperial Transitions. Local Societies and Nationalizing States in East Central Europe. In: Miller, P. & Morelon, C. (eds) *Embers of Empire. Continuity and Rupture in the Habsburg Successor States after 1918*. New York; Oxford: Berghahn Books. pp. 15–42.

26. Fedinec, Cs. & Csernicskó, I. (2017) (Re)conceptualization of Memory in Ukraine after the Revolution of Dignity. *Central European Papers*. 1. pp. 46–71.

27. Fogarassy, L. (1972) Az ismeretlen Székely Hadosztály. Adatok Tiszántúl és Erdély hadtörténetéhez az 1918/1919. évi forradalmi időszakban a román általános támadásig [The unknown Szekler Division. Data for the military history of Transisza and Transylvania in 1918/1919 during the revolutionary period until the romanian general attack]. In: Dankó, I. (ed.) *A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve 1971*. Debrecen: [s.n.]. pp. 225–252.

28. *Görög Katolikus Szemle*. (1930) 29th June.

29. Hatos, P. (2018) *Az elátkozott köztársaság. A 1918-as összeomlás és forradalom története* [The Cursed Republic. The story of the collapse and revolution of 1918]. Budapest: Jaffa Kiadó.

30. Kiss, N. (2005) Csernovic [Chernivtsi]. *Magyar Lettre Internationale*. 58. pp. 39–42.
31. Köztársasági Újság. (1918) 11th December.
32. Kuděj, Z.M. (1933) *Horalská republika: román z Podkarpatské Rusi*. Praha: Sfinx (B.Janda).
33. Litván, Gy. (1996) *Októberek üzenete* [Message of Octobers]. Budapest: Osiris Kiadó.
34. Magocsi, P.R. (2010–2011) The Fourth Rus': A New Reality in a New Europe. *Journal of Ukrainian Studies*. 35–36. pp. 167–177.
35. Magocsi, P.R. (2015) *With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Budapest: Central European University.
36. Ormos, M. (1984) *Padováától Trianonig 1918–1920* [From Padua to Trianon 1918–1920]. Budapest: Kossuth Könyvkiadó.
37. P.Punyó, M. (2004) A vallás szerepe az anyanyelv megőrzésében a szórványban, Kőrösmezőn élő magyarok között [The role of religion in the preservation of the mother tongue among Hungarian diaspora living in Yasinia]. In: S. Lackovits E. & Mészáros, V. *Népi vallásosság a Kárpát-medencében*. Veszprém: Veszprém Megyei Múzeumi Igazgatóság. pp. 373–379.
38. Romsics, I. (2018) *A Nagy Háború és az 1918–1919-es magyarországi forradalmak. Válogatott tanulmányok* [The Great War and the Hungarian revolutions of 1918–1919. Selected Studies]. Budapest: Helikon Kiadó.
39. Szakál, I. (2018) "Rend, fegyelem, összetartás, s nem lesz panasz többé a Kárpátok bércei között". *Iratok Ruszka Krajna történetéhez (1918–1919)* ["Order, discipline, cohesion, and there will be no more complaints among the Carpathian mountains". Documents on the history of Ruska Kraina (1918–1919)]. Beregszász; Ungvár: RIK-U.
40. Szilágyi, Zs. (2018) A Kárpát-medence fejlettségi membránja (1910) [Developmental membrane of the Carpathian Basin (1910)]. In: Demeter, G. & Szulovszky, J. (eds) *Területi egyenlőtlenségek nyomában a történeti Magyarországon. Módszerek és megközelítések*. Budapest; Debrecen: MTA BTK. pp. 47–84.
41. Túri, L. (2013) *A vereckei honfoglalási emlékmű "mitológiájának" kialakulása és újraértelmezése mélyinterjúk tükrében* [The formation and re-interpretation of the "mythology" of the Hungarian Conquest Memorial in Verecke in the light of in-depth interviews]. *Fórum Társadalomtudományi Szemle*. 1. pp. 87–99.
42. *Világ* (1918) 10th November.

Чилла Фединец – доктор философии, старший научный сотрудник Института исследований меньшинств Центра социальных наук Исследовательской сети им. Л. Этвеш (Венгрия).

Чілла Фединець – доктор філософії, старший науковий співробітник Інституту досліджень меншин Центру соціальних наук, Дослідницька мережа ім. Л. Етвеш (Угорщина).

Csilla Fedinec – Eötvös Loránd Research Network (Hungary).

E-mail: fedinec.csilla@tk.hu

Имре Сакал – доктор философии, доцент кафедры истории и общественных дисциплин Закарпатского венгерского института им. Ференца Ракоци II (Украина).

Имре Сакал – доктор філософії, доцент кафедри історії та суспільних дисциплін Закарпатського угорського інституту ім. Ференца Ракоці II (Україна).

Imre Szakál – Ferenc Rákóczi II Transcarpathian Hungarian College (Ukraine).

E-mail: szakal.imre@kmf.org.ua

УДК 94(47).05(436)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/7

Подданные Австро-Венгрии в Западной Сибири и Туркестане в начале XX в. (1900–1917 гг.)

**Ы.К. Омарбаев¹, В.Т. Таракчи², К.К. Базарбаев²,
Ж.Ж. Кумганбаев³**

¹ Научный центр «Science Service»

Казахстан, 010000, г. Нур-Султан, ул. Рыскулбекова, 13

E-mail: omarbayev1987@gmail.com

² Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави

Казахстан, 1611200-161205, г. Туркестан, ул. Б. Саттарханова, 29

E-mail: info@ayu.edu.kz

³ Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Казахстан, 050040, г. Алматы, пр. Аль-Фараби, 71

E-mail: info@kaznu.kz

Авторское резюме

В конце XIX – начале XX в. Российская империя играла важную роль в процессах европейской миграции. Особое значение имела миграционная политика с Австро-Венгерской империей. Чехи, русины, поляки и словаки, принадлежавшие к австро-венгерскому населению, поселились в основном в европейской части Российской империи и занимались по преимуществу земледелием. А австрийцы и немцы открывали промышленные предприятия в городах Западной Сибири (Степное генерал-губернаторство 1882–1918 гг.). В целом было две причины, по которым выходцы из Австро-Венгрии проживали в Западной Сибири и Туркестанском крае: одни добровольно переселились и внесли свой вклад в экономическое и социальное развитие регионов, другие оказались здесь в качестве военнопленных. Однако следует отметить, что в обоих случаях царская администрация не ограничивала социальный и правовой статус выходцев из Австро-Венгрии. Рассматриваются причины пребывания подданных Австро-Венгрии в Западной Сибири и Туркестанском крае, а также их влияние на общественно-экономическое положение данных регионов. Австро-венгерские переселенцы, как и выходцы из других европейских стран, выступали

в качестве своеобразных трансформаторов нового предпринимательского опыта, передовых технологий, западной предпринимательской культуры. Потомки иммигрантов из австро-венгерских земель стали частью многонационального состава Западной Сибири и Туркестана.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Западная Сибирь, Туркестан, паспортная система, миграция, военнопленные, уезд Аулиеата.

Subjects of Austria-Hungary in Western Siberia and Turkestan in the early twentieth century (1900–1917)

**Y.K. Omarbayev¹, V.T. Tarakchi², K.K. Bazarbayev²,
Zh.Zh. Kumganbayev³**

¹ Science center “Science Service”

13 Ryskulbekov Street, Nur-Sultan, 010000, Kazakhstan

E-mail: omarbayev1987@gmail.com

² International Kazakh-Turkish University named after Kh.A. Yassawi

29 B. Sattarkhanov Street, 1611200-161205, Turkestan, Kazakhstan

E-mail: info@ayu.edu.kz

³ Al-Farabi Kazakh National University

71 Al-Farabi Avenue, Almaty, 050040, Kazakhstan

E-mail: info@kaznu.kz

Abstract

In the late 19th and early 20th centuries, the Russian Empire played an important role in the processes of European migration. Of particular importance was the migration policy with the Austro-Hungarian Empire. The Czechs, Rusins, Poles, and Slovaks, who belonged to the Austro-Hungarian population, settled mainly in the European part of the Russian Empire and engaged mainly in agriculture, while the Austrians and Germans opened industrial enterprises in the cities of Western Siberia (Governor-Generalship of the Steppes, 1882–1918). In general, there were two reasons why the Austro-Hungarians settled in Western Siberia and Turkestan: some voluntarily resettled and contributed to the economic and social development of the regions, while others had to move here as prisoners of war. However, it should be noted that in both cases, the tsarist administration did not restrict their social and legal status. The article examines

the reasons for the stay of Austro-Hungarian subjects in Western Siberia and Turkestan, as well as their impact on the socio-economic situation of these regions. Austro-Hungarian immigrants, as well as immigrants from other European countries, acted as transmitters of new entrepreneurial experience, advanced technologies, and Western entrepreneurial culture. The descendants of immigrants from the Austro-Hungarian lands became part of the multinational composition of Western Siberia and Turkestan.

Keywords: Austria-Hungary, Western Siberia, Turkestan, passport system, migration, prisoners of war, Aulie Ata county.

Введение

В начале XX в. подданные Австро-Венгрии по разным причинам оказывались в городах Западной Сибири и Туркестане – регионах Российской империи. Причины их пребывания можно рассматривать на основе двух аспектов: экономического и военного.

Экономический аспект заключался в том, что в начале XX в. Россия испытывала трудности при освоении обширной территории Сибири и Туркестана. Как известно, в то время в Российской империи усилился процесс развития капитализма. Развитие капиталистических отношений осуществлялось с помощью иностранного капитала. Предприниматели Австро-Венгрии внесли огромный вклад в развитие и укрепление капиталистических отношений в городах Западной Сибири. Возникла необходимость в зарубежных высококвалифицированных специалистах, для привлечения которых царская администрация создала благоприятные условия. Нужно отметить, что особые условия были созданы для предпринимателей и специалистов в области промышленности, т.к. развивавшейся экономике России не доставало специалистов именно в этой сфере. В начале XIX в. в Российской империи действовала строгая паспортная система [16: 119], для иностранцев были ужесточены въезд и выезд из страны. Однако в конце XIX в. строгие правила паспортной системы для иностранцев были смягчены [17: 44]. Были приняты правовые положения для утверждения статуса иммигрантов за рубежом. Эти изменения облегчили процесс иммиграции в направлении России. Свобода передвижения послужила началом как внутренней, так и внешней миграции граждан. Увеличилось число иностранных мигрантов, прибывавших в города Западной Сибири. Среди них особо выделяются подданные Австро-Венгрии, доля которых занимала второе место после выходцев из Германии (21 % от общего числа иммигрантов) [17: 44].

Сегодня правовой статус и социальное положение подданных Австро-Венгрии представляют большой интерес для историче-

ской науки. Этот вопрос является одним из наименее изученных в истории постсоветских стран. На основе архивных материалов мы попытаемся повысить интерес к изучаемой проблеме и обосновать её актуальность.

Методология

Нами были проанализированы архивные материалы и научные исследования разных авторов. Основным историческим материалом данной работы стали хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК) делопроизводственные документы, материалы дореволюционной статистики по переселению, описания населенных пунктов и т. д.

Методологическую основу исследования составили традиционные для отечественной историографии принципы историзма, научной объективности и системности. Для построения теоретических выводов, связанных с обработкой результатов, основанных на историографических данных, применялась совокупность частных аналитических методов изучения, включая анализ и синтез результатов, абстрагирование, методику допущения. В статье посредством метода синтеза рассматриваются миграция и социальная жизнь подданных Австро-Венгрии в Западной Сибири и Туркестане, а также процесс их приспособления к новым условиям жизни.

При написании статьи также широко использовались материалы, хранящиеся в Центральной научной библиотеке Республики Казахстан. В частности, особый интерес вызывают фонды 17 и 25 ЦГА РК [21; 24]. Они содержат административные документы, касающиеся социально-экономического положения подданных Австро-Венгрии, проживавших в городах Западной Сибири. Кроме того, есть записи о размещении австро-венгерских военнопленных в регионе Семиречья (Туркестан) во время Первой мировой войны.

Обсуждение

Положение военнопленных в Западной Сибири и Семиречье и их влияние на жизнь местного населения рассматриваются в работах дореволюционных авторов. Например, можно отметить исследовательские материалы и воспоминания М. Шокая, которые дают ценную информацию о местном управлении дореволюционного периода [28].

В советское и постсоветское время были изучены только некоторые аспекты основных причин пребывания подданных Австро-Венгрии в городах России. В этом направлении особо затрагивается агитационная работа русских среди военнопленных из Австро-Венгрии. Помимо

прочего, исследования были построены на анализе исторических трудов, опубликованных в советский и постсоветский периоды. В этом плане особый интерес представляют научные работы, посвящённые специфике переселения в Российской империи в исследуемых рамках [3; 9–12; 22]. Также были изданы работы, посвящённые развитию капиталистических процессов в Сибири в конце XIX – начале XX в. [7; 15]. Труды военно-исторической комиссии РСФСР, составленные и опубликованные Н. Ждановым в 1920 г., стали первой работой, где сделан исторический обзор положения военнопленных Германии и Австро-Венгрии в городах Западной Сибири и Туркестане [10]. Однако эта книга представляет собой не историческое, а свободное изложение составителем документальных материалов. Некоторые аспекты истории содержания граждан Австро-Венгрии в городах Российской империи затронуты в работах Э.Е. Абдрашитова [1]. Миграция чехов и словаков в Российскую империю рассмотрена в статье О. Власенко и Д. Морару [5].

В указанных работах большое внимание уделено приграничным районам двух империй. Многие опубликованные исследования по изучаемой теме освещают в основном период Первой мировой войны. Пребывание подданных Австро-Венгрии в городах Западной Сибири в довоенный период, аспекты их социального положения и правовой статус почти не изучены. Несмотря на обилие научной литературы по истории военнопленных из Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны, можно отметить, что некоторые аспекты этой проблемы до сих пор остаются малоизученными, в т. ч. условия их содержания в городах Западной Сибири. М.В. Шиловский сосредоточивает внимание на изучении вклада пленных, находившихся в сибирских губерниях и областях в годы войны [27].

Результаты

В начале XX в. был завершён процесс вхождения Российской империи в эру капиталистических отношений. Увеличилось число иммигрантов из европейских стран в Россию. Активно проводилась разработка минеральных ресурсов, что вызвало резкий скачок развития рыночных отношений. Были установлены новые правовые отношения, стало возможным свободное передвижение местного населения внутри страны. Иностранцам был разрешён въезд в империю для создания предприятий или проведения научных исследований. Пребывавшие в России иностранцы пользовались религиозной свободой и гражданскими правами, могли «вступать во всякие договора, обязательства и условия», заключать различные сделки, имели право

приобретать движимое и недвижимое имущество, владеть и распоряжаться им, открывать собственные предприятия, пользоваться судебной защитой и т. д. Они имели право поступать на военную и гражданскую службу (за исключением ряда должностей). Императорский указ от 7 июня 1860 г. полностью уравнивал иностранцев в правах с российскими подданными в социально-экономической сфере [16: 211].

В зависимости от профессий, которыми владели иммигранты из Австро-Венгрии, они были расселены в различные регионы Российской империи. Большинство из них были адаптированы к сельскому хозяйству, в связи с чем переезжали в европейскую часть России. Самой крупной по численности социальной группой среди австро-венгерских иммигрантов являлись колонисты – чехи и немцы. Австрийские немцы отдельными семьями и группами селились в многочисленных немецких поселениях – в Северном Причерноморье, Крыму, Юго-Западном крае, Среднем Поволжье и на Северном Кавказе. А те, кто освоил промышленную отрасль, переезжали в города Западной Сибири [5: 88].

Развитие капитализма породило несколько проблем в экономике империи. Россия не имела материального и технического потенциала для добычи природных ресурсов. Следовательно, иностранные капиталисты активно участвовали в изучении и добыче богатых полезных ископаемых Западной Сибири.

В конце XIX в. этот процесс активизировали французские и австрийские инвесторы. Например, в 1896 г. царское правительство предложило одному инвестору из Франции освоить Зырянские рудники (Алтай) [19: 187]. Представители промышленной сферы Австро-Венгрии участвовали в этом процессе не менее активно, чем другие. В 1904 г. предприниматель из Австро-Венгрии Бурпи Таксис, пользуясь своим положением в обществе, выиграл на аукционе право на добычу полезных ископаемых Алтайских гор (около 70 % рудников принадлежало ему) [19: 187]. Бурпи Таксис имел право трудостраивать специалистов на работу и увольнять людей. Таким образом, иностранным капиталистам были даны большие права на территории Российской империи. На это были свои причины. В конце XIX в. политические отношения между Россией и Австро-Венгрией были на высоком уровне. Кроме того, российская паспортная система позволяла иностранным предпринимателям свободно передвигаться внутри страны. По этой причине гражданам Австро-Венгрии, Германии и Франции было разрешено проживать в крупных городах Западной Сибири с видом на жительство на один год с дальнейшим продлением [13: 54].

С 1902 по 1918 г. подданные Австро-Венгрии жили в Западной Сибири – в Семипалатинске, Омске, Петропавловске и т.д. Их пребывание в основном было связано с поиском работы. В 1904 г. гражданин Австро-Венгрии Джозеф Найл жил в Семипалатинске с видом на жительство на один год [24: 4]. Он, как и другие подданные Австро-Венгрии, трудился на предприятии Бурпи Таксиса. Джозеф Найл работал инженером на шахте Риддер в Алтайских горах, временный вид на жительство ему был выдан администрацией Семипалатинской губернии [13: 44]. Таким образом, анализируя вышеуказанные данные, можно сделать вывод, что первой причиной, по которой подданные Австро-Венгрии прибывали в Западную Сибирь, являлся поиск заработка.

Вторая причина приезда подданных Австро-Венгрии в города Западной Сибири и Семиречье связана с ходом Первой мировой войны. Пленённые русскими австро-венгерские солдаты были размещены в городах Западной Сибири и Туркестана. Их возвращение на родину совпало с окончанием войны.

Правовой статус и социальное положение подданных Австро-Венгрии

Свободное передвижение иностранцев на территории Российской империи тесно связано с паспортными правилами. В конце XIX в. в паспортной политике Австро-Венгрии и Российской империи произошёл ряд изменений. Основное внимание было уделено смягчению миграционной политики. В 1867 г. Австро-Венгрия приняла «Основной закон Всеобщей декларации прав человека», согласно которому подданные страны пользовались правом свободной миграции [5: 32]. Усиление миграции повлияло на правила новой паспортной системы, введённой в России в 1894 г., когда был принят Указ «О виде на жительство» [17: 46]. Как правило, иностранцам было предоставлено свободное передвижение внутри империи. В рамках закона им разрешалось передвигаться по территории России в течение от одного до трех лет, однако необходимо было зарегистрироваться по месту жительства. Согласно имеющимся данным, большинство подданных Австро-Венгрии брали временный вид на жительство на один год. Им предоставлялись специальные пропускные билеты для поездок в любую часть Российской империи. Местная полиция была уполномочена раз в месяц проверять билеты. После однолетнего пребывания рассматривался порядок продления вида на жительство [4: 193].

Кроме того, подданные Германии и Австрии не подвергались юридическому притеснению в связи с огромными инвестициями их предпринимателей, к тому же они являлись специалистами в различных областях деятельности. Их пребывание в стране было эффективным

с экономической точки зрения. Многие австро-венгерские мигранты хотели остаться в городах Западной Сибири и по истечении срока продлевали вид на жительство. Например, согласно Всероссийской переписи, проведённой в 1897 г., на тот момент на территории всей России находилось 107 тыс. мигрантов из Австро-Венгерской империи. Из них 14 тыс. чел. родились в России [7: 54; 9: 35]. Это означало, что мигранты оставались на постоянное жительство в Российской империи. Согласно данным статистического управления Западно-Сибирской губернии, в 1909 г. в городах губернии проживало 8 714 граждан Австро-Венгрии [9: 38].

Многие подданные Австро-Венгрии, оказавшись в России, предпочитали жить в Западной Сибири, что обуславливалось экономическими и социальными интересами. В их глазах Западная Сибирь имела большой потенциал для развития труда, капитала и предпринимательства. Мигранты из Австро-Венгрии внесли значительный вклад в развитие сельского хозяйства и промышленности данного региона. Например, в 1908 г. австрийский подданный по имени Розали Куливи открыл магазин часов в Петропавловске [25: 4]. Ещё один подданный Австро-Венгрии Питер Курт, живший в Уральске в 1911–1914 гг., открыл частную поликлинику [24: 6]. Австро-венгерские мигранты смогли быстро адаптироваться к новой земле. Особенно быстро адаптировались в российское общество чехи, словаки, поляки.

Первая мировая война и судьба подданных Австро-Венгрии

Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г., не приостановила процесс въезда австро-венгерских подданных в Западную Сибирь и регионы Семиречья (Туркестан) Российской империи. В 1914–1918 гг. австро-венгерские военнопленные были поселены в городах Западной Сибири: Петропавловске, Павлодаре и Семипалатинске [8: 71].

Первая группа австро-венгерских и немецких военнопленных прибыла в Западную Сибирь в августе 1914 г. [7: 62; 14: 29]. Однако города Западной Сибири и Туркестана ещё не были готовы к приёму пленных. В начале войны не существовало специальных лагерей для их приёма и размещения, так что начальный период заселения характеризовался некоторыми трудностями. Было непросто прокормить военнопленных и обеспечить нормальные условия проживания [15]. Людей размещали в сараях. Часто они переезжали с места на место. Из-за ненастной погоды и нехватки продовольствия число погибших пленных вначале было высоким. К весне 1915 г. в Туркестане ещё не было спецприёмников, поэтому для приема военнопленных постепенно выделялись специальные места. Тем не менее в короткие сроки были приняты меры по созданию лагерей для пленных [18: 66].

Кровопролитные бои на фронтах сразу же вызвали огромный наплыв военнопленных, которых отправляли прежде всего в Акмолинскую и Семипалатинскую области Западной Сибири. Многие из них впоследствии переехали из Семипалатинской области в Акмолинскую. Первые места для содержания иностранцев были построены именно там. По данным на начало 1915 г., количество иностранных пленнх, размещённых более чем в 150 населенных пунктах Акмолинской области, составляло более 22 тыс. чел. [8: 95]. В сельской местности содержалось более 8,5 тыс. заключённых. Аналогичные высокие показатели были зарегистрированы в Семипалатинской области. В начале 1915 г. в Семипалатинском, Усть-Каменогорском, Зайсанском, Павлодарском уездах Семипалатинской области находилось более 7 тыс. пленнх, в т. ч. подданные Австро-Венгрии [8: 97].

Организация приёма военнопленных в Туркестанской области

Что касается пленнх в Туркестанской области, то по сравнению с Западной Сибирью их было немного. Конкретный пример тому – количество военнопленных, размещённых в Сырдарьинской, Семиреченской областях и Туркестанском военном округе, входившем в состав Туркестанского генерал-губернаторства, не превышало 200 чел. С начала войны европейские военнопленные и добровольцы, укрывшиеся в Туркестанском крае империи, стали прибывать в основном в районы Сырдарьинской области. Казалинский, Перовский, Туркестанский, Черняевский, Аулиеатинский уезды Сырдарьинской области входили в число основных мест приёма военнопленных [2: 88].

Во время Первой мировой войны Аулиеатинский уезд входил в состав Туркестанской области и управлялся центром в Ташкенте. В то время военные власти Российской империи учредили в Туркестане т. н. Туркестанский военный округ (ТуркВО). Все военные вопросы решались его руководством [22: 18]. Кроме того, он занимался проблемами пленнх в регионе. Как уже было отмечено выше, во время войны возникли большие трудности с их приёмом, размещением и социальным обеспечением.

С первых дней войны во всех регионах Российской империи граждане Австро-Венгрии и кайзеровской Германии считались врагами. Похожая ситуация наблюдалась и в Туркестанском военном округе. Политические и военные представители Российской империи вели разнообразную пропагандистскую работу, призывая немецких и австро-венгерских пленнх адаптироваться к новым условиям. В частности, были тщательно продуманы меры по адаптации пленнх к жаркому климату Центральной Азии [14: 33]. До начала войны по

указанию российских военных властей все иностранные граждане и военнослужащие европейского происхождения находились под строгим контролем, а их поведение отслеживалось на местах.

23 июля 1914 г. из Ставки Генштаба в Санкт-Петербурге пришла телеграмма с указанием принимать немецких военнопленных в императорскую армию. Это распоряжение было сначала направлено региональному военному губернатору, который приказал задерживать граждан Германии, ранее добровольно сдавшихся России, до принятия специального решения. После этого были произведены запросы списков бывших немецких граждан в регионе и их количества. Основная причина этого – подозрение, что среди добровольно сдавшихся граждан Германии могут быть представители вражеской агентуры [27: 18]. В другом поручении туркестанского генерал-губернатора военному губернатору Семиреченской области говорилось, что аналогичные меры должны быть приняты против граждан Австро-Венгерской империи. Этот документ был подписан генерал-лейтенантом В.Е. Флугом и другими военными, первый из которых (В.Е. Флуг) в то время командовал войсками Туркестанского военного округа [2: 85]. Согласно инструкции, граждане Австро-Венгрии, как и немцы, были взяты под временный контроль.

Подобные политические и военные меры были приняты российскими властями в кратчайшие сроки. Порядок в регионе был усилен. Когда 28 июля 1914 г. разразилась война и Российская империя стала главным её участником, военные работы в Туркестане активизировались. 30 июля 1914 г. помощник министра внутренних дел Российской империи военачальник В. Ф. Джунковский направил в Туркестанский военный округ телеграмму, в которой велел мужчинам в возрасте от 19 до 45 лет ограничить ношение оружия и взять под контроль все его виды. Также было рассмотрено решение об их перемещении [23: 38].

Однако со временем первоначальные строгие меры российского правительства в отношении австро-венгерских подданных были ослаблены. Одна из причин заключалась в том, что среди австро-венгерских пленных были украинцы, чехи, словаки и другие славянские народы. 14 августа 1914 г. из Санкт-Петербурга была отправлена секретная телеграмма, призывавшая дать военнопленным из Австро-Венгрии права, предоставляющие свободу для выезда в местные населённые пункты, возможность выполнения наемных работ и др. [17: 45]. Понятно, что российские власти пытались показать славянским народам свою близость.

К июню 1915 г., по официальным данным, количество пленных в крае превышало 15 тыс. чел. Их разместили в специально созданные

лагеря, казармы и другие объекты быстрой адаптации. По подсчётам учёных, в 1915 г. 12 425 заключенных прибыли из Австро-Венгрии и 3 812 – из Германии [2: 86].

В 1914–1915 гг. вместе с военнопленными в Туркестанскую область были доставлено около 350 т. н. гражданских военнопленных, или военнопленных без воинских званий. Это были австро-венгерские и немецкие подданные, добровольно сдавшиеся русским. Первоначально (несколько месяцев) они были изолированы от местных жителей, но позже многие из них стали пользоваться определенной степенью свободы [9: 35]. К середине 1916 г. большинство «гражданских заключённых» были освобождены из-под стражи. Они находились под наблюдением полиции и жили без права выезда [6: 415]. Большую часть времени они проводили вне места жительства, особенно те, кто работал.

Беженцы, спасавшиеся от войны, также способствовали увеличению числа европейцев в Туркестанском крае. Они стали прибывать в регион с июля 1915 г. В результате там было зарегистрировано около 7–8 тыс. беженцев [21: 29]. Концентрация пленных в Туркестане, сопровождавшаяся прибытием беженцев, значительно ухудшила материальное положение местного населения и привела к продовольственному и жилищному кризису. В некоторых случаях их принимали в качестве добровольных граждан. Таким образом, в начале 1916 г. общее количество военнопленных в Туркестане достигло 6 тыс. чел. Их число увеличивалось и начало выходить за пределы городов. Власти региона были очень обеспокоены данным фактом, потому что в любой момент могли возникнуть беспорядки и обострить и без того тяжёлую ситуацию [2: 87].

Таким образом, увеличение количества военнопленных, мирных жителей и беженцев из Австро-Венгрии и Германии стало создавать социальные проблемы в регионе. Генерал-губернатор Туркестана Ф.В. Мартсон призвал к освобождению пленных из Туркестана, сославшись на недовольство населения, ухудшение экономических условий, экстремальные условия (включая изменение климата) и увеличение количества побегов [20: 189]. В связи с отходом местных регулярных воинских частей на фронт и в тыл уменьшилось количество людей, охранявших пленных. В первые годы войны политическое и социальное положение немецких и австро-венгерских пленных в Туркестане не различалось [18: 66].

Австро-венгерские пленные в Аулиеатинском уезде (Туркестанское генерал-губернаторство)

В годы войны в Аулиеатинском уезде Туркестанского края проживали граждане, отнесённые к особой категории. Среди них было

много лиц немецкой национальности. Они были подданными Австро-Венгерской и Германской империй и жили до войны в Туркестанском крае. Среди них были и лица, получившие гражданство Российской империи. Но в связи с боевыми действиями местным военным властям пришлось внести их в специальный список. В целом немцам Средняя Азия и Туркестан не были чуждыми. Главный пример тому – большое количество немецких иммигрантов в Туркестан до и во время Первой мировой войны. Большинство из них мигрировали в Туркестанский край из государств, граничивших с Российской империей и внутренних районов страны. Их основными источниками жизни были земледелие и животноводство, и они внесли значительный вклад в развитие местного сельского хозяйства [19: 37]. Во время войны увеличилось количество переселенцев из европейских районов Российской империи в сторону Центральной Азии и Западной Сибири [15].

Хотя округ Аулиеата не был крупным лагерем для военнопленных, в нём было много пленных из Австро-Венгрии и Германии. В архивных документах указаны имена двух граждан Германии, прибывших в село Николаиполь Аулиеатинского уезда 23 августа 1914 г., – Освальд Гергольд и Рудольф Бонн [12]. В ответах на опрос местных военных властей говорится, что они переселились в регион с Крымского полуострова накануне войны. Основная профессия – пчеловодство. Первоначально они оставались в этом уезде, но вскоре с другими местными немцами были переселены в г. Верный Семиреченской области. Гергольд и Бонн были доставлены при помощи внутренней армии [2: 88]. Немецких пленных поместили в укромное место – местные власти опасались, что они пойдут на провокационные действия.

Наблюдались также меры по учёту мирных немецких граждан, стремившихся к установлению контактов с военнопленными. Например, Георг Лехнер, Адольф Визе и Артур Селе, отличившиеся такими действиями, были доставлены в город Верный под особым военным контролем и подвергнуты следствию. Сначала их привезли в Аулиеатинский уезд, после переселили в другой населенный пункт [26: 45]. 19 сентября 1914 г. в Аулиеатинский уезд поступила информация о том, что указанные выше переселенцы размещены в г. Верном Семиреченской области. Там власти предоставляли европейским военнопленным различные льготы в зависимости от их отношения к работе и личной дисциплины [20: 185].

По состоянию на сентябрь 1914 г. в Аулиеатинском уезде находился 21 военнопленный. Около половины из них были направлены в местные населённые пункты, остальные размещены в уездном центре. Одним из немцев, оставшихся там, был уроженец Австро-Венгрии

Якоб Губер. Остальные оставшиеся австро-венгерские подданные были чехами и словаками. У пленных славянского происхождения, говоривших по-русски, было много возможностей. Большинство граждан, прибывших в Туркестан из Австро-Венгрии и позже ставших военнопленными, были славянского происхождения. Имперские власти предоставляли льготы и материальную помощь пленным славянам Туркестанского военного округа [18: 71].

В последующие годы были случаи, когда немецкие военнопленные прибывали в Аулиеату и оставались там некоторое время, а затем переселялись в другие районы. Так, в январе 1915 г. попавший в плен гражданин Германии Витольд Гольской избежал некоторых трудностей из-за ухудшения здоровья. У местного военного комитета были даже сообщения о том, что он какое-то время находился в Ташкенте [2: 88]. Его подозревали в связях с иностранными агентами. Однако в марте 1915 г. Гольской был освобожден, после чего обратился к военному руководству уезда с настоятельной просьбой не ехать в Верный, а остаться в Аулиеате. Просьба была принята, и Витольду Гольскому дали разрешение остаться [2: 88].

С подобными просьбами обратились в июле 1915 г. Фердинанд Иоганн, немецкий военнопленный, и его братья Якоб и Генрих Гердеменстер, которые просили, чтобы их оставили в Аулиеате. Но просьбы были отклонены, и их депортировали в Верный [20]. Подробные сведения о пленных, проживавших в Аулиеатинском уезде, представлены в табл. 1 [2: 88].

Таблица 1

**Граждане Австро-Венгрии и Германии, прибывшие в Аулиеатинский уезд
в преддверии Первой мировой войны**

№ п/п	Ф.И.О.	Национальность	Государство пребывания	Возраст
1	Дулла Йосиф Иванович	Чех	Австро-Венгрия	48
2	Фабри Йосиф Йосифович	Чех	Австро-Венгрия	23
3	Дулла Иван Иванович	Чех	Австро-Венгрия	35
4	Фон Зибенгюнер Антонович	Чех	Австро-Венгрия	62
5	Брна Иван Иванович	Чех	Австро-Венгрия	21
6	Губер Яков Яковлевич	Немец	Германия	38

Весной 1915 г. в уезде находилось около 5 тыс. пленных, бежавших с разных фронтов и из тыла. В мае 1915 г. были приняты специальные решения об их местонахождении и состоянии. По данным материалов, пленных эвакуировали в более теплые населённые пункты, и их социальный статус был намного улучшен [10: 88].

К концу 1915 г. руководству Туркестанского генерал-губернаторства было поручено собрать данные о численности и этнической принадлежности европейских пленнх, проживавших в разных уездах, что дало возможность для сбора данных о представителях иных национальностей региона, особенно об их количестве, продолжительности жизни и социальном статусе [24: 35]. Это было связано с внутренней политикой государства и определяло политическую активность и деятельность представителей других этносов в целом по стране. В табл. 2 указаны имена граждан, которые постоянно проживали в Аулиеатинском уезде с начала до конца войны [2: 89].

Таблица 2

Список граждан Австро-Венгрии и Германии, прибывших военнопленными в Петровскую, Казанскую и Благовещенскую волости Аулиеатинского уезда

№ п/п	Ф.И.О.	Национальность	Государство пребывания	Возраст
1	Осиф Симчук	Закарпатец	Австро-Венгрия	29
2	Григорий Мартынский	Русин	Австро-Венгрия	27
3	Василий Голешино	Русин	Австро-Венгрия	31
4	Людвиг Кешери	Венгр	Австро-Венгрия	41
5	Михаил Царь	Русин	Австро-Венгрия	41
6	Григорий Ардилянц	Румын	Австро-Венгрия	31
7	Алексей Брондиль	Румын	Австро-Венгрия	35
8	Иван Бырлин	Румын	Австро-Венгрия	28
9	Фердинанд Весяк	Немец	Австро-Венгрия	27
10	Алексей Фозекош	Венгр	Австро-Венгрия	31
11	Федор Бучин	Немец	Германия	29
12	Илья Мреглот	Русин	Австро-Венгрия	36
13	Петр Алейников	Поляк	Австро-Венгрия	36
14	Юзик Пильный	Поляк	Австро-Венгрия	30
15	Йосиф Ковалик	Поляк	Австро-Венгрия	47

Позже в Туркестане была организована большая кампания по подсчёту спецпереселенцев. Ещё одной важной причиной сбора такой информации было присутствие «агентурных осведомителей» среди пленнх в глубине Российской империи [27: 96]. В конце 1917 г. Генеральному штабу стала известна информация о том, что во время войны немецкий агент по имени Магендр Пратап осуществлял шпионскую деятельность в Туркестанском крае [2: 89]. В декабре 1916 г. военный губернатор Сырдарьинской области сообщил администрации Аулиеатинского уезда о возможности пребывания указанного агента среди военнопленнх [2: 9]. На наш взгляд, возникновение

информации о появлении представителей немецкой агентуры в Туркестанском крае в 1916 г. было уместным по ряду причин. Например, в 1916 г. был издан указ о мобилизации в армию людей из числа мусульман Туркестанского края. В связи с этим германским властям, несомненно, было выгодно изучение протестов и общих настроений среди местных жителей.

Заключение

Анализируя жизнь австро-венгерских подданных в Западной Сибири и Туркестане в первой половине XX в., можно сделать определённые выводы. В ходе своего пребывания выходцы из Австро-Венгрии имели различные правовой статус и социальное положение в зависимости от политико-военного положения на международной арене. На первом этапе, проживая в регионе, они внесли огромный вклад в развитие промышленности и сельского хозяйства. Обладая передовой технологией и опытом работы, австрийские предприниматели старались освоить природно-ресурсный потенциал Западной Сибири, а также открыли множество необходимых заведений – магазинов, поликлиник, мастерских и т. д. Таким образом, они способствовали развитию капиталистических отношений в городах Западной Сибири и Туркестанского края. Эти явления можно назвать периодом культурно-экономической интеграции. Второй этап пришёлся на начало войны. Несмотря на боевые действия, военнопленные из Австро-Венгрии обладали правовым гражданским статусом в соответствии с международными нормами. Следует отметить, что ценность человеческих отношений того времени была выше ценностей последующих военных периодов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдрашитов Э.Е.* Формирование образа врага в России в годы Первой мировой войны и проблема военнопленных россиян // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 7–14.
2. *Apendiev T.A.* During the first World War Germany and Austria-Hungary prisoners of the Aulieata county // Materials of International Practical Internet Conference «Challenges of Science». November 2020. Is. III. P. 83–90.
3. *Большакова Г.И.* Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию // Сибирский вестник. 2013. № 2. С. 114–123.
4. *Вибе П.П.* Немецкие и меннонитские колонии Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2003. № 10. С. 193–195.

5. Власенко О., Морару Д. Чехи на Волині: історія та сучасність: збірник наукових праць. Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2014. 178 с.
6. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. 480 с.
7. Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции. Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 97.
8. Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь / Ред. П.П. Вибе. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 1997. С. 160.
9. Ерёмин И.А. Военнопленные первой мировой войны в Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. 2007. № 1 (310). С. 31–38.
10. Жданов Н. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1920. 376 с.
11. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. 264 с.
12. Манусевич А.Я. Интернационалисты: участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. М.: Наука, 1987. 450 с.
13. История и этнография немцев в Сибири / Ред. П.П. Вибе. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2009. С. 142.
14. Кривогуз. И.М. Германские военнопленные-интернационалисты в России в 1917–1920 гг. // Ноябрьская революция в Германии / Отв. ред. В.Д. Кульбакин. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 129 с.
15. Кушнир Е.Н. Изменения повседневной жизни городского населения Западной Сибири в годы Первой мировой войны. URL: newlocalhistory.com/content/kushnir-en-omsk-izmeneniya-povsednevnoy-zhizni-gorodskogo-naseleniya-zapadnoy-sibiri-v-gody-obrasheniya (дата обращения: 18.11.2019).
16. Мыш М.И. Об иностранцах в России: Сборник узаконений, трактатов и конвенций, с относящимися к ним правительственными и судебными разъяснениями. СПб.: Типография Н.А. Лебедева, 1888. 532 с.
17. Птицын А.Н. Структура австро-венгерской иммиграции в Российской империи // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 44–49.
18. Россия и Центральная Азия. Сборник документов. Караганды, 2005. 258 с.
19. Тимофеева А.А. История предпринимательства в России: учебное пособие. М.: Флинта, 2011. 268 с.
20. Хазретали Т.М., Гиритоглу М., Омарбаев Ы.К., Адильбаева А.С. Казахская родовая знать в формировании государственных институтов Российской империи в Семиречье // Былые годы. 2018. № 1 (Вып. 47). С. 183–192.
21. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 17. Кн. 1. Оп. 1. Д. 4. 84 л.
22. ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 47.
23. ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 2. Оп. 1. Д. 11. Л. 96.
24. ЦГА РК. Ф. 25. Кн. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 115.
25. ЦГА РК. Ф. 25. Кн. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 79.

26. ЦГА РК. Ф. 25. Кн. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 44.
27. Шоловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.
28. Шокай М. Из международной жизни (1938). Избранные произведения. Т. 2. Алматы: Кайнар, 2005. 392 с.

REFERENCES

1. Abdrashitov, E.E. (2014) Formation of an image of the enemy during the First World War in Russia and problem of Russian prisoners of war. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanities and Law Studies*. 2. pp. 7–14 (in Russian).
2. Apendiyev, T.A. (2020) During the First World War Germany and Austria – Hungary prisoners of the Aulie Ata county. *Challenges of Science*. Proc. of the International Internet Conference. Vol. 3. November 2020. pp. 83–90 (in Kazakh). DOI: 10.31643/2020.012
3. Bolshakova, G.I. (2013) Vozvrashchenie russkikh voennoplennyykh Pervoy mirovoy voyny v Sovetskuyu Rossiyu [Return of Russian prisoners of First World War to the Soviet Russia]. *Sibirskiy vestnik*. 2. pp. 114–123.
4. Vibe, P.P. (2003) Nemetskie i mennonitstkie kolonii Zapadnoy Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny [German and Mennonite colonies in Western Siberia during WWI]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 10. pp. 193–195.
5. Vlasenko, O. & Moraru, D. (2014) *Chekhi na Volini: istoriya ta suchasnist'*: *zbirnik naukovikh prats'* [The Czechs in Volhynia: History and Modernity]. Zhitomir: Vid–vo ZhDU im. I. Franka.
6. Golovin, N.N. (2001) *Voennye usiliya Rossii v mirovoy voyne* [Russian military efforts in the World War]. Moscow: Kuchkovo pole.
7. Goryushkin, L.M. & Pronin, V.I. (1992) Naselenie Sibiri nakanune Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii [The population of Siberia on the eve of the October Socialist Revolution]. In: Goryushkin, L.M. et al. *Istoricheskaya demografiya Sibiri* [Historical demography of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
8. Grekov, N.V. (1997). Germanskie i avstriyskie plennyye v Sibiri (1914–1917) [German and Austrian prisoners in Siberia (1914–1917)]. In: Vibe, P.P. (ed.) *Nemtsy. Rossiya. Sibir'* [The Germans. Russia. Siberia]. Omsk: Omsk State Museum of History and Local Lore. pp. 154–180.
9. Eremin, I.A. (2007). Voennoplennyye pervoy mirovoy voyny v Zapadnoy Sibiri [Prisoners of the First World War in Western Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 1(310). pp. 31–38.
10. Zhdanov, N. et al. (1920) *Russkie voennoplennyye v mirovoy voyne 1914–1918 gg.* [Russian prisoners of war in the World War of 1914–1918.]. Moscow: Voennaya tipografiya Vseroglavshstaba.
11. Zhidkov, G.P. (1973) *Kabinetnskoe zemlevladienie (1747–1917 gg.)* [Cabinet land ownership (1747–1917)]. Novosibirsk: Nauka.

12. Manusevich, A.Ya. (1987) *Internatsionalisty: uchastie trudyashchikhsya stran Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy v bor'be za vlast' Sovetov v Rossii. 1917–1920 gg.* [Internationalists: Participation of Central and South-Eastern European Workers in the Struggle for Soviet Power in Russia. 1917–1920]. Moscow: Nauka.

13. Vibe, P.P. (ed.) (2009) *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and Ethnography of the Germans in Siberia]. Omsk: Omsk State Museum of History and Local Lore.

14. Krivoguz, I.M. (1960) *Germanskies voennoplennyye-internatsionalisty v Rossii v 1917–1920 gg.* [German internationalist prisoners of war in Russia in 1917–1920]. In: Kulbakin, V.D. (ed.) *Noyabr'skaya revolyutsiya v Germanii* [The November Revolution in Germany]. Moscow: USSR AS.

15. Kushnir, E.N. (2011). *Izmeneniya povsednevnoy zhizni gorodskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny* [Changes in the daily life of the urban population of Western Siberia during WWI]. [Online] Available from: newlocalhistory.com/content/kushnir-en-omsk-izmeneniya-povsednevnoy-zhizni-gorodskogo-naseleniya-zapadnoy-sibiri-v-gody (Accessed: 18th November 2019).

16. Mysh, M.I. (1888) *Ob inostrantsakh v Rossii: Sbornik uzakoneniye, traktatov i konventsiy, s otnosyashchimisya k nim pravitel'stvennymi i sudebnymi raz'yasneniyami* [About foreigners in Russia: a collection of laws, tracts and conventions, with government and judicial explanations related to them]. St. Petersburg: Tipografiya N.A. Lebedeva.

17. Ptitsyn, A.N. (2015) The structure of Austro-Hungarian immigration in the Russian empire. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanities and Law Studies*. 4. pp. 44–49 (in Russian).

18. Amanzholova, D.A. (ed.) (2005) *Rossiya i Tsentral'naya Aziya* [Russia and Central Asia]. Karagandy: Karagandy State University.

19. Timofeeva, A.A. (2011) *Istoriya predprinimatel'stva v Rossii* [History of Russian Entrepreneurship]. Moscow: Flinta.

20. Khazretali, T.M., Girtilioglu, M., Omarbayev, Y.K. & Adilbayeva, A.S. (2018) The Kazakh nobility in the formation of the state institutions of the Russian Empire in Semirechye. *Bylye Gody*. 1(47). pp. 183–192 (in Russian). DOI: 10.13187/bg.2018.1.183

21. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 17. Book 1. List 1. File 4.

22. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 17. Book 1. List 1. File 6. p. 47.

23. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 17. Book 2. List 1. File 11. p. 96.

24. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 17. Book 2. List 1. File 17. p. 115.

25. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 17. Book 2. List 1. File 15. p. 79.

26. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 17. Book 2. List 1. File 17. p. 47.

27. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.

28. Shokay, M. (2005) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 2. Almaty: Kaynar.

Омарбаев Ырысбек Курбанбекович – доктор философии, заместитель директора научного центра «Science Service» (Казахстан).

Yrysbek K. Omarbayev – Science center "Science Service" (Kazakhstan).

E-mail: omarbayev1987@gmail.com

Таракчи Вахдет Таракчиоглу – докторант Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Ясави (Казахстан).

Vakhdet T. Tarakchi – Kh. A. Yassawi International Kazakh-Turkish University (Kazakhstan).

E-mail: info@ayu.edu.kz

Базарбаев Канат Калдыбекович – доктор философии, доцент Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Ясави (Казахстан).

Kanat K. Bazarbayev – Kh. A. Yassawi International Kazakh-Turkish University (Kazakhstan).

E-mail: info@ayu.edu.kz

Кумганбаев Жандос Жумалбекович – доктор философии, доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби (Казахстан).

Zhandos Zh. Kumganbayev – Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan).

E-mail: info@kaznu.kz

УДК 94(437)(328)“1919”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/8

Политическое положение в Подкарпатской Руси в оценках чехословацких чиновников и учёных

П. Лозовиук¹, К.В. Шевченко²

¹ Западночешский университет
Чехия, 30614, г. Пльзень, ул. Седлачкова, 15
E-mail: lozoviuk@ksa.zcu.cz

² Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске
Беларусь, 220107, г. Минск, ул. Народная, 21
E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Авторское резюме

Содержится анализ политического и социокультурного положения в Подкарпатской Руси в оценках чешских чиновников и учёных-этнографов с момента вхождения данного региона в состав Чехословакии в 1919 г. Окончание Первой мировой войны, распад Австро-Венгрии и последующее вхождение земель исторической Угорской Руси в состав Чехословакии поставили чехословацкие власти перед необходимостью решать многочисленные проблемы, связанные с этнокультурными особенностями и идентичностью местного восточнославянского населения. В выработке основных направлений конкретной политики чехословацкой администрации в Подкарпатской Руси большую роль играли чешские учёные-этнографы и чиновники, которые в своих рекомендациях правительству стремились учитывать как социокультурные и языковые особенности местного населения, так и геополитические интересы Чехословакии в данном стратегически важном регионе, который граничил с Польшей, Венгрией и Румынией. Практическим результатом знакомства чешских чиновников и учёных с ситуацией в Подкарпатской Руси стало лавирование чехословацкой администрации между существовавшими здесь несколькими культурно-национальными проектами; при этом в 1920-е гг. предпочтениями властей в образовательной и культурной сферах пользовались представители украинофильского направления. Впоследствии это привело к усилению позиций украинского движения в Подкарпатской Руси и к нарастанию противоречий между украинофилами и русофилами в 1930-е гг.

Ключевые слова: карпатские русины, Чехословакия, Подкарпатская Русь, национальная идентичность, национальная политика, украинское движение.

Political situation in Subcarpathian Rus as assessed by Czechoslovak officials and scholars

P. Lozoviuk¹, K.V. Shevchenko²

¹University of West Bohemia

15 Sedlackova Street, Plzen, 30614, Czech Republic

E-mail: lozoviuk@ksa.zcu.cz

²Branch of Russian State Social University in Minsk

21 Narodnaya Street, Minsk, 220107, Belarus

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Abstract

The article analyzes political, social and cultural situation in Subcarpathian Rus in assessments of Czech officials and ethnographers dated by the time when this region joined Czechoslovakia in 1919. The end of the First World War, disintegration of Austria-Hungary and subsequent incorporation of the lands of historical Hungarian Rus into Czechoslovak state presented the Czechoslovak authorities with the vital need to solve numerous problems related to the ethnic and cultural peculiarities and national identity of the local East Slavic population. Czech ethnographers and officials played an important role in the development of the main directions of the specific policy of the Czechoslovak administration in Subcarpathian Rus. In their practical recommendations to the central government Czech officials tried to take into account the social, cultural, and linguistic characteristics of the local population as well as the geopolitical interests of Czechoslovakia in that strategically important region bordering with Poland, Hungary and Romania. The acquaintance of Czech officials and scholars with the situation in Subcarpathian Rus resulted in maneuvering of the Czechoslovak administration between several cultural and national projects in this region. However, during the 1920-ties representatives of the Ukrainian movement enjoyed the preferences of the authorities in the educational and cultural spheres. Subsequently, this led to the reinforced position of the Ukrainian movement in Subcarpathian Rus and to the growing contradictions between Ukrainophiles and Russophiles during 1930-ties.

Keywords: Carpathian Rusins, Czechoslovakia, Subcarpathian Rus, national identity, national policy, Ukrainian movement.

Введение

Влияние текущей политической ситуации на социальное и этнокультурное развитие населения является очевидным, наиболее ярко проявляясь в период потрясений и трансформации существующего общественно-политического строя. Нестабильность политической системы и политические катаклизмы могут привести к «вибрации» и в других сферах общественной жизни, в т. ч. в способах выражения коллективной идентичности. В частности, военные конфликты, революции и другие социальные потрясения могут стать причиной не только перекраивания политических карт или изменений в социально-экономическом строе страны, но и модификации коллективной идентичности её населения. Одним из таких переломных событий на европейском континенте, несомненно, являлась Первая мировая война. Распад Австро-Венгерской империи, являвшейся не только полиэтническим, но и наднациональным государственным объединением, привёл к необходимости решения ряда геополитических, культурных, языковых, межэтнических проблем, а также проблем, связанных с идентичностью определённых слоёв проживавшего здесь населения. Одним из регионов, оказавшихся в центре внимания международной и местной политики, а также академического дискурса в данном контексте, стала территория, население которой говорило на восточнославянских диалектах недавно сформированных Словакии и Подкарпатской Руси, вошедших в состав Чехословакии.

Исторические аспекты присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии

В ходе Первой мировой войны традиционно популярные среди карпаторусской диаспоры США планы присоединения исторических земель Карпатской Руси к России стали обретать более чёткие политические контуры. Необходимость воссоединения земель «подъяремной Руси», включая исторические земли Галиции, Буковины и Угорской Руси, со «свободной демократической Россией» была провозглашена 13 июля 1917 г. Русским конгрессом в Нью-Йорке, делегаты которого представляли большинство организаций карпаторусской диаспоры в Северной Америке. Принятый 13 июля 1917 г. меморандум Русского конгресса в Америке от имени карпатских русинов провозглашал: «...весь карпаторусский народ желает освобождения Прикарпатской Руси от чужого владычества и воссоединения Прикарпатской Руси в

её этнографических границах с её старшей сестрой, великой демократической Россией. Карпаторусский народ желает быть в тесном единении с остальным русским народом. <...> Пусть не будет больше двух Русей – Руси свободной и Руси подъяремной, но да будет единая нераздельная, могучая, свободная Русь» [19: 518]. Один из инициаторов и организаторов Русского конгресса в Америке уроженец Угорской Руси Пётр Гаталяк в своих мемуарах писал, что решения конгресса были естественны, поскольку «мы, как русские, хотели в то время присоединиться к России» [23: 13].

Однако революционные потрясения 1917 г., хаос и кровопролитная гражданская война в России в 1918–1920 гг. сделали российский сценарий решения русинского вопроса невозможным. Осенью 1918 г. стал реализовываться активно поддержанный президентом США Вудро Вильсоном чехословацкий формат решения политической судьбы карпатских русинов после окончания Великой войны. Соглашение о присоединении русинских земель к югу от Карпат к Чехословакии на условиях широкой автономии было достигнуто на переговорах будущего президента Чехословацкой Республики (ЧСР) Томаша Г. Масарика и лидера угрорусской диаспоры в США Григория Жатковича в октябре 1918 г. Впоследствии это решение было подтверждено итогами референдума среди карпаторусской диаспоры в Америке.

В ходе этого референдума около 67 % его участников высказались за вхождение в состав Чехословакии. Многие современники, однако, выражали обоснованное сомнение в репрезентативности данного акта, поскольку «голосование было непрямым; по предложению Жатковича, каждая русинская община или приход получали один голос на каждые десять своих членов. Серьёзным изъяном механизма голосования было то, что в нём приняло участие менее половины существовавших в то время в США русинских общин и приходов. Так, из 837 приходов Греко-католического союза только 372 приняли участие в плебисците. Кроме того, в голосовании не участвовали православные русины» [4: 119]. Тем не менее небесспорная репрезентативность данного референдума не помешала впоследствии чехословацким политикам ссылаться на его итоги как на доказательство легитимности присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии [33: 63].

Непосредственная инкорпорация земель исторической Угорской Руси к югу от Карпат в состав Чехословакии началась в январе 1919 г. с появлением здесь первых чехословацких воинских частей. В отличие от местных венгров, большинство местного русинского населения встречало приход чехословацких войск и гражданской администрации в основном с радостью и воодушевлением. В статье

«Великолепный день в Прешове» популярная среди американских русинов газета «Американский русский вестник», издававшаяся в г. Хоумстед (штат Пенсильвания), сообщала 27 февраля 1919 г. о том, что славянское население г. Прешова «устроило восторженные овации министру Чехословацкой Республики доктору Шробару» [6: 1].

В условиях краха своих первоначальных планов объединения с Россией карпаторусские политики решили сделать ставку на вхождение всех русинских земель в состав Чехословакии, имея в виду как земли исторической Угорской Руси к югу от Карпат, так и русинские области к северу от Карпат в Западной Галиции. В своем обращении к правительству Чехословакии 6 марта 1919 г. лидеры Карпаторусской народной рады в Прешове заявляли, что все русины «в пределах бывшей Венгрии и в юго-западных округах Галиции от Сана по Дунаец составляют одно политическое целое и решительным образом протестуют против разрыва этих земель» [8]. Отметив, что, поскольку «присоединение этих земель к единой России неосуществимо», руководители Карпаторусской народной рады в Прешове констатировали, что они «считают свою территорию автономной русской частью Чешско-Словацкой Республики» и призывали «правительство Чешско-Словацкой Республики оккупировать возможно скоро ту часть карпаторусских земель, которая до сих пор остается еще в руках поляков и мадьяр. <...> Карпаторусская народная рада никогда не согласится, чтобы русские земли по ту и другую сторону Карпат были разорваны и присоединены к разным государствам, а желает, чтобы эти земли как автономная русская часть были присоединены к Чешско-Словацкой Республике» [8]. Ни венгерский, ни польский сценарии решения вопроса о территориальной принадлежности Карпатской Руси были для карпаторусских деятелей неприемлемыми.

В телеграмме президенту Т.Г. Масарику 27 апреля 1919 г. один из лидеров Ужгородской рады и председатель Русского клуба в Ужгороде греко-католический священник Августин Волошин чётко высказался за территориальное единство всей Карпатской Руси, прямо предложив включить в состав ЧСР и «страдающих в польском ярме лемков» [17]. Однако вопреки попыткам карпаторусских политиков добиться включения всех этнически русинских областей к югу и северу от Карпат в состав ЧСР, населённые русинами земли Западной Галиции (область Лемковины) в итоге вошли в состав Польши.

С самого начала чехословацкая администрация столкнулась с характерной для Карпатской Руси этнической пестротой и крайней запутанностью межнациональных и межконфессиональных отношений. Ситуация осложнялась общей социально-экономической отсталостью региона, а также тем, что среди немногочисленной интеллигенции

доминирующего в регионе этноса – карпатских русинов – возникло несколько противостоявших друг другу культурно-национальных ориентаций. Если среди традиционалистской карпаторусской интеллигенции в то время в основном преобладали общерусская идентичность и взгляд на русинов как на составную часть триединого русского народа, то плохо образованные крестьянские массы, для которых в значительной степени был характерен «феномен этнической индифференции» [28: 37–63], находились в начальной стадии становления современной национальной идентичности. Это делало их потенциальным объектом «борьбы за души» со стороны представителей различных культурно-национальных проектов.

Всё это стало предметом самого пристального внимания со стороны прибывших в регион чешских чиновников, которые должны были выработать основные направления политики в этой стратегически важной для чехословацких властей области, граничившей как с Польшей и Венгрией, отношения с которыми оставались крайне напряжёнными, так и с Румынией – союзником Чехословакии по Малой Антанте.

Изучение этнической границы как предмет политического народоведения

После распада дунайской монархии представители политической элиты нового чехословацкого государства в решении многочисленных национальных и политических проблем активно опирались на помощь экспертов из академической сферы. В частности, именно чешские этнографы¹ принимали активное участие в защите территориальных претензий чехословацкой стороны на мирных переговорах, в ходе которых по окончании Первой мировой войны вновь структурировалась политическая карта Центрально-Восточной Европы. Например, на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. они выступали в роли экспертов в сложной и для многих западноевропейских наблюдателей часто непонятной этнической проблематике Центральной Европы. В частности, речь шла о популяризации идеи чехословакизма², а также о «научно» обоснованных аргументах, содействовавших максимальному расширению территории нового государства (ЧСР), что, безусловно, не удалось бы осуществить без посягательств на соседние этнические территории.

Академическим контекстом этого взаимодействия политиков и учёных было т. н. политическое народоведение [20], которое в то время рассматривалось как новое специальное этнографическое поле, призванное сосредоточиться на решении текущих социально-политических проблем. Концепция идеологически ангажированной

этнографии в чешских условиях появилась уже в последней трети XIX в.³, однако после образования ЧСР она была расширена требованием содействовать представителям чехословацкой государственной власти в принятии политических решений.

Одно из довоенных направлений политического народоведения заключалось в «определении славянских народов в их культурной идентичности» [31: 103–104], особенно в тех районах Балкан и Центрально-Восточной Европы, в которых преобладало население, говорившее на славянских языках. Целью этого было определение этнических и географических границ между отдельными славянскими популяциями и дальнейшая тематизация проблематики «денационализации» славян⁴. В чехословацких условиях общественно ангажированная этнология того времени должна была отдавать приоритет решению «национального вопроса» в рамках нового государства. В связи с подготовкой новой территориально-административной структуры ЧСР одна из её важных задач заключалась в идентификации и пересмотре идентитарных и впоследствии территориальных границ в Центрально-Восточной Европе.

Концепция чешской версии политической этнографии была наиболее целостно сформулирована тогдашним ведущим представителем академической этнологии Карлом Хотekom [26]. В конце 1918 г. вместе с антропологом, археологом и этнологом Любомиром Нидерле и географом Виктором Дворским он получил задание от чехословацкого правительства определить этнические границы между русинами и словаками [32: 185]. Результатом их работы должно было стать установление «административно-правовой границы» между Словакией и Подкарпатской Русью, «которое по возможности основывалось бы на реальных национальных условиях» [24: 385].

Разграничением культурно-этнических зон в районе Восточной Словакии и Западного Подкарпатья занялся ученик Хотека Ян Хусек. Результатом его усилий стала получившая в своё время признание монография первой половины 1920-х гг., в которой он как один из первых этнографов попытался на основе масштабных, долгосрочных и повторных полевых исследований⁵ определить этноязыковую границу между словаками и русинами⁶. Являясь убеждённым сторонником политики президента ЧСР Масарика и официальной доктрины чехословакизма [25], Хусек стремился к максимальной научной объективности, однако в своих изысканиях он в первую очередь руководствовался политическими интересами чехословацкого государства. Это вполне соответствовало традициям политически ангажированной чешской этнологии [27], которая отдавала приоритет защите национальных интересов Чехословакии.

В начале своей работы Хусек охарактеризовал демаркацию этнических границ между славянскими народами как «одну из самых сложных проблем славянской этнографии»⁷. Он сам понимал, что в случае Восточной Словакии и Подкарпатской Руси не может идти речь о точном определении национальной границы в современном, т. е. «западном» смысле, и что в этом случае необходимо учитывать ряд других критериев идентификации, таких как язык, вероисповедание, политическое мышление, «нравы», материальная культура и т. д. [24: 5]. С самого начала своей полевой работы Хусек столкнулся с рядом теоретических и методологических проблем. Наиболее серьёзные из них вытекали из ярко выраженной этнической индифферентности местного населения. Ни русский, ни словацкий народ – утверждал Хусек, – не обладают на «этническом интерфейсе» надлежащим национальным сознанием», и добавлял, что «признание национальности у людей, национально не живущих, часто является вопросом непосредственного настроения». Поэтому «в настоящее время трудно провести чёткую границу между словаками и русскими как народами» [24: 9].

По этой причине в отношении значительной части населения Восточной Словакии и Подкарпатской Руси, по словам Хусека, невозможно «говорить о национальном сознании, так как люди живут либо просто семейным эгоизмом, либо региональным патриотизмом, либо даже племенным сознанием» [24: 344]. В своей работе Хусек неоднократно был вынужден констатировать, что «ни словаки, ни русские не обладают национальным сознанием в истинном смысле этого слова» [24: 348]. Хусек попытался объяснить чешскому читателю с исторической точки зрения, почему это так, и с текущей точки зрения указать, какие практические последствия этот факт имеет для чешской политики. Он воспринимал новообразованную Чехословакию как государственную единицу центральноевропейского культурного пространства, которая «образует мост между западной романо-германской культурой и восточно-русско-азиатской культурой» и которая должна стать «синтетическим представителем средневропейской западнославянской культуры» [24: 350]. По этой причине Хусек считал важным сохранить для «карпатских русских» свою «племенную индивидуальность», а также существовавшую территорию проживания. В Чехословацкой Республике, однако, они должны отказаться от своих «ирредентистских политических усилий», особенно от «мадярофильских усилий, которые у них до сих пор являются самыми сильными» [24: 349–350]⁸. Тем самым Хусек, стоя на страже чехословацких национальных интересов в данном регионе, подтвердил аналогичные выводы чешских чиновников, которые сделали их после своего посещения Подкарпатской Руси.

Аналогичным образом Хусеку было трудно установить чёткую границу между словаками и русинами в языковом, этнографическом (на основе материальной культуры), «антропологическом и ментальном» плане, которые, как он утверждал, «можно наметить лишь в общих чертах» [24: 232–233, 490]. По его словам, чтобы определить эти коллективные различия, необходимо было принять во внимание «чувства, осознание и волю человека, которого мы описываем» [24: 233], однако именно это, как он констатировал, в условиях Восточной Словакии было очень проблематичным. Помимо диагностирования у населения наблюдаемого региона того, что их «национальное сознание находится в зачаточном состоянии» [24: 10], он столкнулся с другой сложностью, состоявшей в сосуществовании многоуровневых пластов идентичности местного населения. Кроме того, здесь переплелись несколько национальных идентификационных критериев: словацкий, словяцкий, великорусский, украинский и «самобытный карпатский» (русинский).

Пожалуй, наиболее интересными из упомянутых идентитарных концепций сегодня являются т. н. словяки⁹. Согласно Хусеку, это были лингвистически более или менее словакизированные русины, сохранившие греко-католическую (т. е. «русинскую») религию и в значительной степени повседневную русинскую культуру [24: 11]. Словяцкое движение, сформировавшееся ещё в конце XIX в., исходило из особой территориальной идентичности восточных словаков и из диалектных различий, которые оно стремилось идентитарно инструментализировать и посредством этого доказать, что словяки являются отдельной нацией. В исследуемый период на основе словацкого шарышского диалекта были даже предприняты попытки продвижения самобытного литературного «словяцкого» языка. В конце 1918 г. на основании права на самоопределение словяков на северо-востоке Верхней Венгрии была провозглашена «словацкая народная республика», которая, однако, прекратила своё существование через 20 дней с прибытием чешской армии в город Кошице 29 декабря 1918 г. [22: 80].

Словаков Хусек интерпретировал в духе тогдашнего официального чехословакизма [25] как восточную ветвь фиктивной чехословацкой нации. Помимо чешских политиков, в число основных авторов и пропагандистов этой идентитарной концепции входили также чешские интеллектуалы и деятели культуры, в т. ч. этнографы [21]. В отличие от словаков, понимание Хусеком карпаторусов было гораздо сложнее. Уже «в именовании этих русских царит промискуитет», – констатировал он в своей работе [24: 17]. Говорящее восточнославянскими диалектами население Восточной Словакии и Подкарпатской Руси

он воспринимал, наряду с великорусами, малорусами и белорусами, как одну из ветвей (хотя и с точки зрения идентичной декларации проблематичной) русской нации [24: 14]. Решение вопроса о том, идёт ли речь об особой российской ветви, т. е. о самобытном этносе («своеобразные карпаторусы»), или об «украинской части русской породы» («племенные русняки»), он обозначил «сомнительным» и ещё открытым [24: 14, 17].

Этнокультурное положение и политические настроения русинов Подкарпатской Руси в 1919 г. в донесениях чешских чиновников

Уже в первые месяцы с момента установления чехословацкого контроля над русинской областью к югу от Карпат местные жители активно демонстрировали свои культурно-языковые предпочтения. Весной 1919 г. представители карпаторусской общественности в своих обращениях к пражскому правительству подчеркивали стремление «быть членами чехословацко-русской республики, но в культурном отношении оставаться русскими, поскольку мы исходим от одного великого русского народа» [9]. В меморандуме депутации крестьянского сословия Подкарпатской Руси, направленном президенту Мазарику 10 февраля 1920 г., подчёркивалось: «...наш русский народ жил у подножия Карпат <...> русской культурой, поддерживаемый непоколебимой верой в лучшее будущее, ожидаемое им с Востока, от его брата, Русского великана <...> Наш народ не переставал надеяться, что рано или поздно он непременно должен слиться хотя бы только культурно со своим могучим братом, родным ему по языку и вере» [18]. Популярность и широкая распространённость подобных настроений находили подтверждение в отзывах о положении в регионе находившихся там чешских чиновников и военнослужащих.

В своём пространном донесении в Министерство обороны ЧСР 7 октября 1919 г., позже направленном в канцелярию президента республики, подпоручик-легионер 66-го чехословацкого пехотного полка Шимон Палайда отмечал, что карпаторусская общественность в Карпатской Руси разделена на две основные партии. Палайда именовал эти партии «русской» и «русинско-мадяронской, примыкающей к украинцам»; при этом «русскую партию» Палайда характеризовал как «партию простого народа», прежде всего крестьян [13]. По его словам, «русский крестьянин в Карпатской Руси всегда стремился к русской книге и к русской культуре, что лучше всего доказывает Мармарошский процесс. <...> Крестьяне тайно посещали Россию, чтобы познать там свой братский народ и свою веру, которая преследовалась во

времена мадьярского господства. Бывшее венгерское правительство стремилось к полной мадьяризации карпаторусского народа, что ему частично удалось, особенно по отношению к интеллигенции» [13].

Партию т. н. русинов-мадьяронов подпоручик Палайда характеризовал как партию мадьяризированных карпаторусских интеллигентов и греко-католических священников, которые являлись убежденными мадьяронами. По наблюдениям Палайды, греко-католическое духовенство в семьях и между собой предпочитало говорить только по-венгерски, считая карпаторусский язык «языком необразованного простонародья» [13]. В своих донесениях в Прагу Палайда высказывал мысль о том, что чехословацкое правительство должно энергично поддержать именно «русскую партию» в регионе, поскольку, по его мнению, в случае поддержки «русинско-мадьяронской» партии местное карпаторусское крестьянство может «потерять доверие к чехословацким властям» [13]. В качестве доказательства Палайда ссылался на зафиксированные им среди местных жителей разговоры о том, что «чехи тут долго не пробудут, потому что не видно никаких изменений и всё выглядит как во время венгерского правления» [13].

Приведя ряд конкретных примеров небезуспешной венгерской пропаганды в регионе и саботажа со стороны местных венгерских чиновников, Палайда указывал на беспокойство в карпаторусском обществе в связи с возвращением в Подкарпатскую Русь известного мадьярона греко-католического епископа Иштвана Новака, получившего разрешение властей на приезд в ЧСР. По мнению чешского офицера, «епископ Новак как мадьярон был и останется врагом карпаторусского народа. Такие действия, как допуск епископа Новака и оставление мадьярских и мадьяронских чиновников на их должностях, облегчают работу мадьярам <...> и поддерживают венгерскую агитацию в Карпатской Руси» [13]. В качестве примера такой агитации Палайда приводил публикации «мадьярско-русинской» газеты «Мункач», издававшейся в Мукачево, которая, ссылаясь на промадьярские настроения местных русинов, утверждала, что в регионе «нет ни украинцев, ни русских, ни славян, а есть только греко-католические мадьяры, составляющие с братьями-мадьярами одну душу и одно тело» [13].

Эффективным орудием венгерской пропаганды в регионе чешский офицер называл преподавателей Ужгородской греко-католической духовной семинарии, являвшейся одним из главных центров подготовки униатского духовенства в Подкарпатской Руси. По информации Палайды, директор Ужгородской семинарии Мелеш, говоря по-венгерски, на первом занятии убеждал учащихся семинарии в том, что «непременно настанет время воскресения и объединения

нашей дорогой венгерской родины, которая возродится подобно Польше» [13]. В связи с этим Палайда настоятельно рекомендовал Праге назначать на административные должности в Карпатской Руси представителей «русской партии» либо из данного региона, либо из соседней Галиции, а также тех чешских чиновников, которые владеют русским языком. По мнению Палайды, без его знания было трудно рассчитывать на доверие со стороны местного населения. Политические взгляды Палайды были близки идейным установкам Национально-демократической партии Карела Крамаржа, которая уже летом 1919 г. оказалась в оппозиции, а его рекомендации делать ставку на местных деятелей русофильского направления в целом соответствовали программе чешских национальных демократов в отношении Подкарпатской Руси.

Несколько иную картину положения в Подкарпатской Руси осенью 1919 г. нарисовал в своём пространном отчёте в Прагу секретарь Министерства почт и телеграфа ЧСР доктор Отокар Ружичка, представивший собственный доклад его руководству 12 ноября 1919 г. Во вступительной части своего доклада Ружичка, посетивший Подкарпатье в конце октября – начале ноября 1919 г., констатировал крайнюю сложность положения в регионе, указав на необходимость проведения здесь твёрдой политики в общегосударственных интересах, без которой, по его мнению, угроза потери Карпатской Руси для Праги была реальностью. В отличие от подпоручика Палайды, симпатизировавшего местной «русской партии» и призывавшего делать ставку на русофилов, бдительный Ружичка отмечал, что, по его наблюдениям, именно деятели «русского направления» склонны к провенгерской деятельности. По словам секретаря Министерства почт и телеграфа ЧСР, «у представителей великорусского направления мы обнаружим весьма мало любви и преданности к Чехословацкой Республике <...> Они проявляют свою преданность лишь внешне, но их агитация в народе и их собрания убеждают нас в обратном» [14]. Ружичка утверждал, что именно «местное направление», к лидерам которого он относил Волошина и Жатковича, «более всего соответствует интересам нашей республики» [14], что в целом отвечало взглядам влиятельного функционера Социал-демократической партии Яромира Нечаса, оказавшего впоследствии серьёзное влияние на характер чехословацкой политики в отношении Подкарпатской Руси. Затрагивая деятельность представителей украинского движения, пражский чиновник подчёркивал, что «украинское направление было бы для нашей республики также нездоровым» [14]. Большое внимание Ружичка обращал на различные языковые предпочтения противостоявших друг другу группировок среди карпаторусской

интеллигенции. «Если великорусское направление использует великорусский литературный язык, – отмечал Ружичка, – то местное направление в языковом вопросе придерживается компромисса, используя малорусский язык, то есть местное наречие с великорусским правописанием» [14]. Ссылаясь на опыт своих контактов с местным населением, секретарь чехословацкого Министерства почт и телеграфа делал категоричное заключение о том, что местный русин «на практике» лучше понимает чешский, а не русский литературный язык [14].

Примечательно, что рекомендованный Ружичкой в качестве представителя «местного направления» лидер американских русинов Г. Жаткович был негативно охарактеризован подпоручиком Палайдой в его донесении в Министерство обороны ЧСР 7 октября 1919 г. По утверждению Палайды, «личность доктора Жатковича до переворота была совершенно незнакома в Карпатской Руси. На первом собрании в Ужгороде он говорил на словацко-русинском наречии – так, как говорят в Шарише и в Земплине. <...> Уже на первом собрании раздавались голоса, недовольные тем, что он не говорит по-русски» [13].

Ещё более негативные и критические отзывы о представителях «русского направления» в Карпатской Руси содержались в отчётах инженера Яромира Нечаса, активиста чешской Социал-демократической партии и известного политического публициста, некоторое время работавшего в аппарате первого губернатора Подкарпатской Руси Жатковича. В своих подробных донесениях в канцелярию президента республики в Прагу Я. Нечас в весьма резкой форме критиковал деятелей «русского направления» за «насильственное навязывание русского литературного языка населению» и «отрыв от этноязыковых реалий Карпатского региона». Жёсткой критике Нечаса «за чрезмерную русофилию» подверглись и некоторые высокопоставленные чешские чиновники в Подкарпатской Руси. «Нынешнее региональное правительство в Ужгороде вводит на всей территории Русинии чужой, непонятный населению великорусский язык», – утверждал Нечас в своём отчёте в Прагу 2 ноября 1919 г. – Тем самым усложняется и без того запутанный языковой вопрос, и возбуждается негативная реакция подкарпатских русинов. Правительственные газеты "Русская земля" и "Русское слово" народ не понимает. По-великорусски понимают и говорят лишь те чиновники из Галиции и Буковины, которых наше правительство взяло на службу» [15].

В своём очередном донесении в канцелярию президента республики 20 ноября 1919 г. Нечас обрушился с обвинениями и резкими нападками как на главу чехословацкой гражданской администрации Подкарпатской Руси доктора Брейху, так и на представителей про-

русского направления среди местной карпаторусской интеллигенции. По словам Нечаса, Брейха «проводит партийную политику, окружил себя камарильей старорусов из Галиции и Буковины и без колебаний выступил против представителей местного русинского направления» [16]. Обвиняя местных карпаторусских политиков русской ориентации в том, что их политическая программа является «реакционной, шовинистической и нетерпимой к другим», Нечас, подобно Ружичке, призывал официальную Прагу полностью поддержать «местное направление, которое соответствует мышлению и настроениям интеллигенции». Нечас также рекомендовал проводить политику «благожелательного нейтралитета» в отношении украинцев, «предоставив карпатским русинам возможность естественного развития» и «воздержавшись от введения в Подкарпатской Руси русского языка в школы и в административные органы» [16].

Обращает на себя внимание то, что ранее Нечаса письмо аналогичного содержания президенту Масарику направил один из ведущих русинских политиков Подкарпатской Руси греко-католический священник А. Волошин, окончательно перешедший к осени 1919 г. в лагерь украинофилов. В своём письме Масарику от 9 октября 1919 г. Волошин резко критиковал «москвофильскую» часть местной интеллигенции за навязывание русского литературного языка местному населению и призывал «освободить нас от непрошенных гостей-москвофилов». Называя конкретные имена, Волошин упрекал главу чешской администрации Подкарпатья доктора Брейху за его покровительство «москвофилам» [12]. В заключение Волошин делал тревожный для чехословацких властей вывод об опасности «москвофильской агитации» не только «для нашего народа, но и для всей республики» [12]. Очевидная согласованность по времени и сходство аргументов в отчётах Нечаса и в письме Волошина наводят на мысль о том, что имела место их скоординированная акция с целью повлиять на политику чехословацкой администрации в Подкарпатском регионе. Последующее развитие событий показало, что данная акция оказалась успешной. О связях Я. Нечаса с А. Волошиным и с лидерами украинского движения, в частности с К. Левицким, упоминал в одном из своих донесений в Министерство обороны ЧСР в ноябре 1919 г. подпоручик Ш. Палайда [13].

Основные направления чешской политики в Подкарпатской Руси ориентировались впоследствии именно на рекомендации Я. Нечаса, который, являясь функционером влиятельной Социал-демократической партии и сделав успешную политическую карьеру, в 1920-е гг. работал в канцелярии президента республики, курируя там вопросы, связанные с Подкарпатской Русью и оказывая серьёзное влияние на

практическую политику чехословацких властей в регионе. Это обстоятельство в значительной степени объясняет курс официальной Праги на «мягкую украинизацию» русинов Подкарпатъя в 1920-е гг., что ярче всего проявилось в области образования и культуры и продолжалось вплоть до конца 1930-х гг., усилив в итоге позиции сторонников украинского движения в Подкарпатском регионе. Поскольку «стремление к проведению определённого варианта языковой нормы стало для русинов инструментом прямой национально-идеологической пропаганды» [2: 374], поддержка чехословацкой администрацией культуртрегерской деятельности украинских активистов в Подкарпатъе в сфере образования в значительной степени способствовала распространению украинской идентичности в Подкарпатской Руси.

Отношение карпаторусской общественности к политике чехословацкой администрации в Подкарпатской Руси

В то время как чешские чиновники изучали сложное положение в Карпатской Руси, пытаясь определить вектор оптимальной для Праги политики в регионе, карпаторусская общественность быстро разочаровалась в реалиях чехословацкой политики. Вопреки изначально завышенным ожиданиям русинских деятелей от вхождения Карпатской Руси в состав Чехословакии, их недовольство чехословацкими властями стало проявляться уже с весны 1919 г. Председатель Карпаторусской народной рады в Прешове Антон Бескид в своем обращении к премьер-министру ЧСР Карелу Крамаржу уже 14 апреля 1919 г. негодовал по поводу «подавления естественных прав русского народа на его собственной земле» [10]. Бескид критиковал чехословацких чиновников на местах за «шовинизм», «незнание местного населения», а также за «преследования и угрозы» в адрес карпаторусского населения [10]. Показательно, что именно А. Бескид и возглавлявшаяся им Карпаторусская народная рада в Прешове раньше всех начали проявлять прочехословацкие настроения и первыми среди прочих карпаторусских структур чётко заявили о своей чехословацкой ориентации.

Правительство ЧСР серьёзно отнеслось к жалобам Антона Бескида и на своем заседании 5 мая 1919 г., отметив необходимость «относиться к народности карпаторусской с предельной осторожностью и охранять её», поручило министру внутренних дел предложить министру по делам Словакии Вавро Шробару тщательно расследовать жалобу Бескида [11]. Кроме того, Шробару предлагалось поручить подчинённым ему чиновникам на местах «с максимальным вниманием отнестись к национальности, обычаям и языку населения, находящегося под их управлением» [11].

Сразу после подписания Сен-Жерменского мирного договора в сентябре 1919 г. представители всех политических сил и культурных направлений среди русинов стали выражать недовольство тем, что административная граница между Словакией и Подкарпатской Русью оставила значительную часть этнически русинских земель в составе Словакии, а обещанная автономия так и не была предоставлена. Так, активно поддерживавший присоединение русинов к Чехословакии «Американский русский вестник» с того времени стал резко критиковать русинскую политику Праги. Если в феврале 1919 г. «Американский русский вестник» с оптимизмом писал, что «уния угрорусинов с чехословаками будет означать для угрорусинов отдельный особый угрорусский штат, который будет иметь верховенство в местных делах и в котором русский будет языком официальным, употребляемым в школах и судах» [5: 1], то уже в октябре 1919 г. это же издание с сочувствием сообщало о манифестации русинов в г. Гуменне в Восточной Словакии, протестовавших «против отделения западнорусских жуп от автономной Подкарпатской Руси» [7: 1].

В дальнейшем «Американский русский вестник» часто критиковал чехословацкое руководство за отсутствие автономии Подкарпатской Руси, за административную раздробленность русинских земель и за проукраинскую политику в культурной сфере. Политика «мягкой украинизации» русинов в 1920-е гг. в сфере образования, по мнению русинских активистов, была важной причиной «языковой войны» [1: 3]. В свою очередь, чешская общественность была недовольна высокой, с её точки зрения, степенью мадьяризации карпаторусской интеллигенции, особенно духовенства и учителей [29: 1]. Подобные трения продолжались на протяжении всего межвоенного периода, отразившись в карпаторусской и чехословацкой прессе того времени.

Серьёзной проблемой Подкарпатской Руси являлся крайне низкий жизненный уровень населения, по которому Подкарпатье уступало как Словакии, так и чешским землям. Будущий президент Чехословакии Людвик Свобода, служивший в Подкарпатской Руси в 1920-е гг. командиром пулёметной роты в звании капитана чехословацкой армии, писал в своих воспоминаниях, что жизнь в этом краю «в своей инерции напоминала заспанную галицкую провинцию времён старой Австрии. Мы встречали бедно одетых крестьян с широкими и добрыми лицами, которые боялись Бога и уважали пана, – с сочувствием писал он. – Паном был приходской священник и поп. В городе панами были доктор, нотариус, почтмейстер, фармацевт, жандарм и офицер. Лесорубы и пастухи с плохо выбритыми загорелыми лицами, с жилистыми шеями, в рубахах без воротников при встрече снимали свои засаленные шляпы с загнутыми полями. <...> В корчме было принято напиваться мертвецки» [34: 10].

Заключение

Вхождение и пребывание Подкарпатской Руси в составе межвоенной Чехословакии имели противоречивые последствия для карпатских русинов. С одной стороны, в условиях демократического политического режима и более благоприятного социально-экономического положения Чехословакии по сравнению с Венгрией русины пользовались возросшими возможностями социальной мобильности и этнокультурного развития. Канадский историк и славист П.Р. Магочий полагает, что наибольший прогресс в Подкарпатской Руси в период её вхождения в состав Чехословакии был достигнут именно в сфере культуры, т. к. в отличие от венгерского правительства, стремившегося к мадьяризации русинов, чехословацкие власти предпринимали попытки «поднять культурный уровень славянского населения в самой восточной провинции республики» [30: 205]. По данным Магочия, если в 1900 г. в составе Венгрии неграмотность населения в Угорской Руси составляла 70 %, то к 1930 г. её уровень снизился почти в два раза – до 42 % [30: 205]. Некоторые специалисты по истории карпатских русинов связывают пребывание Подкарпатской Руси в межвоенной Чехословакии со «вторым русинским возрождением». В чехословацкий период своей истории Подкарпатская Русь стала объектом в целом успешного и при этом умеренного модернизационного проекта, продемонстрировавшего наибольшие успехи в сфере культуры и образования.

С другой стороны, политика чехословацких властей, преследуя собственные цели, оказывала серьёзное влияние на социокультурные процессы среди русинского населения Подкарпатской Руси с помощью различных методов этнокультурной инженерии, что выразилось в затягивании предоставления обещанной автономии и в административной поддержке в 1920-е гг. украинского движения в культурной и образовательной областях. Инициаторами и проводниками подобной политики являлись, прежде всего, представители пражских либералов и социал-демократов, близких к президенту ЧСР Масарику и министру иностранных дел Бенешу.

Это вызывало крайне негативную реакцию русофильской части карпаторусской интеллигенции, которая постоянно критиковала политику Праги на страницах своих изданий, обвиняя чехословацкие власти в поддержке украинского движения и в искусственном затягивании процесса предоставления автономии. Борьба «за форму коллективной идентичности почти всегда происходила на уровне интеллектуальных верхов, среди которых разгоралось соперничество между разными представлениями о финальном образе коллективной идентичности» [2: 372].

Одной из важнейших проблем в регионе был вопрос выбора подходящего литературного языка для культурных и государственно-административных нужд самой восточной области ЧСР. Какой из существующих литературных языков наиболее удобен для русинов? Выбор надлежало сделать между русским, украинским или одним из «тунайших» (местных) диалектных вариантов, которые, как полагал Хусек, насчитывали три версии в русинской письменности [24: 54]. С удовлетворительным решением этой проблемы чехословацкая политическая репрезентация так и не смогла справиться на протяжении всего межвоенного периода. Сам Ян Хусек, в то время лучший чешский специалист по данной теме, справедливо говорил о «языковом хаосе», который царил среди русинов и на который проектировались «споры между отдельными карпаторусскими ориентациями» [24: 54].

Поддержка официальной Прагой украинофильской части карпаторусской интеллигенции в этом противоборстве в 1920-е гг. привела к существенному нарастанию этнокультурных противоречий в русинском обществе, где наряду с традиционным русофильством динамично развивалось украинофильство, трактовавшее местное русинское население как не «пробудившуюся» часть украинского народа. Рост украинского движения в Подкарпатской Руси, получившего поддержку нацистской Германии в 1930-е гг., стал одним из существенных факторов дестабилизации ситуации в Чехословакии в 1938–1939 гг., в результате чего она окончательно исчезла с политической карты Европы в марте 1939 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь шла прежде всего о Любомире Нидерле, который считается «духовным отцом» чешской разновидности политического народоведения и его ученика Карла Хотека (см.: [33: 102]).

2. Идея чехословакизма заключалась в тезисе о том, что с точки зрения культуры, языка и ментально-психологических особенностей (см. [25]) чехов и словаков необходимо считать двумя «ветвями» единого чехословацкого народа (см. [21; 26]).

3. Более подробно см.: [27].

4. В данном случае речь шла о продолжении традиции, начало которой было положено трудом Павла Йозефа Шафарика «Славянское народоведение», опубликованном в 1842 г.

5. Хусек проводил свои исследования летом 1922 и 1923 гг. [24: 13].

6. Подобным образом в указанный период чешские этнографы изучали и с учётом политических интересов определяли границу

нового государства на польско-словацком пограничье в области Оравы и Спиша и в области Южной Словакии [31: 109].

7. К пониманию славянского народоведения см.: [3].

8. В отличие от «мадьяризации» словакизацию русинов Хусек считал неизбежной «естественной ассимиляцией» и в принципе относился к этому обществу процессу позитивно. Проблему ассимиляции русинов с соседними народами он воспринимал с общеславянской позиции: «Брат словак или брат русский – оба славяне!» [24: 41], главным было то, чтобы они не мадьяризировались!

9. В качестве альтернативного названия Хусек использовал термин «русские словаки».

ЛИТЕРАТУРА

1. Думнич Ю. Украинизація школи на Пудкарпатській Русі пуд час чехо-словацького періода. Ужгород: Видавельство В. Падяка, 2009. 62 с.

2. Лозовиук П. Новые славянские народы: реальность или фикция? // Русский сборник. Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М.: Regnum, 2012. Т. XII. С. 370–378.

3. Лозовиук П. «Ethnologia Slavica» в фокусе чешской этнографической традиции // Историко-культурные аспекты чешско-белорусских связей / Под ред. П. Лозовиука, В. Репина. Минск: БГУ, 2019. С. 19–29.

4. Шевченко К.В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX века. М.: Regnum, 2011. 403 с.

5. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 6 februara, 1919. № 5. S. 1–2.

6. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 27 februara, 1919. № 8. S. 1.

7. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 16 oktobra, 1919. № 40. S. 1–2.

8. Archiv Kanceláře prezidenta republiky (AKPR). Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv.č.3. Sign.PR I/3. Karton 1.

9. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv.č.4. Sign.PR I/4. Karton 1.

10. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv.č. 6. Sign. PR I/6. Karton 1.

11. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv.č. 10. Sign. PR I/10. Karton 1.

12. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 18. Sign. PR I/18. Karton 1.

13. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č.19. Sign. PR I/19. Karton 1.

14. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 20. Sign. PR I/20. Karton 1.

15. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv.č. 25. Sign. PR I/25. Karton 1.

16. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 26. Sign. PR I/26. Karton 1.

17. Archiv Ústavu T.G. Masaryka (AÚTGM). Fond T.G. Masaryk, Podkarpatská Rus 1919. Krabice 400.

18. AÚTGM. Fond T.G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920. Krabice 400.

19. Bratislava. Časopis učení společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 510-518.

20. Burian V. Politický národopis zejména slovanský. Praha, 1947.

21. *Ducháček M.* Dilemata čechoslovakismu: etnograf Karel Chotek mezi vědou a propagandou // Bartlová M. a kol. Co bylo Československo? Kulturní konstrukce státní identity. Praha, 2017. S. 28–44.
22. *Gayer V.* Slovjacké regionálne hnutie v rokoch 1907–1918 // Mesto a dejiny. 2014. Vol. 3. S. 68–83.
23. *Hatalák P.* Jak vznikla myšlenka připojit Podkarpatskou Rus k Československu. Užhorod, 1933. 92 s.
24. *Húsek J.* Národopisná hranice mezi Slováký a Karpatorusy. Bratislava, 1925.
25. *Chalupný E.* Národní filosofie československá. Teil 1: Národní povaha československá. Praha, 1932.
26. *Chotek K.* O povaze a významu kultury československého lidu // Československá vlastivěda. Díl 2: Člověk / Eds. by J. Horák, J. Matiegka, K. Weigner. Praha, 1933. S. 294–304.
27. *Lozoviuk P.* Volkskunde als Nationalwissenschaft // Die Suche nach dem Zentrum. Wissenschaftliche Institute und Bildungseinrichtungen der Deutschen in Böhmen (1800–1945) / Eds. by K. Kaiserová, M. Kunštát. Münster; New York, 2014. S. 73–118.
28. *Lozoviuk P.* Evropská etnologie ve středoevropské perspektivě. Pardubice: Univerzita Pardubice, 2005. 189 c.
29. Podkarpatské hlasy. Užhorod, 1925. 13 června. Číslo 48.
30. *Magocsi P.R.* With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest; New York: CEU Press, 2015. 511 p.
31. *Moravcová M.* Politický národopis v pojetí Lubora Niederla a Karla Chotka // Od lidové písně k evropské etnologii / Ed. by J. Pospíšilová, J. Nosková. Brno, 2006. S. 101–112.
32. *Mušinka M.* Úloha Českej akadémie vied při výskume folklóru Rusínov bývalej Podkarpatskej Rusi a východného Slovenska // Od lidové písně k evropské etnologii / Eds. by J. Pospíšilová, J. Nosková. Brno, 2006. S. 184–192.
33. *Raušer A.* Připojení Podkarpatské Rusi k československé Republice // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě, 1936. S. 61–68.
34. *Svoboda L.* Cestami života. Praha: Orego, 1996. 327 s.

REFERENCES

1. Dumnich, Yu. (2009) *Ukrainizatsiya shkoly na Podkarpats'kuy Rusi pud chas chekhoslovats'kogo perioda* [Ukrainization of schools in Subcarpathian Rus during Czechoslovak period]. Uzhhorod: Vydavatel'stvo V. Padyaka.
2. Lozoviuk, P. (2012) *Novye slavyanskije narody: real'nost' ili fiktsiya?* [New Slavic nations: reality or fiction?]. In: Ayrapetov, O.R., Yovanovich, M., Kolerov, M.A., Menning, B. & Chaisty, P. (eds) *Russkij sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian collection. Research on the history of Russia]. Vol. 12. Moscow: Regnum. pp. 370–378.
3. Lozoviuk, P. (2019) "Ethnologia Slavica" v fokuse cheshskoy etnografiches-

koy traditsii ["Ethnologia Slavica" in the focus of the Czech ethnographical tradition]. In: Lozoviuk, P. & Repin, V. (eds) *Istoriko-kul'turnye aspekty cheshsko-belorusskikh svyazey* [Historical and Cultural aspects of Czech-Belarusian Inter-relations]. Minsk: BSU. pp. 19–29.

4. Shevchenko, K. (2011) *Slavyanskaya Atlantida. Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX veka* [Slavonic Atlantida. Carpathian Rus and Rusins in the 19th – first half of the 20th century]. Moscow: Regnum.

5. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1919a) 6th February. pp. 1.

6. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1919b) 27th February. pp. 1–2.

7. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1919c) 16th October. pp. 1–2.

8. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 3. Sign. PR I/3. Box 1.

9. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 4. Sign. PR I/4. Box 1.

10. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 6. Sign. PR I/6. Box 1.

11. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 10. Sign. PR I/10. Box 1.

12. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 18. Sign. PR I/18. Box 1.

13. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 19. Sign. PR I/19. Box 1.

14. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 20. Sign. PR I/20. Box 1.

15. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 25. Sign. PR I/25. Box 1.

16. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 26. Sign. PR I/26. Box 1.

17. The Archive of the Institute of T.G. Masaryk (AÚTGM). Fund T.G. Masaryk, Podkarpatská Rus 1919. Box 400.

18. The Archive of the Institute of T.G. Masaryk (AÚTGM). Fund T.G. Masaryk, Podkarpatská Rus 1920. Box 400.

19. *Časopis učení společnosti Šafaříkovy*. (1931). 5(3). pp. 510–518.

20. Burian, V. (1947) *Politický národopis zejména slovanský* [Political ethnography with the focus on Slavs]. Prague: [s.n.].

21. Ducháček, M. (2017) Dilemata čechoslovakismu: etnograf Karel Chotek mezi vědou a propagandou [Dilemmas of Czechoslovakism: Ethnographer Karel Chotek in between science and propaganda]. In: Bartlová, M. (ed.) *Co bylo Československo? Kulturní konstrukce státní identity*. Pargue: UMPRUM. pp. 28–44.

22. Gayer, V. (2014) Slovjacké regionálne hnutie v rokoch 1907–1918 [Slovak regional movement in 1907–1918]. *Mesto a dejiny*. 3. pp. 68–83.

23. Hatalák, P. (1933) *Jak vznikla myšlenka připojení Podkarpatskou Rus k Československu* [How did the idea of uniting Subcarpathian Rus with Czechoslovakia arise?]. Uzhhorod: [s.n.].

24. Húsek, J. (1925) *Národopisná hranice mezi Slováky a Karpatorusy* [Ethno-

graphic border between Slovaks and Carpathian Russians]. Bratislava: Prúdů.

25. Chalupný, E. (1932) *Národní filosofie československá* [National Czechoslovak philosophy]. Vol. 1. Prague: [s.n.].

26. Chotek, K. (1933) O povaze a významu kultury československého lidu. In: Horák, J., Matiegka, J. & Weigner, J. (eds) *Československá vlastivěda*. Vol. 1. Prague: [s.n.]. pp. 294–304.

27. Lozoviuk, P. (2014) Volkskunde als Nationalwissenschaft. In: Kaiserová, K. & Kunštát, M. (eds) *Die Suche nach dem Zentrum. Wissenschaftliche Institute und Bildungseinrichtungen der Deutschen in Böhmen (1800–1945)*. Münster/New York: Waxmann Verlag GmbH. pp. 73–118.

28. Lozoviuk, P. (2005) *Evropská etnologie ve středoevropské perspektivě* [European Ethnology in Central European perspective]. Pardubice: Univerzita Pardubice.

29. *Podkarpatské hlasy*. (1925) 13th June. pp. 1–2.

30. Magocsi, P.R. (2015) *With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Budapest – New York: CEU Press.

31. Moravcová, M. (2006) Politický národopis v pojetí Lubora Niederla a Karla Chotka. In: Pospíšilová, J. & Nosková, J. (eds) *Od lidové písně k evropské etnologii* [From people's song to European ethnology]. Brno: Etnologický ústav AV ČR Praha, pracoviště Brno ve spolupráci s Jiřím Plockem. pp. 101–112.

32. Mušinka, M. (2006) Úloha České akademie věd při výskume folklóru Rusínův bývalé Podkarpatské Rusi a východního Slovenska. In: Pospíšilová, J. & Nosková, J. (eds) *Od lidové písně k evropské etnologii* [From people's song to European ethnology]. Brno: Etnologický ústav AV ČR Praha, pracoviště Brno ve spolupráci s Jiřím Plockem. pp. 184–192.

33. Raušer, A. (1936) Připojení Podkarpatské Rusi k československé Republice. In: *Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi* [Subcarpathian Rus. Collection of economic, cultural and political information about Subcarpathian Rus]. Bratislava: Podkarpatoruské nakladatelství Josef Stejskal. pp. 61–68.

34. Svoboda, L. (1996) *Cestami života* [Life paths]. Prague: Orego.

Лозовиук Пётр – доктор философии, заведующий кафедрой антропологии философского факультета Западночешского университета в г. Пльзень (Чехия).

Petr Lozoviuk – University of West Bohemia in Plzen (Czech Republic).

E-mail: lozoviuk@ksa.zcu.cz

Шевченко Кирилл Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, заведующий Центром евразийских исследований Философского факультета Российского государственного социального университета в Минске (Беларусь).

Kirill V. Shevchenko – Minsk Branch of Russian State Social University (Belarus).

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

УДК 94(477.8):061.23]"1918/1939"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/9

Пропагандистська конкуренція товариства «Просвіта» та Общества имени А. Духновича за русинську аудиторію Підкарпатської Русі у міжвоєнний період

О.М. Куцька

Національна академія сухопутних військ

ім. гетьмана П. Сагайдачного

Україна, 79026, м. Львів, вул. Героїв Майдану, 32

E-mail: kutska_o@yahoo.com

Авторське резюме

У даній статті проаналізовано інформаційну діяльність товариства «Просвіта» та Общества имени А. Духновича, що провадилася серед русинського населення Підкарпатської Русі у міжвоєнний період. За вихідну точку було обрано сучасні погляди на ведення пропагандистського впливу, а саме: хто, на кого, якими методами та засобами? З'ясовано, що обидва товариства були подібними за структурою, а їхніми членами стали представники інтелігенції відповідно з українофільськими та русофільськими поглядами. До них також долучилися представники еміграції та місцеве населення. При з'ясуванні характеристик русинської аудиторії було виявлено, по-перше, що освітній рівень більшості населення краю був доволі низьким. По-друге, що значна частина мешканців Підкарпатської Русі не мала певності щодо власної ідентифікації як із русинською національністю, так і з релігійною приналежністю. Визначено, що основними формами донесення інформації були друковані видання, усне та радіомовлення. Найчастіше товариства послуговувалися поліграфічними засобами донесення агітації, оскільки вони були найдоступнішими у виготовленні. Доволі продуктивним виявилось усне мовлення, оскільки не потребувало значних грошових витрат. Застосування радіо було доволі обмеженим через відсутність апаратури для прийому. Авторське бачення методів пропагандистського впливу розкривається шляхом аналізу змісту окремих епізодів, інформаційних та наочних матеріалів з тогочасного суспільно-політичного життя Карпатської Русі та діяльності товариства «Просвіта» та Общества имени А. Духновича. До методів пропаган-

ди варто віднести переконання, навіювання, маніпуляцію та дезінформацію. Проте вважаємо, що про їхнє застосування можна говорити лише умовно, оскільки тоді техніки ведення пропаганди у сучасному її розумінні ще не було. А представники досліджуваних нами товариств працювали відповідно до власного розуміння способів агітації та реагуючи на потреби в інформації русинської громади.

Ключові слова: Підкарпатська Русь, русини, товариство «Просвіта», Общество імені А. Духновича, інформаційний вплив, пропаганда, переконання, маніпуляція, навіювання, дезінформація.

Пропагандистская конкуренция общества «Просвита» и Общества имени А. Духновича за русинскую аудиторию Подкарпатской Руси в межвоенный период

О.Н. Куцкая

Национальная академия сухопутных войск
им. гетмана П. Сагайдачного
Украина, 79026, г. Львов, ул. Героев Майдана, 32
E-mail: kutska_o@yahoo.com

Авторское резюме

Анализируется информационная деятельность среди русинского населения Подкарпатской Руси общества «Просвита» и Общества имени А. Духновича в межвоенный период. За исходную точку был взят современный взгляд на ведение пропагандистского воздействия, а именно: кто? на кого? какими методами и средствами? Установлено, что оба общества были сходными по структуре. Их членами стали представители интеллигенции с украинофильскими и русофильскими взглядами соответственно. К ним также присоединились представители эмиграции и местное население. При выяснении характеристик русинской аудитории обнаружено, что, во-первых, образовательный уровень большинства населения края был довольно низким. Во-вторых, многие из жителей Подкарпатской Руси не могли определиться как с собственной этнической идентификацией себя как русинов, так и с религиозной принадлежностью. Определено, что основными формами донесения информации были печатные издания, устная передача и радиовещание. Чаще всего общества использовали полиграфические средства донесения агитации, поскольку они были

самыми доступными для изготовления. Достаточно продуктивным оказалось устное вещание, т. к. оно не требовало значительных денежных затрат. Радио применялось довольно ограниченно из-за отсутствия аппаратуры для приёма. Авторский взгляд на методы пропагандистского воздействия сформирован путём анализа содержания отдельных эпизодов, информационных и наглядных материалов того времени об общественно-политической жизни Карпатской Руси и деятельности общества «Просвита» и Общества имени А. Духновича. Среди них убеждение, внушение, манипуляция и дезинформация. Однако считаем, что об их применении можно говорить лишь условно, поскольку тогда техники ведения пропаганды в современном её понимании ещё не было. А представители исследуемых нами обществ действовали, ориентируясь на личное понимание способов агитации и реагируя на потребности в информации русинской общины.

Ключевые слова: Подкарпатская Русь, русины, общество «Просвита», Общество имени А. Духновича, информационное влияние, пропаганда, убеждение, манипуляция, внушение, дезинформация.

Propaganda competition between “Prosvita” and The A. Dukhnovych Society for the Rusinian audience of Subcarpathian Rus during the interwar period

O.M. Kutska

Hetman Petro Sahaidachnyi National Army Academy

Ukraine, 79026, Lviv, 32 Heroiv Maidanu Street

E-mail: kutska_o@yahoo.com

Abstract

This article analyzes the informational activity of two societies – “Prosvita” (Eng. Enlightenment) and The A. Dukhnovych Society among Rusinian population of Subcarpathian Rus using modern approaches to the propaganda analysis, which implies answering the questions of who, whom on, what methods and forms are used. In particular, it has been found out that both societies had similar structures, with their members being representatives of intelligentsia with Ukrainophile and Russophile views respectively. They were also joined by the representatives of emigration and local population. The Rusinian audience had a relatively low educational level, and many residents of Subcarpathian Rus could not make up their minds whether they

were of Rusinian ethnicity and what religion they practiced. The main forms of informing were printed press, oral transmission and radio broadcasting. Most often, the societies used polygraphic means of propaganda, since they were the easiest to produce. Oral transmission also proved quite productive, since it did not require significant expenditures. Radio was of limited application due to lack of receiving equipment. The author's perspective of the propaganda methods has been formed through the analysis of individual episodes, informational and visual materials about the social and political life of Carpathian Rus and the activities of "Prosvita" and The A. Dukhnovich Society. Among the most popular methods were persuasion, suggestion, manipulation, and disinformation. However, it is possible to speak about their application only conditionally, since there was no propaganda technique in its modern understanding. The representatives of the societies under analysis acted out of their personal understanding of campaigning methods and responding to the information needs of the Rusin community.

Keywords: Subcarpathian Rus, Rusins, "Prosvita", The A. Dukhnovich Society, informational influence, propaganda, persuasion, manipulation, suggestion, misinformation.

Сьогодні пропаганда є дієвим інструментом реалізації суспільно-політичних цілей. За багато років відпрацьовано велику кількість практик формування шляхів комунікативної взаємодії, прийомів впливу на соціальні групи та індивідів, шляхів консолідації або розмежування суспільства. За її допомогою можна отримати перевагу над опонентом.

Отже, обрана тема дослідження становить інтерес, по-перше, як історичний приклад ведення інформаційно-психологічного протистояння. На думку українського спеціаліста в галузі комунікативних технологій та інформаційних війн Г. Почепцова, «Перша світова війна принесла низку дуже важливих технологій впливу на масову свідомість, тому її можна вважати точкою відліку сучасного розвитку цього напрямку» [28: 512]. Другим мотивом для аналізу запропонованої теми є діяльність на території сучасної України Закарпатського обласного об'єднання Всеукраїнського товариства «Просвіта» імені Т. Шевченка (з 1990 р.) та Закарпатського обласного науково-культурологічного товариства імені Олександра Духновича (з 1994 р.), які позиціонують себе як наступники діяльності, відповідно, громадського товариства «Просвіта» (1868–1939 рр.) та культурно-просвітницького Общества имени А. Духновича (1923–1940 рр.). Третім фактором на користь цього дослідження є Всеукраїнський перепис населення 2001 р., який показав, що за офіційною статистикою на Закарпатті мешкає 10 090 осіб, які ідентифікують себе як русини [24: 63].

З огляду на вищезазначене, цікавою є взаємна комунікація та інформаційна діяльність цих організацій із завоювання аудиторії Підкарпатської Русі у міжвоєнний період. Звичайно, історія не може давати прямих рекомендацій, проте незаперечним є й те, що чим більше ми знаємо про застосування пропаганди в минулому, тим краще розумітимемо ці процеси сьогодні.

Пропагандистську конкуренцію товариства «Просвіта» та Общества имени А. Духновича за прихильне ставлення русинів Підкарпатської Русі у 1918–1939 рр. пропонуємо проаналізувати з точки зору сучасних поглядів на ведення інформаційно-психологічного впливу (не приймаючи бік жодної з обраних для дослідження організацій). При цьому за відправну точку обираємо дослідження за наступними показниками: джерело впливу (обрані товариства), аудиторія впливу (русини Підкарпатської Русі), методи та форми донесення інформації.

На початку варто підкреслити, що з лібералізацією політичного режиму за часів входження Підкарпатської Русі до Чехословаччини в середовищі спочатку інтелігенції, а згодом й усього населення починають формуватися численні громадські організації. Деякі з них проіснували протягом усього міжвоєнного періоду, інші зникли невдовзі після реєстрації. Наприклад, український історик І. Ліхтей так описує тогочасні події: «Громадсько-суспільні процеси на Закарпатті 20-х років були надзвичайно складними й динамічними <...> в один клубок склалися питання національної самоідентифікації, мовної приналежності та боротьби за реальну автономію, остаточне розв'язання проблеми державно-правового визначення» [21: 22].

Характеристика джерела впливу. Найбільш впливовими у питанні культурного розвитку, ідентифікації та життєдіяльності русинів стали дві організації: проукраїнське товариство «Просвіта» (створене у 1920 р.) та проросійське Общество имени А. Духновича (існувало від 1923 р.). Перше, крім частини інтелігенції, об'єднувало й значні верстви селянства та лісників [21: 21], друге гуртувало інтелігенцію, службовців, частину селянства і робітників, що стояли на позиціях русофільства [21: 22; 13: 48]. Обидві течії суттєво посилилися завдяки повоєнній еміграції. Перша – вояками УГА та армії УНР, а в другій знайшли велике поле для своєї діяльності білогвардійці [20]. Чеський історик-україніст Д. Свобода з приводу цього наводить наступні рядки із газети «Tribuna»: «...цікаве свідчення про “еру золотошукачів” на теренах чехословацького Підкарпаття: <...> до Праги місяць тому (тобто наприкінці 1919 р. – О.К.) прибуло кілька людей з Галичини або Росії, що займалися агітацією поміж карпатського люду» [32: 13].

Проте варто наголосити, що політичні та культурні діячі Підкарпатської Русі, належно оцінюючи активну допомогу від емігрантів,

не вбачали у них своїх керівників, а позиціонували їх як ідейних натхненників. Для прикладу наведемо думку Є. Сабова на Других загальних зборах Общества имени А. Духновича (28 грудня 1923 р.): «...нашими справами управляти повинні ми, тутешні уродженці, але наших братів <...> ми приймаємо з радісним серцем і дякуємо за це, однак цілком керувати нашими справами ми ніколи не допустимо» [12: 16].

При порівнянні головних цілей обох організацій простежуємо подібність у їх формулюванні. Так, згідно зі статутом товариства «Просвіта», головною метою його роботи було «культурне й економічне піднесення підкарпатсько-руського народу, передусім виховання його в моральнім і патріотичнім дусі». Водночас основною метою Общества имени А. Духновича визначено культурний розвиток «русского народа», його виховання в моральному і патріотичному дусі [38]. Цікаву особливість підмітив український дослідник Ю. Ладжун, який зазначає, що, використовуючи однакові матеріали, просвітяни і послідовники О. Духновича доходили до різних висновків. Просвітяни намагалися довести та обґрунтувати належність русинського населення Підкарпатської Русі до української нації. Їх опоненти, не заперечуючи спорідненість населення з «малоросами», обґрунтовували його належність до «русского народа» [19: 26; 13: 49]. Отже, зазначає Ю. Ладжун, обидва товариства вели постійне інформаційне протистояння, оскільки орієнтувалися на різні моделі національної ідентичності та національної приналежності корінного населення краю [19: 23].

Організаційна структура обох досліджуваних товариств була доволі схожою. Зокрема, їхні управління складалися з трьох органів: найвищим із них, як в Обществе имени А. Духновича, так й у товаристві «Просвіта», були Загальні збори; виконавчим органом у першому було Центральне правління, а в другому – Головний відділ (або Правління товариства, або ж Центральня) [35: 31; 37: 85–86; 41: 9, 12]. Третім органом, на який покладалося завдання з контролю, у першому із зазначених товариств була Ревізійна комісія [41: 16]. Водночас зустрічаємо такі відомості щодо товариства «Просвіта» у роботі українського історика І. Стряпка: «Довгий час обговорювалася можливість створити спеціальну посаду – ревизора, або принаймні найняти на короткий час когось, щоб перевірити стан філій та читальень» [35: 34]. Такий посадовець з'явився у 1920 р. [35: 31].

Центральні керівництва обох організацій мали право в межах статутів створювати комісії та секції (за галузями культурно-національного життя). Так, у товаристві «Просвіта» діяли такі комісії: видавнича, театральна, літературно-наукова, організаційна, музична,

економічна, музейно-бібліотечна, комісія побороювання алкоголізму [35: 31], а в Обществі имени А. Духновича працювали наступні секції: науково-літературна, організаційно-просвітницька, видавнича, театральна, музична, хорова, союз російських жінок, архівна, спортивна, пожежна [41: 16–17].

Нижчими за рівнем у «Просвіті» були філії у повітах, а в Обществі имени А. Духновича – окружні відділи, які перш за все відповідали за діяльність читалень певного округу [12: 38–39; 35: 31; 41: 38–39].

Найнижчою ланкою у структурі обох організацій були читальні. Вони засновувалися в селах для згуртування селянських мас, залучення їх до культурного розвитку і господарської праці, формування національної свідомості. При читальнях нерідко діяли різного роду гуртки, бібліотеки тощо, проводились лекції та бесіди [29: 16–26; 13: 54].

Кількість читалень від обох організацій з роками збільшувалась. Наприклад, в середині 1930-х рр. Общество имени А. Духновича вже мало 315 громадських читалень (21 тис. постійних членів), у той час товариство «Просвіта» керувало 223 читальнями (близько 15 тис. осіб). Як підкреслює білоруський історик К. Шевченко, «ці цифри свідчать про колосальний прогрес українофільської течії, враховуючи, що спочатку українська самоідентифікація була практично невідома місцевому русинському населенню» [43: 288].

Підсумовуючи, наголосимо, що, на нашу думку, така кількість читалень дозволяла на належному рівні охопити інформаційним впливом значну кількість русинської аудиторії, проте їхня розпорошеність створювала й певні проблеми. Зокрема, щодо діяльності читалень «Просвіти» історик І.О. Стряпко зазначає: «... оскільки низові структури – читальні – створювалися на всій території Підкарпатської Русі, часто зв'язок між ними та Централлю ускладнювався відстанню й відсутністю ефективних засобів зв'язку» [37: 87].

Окреслення та характеристика аудиторії, на яку чинився пропагандистський вплив. Оскільки як товариство «Просвіта», так і Общество имени А. Духновича змагалися за поширення своїх ідеологічних програм серед населення, для нашого дослідження вкрай важливим є уточнення адресата, на якого вони спрямовували інформацію. При цьому зауважимо, що територія Підкарпатської Русі за одними даними становила 12 753 км² [27: 13], за другими – 12 617 км² [25], а за третіми – 12 740 км² [16: 57]. Загальна кількість населення краю складала, за різними джерелами, 604 593 [25], 604 522 [7], 604 595 [16: 57] осіб. Оскільки нас цікавить власне русинська аудиторія, вважаємо за доцільне визначитися з цифровими показниками її чисельності, відомості про які надані за різні роки. Зокрема, станом

на 1920 р. русинів налічувалось 575 000 осіб [16: 57], а за іншим джерелом – 320 648 [7]; у 1921 р. – 535 200 [22], а в інших дослідженнях зазначено 461 849 осіб [15; 42: 103], тоді як у 1930 р. вже 549 169 [15] та 446 916 чол. [22].

Отже, на сьогодні досить важко визначитися із кількісною характеристикою тієї русинської аудиторії, яка була охоплена інформаційним впливом товариства «Просвіта» та Общества имени А. Духновича. Проте у будь-якому випадку вищенаведені цифри доводять, що етнічні русини становили незаперечну більшість у порівнянні з іншими національностями краю.

При проведенні будь-якої пропагандистської кампанії враховується не лише кількісний склад аудиторії впливу, але й якісний, оцінити який нам допоміг аналіз соціальної стратифікації.

При цьому зауважимо, що Підкарпатська Русь з усіх земель Чехословацької Республіки була найбільш економічно й культурно відсталою [39: 28; 42: 141]. На противагу іншим частинам Європи, де етнічні групи значною мірою асоціювалися з певними професіями та соціально-економічним становищем, більшість її населення займалася сільським господарством та промислами, пов'язаними з лісництвом [23]. У «Календарі Українського народного союзу» зазначено, що «сільського населення є 60 %, тобто приблизно 400 000, рільників» [16: 57]. Так, зустрічаємо наступні рядки у рефераті студента Української господарчої академії в Подєбрадах О. Кіцери (станом на кінець 1922 р.): «Селянин Підкарпатської України є побільший части аналь-фабетом, утисненим бувшим мадярським урядовцем, жидом, попом і учителем. Ще в 1920 р. можна було помітити остатки кріпацтва» [20]. Вага промисловості в економіці краю становила лише 2 % [2: 81]. Тому погоджуємося з думкою вже згаданого Д. Свободи: «Необхідно було попроситися з уявленнями, що народні маси керувались би якимись політичними симпатіями або русофільськими, українофільськими чи чехофільськими традиціями. Для них вирішальним моментом були їхні матеріальні потреби» [32: 13].

Поряд із зубожінням Карпатської Русі варто відзначити й низький рівень освіти мешканців краю. За свідченням керівника шкільного реферату (орган Міністерства освіти Чехословаччини, що відповідав за освіту у Підкарпатській Русі) Й. Пешека, понад 70 % населення Підкарпатської Русі станом на кінець 1919 р. не вміло читати і писати [36: 131]. Згодом картина дещо покращується. Так, за переписом від січня 1921 р. 32,13 % населення вміли писати і читати русинською мовою, 50,22 % людей вміли читати і писати угорською, а решта були неписьменними [7]. А наприкінці 30-х рр. XX ст. таких, що не вміли писати й читати, серед молоді шкільного віку було не більше 10 %, а

серед дорослого населення – до 27 %. Проте, неписьменність все ще залишалася масовим явищем [45: 61].

Окремі дослідники вбачають у такому стані справ психолого-педагогічні передумови неписьменності: низький рівень самосвідомості населення краю та відсутність мотивації до навчання, здебільшого пов'язана із нерозумінням значення освіти в житті та й неспроможністю сприймати навчання на чужій мові [45: 58]. Ймовірно, вищезазначені характеристики більшої частини населення певним чином обмежували й їхню політичну активність, зокрема, можливість вплинути на політичну систему, урядову політику тощо. Так, історик О.Ф. Яцина охарактеризувала ситуацію таким чином: «Українське населення Підкарпатської Русі ніколи не мало відношення до керування ні громадським, ні релігійним, ні політичним, ні культурним життям свого краю, тому що ніколи не жило національним життям вільного народу» [45: 58]. Ще гострішим було судження Д. Свободи: «Русинський народ був з політичної точки зору аморфною масою» [32].

Тому, безсумнівно, культурно-масова робота обох товариств давала свої результати, оскільки з часом «зменшення кількості неграмотних серед дорослого населення позитивно впливало на формування нового соціального прошарку на селі – сільської інтелігенції. Освічене селянство поповнювало ряди членів культурно-освітніх рухів, ставало до просвітницької праці» [45: 62]. А на думку І.О. Стряпка, «Діячі-просвітяни дуже швидко усвідомили зв'язок між національною ідеєю, формуванням патріотичних устремлінь та шкільною освітою» [37: 186].

Досліджуючи потенційну аудиторію пропагандистського впливу Підкарпатської Русі, не можна оминати увагою ще один соціальний прошарок – інтелігенцію. Щодо цієї категорії зустрічаємо наступні відомості: «...інтелігенція, як провідна верства суспільства, була фактично відсутня, або занадто сильно асимільована угорцями. Прогорськи налаштована інтелігенція не підтримувала встановлення чехословацької влади, а багато її представників емігрувало. Ті ж, хто залишився, склали опозицію владі. Лише частина греко-католицьких священників, які відігравали роль інтелігенції, підтримала входження Підкарпатської Русі до складу Чехословаччини» [19: 92]. У кількісних показниках, на думку окремих дослідників, це виражалось таким чином: «На Закарпатті нараховувалось 4 693 представники інтелігенції. З них 1 170 працювали в народній освіті» [37: 66]. За спогадами відомого в міжвоєнній Підкарпатській Русі громадського діяча А. Штефана, «...потенційними русинами в рядах інтелігенції були майже виключно греко-католицькі священники, і то менше ніж 20 % з них. <...> Решта місцеві інтелігенти, які належали до 80 % більшості...» [14: 105].

При цьому дослідник І.О. Стряпко констатує, що більшість представників підкарпатської інтелігенції не дуже охоче займалася культурно-просвітницькою роботою, яка вимагала бажання, самовіддачі та використання вільного часу й не завжди давала швидкий результат [35: 32].

Аналізуючи населення Підкарпатської Русі як об'єкт впливу пропаганди, важливо враховувати його релігійну самоідентифікацію. Щодо кількості вірян греко-католицької і православної церков на межі 1920–1921 рр. зустрічаємо у дослідників такі оцінки: коло 500 тис. [9] та 60 977 осіб [8: 12] відповідно. За окремими даними, близько третини карпаторусинського населення «навернулися» від греко-католицької віри до православної [23]. При цьому варто наголосити, що найбільше протистояло переходу до греко-католицької церкви бідне селянство. Інтелігенція та духовенство не брали участі у цьому процесі. На підтвердження наведемо висновок Ю. Данильця: «...освітній рівень православного духовенства у порівнянні з греко-католицьким був нижчим, що надавало православному рухові селянського характеру» [8: 12]. Поряд із цим, на нашу думку, можна відзначити низький рівень релігійної обізнаності і брак свідомої самоідентифікації серед простих мешканців Підкарпатської Русі. На підтвердження наведемо рядки з листа одного з читачів до редакції «Благовѣстника» (1935 р.): «Я на свої вуха чув, як священник у неділю сказав, що ми не є православні, бо православні то є схизматики (відступники від віри), які баламутять нас. А потім він же на проповіді співав: “святѣйшаго вселенскаго... додає: и всѣх вас православных христіян... и в ектеніѣ просить: “за вся православныя христіяны”. Відповідно автор листа просив роз'яснити: “Чи ми православні, чи ні?”» [14: 116].

Безперечно, різні конфесії були залучені у поширення не лише християнського вчення, а й певних ідеологічних візій серед мешканців краю. Клірики подекуди включали до проповідей політичні ідеї, а також брали участь у культурно-політичному житті своєї пастви, тим самим безпосередньо чи опосередковано впливаючи на формування етнонаціональної ідентичності русинів [14: 249]. При цьому слід підкреслити визначну позитивну роль духовенства (незалежно від віросповідання) у питанні підвищення рівня освіти серед мешканців Підкарпатської Русі. Зокрема, представники духовенства, відповідаючи на виклики часу, активно залучилися до формування, насамперед, нової генерації вчителів, робили значний внесок у подолання неписьменності. Майже в кожному населеному пункті, де діяли осередки педагогічних фахових організацій (серед яких Учительское товарищество Подкарпатскоѣ Руси, Педагогічне товариство Подкарпатской Руси, «Шкільна матка русинів», Народоцевцьке учительське

товариство), представники духовенства різних конфесій входили до їхнього складу. Основними напрямками роботи релігійних діячів на культурно-виховній ниві були педагогічна діяльність, організація курсів підвищення педагогічної кваліфікації, видавнича діяльність, організація та проведення різнопланових заходів, формування бібліотечних фондів, меценатство тощо [14: 89; 44: 11].

Методи пропагандистської роботи. Серед методів здійснення пропагандистського впливу варто розглянути техніку **переконання**, яка ґрунтувалася на донесенні до аудиторії певних логічних аргументів на користь того чи іншого факту, події, питання тощо [17: 245]. Зважаючи на проведений нами аналіз потенційної аудиторії впливу, схиляємося до висновку, що інтерференція була спрямована, в першу чергу, на інтелігенцію краю. Це зумовлено тим, що саме вона мала інтелектуально-пізнавальний потенціал для сприйняття аналітичної інформації.

Яскравим прикладом реалізації прийомів переконання на практиці може слугувати дискусія між товариством «Просвіта» та Обществом имени А. Духновича стосовно національної приналежності русинського населення. На думку українського історика Ю. Ладжуна, вона «призвела до того, що її учасники почали науково досліджувати Підкарпатську Русь (історію, мову, культуру), збирати матеріал для обґрунтування своїх поглядів. <...> Вчені зробили все для того, щоб ці знання стали відомими та доступними для широкого загалу» [19: 23–24].

Цікавим є те, що дослідники обох організацій доходили до різних висновків. Так, зокрема, послідовники Олександра Духновича, переконуючи русинське населення краю, що вони належать до «гілки російського народу», наводили різноманітні підтвердження цієї спорідненості. Білоруський історик К. Шевченко зазначає, що «русофіли Підкарпаття постійно наголошували, що в створенні і розвитку російської літературної мови і літератури брали участь не тільки великороси, але й всі інші «гілки російського народу», в особі малоросів і білорусів, і що російська мова є одним з «найголовніших досягнень російської культури»» [43: 276]. Ідею національно-культурної єдності русинів з російським народом підтримував й російський вчений Ф. Арістов, підкреслюючи це у праці «Карпато-русские писатели» [1]. Зі свого боку просвітяни, вивчаючи давні літературні пам'ятки, дійшли висновку, що «вони писані мовою близькою до народної та вказують на жваві культурні взаємини між Підкарпатською Руссю та іншими українськими землями, передусім – Галичиною». А отже, населення Підкарпаття й Галичини творило єдину культурну спільноту [19: 24]. Як приклади таких наукових дискусій наведемо праці лінгвіста-русофіла Г. Геровського («Язык Подкарпатской Руси», 1934 р. (перевидання

1995 р.) та українського мовознавця І. Панькевича («Українські говори Підкарпатської Русі», 1938 р.) [6; 26].

Другим методом впливу, про який варто згадати, є навіювання. Воно апелює не до розуму, а до підсвідомості [17: 270]. Це, наприклад, простежується у доволі вільній інтерпретації термінів у мовному питанні. Чеська адміністрація визнавала низьким культурний і освітній рівень населення краю. Тому у «Генеральному статуті для організації й адміністрації Підкарпатської Русі, приєднаної Паризькою конференцією до Чехословацької Республіки» (ухвалений на засіданні Ради міністрів Чехословаччини 7 листопада 1919 р., проголошений в Ужгороді 18 листопада 1919 р.) визначено, що «народна мова» буде мовою навчання й урядування [37: 167]. Як зазначає український історик І.О. Стряпко, «русофіли на противагу термінові “народна мова” дуже скоро висунули інший – “літературна мова”». Згідно з цією теорією, місцеві говірки є «народною мовою», але поряд із нею існує літературна (російська) мова – мова освічених людей, інтелігенції, аристократії [37: 172]. Отже відбувалося навіювання, що спілкування літературною, а не місцевою мовою певним чином наближає людину до прогресивного соціокультурного співтовариства.

При застосуванні непрямого (здебільшого візуально-слухового) навіювання відбувається вплив на емоційний стан людини. І тут, на нашу думку, яскравими прикладами можуть слугувати масові заходи, які проводили товариства: мітинги, святкування, зібрання, виступи хорів та театралізовані дійства, відкриття пам'ятників тощо. За твердженням вже згаданого І.О. Стряпка: «Кожний масовий захід, організований та проведений у 20–30-х рр. XX ст., мав елементи театралізованого дійства. Як правило, організатори заходів влаштовували їх таким чином, щоб захопити, зацікавити та привернути увагу якомога більшої кількості людей» [37: 157]. При цьому важливим був не зміст сказаного, а спосіб виголошення промов, яскравість урочистостей, масовість заходу. Все це підживлювало людей позитивним настроєм, ейфорією від побаченого, демонструвало у їхній свідомості політичну привабливість того чи іншого товариства, виробляло позитивне ставлення до його лідерів і, таким чином, підсвідомо формувало бажання належати до цієї когорти людей.

До невербального навіювання можна віднести й основні символи, якими послуговувалися товариства. Зокрема, проукраїнський напрям обрав прапор синьо-жовтий, а проросійський – біло-синьо-червоний (який члени Общества имени А. Духновича вважали загальнослов'янським прапором) [34]. Для прикладу наведемо слова одного з організаторів згаданого товариства, С. Фенцика щодо стягу «Просвіти»: «...ми, звичайно, не могли дивитись байдуже на

бажання деяких осіб знову нагадати нам Габсбурзьку монархію і той знаменитий подарунок 1849 року, який сьогодні знаходиться у Народному домі у Львові і складається з синє-жовтих кольорів, прапор, який мати Франца Йосипа прислала у подарунок галичанам і який став знаком ненависті до всього російського» [12: 28]. Тобто через символіку проводилися історичні паралелі, які могли мати негативні конотації для сучасників.

Іще один метод впливу, зауважений нами під час аналізу діяльності товариств, – це **маніпуляція**. Вона працює шляхом прихованого нав'язування людям певних думок, формуючи у них емоційне і практичне ставлення до того чи іншого питання [17: 316]. Тут слід враховувати, що чим менше освічені люди, тим легше ними маніпулювати. Як приклад такого впливу можна навести голосування русинів при обранні підручника для навчання між граматиками І. Панькевича (члена товариства «Просвіта») і Є. Сабова (представника Общества имени А. Духновича), яке відбулося у вересні 1937 р. Як зазначає І.О. Стряпко: «Ще до голосування почалися різноманітні махінації. Першніж відбулося голосування, підручник І. Панькевича був схарактеризований як малоруський (український), а Є. Сабова – як руський» [37: 163]. Зважаючи на те, що переважна кількість батьків сама не мала освіти, а рішення приймали із позиції самоідентифікації себе як «руські», вибором більшості стала «Русская грамматика» Є. Сабова.

Іншим способом маніпуляції є нав'язування аудиторії певних негативних стереотипів про своїх опонентів. Яскравим прикладом такого впливу вбачаємо події 1 червня 1930 р., коли на голову Общества имени А. Духновича Є. Сабова під час святкування в Ужгороді Дня російської культури було вчинено замах. Як бачимо з наявних публікацій, безпосереднім виконавцем його став Ф. Тацинець – учень 3-го року церковного учительського інституту [30], а організатором або ж ідейним побудителем – С. Новаківська, емігрантка з Галичини, викладач ужгородської гімназії [43: 292]. За окремими свідченнями, на суді «Новаківська визнала, що за допомогою цього атентату планувала підняти у русинів краю націоналістичний рух проти русифікації українського Підкарпаття. Проте, на думку представників русофільського напрямку, теракт тільки посилив в Підкарпатській Русі антигалицький синдром». На тлі обурення серед членів Общества имени А. Духновича з'являються й досить різкі заяви з цього приводу: «У неділю 1 червня дозріла сімба і принесла свої жажливі плоди! У неділю на декана стріляв не протестант, лютеранин чи православний, а учень греко-католицького учительського семінару, веденого греко-католицьким священником» [33: 14].

На звинувачення просвітяни відповідали наступним чином: «Замах <...> все, ще не повністю розслідуваний... Ясно лише те, що провокації, якими організатори з'їзду духновців ображали наш народний напрям <...> стали головною причиною, що викликала нервозність з обох сторін» [43: 293].

Отже, з одного боку, можна цей факт оцінити як залякування опонентів ідейної боротьби (що також є формою психологічного впливу). Зокрема, говорилося про те, що це був акт із низки запланованих терористичних дій, адже вищезазначений студент був членом воєнної організації молоді і до його намірів входив ще один замах – на делегата російського культурного товариства ім. Качковського у Галиччині М. Барановського [30].

З іншого – ця подія стала підґрунтям для звинувачень у роздмухуванні внутрішньої ворожнечі. Так, у «Декларації культурних і національних прав карпаторуського народу», оприлюдненої на сторінках журналу Общества имени А.Духновича «Карпатський світ» (1931 р.), зустрічаємо наступні рядки: «Виховання кадрів українствуючих вчителів, а тим самим і заохочування українізації школи і населення в даний час торкнулося вже нашого сімейного благополуччя. Діти повстали проти батьків. З цим ми змиритись не можемо ...» [10: 1209]. Викладач української мови та літератури Закарпатської академії мистецтв А. Ребрик висловив з цього приводу таке своє бачення: «“Русины-угророси-автохтони” у мовно-языковий боротьбі великої ролі не грали, а люди “українського” і “руського” напрямів, особливо молодь, взаємно ненавиділись, висміювались, ображались» [31].

Не можна оминати увагою й такий метод інформаційно-психологічного впливу, як **дезінформація**. Варто звернути увагу, що використовувані для дезінформації факти не обов'язково були цілком неправдивими, скоріше перебільшували або применшували значення певних подій, перекручували інформацію тощо [17: 304]. Зокрема, приклад з цієї категорії наводить тогочасний український діяч А. Волошин: «...випущено друком протоколи для розв'язування читалень “Просвіти” і розіслано агентам з інструкціями дурити людей, що “Просвіта” зліквідована властею і що “Общество Духновича” має право перебрати весь маєток читалень “Просвіти”» [4]. Просвітяни, своєю чергою, намагалися перешкоджати створенню та поширенню читалень, які були організовані Обществом имени А. Духновича. Показовим є свідчення В. Шандора, який описує, як просвітяни у с. Баранинці масово записалися до русофільської читальні, а потім оголосили про її ліквідацію [37: 105].

Засоби поширення інформації. Зважаючи на хронологічні межі нашого дослідження, такими були усне мовлення, вплив через друковані видання та радіо.

Ведучи мову про перший із зазначених засобів, варто вказати на факт випуску обома товариствами чималої кількості різноманітних публікацій, серед яких, насамперед, слід згадати:

- Підручники. Так, під егідою «Просвіти», наприклад, В. Бірчак всього за один 1922 р. підготував й видав три навчальні посібники, серед яких «Руська читанка». Відомою є й руська граматика І. Панькевича. Серед навчальних видань Общества имени А. Духновича, для прикладу, назвемо «Граматику російської мови», «Нариси літературної діяльності і освіти карпаторусів» [37: 131, 179], читанку П. Федора «Народная школа» [18: 129];

- Брошури. Так, серед просвітянських робіт, насамперед, згадаємо праці В. Пачовського «Що таке просвіта?», М. Зоркого «Суперечка про мову», А. Волошина «Памяти Александра Духновича». Комплекс навчальних матеріалів з питання національного самовизначення «Просвіти» подано у брошурі «Іжака» під назвою «Українець чи руський. Лекції для народа» [37: 34–35]. В Обществе имени А. Духновича відомою є праця П. Федора «Короткий нарис діяльності А. Добрянського», «Нариси карпаторуської літератури з другої половини XIX століття» [18: 130];

- Періодичні видання. У період 1919–1938 рр. у Підкарпатській Русі налічувалося понад 180 періодичних видань, з них 126 виходили українською, російською мовами і місцевими діалектами, 51 – мовою національних меншин [3: 96]. Для прикладу, товариство «Просвіта» разом з іншими організаціями українського напрямку видавали журнали «Віночок для підкарпатських діточок», «Наш рідний край», альманах письменників «Трембіта», «Пчілка», щорічні календарі «Просвіти» та газети «Українське слово» і «Світло» [37: 207–278]. За підтримки Общества имени А. Духновича виходили журнали «Карпатський світ», «Руський народний календар», «Русин» та газети «Руське слово», «Наш карпаторуський голос», «Наш шлях» [18: 129];

- Листівки. Наприклад, 29 квітня 1920 р. товариство «Просвіта» вирішило провести свої Установчі збори як велике народне свято. З цієї нагоди було випущено спеціальні листівки, які поширювалися по всій Підкарпатській Русі. У них зазначалось: «Пам'ятайте на день 29 квітня, на той день весни в Підкарпатській Русі. Най не буде жодного села, жодного міста, з котрого не прибув би хоча б один делегат, щоби привітати те молоде товариство від своїх братів та сестер. Поширюйте той поклик і передавайте його від села до села, від хати до хати, від рук до рук» [37: 76].

Опоненти «Просвіти» також скористалися листівками як засобом з рекламування своєї діяльності. Зокрема, відповідно до протоколу ювілейних урочистостей, пов'язаних з 70-річчям від дня народження

голови Общества имени А.Духновича Є. Сабова, з нагоди Дня російської культури та Сьомих загальних зборів цієї культурно-просвітньої організації в Ужгороді (2 червня 1929 р.) летючки з гаслами і вітаннями були скинуті з аероплану. На них були віддруковані витяги з віршів карпаторуських і слов'янських поетів та різноманітні гасла: «Русская культура сокровищница всего русского народа», «Да живет славянское братство въ нашей республикѣ!», «Славимъ славно Славу славовъ славныхъ» [11: 5–6].

Слід підкреслити, що лейтмотивом друкованих видань було як мінімум поінформувати та зацікавити читача, а стратегічно – схилити громадськість на свій бік. Чимало з них ставали складовою частиною полеміки двох товариств щодо мови, історії та подальшого розвитку Підкарпатської Русі.

При цьому варто відзначити, що при формуванні видань враховувалися особливості цільової аудиторії. Зокрема, зустрічаємо наступні слова із доповіді члена центрального правління Общества имени А.Духновича, шкільного інспектора на пенсії І. Полівки: «Відносно предмета та змісту або обсягу творів, нам потрібно враховувати ту обставину, що наш народ не привчений до читання великих книг, навіть якщо вони цікаві і корисні, у нього до довгого читання немає терплячості і, відверто кажучи, навіть часу, а до того ж більша книга занадто дорога для нього» [12: 30]. Він же зазначає, що «доцільніше складати короткі брошури по різних питаннях і галузях науки. Одна така сторінка займала б 16 сторінок величини звичайної книги, містила б 3–4 статті...», вони повинні бути написані «легким для читання стилем, в текстах ж по можливості має бути побільше ілюстрацій» [12: 30].

Підсумовуючи аналіз використання товариствами друкованої продукції для інформування населення, зазначимо, що ними було враховано такі її важливі особливості, як різноманіття видів, наочність, здатність впливати на аудиторію за інтересами.

Поряд із поліграфічною формою агітаційних матеріалів використовувалося усне мовлення. Воно мало низку переваг: не вимагало значних капіталовкладень, було більш мобільним і не потребувало особливих технічних засобів. Усне мовлення, використовуване обома організаціями умовно можна поділити на два види: особисте спілкування членів товариств із населенням та радіомовлення.

Усна інформація (промови, лекції, бесіди тощо), яка надходила від членів товариств, була найбільш поширеною формою пропагандистської роботи. Ці заходи проводились як з метою поширення ідеології товариств, так і з загальнопізнавальними цілями (наприклад, про розвиток бджільництва, скотарства, виноградарства тощо). Чимало лекцій та бесід стосувалося історії та культури русинського народу,

мовної чи релігійної належності. Серед них були як заплановані лекційні заходи за певною, визначеною центральним керівництвом товариств тематикою, так і додаткове інформування перед проведенням, наприклад, курсів для неписьмених [12: 29–31; 37: 89, 101, 132, 158, 230]. Для прикладу можна навести рядки з лекції на тему «Общество Духновича и русскія женщины», яка була прочитана у березні 1925 р.: «І деякі наші поети оспівували хвалу російським жінкам; у глибоко чуттєвих віршах звертаються до їх старанності, до їх шляхетної душі, закликають допомагати національній справі та зі смутком дорікають їм за байдужість до їх патріотичного обов'язку» [5: 11].

До найвідоміших інформаційних брошур, які поширювало товариство «Просвіта», вартує віднести цілий цикл лекцій «Іжака» під назвою «Українець чи русскій. Лекції для народу», на сторінках якого здебільшого містились тлумачення походження русинів, їхньої мови та взаємозв'язку з українським народом. Зокрема, у першій частині цього видання, підсумовуючи інформацію про появу русинів в межах Підкарпатської Русі, зазначено: «Оці історичні факти дуже виразно говорять нам, русинам Підкарпаття, про наше походження з українського народу. <...> Коли всі русини за границями звуть себе українцями, то і всі ми маємо прийняти ту назву за свою» [40: 6]. А в післяслові другої частини міститься наступний заклик: «Всі, хто любить наше рідне слово, поширюйте й читайте цю книжку та дайте прочитати й іншим» [40: 87].

Ще одним майданчиком поширення усної інформації були збори. Тут ми маємо, в першу чергу, на увазі не установчі чи щорічні загальні скликання членів товариств, а зібрання з приводу якоїсь події (наприклад, святкування), на які залучалось широке коло громадян. На них виступали провідні діячі товариств, письменники, містяни. З точки зору проведення сучасної інформаційної кампанії тодішні збори, мітинги, відкриття пам'ятників чи урочиста хода мали на меті популяризувати культуру русинського народу, поширити у маси відповідно українофільську чи русофільську ідеологію, згуртувати довкола себе ще більше прибічників, довести протилежному табору свою життєздатність і силу впливу у краю. Для прикладу можна навести урочистості на честь О. Духновича в Ужгороді, до дня народження композитора Б. Сметани, до ювілею приєднання Підкарпатської Русі до Чехословацької Республіки, до 60-річчя Товариства св. Василя Великого або відкриття «Просвітою» Народного дому чи таборування пластунів [12: 61–76; 37: 99, 162].

Іншим способом донесення усної інформації було радіомовлення. Проте, оцінити стан його впливу на окресленій території є досить проблематично. Це зумовлено наступними чинниками: по-перше,

радіомовлення на той час тільки почало з'являтися як засіб поширення відомостей; по-друге, сучасних досліджень, що стосувалися би радіомовлення суто на Підкарпатській Русі, є вкрай мало. Водночас, окремі дані щодо цього питання є, і вони дають нам можливість сформулювати певні спостереження. А саме: д्रो́тове мовлення у Чехословаччині з'явилося у 30-х рр. XX ст. і за сприяння уряду поширило свою діяльність й на території сучасного Закарпаття. Передачі виходили словацькою, чеською, угорською, єврейською мовами. Наприклад, у 1932 р. кількість абонентів в межах Підкарпатської Русі складала близько 4 тис. сімей [39: 28]. Ця цифра є доволі незначною, зважаючи на загальну кількість русинів краю (навіть враховуючи, що для прослуховування передач збиралися у групи).

Перші нерегулярні радіопередачі фольклорно-етнографічного характеру, створені на Закарпатті й трансльовані в ефірі Кошицької радіостанції, починають виходити лише у 1933 р. Вони були спрямовані більше на росіян, тому, ймовірно, просвіт'яни й називали підкарпатський відділ цієї радіостанції «русотяпською філією». Зміни відбулися дещо пізніше, у 1938 р., коли до штату цієї радіостанції ввели посаду україномовного редактора [39: 29].

Вищезазначене дає підстави стверджувати, що при наявності такого прогресивного на той час засобу поширення інформації, як радіомовлення, ані товариство «Просвіта», ані Общество имени А. Духновича не скористалися його перевагами у повній мірі.

Таким чином, товариство «Просвіта» та Общество имени А. Духновича використали більшість із можливих на той час технік створення та передачі інформації. Їх пропагандистська конкуренція, з погляду на ведення сучасних інформаційних кампаній і з врахуванням тогочасних можливостей, була доволі успішно реалізована. Паралельно із рекламою своєї діяльності ці організації сприяли культурно-духовному розвитку мешканців краю та залучили їх до більш активної участі в суспільно-громадському житті.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Аристов Ф.Ф.* Карпато-русские писатели. М.: Типография т-ва Рябушинских, 1916. Т. 1. 350 с.
2. *Безега Т.М.* Особливості економічного розвитку Карпатської України // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. Луганськ: ЛНУ ім. Т. Шевченка, 2013. Ч. I, № 1 (260). С. 81–90.
3. *Борисёнок Е.Ю.* Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период. М.: Алгоритм, 2018. 141 с.

4. Волошин А. Засновання й розвиток товариства «Просвіта» (З реферату виголошеного на Всепросвітянському з'їзді в Ужгороді дня 17. X. 1937) // Календар «Просвіти» на рік 1938. Річник 16. Ужгород: Друкарня ОО Василян, 1928. С. 70–78. URL: <http://litopys.org.ua/volosh/volosh17.htm> (останній перегляд: 15.12.2020).

5. Гаджега Ю. Общество Духновича и русскія женщины: Лекція читання 28 марта 1925 года. Ужгородъ: Издание культурно-просвѣтительнаго общества имени Александра Духновича в Ужгородѣ, 1925. Вып. 11. 15 с.

6. Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси. М., 1995. 95 с.

7. Годьмаш П., Годьмаш С. История республики Подкарпатская Русь. Ужгород: Патент, 2008. URL: <http://karpatorusyn.org/10-stroitelstvo-avtonomnoj-respubliki-podkarpatskaya-rus-istoriya-respubliki-podkarpatskaya-rus> (останній перегляд: 09.06.2019).

8. Данилець Ю.В. Православна церква на Закарпатті у першій половині ХХ ст.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Ужгород, 2007. 20 с.

9. Данилець Ю. Релігійна боротьба між греко-католиками і православними на Підкарпатській Русі в першій половині 1920-х років. 2007. URL: <http://uattera.in.ua/2007/08/22> (останній перегляд: 12.05.2019).

10. Декларація культурних и національних правъ карпаторусскаго народа // Карпатскій свѣтъ. Ужгородѣ, 1931. Годъ IV. № 5–6–7.

11. Дѣятельность Общества им. А. Духновича въ Ужгородѣ въ 1929/1930 году (Приложение къ журналу «Карпатскій свѣтъ» / Под ред. С. Фенцика. Ужгород: Типографія «Школьная помощь», 1929. Вып. 77. 41 с.

12. Дѣятельность Общества им. А. Духновича 1922–1926 / Под ред. С. Фенцика. Ужгород: Школьная помощь, 1926. Вып. 24. 130 с.

13. Дѣятельность Общества им. А. Духновича 1926–1927 // Русскій народный календаръ на високоный год 1928 / Под ред. С. Фенцика. Ужгород: Книгопечатня Юлія Фелдешія, 1927. Вып. 31. 224 с.

14. Дронов М.Ю. Роль греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинов Словакии (1919–1938): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2013. 269 с.

15. Ілюк М. До перепису населення в Словаччині: Пам'ятай свою коліско-ву. 16.05.2011. URL: <https://zakarpattya.net.ua/Blogs/82842-Do-perepysu-naselennia-v-Slovachchyni-Pam%E2%80%99iatai-svoiu-kolyskovu> (останній перегляд: 11.05.2019).

16. Календар Українського народного союзу на 1926 рік. Jersey City: Друкарня «Свободи», 193 с.

17. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск: «Харвест», 1999. 448 с.

18. Куцов К. Павел Федор (1884–1952): штрихи к общественной и культурно-просветительской деятельности // Русин. Кишинев, 2007. № 1 (7). С. 127–133.

19. Ладжун Ю.Ю. Дискусії між «Просвітою» та «Обществом им. А. Духновича» щодо національної приналежності русинів Підкарпатської Русі // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія. Ужгород, 2013. Вип. 1 (30). С. 23–27.

20. *Липовецький С.* Закарпаття – земля, що віднайшла своє ім'я // Україна Incognita. 30.03.2016. URL: <http://incognita.day.kiev.ua/zakarpattya-%E2%80%93-zemlya-shho-vidnajshla-svoye-im%E2%80%99ya.html> (останній перегляд: 11.05.2019).

21. *Ліхтей І.М.* Закарпаття в складі Чехословаччини: особливості суспільно-політичного розвитку (1919–1929): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Ужгород, 1997. 25 с.

22. *Лосик К.* Народ є – національності немає, або Деякі дані про підкарпатських русин // Дзеркало тижня, 2001. № 45. 16–23 листопада. URL: https://dt.ua/SOCIETY/narod_e__natsionalnosti_nemae_abo_deyaki_dani_pro_pidkarpatskih_rusiniv.html (останній перегляд: 10.04.2019).

23. *Магочій П.Р.* Карпатська Русь: міжетнічне співіснування без насилля. 12.02.2013. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/580-pavlo-robert> (останній перегляд: 12.05.2019).

24. Національний склад населення України та його мовні ознаки за даними Всеукраїнського перепису населення 2001 року / За ред. О.Г. Осауленка; відп. за вип. Н.С. Власенко, Л.М. Стельмах. Київ: Державний комітет статистики України, 2003. 245 с.

25. *Панов А.* Роль Т.Г. Масарика у процесі входження Закарпаття до складу Чехословаччини (1918–1919). URL: <http://www.alenpanov.org.ua/ua/article/41/42> (останній перегляд: 10.04.2019).

26. *Панькевич І.* Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей: Ч. 1: Звучання і морфологія. Praha: Nakladu Sboru pro výkum Slovenska a Podkarpatské Rusi. V komisi nakladatelství «Orbis», 1938. 545 с.

27. *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2001. 431 с.

28. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001. 576 с.

29. «Просвіта»: історія та сучасність (1868–1998): Збірник матеріалів та документів. Київ: Веселка, 1998. 485 с.

30. Просто пиар (исторический) – 2009. URL: <https://yadocent.livejournal.com/24502.html> (останній перегляд: 10.04.2019).

31. *Ребрик А.* «Автономна» Підкарпатська Русь. Народження і трагічний кінець Карпатської України. URL: <http://1939.in.ua/memoirs/avtonomna-pidkarpatska-rus-narodzhennja-i-trahichnyj-kinets-karpatskoji-ukrajiny> (останній перегляд: 11.05.2019).

32. *Свобода Д.* Чеська Боснія // Український журнал. Praha, 2008. № 6. С. 12–13.

33. *Свобода Д.* Маразм підкарпатського питання // Український журнал. Praha, 2009. № 4. С. 14–15.

34. Символи русинов Подкарпатской Руси. URL: <https://man-with-dogs.livejournal.com/470359.html> (останній перегляд: 10.03.2020).

35. *Стряпко І.О.* Розвиток організаційної структури товариства «Просвіта» на Закарпатті та східнословачьких землях (1920–1937) // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія. Ужгород: ДВНЗ «УжНУ», 2014. Вип. 1 (32). С. 31–37.

36. Стряпко І.О. Роль української політичної еміграції у розвитку освіти на Закарпатті 1919–1939 рр. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя: ЗНУ, 2014. Вип. XXXIX. С. 130–135.

37. Стряпко І.О. Товариство «Просвіта» в громадсько-політичному та культурному житті Закарпаття (1920–1939). Серія: *Studia Regionalistica*. Ужгород: Інформаційно-видавничий центр ЗППО, 2012. 328 с.

38. Токар М. Громадські організації Закарпаття як прояв громадянського суспільства в міжвоєнній Чехословаччині // Інтернет-видання «Закарпаття онлайн Beta». 18.09.2013. URL: <https://zakarpattya.net.ua/News/114544-Hromadski-orhanizatsii-Zakarpattia-ia-k-proiav-hromadianskoho-suspilstva-v-mizhvoienii-Chekhoslovachchyni> (останній перегляд: 10.04.2019).

39. Толочко (Каралкіна) Н.В. Особливості дрогового мовлення у період Підкарпатської Русі // *Інтернаука*. Київ: Інтернаука, 2018. Т. 1, № 20 (60). С. 27–31.

40. Українець чи російський. Лекції для народу. Мукачів: Накладом Учительської громади в Ужгороді, 1938. Ч. I–II. 88 с.

41. Уставъ русскаго культурнаго-просвѣтительнаго общества имени Александра В. Духновича въ Ужгородѣ. Ужгород: Книгопечатня Юлія Фелдешія, 1927. 21 с.

42. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. М.: Наука, 2005. 253 с.

43. Шевченко К. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М.: Регнум, 2010. 444 с.

44. Шукітка Г.М. Роль релігійних діячів у роботі педагогічних товариств Закарпаття в 1920-х – 30-х роках // Закарпатські Волошинські 17 читання: збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної інтернет-конференції (25–30 бер. 2013 року). Ужгород: Вид. ФОП Брежа А.Е., 2013. С. 59–61. URL: <http://www.zakarpattia.com/?p=1575#more-1575> (останній перегляд: 30.01.2019).

45. Яцина О.Ф. Діяльність товариства «Просвіта» у боротьбі з неписьменністю на Закарпатті (1920–1939 рр.) // Збірник наукових праць. Педагогічні науки. Херсон, 2008. Вип. XXXXVIII. С. 58–62.

REFERENCES

1. Aristov, F.F. (1916) *Karpato-russkie pisateli* [Carpatho-Russian Writers]. Vol. 1. Moscow: Tipografiya t-va Ryabushinskiikh.

2. Bezega, T.M. (2013) Osoblivosti ekonomichnogo rozvitku Karpats'koi Ukraini [Specificity of economic development of Carpathian Ukraine]. *Visnik Lugans'kogo natsional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka*. Vol. I. 1(260). pp. 81–90.

3. Borisenok, E.Yu. (2008) *Nesovetskaya ukrainizatsiya: vlasti Pol'shi, Chekhoslovakii i Rumynii i "ukrainskiy vopros" v mezghvoennyy period* [Non-Soviet Ukrainization: the authorities of Poland, Czechoslovakia and Romania and the "Ukrainian issue" in the interwar period]. Moscow: Algoritm.

4. Voloshin, A. (1928) Zasnovannya y rozvitok tovaristva "Prosvita" (Z referatu vigoreshenogo na Vseprosvityans'komu z'izdi v Uzhgorodi dnya 17. X. 1937)

[Establishment and development of "Prosvita" (From the abstract delivered at the All-Enlightenment Congress in Uzhhorod on October 17, 1937)]. *Kalendar "Prosviti" na rik 1938*. 16. pp. 70–78. [Online] Available from: <http://litopys.org.ua/volosh/volosh17.htm> (Accessed: 15th December 2020).

5. Gadzhega, Yu. (1925) *Obshchestvo Dukhnovicha i russkiya zhenshchiny: Lektsiya chitannya 28 marta 1925 goda* [The Dukhnovich Society and Russian Women: Lecture delivered on March 28, 1925]. Uzhhorod: Publication of The Alexander Dukhnovich Cultural and Educational Society in Uzhhorod.

6. Gerovsky, G. (1995) *Yazyk Podkarpatskoy Rusi* [The language of Subcarpathian Rus]. Moscow: [s.n.].

7. Godmash, P. & Godmash, S. (2008) *Istoriya respubliki Podkarpatskaya Rus'* [History of the Republic of Subcarpathian Rus]. Uzhhorod: Patent. [Online] Available from: <http://karpatorusyn.org/10-stroitelstvo-avtonomnoj-respubliki-podkarpatskaya-rus-istoriya-respubliki-podkarpatskaya-rus/> (Accessed: 9th June 2019).

8. Danilets, Yu.V. (2007) *Pravoslavna tserkva na Zakarpatti u pershiy polovini XX st.* [The Orthodox Church in Transcarpathia in the first half of 20th century]. Abstract of History Cand. Diss. Uzhhorod.

9. Danilets, Yu.V. (2007) *Religiynna borot'ba mizh greko-katolikami i pravoslavnyimi na Pidkarpats'kii Rusi v pershiy polovini 1920-kh rokiv* [Religious struggle between Greek Catholic and Orthodox Christians in Subcarpathian Rus in the first half of the 1920s.]. [Online] Available from: <http://uaterra.in.ua/2007/08/22> (Accessed: 12th May 2019).

10. Anon. (1931) *Deklaratsiya kul'turnikh i natsional'nikh prav karpatorusskogo naroda* [Declaration of cultural and national rights of the Carpatho-Rus people]. *Karpatskiy svet*. 5–6–7.

11. Fentsik, S. (ed.) (1929) *Dnyatel'nost' Obshchestva im. A. Dukhnovicha v Uzhgorodъ v 1929/1930 godu (Prilozhenie k zhurnalu "Karpatskiy svet"* [Activities of The A. Dukhnovich Society in Uzhhorod in 1929/1930 (Appendix to the magazine "Carpathian World"). Vol. 77. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch.

12. Fentsik, S. (ed.) (1926) *Dnyatel'nost' Obshchestva im. A. Dukhnovicha 1922–1926* [Activity of The A. Dukhnovich Society 1922–1926]. Vol. 24. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch.

13. Anon. (1927) *Deyatel'nost' Obshchestva im. A. Dukhnovicha 1926–1927* [Activity of The A. Dukhnovich Society in 1926–1927]. In: Fentsik, S. (ed.) *Russkiy narodnyy kalendar' na visokosnyy god 1928* [Russian folk calendar for the leap 1928 year]. Vol. 31. Uzhhorod: Julia Feldeshia.

14. Dronov, M.Yu. (2013) *Rol' greko-katolicheskoy tserkvi v formirovanii etnonatsional'noy identichnosti rusinov Slovakii (1919–1938)* [The role of Greek-Catholic church in formation of ethnic and national identity of Slovakian Ruthenians (1919–1938)]. History Dr. Diss. Moscow.

15. Ilyuk, M. (2011) *Do perepisu naseleennya v Slovachchini: Pam'yatay svoyu kolyskovu* [Before the population census in Slovakia: Remember your cradle song]. 16th May. [Online] Available from: <https://zakarpattya.net.ua/Blogs/82842-Do-perepysu-naseleennia-v-Slovachchyni-Pam%E2%80%99iatai-svoiu-kolyskovu> (Accessed: 11th May 2019).

16. Anon. (1925) *Kalendar Ukraïns'kogo narodnogo soyuza na 1926 rik* [The calendar of the Ukrainian people union for 1926]. Jersey City: Svoboda.

17. Krysko, V. (1999) *Sekrety psikhologicheskoy voyny (tseli, zadachi, metody, formy, opyt)* [Secrets of psychological war (goals, objectives, methods, forms, experience)]. Minsk: Kharvest.

18. Kutsov, K. (2007) Pavel Fedor (1884–1952): shtrikhi k obshchestvennoy i kul'turno-prosvetitel'skoy deyatel'nosti [Pavel Fedor (1884–1952): Strokes to the social and cultural educational activities]. *Rusin*. 1(7). pp. 127–33.

19. Ladzhun, Yu.Yu. (2013) Diskusii mizh "Prosvitoyu" ta "Obshchestvom im.A. Dukhnovicha" shchodo natsional'noi prinalazhnosti rusiniv Pidkarpats'koi Rusi [Discussions between "Prosvita" and The A. Dukhnovych Society concerning the national identity of Rusins of Subcarpathian Rus]. *Naukoviy visnik Uzhgorod'skogo universitetu*. 1(30). pp. 23–27.

20. Lipovetskiy, S. (2016) Zakarpattya – zemlya, shcho vidnayshla svoje im'ya [Transcarpathia – the land that has found its name]. *Ukraina Incognita*. 30th March. [Online] Available from: <http://incognita.day.kiev.ua/zakarpattya-%E2%80%93-zemlya,-shho-vidnayshla-svoye-im%E2%80%99ya.html> (Accessed: 11th May 2019).

21. Likhtey, I.M. (1997) *Zakarpattya v skladi Chekhoslovachchini: osoblivosti suspil'no-politichnogo rozvitku (1919–1929)* [Transcarpathia as part of Czechoslovakia: specificity of social and political development (1919–1929)]. Abstract of History Cand. Diss. Uzhhorod.

22. Losik, K. (2001) Narod ie – natsional'nosti nemaie, abo deyaki dani pro pidkarpats'kikh rusin [There are people – there is no nationality, or some data about Subcarpathian Rusins]. *Dzerkalo tizhnya*. 45. [Online] Available from: https://dt.ua/SOCIETY/narod_e_natsionalnosti_nemae,_abo_deyaki_dani_pro_pidkarpatskih_rusiniv.html (Accessed: 10th April 2019).

23. Magocsi, P.R. (2013) *Karpats'ka Rus': mizhetnichne spivisnuvannya bez nasillya* [Carpathian Rus: inter-ethnic coexistence without violence]. 12th February. [Online] Available from: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/580-pavlo-robert-> (Accessed: 12th May 2019).

24. Osaulenko, O.G. (ed.) (2003) *Natsional'niy sklad naselennya Ukraïni ta yogo movni oznaki za danimi Vseukraïns'kogo perepisu naselennya 2001 roku* [National composition of the population of Ukraine and its linguistic features according to the All-Ukrainian census of 2001]. Kyiv: The State Statistics Committee of Ukraine.

25. Panov, A. (2011) *Rol' T.G. Masarika u protsesi vkhodzhennya Zakarpattya do skladu Chekhoslovachchini (1918–1919)* [The role of T.G. Masaryk in the process of Transcarpathia's joining Czechoslovakia (1918–1919)]. [Online] Available from: <http://www.alenpanov.org.ua/ua/article/41/42> (Accessed: 10th April 2019).

26. Pankevich, I. (1938) *Ukraïns'ki govori Pidkarpats'koi Rusi i sumezhnikh oblastey* [Ukrainian dialects of Subcarpathian Rus and adjacent regions]. Vol. 1. Prague: Orbis.

27. Pop, I. (2001) *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus]. Uzhhorod: V. Padyak.
28. Pocheptsov, G.G. (2001) *Informatsionnye voyny* [Information Wars]. Moscow: Refl-buk; Kyiv: Vakler.
29. Herman, W. (ed.) (1998) "Prosvita": istoriya ta suchasnist' (1868–1998) ["Prosvita": History and Modernity (1868–1998)]. Kyiv: Veselka.
30. Anon. (2009) *Prosto piar (istoricheskiy) – 2009* [Just PR (historical) – 2009]. [Online] Available from: <https://yadocent.livejournal.com/24502.html> (Accessed: 10th April 2019).
31. Rebrik, A. (2014) "Avtonomna" Pidkarpats'ka Rus'. Narodzhennya i tragichniy kinets' Karpats'koï Ukraini ["Autonomous" Subcarpathian Rus. The birth and tragic end of Carpathian Ukraine]. [Online] Available from: <http://1939.in.ua/memoirs/avtonomna-pidkarpatska-rus-narodzhennja-i-trahichnyj-kinets-karpatskoji-ukrajiny/> (Accessed: 11th May 2019).
32. Svoboda, D. (2008) Ches'ka Bosniya [Czech Bosnia]. *Ukrains'kiy zhurnal*. 6. pp. 12–13.
33. Svoboda, D. (2009) Marazm pidkarpats'kogo pitannya [The insanity of the Subcarpathian Issue]. *Ukrains'kiy zhurnal*. 4. pp. 14–15.
34. Anon. (2008) *Simvoly rusinov Podkarpatskoy Rusi* [Symbols of the Rusins of Subcarpathian Rus]. [Online] Available from: <https://man-with-dogs.livejournal.com/470359.html> (Accessed: 10th March 2020).
35. Stryapko, I.O. (2014a) Rozvitok organizatsiynoï strukturi tovaristva «Prosvita» na Zakarpatti ta skhidnoslovats'kikh zemlyakh (1920–1937) [Development of organizational structure of "Prosvita" in Transcarpathia and East Slavic territories (1920–1937)]. *Naukoviy visnik Uzhgorods'kogo universitetu*. 1(32). pp. 31–37.
36. Stryapko, I.O. (2014b) Rol' ukrains'koï politichnoï emigratsii u rozvitku osviti na Zakarpatti 1919–1939 rr. [The role of Ukrainian political emigration in the development of education in Transcarpathia in 1919–1939]. *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu*. 39. pp. 130–135.
37. Stryapko, I.O. (2012) *Tovaristvo "Prosvita" v gromads'ko-politichnomu ta kul'turnomu zhitti Zakarpattya (1920–1939)* ["Prosvita" Society in public, political, and cultural life of Transcarpathia (1920–1939)]. Uzhhorod: ZIPPO.
38. Tokar, M. (2013) Gromads'ki organizatsii Zakarpattya yak proyav gromadyans'kogo suspil'stva v mizhvoennii Chekhoslovachchini [Non-governmental organizations of Transcarpathia as a manifestation of civil society in interwar Czechoslovakia]. *Zakarpattya onlayn Beta*. 18th September. [Online] Available from: <https://zakarpattya.net.ua/News/114544-Hromadski-orhanizatsii-Zakarpattia-iak-proiav-hromadianskoho-suspilstva-v-mizhvoiennii-Chekhoslovachchini> (Accessed: 10th April 2019).
39. Tolochko (Karalkina), N.V. (2018) Osoblivosti drotovoogo movlennya u period Pidkarpats'koï Rusi [Peculiarities of wire broadcasting in Subcarpathian Ruthenia period]. *Internauka*. 1(20). pp. 27–31.
40. Anon. (1938) *Ukrainets' chi russkiy. Lektsii dlya naroda* [Ukrainian or

Russian. Lectures for the people]. Mukachevo: Nakladom Uchitel's'koï gromadi v Uzhgorod.

41. Anon. (1927) *Ustav russkogo kul'turnogo-prosvetitel'nago obshchestva imeni Aleksandra V. Dukhnovicha v Uzhgorodnъ* [The Charter of Cultural and Enlightenment Society Named after Aleksandr V. Dukhnovych in Uzhhorod]. Uzhhorod: Julia Feldeshia.

42. Maryina, V.V. (ed.) (2005) *Chekhiya i Slovakiya v XX veke: ocherki istorii* [Czechia and Slovakia in the 20th Century: Essays on the History]. Moscow: Nauka.

43. Shevchenko, K. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX vv.* [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Rusins in the 19th – first half of the 20th centuries]. Moscow: Regnum.

44. Shikitka, G.M. (2013) Rol' religiyntikh diyachiv u roboti pedagogichnikh tovaristv Zakarpattya v 1920-kh – 30-kh rokakh [The role of religious figures in the work of pedagogical societies in Transcarpathia in 1920–30]. In: *Zakarpatski Voloshynski chytannia*. Uzhhorod: Breza A.E. [Online] Available from: <http://www.zakarpattia.com/?p=1575#more-1575> (Accessed: 30th January 2019).

45. Yatsina, O.F. (2008) Diyal'nist' tovaristva "Prosvita" u borot'bi z nepis'mennistyu na Zakarpatti (1920–1939 rr.) [Activity of "Prosvita" society in eradication of illiteracy in Transcarpathia (1920-1939)]. *Zbirnik naukovikh prats'* 48. pp. 58–62.

Куцкая Олеся Николаевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры тактики факультета боевого применения войск Национальной академии сухопутных войск им. гетмана П. Сагайдачного (Украина).

Куцька Олеся Миколаївна – доктор історичних наук, доцент, професор кафедри тактики факультету бойового застосування військ Національної академії сухопутних військ ім. гетьмана П. Сагайдачного (Україна).

Olesya M. Kutska – Hetman Petro Sahaidachnyi National Army Academy (Ukraine).

E-mail: kutska_o@yahoo.com.

УДК 94(477.81/82)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/10

Поразка Карпатської України – предтеча Другої світової війни

А.І. Кудряченко

Інститут всесвітньої історії НАН України
Україна, 01030, м. Київ вул. Леонтовича, 5
E-mail: kudani@ukr.net

Авторське резюме

У даній статті проведено аналіз перебігу подій та міжнародного контексту навколо створення і ліквідації Карпатоукраїнської держави під кутом зору визначення ролі та значення провідних політичних акторів на європейському просторі у кінці 1930-х рр. На підставі ґрунтовного опрацювання широкого кола літератури, документів та матеріалів відповідних архівів висвітлюється місце Карпатської України, яка волею долі на короткий період опинилась в епіцентрі геополітичних інтересів тих держав, які своїми діями чи бездіяльністю підживлювали апетити розпалювачів Другої світової війни. Загострення міжнародних відносин та ерозія основних засад Версальсько-Вашингтонської системи посилили зовнішньополітичні суперечності між державами-переможцями і переможеними. Послаблення та подальша дефрагментація Чехословацької Республіки, у складі якої перебувало Закарпаття, значною мірою актуалізувало пошук шляхів для вирішення українського питання, а варіативність шляхів його розв'язання великою мірою залежала від ситуативних рішень політичного керівництва Третього рейху.

Ключові слова: Карпатська Україна, Мюнхенська угода, Віденський арбітраж, українське питання, право націй на самовизначення, Карпатська січ.

Поражение Карпатской Украины – предтеча Второй мировой войны

А.И. Кудряченко

Институт всемирной истории НАН Украины
Украина, 01030, г. Киев ул. Леонтовича, 5
E-mail: kudani@ukr.net

Авторское резюме

Проведён анализ хода событий и международного контекста вокруг провозглашения и ликвидации Карпатоукраинского государства с точки зрения определения роли и значения ведущих акторов на европейском пространстве в конце 1930-х гг. На основании тщательной проработки широкого круга литературы, документов и материалов соответствующих архивов освещается место Карпатской Украины, волея судеб на короткий период оказавшейся в эпицентре геополитических интересов тех государств, которые своими действиями или бездействием питали аппетиты поджигателей Второй мировой войны. Возрождение и укрепление позиций ряда европейских государств того исторического периода характеризовались обострением международных отношений, а эрозия Версальско-Вашингтонской системы усилила внешнеполитические противоречия между государствами-победителями и побеждёнными. Состояние последних укреплялось при наращивании военной силы и уступчивости им странами-победителями во время постепенного удовлетворения территориальных претензий, в т. ч. и за счёт Чехословацкой Республики, в составе которой находилось Закарпатье. Такое положение существенно актуализировало подходы к решению украинского вопроса, а вариативность путей его решения в значительной мере зависела от ситуативных решений политического руководства Третьего рейха.

Ключевые слова: Карпатская Украина, Мюнхенское соглашение, Венский арбитраж, украинский вопрос, право наций на самоопределение, Карпатская Сечь.

Carpatho-Ukraine's defeat as a precursor of WWII

A.I. Kudriachenko

Institute of World History of the National Academy of Sciences of
Ukraine

5 Leontovych Street, Kyiv, 01030, Ukraine

E-mail: kudani@ukr.net

Abstract

The paper analyzes the course of events and the international context of Carpatho-Ukrainian state's rise and defeat in terms of role and impact of the leading European actors at the end of the 1930's. Based on an in-depth study of the wide range of literature, documents and relevant archives, the author highlights the role of Carpatho-Ukraine, which for a short period happened to be at the epicenter of the geopolitical interests of the states whose actions or inaction fueled the warmongers. The revival and strengthening of a number of European countries at that historical period deteriorized international relations. The erosion of the Versailles-Washington bases intensified the contradictions in the foreign policy between the victorious and vanquished states. The defeated countries reinforced their positions, since the victors, who were expanding their military might at the expense of Czechoslovak Republic, including Transcarpathia, were becoming more submissive in accommodating territorial claims. This situation largely updated the approaches to the Ukrainian question. The variability of the ways to solve it largely depended on the situational decisions of the Third Reich political leadership.

Keywords: Carpatho-Ukraine, the Munich Agreement, the First Vienna Award, the Ukrainian question, the right of nations to self-determination.

Висвітлення проблематики, пов'язаної з історією Карпатської України, неодмінно кореспондується з наближенням Другої світової війни. У сучасних умовах набуває все більшої актуальності кожен вимір того вкрай напруженого для Європи і світу історичного періоду. Це пов'язується, зокрема, і з відповідною резолюцією Європарламенту «Про важливість європейської пам'яті для майбутнього Європи» від 19 вересня 2019 р., і з ювілейними датами визначальних подій Другої світової війни та все зростаючою історичною відстанню від них. Все це вимагає ґрунтовного опрацювання широкого кола документів,

літератури та відповідних архівів. Такий підхід є затребуваним і стосовно тематики Карпатської України. Адже об'єктивне вивчення міжнародного контексту постання та поразки Карпатоукраїнської держави здатне пролити світло на роль і значення провідних європейських акторів перебігу подій тих доленосних років. Карпатська Україна волею долі певний час була на вістрі інтересів тих держав, які своїми діями чи бездіяльністю живили апетити розпалювачів війни, а її поразка стала реальною предтечею Другої світової.

Автору статті на сторінках журналу «Русини» доводилося аналізувати місце та роль Карпатської України у планах гітлерівської Німеччини, з'ясовувати як дослідники різних країн і періодів зверталися до вивчення історії цього краю, відзначати широку сучасну історіографію Закарпатського краю [30: 273–275]. Тому в даній праці зроблю лише тезисні зауваги щодо особливостей історіографічного виміру. Досить показово, що і нині ця наявна широка історіографія поповнюється новими монографіями та іншими роботами. Зокрема, у 2020 р. вийшли ґрунтовні праці М. Вегеша і С. Віднянського – корифеїв досліджень Закарпатського краю [10: 2020; 44: 2020]. Далі, якщо раніше в силу різноманітних причин звернення дослідників різних країн до вивчення розвитку цього краю зумовлювали відповідну неоднозначність, а іноді й суперечливість оцінок всього перебігу подій загалом, то на сучасному етапі для низки українських фахівців характерними стали більш ґрунтовні дослідження як історичних витоків, так і державотворчих процесів, що доленосно відбивалися на сходженні Карпатської України [9; 13; 21; 22; 25; 26].

Окремий напрям складають праці, в яких вітчизняні дослідники аналізують міжнародні фактори розвитку краю, роль різних сусідніх та великих держав Європи у передвоєнні роки на події в регіоні та розрахунки тих країн, які прагнули анексувати цю українську територію [1; 6; 16; 18; 27; 29]. У даному контексті вельми важливими є роботи з дослідження воєнного перебігу подій та відчайдушного спротиву бійців Карпатської січі угорським військам, героїчної оборони столичного Хуста та партизанської боротьби, що тривала до 1940 р. [19; 34–36; 42].

Особливе значення у дослідженнях вітчизняних істориків нинішнього періоду посідають не лише з'ясування широкого спектру чинників та динаміки сходження автономії й суверенного статусу Карпатоукраїнської держави, а й висвітлення особливостей і проведення порівняльного аналізу правового становища Закарпаття у складі різних держав [4; 32; 39].

Досить приметним став процес інституалізації вивчення Закарпатського краю та поглиблення досліджень з проблематики Кар-

патоукраїнської держави, які стали важливим напрямом наукової діяльності Ужгородського національного університету та цілої низки закарпатських істориків (М. Болдижар, М. Вегеш, В. Гиря, Р. Офіцинський, М. Рекіта, Ю. Славік, С. Федак, В. Фенич, П. Фенич, В. Худанич та ін.), а також Науково-дослідного інституту карпатознавства, Закарпатського регіонального центру соціально-економічних та гуманітарних досліджень НАН України. Тим самим примножується наявна широка бібліографія з цієї тематики, що розміщується в інтернет-просторі, зокрема і на веб-сайті Українського інституту національної пам'яті (Карпатська Україна), яка включає як окремі видання, статті, автореферати дисертацій, так і електронні книги, матеріали.

Водночас зазначу, що наявна нині багатомірна історіографія не є ще вичерпною. Тож запропонована стаття покликана суттєво доповнити наявні дослідження, подати більш точну картину перебігу тогочасних подій, зокрема за оволодіння землями Чехословацької Республіки, у складі якої й постала Карпатська Україна. Аналіз діяльності та загарбницьких планів провідних політичних акторів на європейському театрі щодо Карпатської України, особливо з залученням низки архівних документів, зокрема з політичного архіву Міністерства закордонних справ ФРН, дозволяє відповідною мірою унаочнити їх роль у підживленні загарбницьких планів у паліїв війни, що стали реальним передвісником Другої світової війни.

Загальновідомо, що Карпатська Україна була яскравим унаочненням державотворчого, громадянського пориву та діяльності згуртованої невеликої частини тогочасного українського населення Чехословацької Республіки. Тобто тієї демократичної держави, яка однією із перших зазнала поразки на міжнародній арені під наростаючим тиском гітлерівської Німеччини та поступовій здачі провідних позицій впливовими державами-акторами демократичного Заходу. Важливими чинниками державницьких устремлінь жителів Закарпатського краю постали як їх зростаюча національна самоідентифікація та усвідомлення себе українцями, так і той політичний розклад сил, який був характерним для рубежу 1938–1939 рр., власне, на тогочасних теренах Чехословаччини та на міжнародній арені [31: 250–254]. Водночас перебіг подій, пов'язаний з автономізацією краю, сходженням і поразкою держави, якою була Карпатська Україна, складався не лише із соціально-економічних чинників, не тільки із прихованих дипломатичного та геополітичного протистояння, але й мав реальні складники воєнного протиборства, що стало передвісником Другої світової війни.

Наприкінці 1930-х рр. Версальсько-Вашингтонська система, яка постала у наслідок Першої світової війни, не витримала натиску

міцніючої гітлерівської Німеччини та її союзників і сателітів. Вся антибільшовицька риторика нацистських лідерів доволі легко, притупляючи пильність багатьох європейських політиків, лягала у площину антирадянської налаштованості очільників провідних держав світу. Тож тогочасний Берлін послуговувався таким становищем задля досягнення своїх тактичних і стратегічних цілей. Саме потурання з боку лідерів великих держав Європи – Великобританії та Франції, сповідування ними антикомуністичних засад спонукали до поступок міцніючому рейху, більше того, підігрівали артикулювання Гітлером і його пропагандистами гасел боротьби, за їх термінологією, з радянським єврейсько-більшовицьким режимом [49: 450].

За цих умов українське питання поступово висувається на одне з чільних місць у міжнародній політиці. У міжвоєнний період роз'єднаність українських земель, їхнє перебування у складі чотирьох держав, що мали різний соціально-політичний устрій, ускладнювали національний розвиток, вони були суттєвим чинником всього перебігу міжнародно-політичного життя Європи. Таке становище висувало українське питання до рівня серйозного фактора у геополітичних стратегіях зацікавлених великих і всіх сусідніх держав. Це стосувалося особливо західноукраїнського регіону, а також тих областей, які перебували у складі Чехословаччини. Адже, як слушно зазначає М. Вегеш, «Закарпаття, яке знаходилося в центрі Європи, незмінно входило у сферу інтересів різних держав» [8: 448]. Іншими словами, т. зв. «українська карта» чи засади її розв'язання неодмінно потрапляли до кола суперечностей і були спроможні відігравати вельми відчутну роль у великих геополітичних та воєнних комбінаціях.

Зазначу, що «українське питання» мало дві складові своїх вимірів: вузьке розуміння – у сенсі питання місця і ролі зростаючого українського чинника у внутрішньополітичному житті держав, до складу яких входили українські землі, у широкому сенсі це проблема умов і шляхів возз'єднання українських земель у створюваній власній українській державі. Адже спроби українців, нашого багатомільйонного народу, створити власну державу за наслідками європейського переоблаштування після Першої світової війни зазнали невдачі.

Стосовно українського питання у кінці 1930-х рр. чітко визначилися три групи країн, які діяли найактивніше у його вирішенні. До першої групи слід віднести СРСР, Польщу, Румунію, Чехословаччину, тобто країни, до складу яких входили українські землі та відповідна частина населення. Головною метою цього кола країн було втримати вже підвладні землі та приєднати нові. До другої групи держав входили Великобританія, Франція і частково США – держави-творці Версальсько-Вашингтонської системи міжнародних відносин. Останні

своїм втручанням у вирішення українського питання або, навпаки, дипломатичним нейтралітетом прагнули задовольнити свої геополітичні інтереси. До третьої групи слід віднести нацистську Німеччину, яка, борючись за «життєвий простір», відверто претендувала на українські землі і Угорщину, яка, будучи невдоволеною умовами Тріанонського мирного договору 1920 р., активно домагалася повернення їй Закарпатської України. Драматизм становища, у якому перебував багатомільйонний український народ, полягав у тому, що самостійно він реально не міг вирішити українського питання. На той час все залежало від мінливого балансу інтересів різних, насамперед, великих держав і від співвідношення сил, які могли ці інтереси захистити.

Щодо Наддніпрянської України, то її становище у складі Радянського Союзу було вельми неоднозначним. Як відомо, певні спроби українських партійних і державних керівників відстояти політичний і економічний суверенітет у ході конституційного оформлення СРСР зазнали фіаско. Наслідки цього, як і наступні утиски, голодомор та репресії навіть за економічного зростання обернулися величезними втратами. Декларована варіативність на різних етапах розвитку міжнаціональних відносин з часом наростаючого централізму і авторитаризму прислужилася зміцненню контролю Москви над найважливішими царинами життя українського суспільства [18: 348].

Слід наголосити, що починаючи із 1935 р. на західних теренах, зокрема у Чехословацькій Республіці, відчутно посилювалися процеси розвитку української самосвідомості: розвивалися українські соціокультурні товариства, створювалися кооперативні установи та все більш широкого розмаху набували акції, що мали на меті ствердити українську мову та освіту. Також у цей час на регіон почала поширювати свій зростаючий вплив Організація українських націоналістів [53: 37]. Підтвердженням зростання національної ідентичності та самосвідомості стала і вимога Русинсько-української народної ради Ужгорода, столиці Карпатської України, від 29 травня 1938 р. до офіційної Праги щодо впровадження статусу автономії. Дана вимога спиралася на гарантії Сен-Жерменського договору та Конституції Чехословацької Республіки. Цим вимогам і відповідним заходам додавала снаги зростаюча підтримка з боку українства інших держав.

Слід принагідно відзначити, що після мітингу 4 вересня 1938 р. у Нью-Йорку за участі 5000 українських представників США, Канади і країн Латинської Америки було створено відповідний комітет з підтримки самовизначення Закарпатського краю. А 24 і 25 вересня у м. Львові пройшли відповідні багатотисячні мітинги і демонстрації, в яких брали участь студенти, робітнича молодь та різні верстви старшого покоління. Демонстранти пройшли вулицями міста від приміщення

консульства Угорщини до будівлі консульства Чехословацької Республіки. Перед угорським консульством виступаючі наголошували, що Карпатська Україна не є об'єктом для торгу, що вона має право на самовизначення. Мітингувальники біля консульства ЧСР закликали Прагу унеможливити будь-які утиски карпатоукраїнців. Всі ці події відслідковували німецькі дипломати, вони вказували на змістовні складові проведених заходів [54: 43, 78]. Звичайно, що політичні підходи української частини громадян Чехословаччини набували звучання одночасно з висловлюваннями подібних вимог судетськими німцями та словаками.

Підкреслю, що вимоги етнічних німців схвалював та наполегливо підтримував офіційний Берлін, а українцям такої підтримки бракувало. Відтак 9 вересня 1938 р. для ведення переговорів про статус автономії у чехословацькій державі до Праги прибула і українська делегація. Вона складалася із десяти представників Української Центральної ради. Проте актуалізація та загострення проблем судетських німців, нерішучість західних держав призвели до згубної поступливості та уразливих Мюнхенських угод. Тож процеси суверенізації у Чехословацькій Республіці залежали від міжнародних чинників та вимушених кроків офіційної Праги у тих складних умовах [9: 63].

Аналізуючи цю лінію на українізацію Закарпаття, слід підкреслити наступне. Сходинами до все вищого рівня самоідентифікації та суверенізації українського населення тоді стали динаміка процесів автономізації, підготовка, проведення і результати виборів 12 лютого 1939 р. до сойму (парламенту) краю, кроки з проголошення і конституційного оформлення суверенітету і державного статусу Карпатської України, а також послідовна й звитяжна боротьба її за існування, збройний захист від загарбницького наступу Угорщини підтриманої Польщею.

Долю Чехословацької Республіки вирішувала міжнародна конференція 29–30 вересня 1938 р. у Мюнхені. Гітлер, спровокувавши напруження на німецько-чехословацькому кордоні, домігся не лише скликання цієї міжнародної конференції в Мюнхені за участю керівників урядів Великої Британії, Франції, Німеччини та Італії, але й задоволення ультимативних німецьких вимог щодо ЧСР. До Третього рейху, зокрема, було приєднано високорозвинену в промисловому відношенні Судетську область, де проживало понад 3 млн німців [12: 185]. Показово, що представники Праги за стіл переговорів не були допущені. Безапеляційно прийнявши німецькі претензії, учасники конференції без будь-якого спротиву поступилися непомірним зазіханням гітлерівської Німеччини. Прийнята угода стала втіленням у життя рішення Гітлера «стерти Чехословаччину з карти», про що він гучно заявляв у 1937 р.

на надзвичайній нараді вищих керівників Третього рейху та затвердив у відповідній директиві від 30 травня 1938 р. підготовку воєнної операції проти цієї держави за кодовою назвою «Грюн».

На її виконання 1 жовтня 1938 р. вермахт перейшов чеський кордон і за лічені дні окупував Судетську область. Водночас вже з того ж дня державним комісаром територій, які відійшли до гітлерівського рейху, був призначений К.Генлейн – лідер партії судетських німців, яка фактично була «п'ятою колоною» та прагнула не лише до самовизначення німців, але й до приєднання краю до Німеччини. З 1 травня 1939 р. і до поразки гітлерівської Німеччини у травні 1945 р. він був гауляйтером та рейхсштатгальтером цієї області та очолював цивільну адміністрацію Чехії і Моравії [49: 497].

Слід зазначити, що у ході конференції 29 вересня 1938 р. були прийняті Доповнення до угоди, підписаної в Мюнхені між Німеччиною, Великобританією, Францією і Італією, в яких наголошувалася актуальність врегулювання питання щодо польської і угорської меншин у Чехословаччині. При цьому вказувалося, що у випадку нерозв'язання цієї проблеми вона може стати предметом подальшого обговорення наступної наради голів урядів чотирьох держав, які присутні на конференції у Мюнхені.

Досить показовими стали наступні агресивні кроки офіційних Варшави та Будапешта. Так, 1 жовтня уряд ЧСР був змушений розглянути ноту Варшави від 30 вересня 1938 р., яка в ультимативній формі вимагала вирішення питання польської національної меншини. Зваживши згадувані польські домагання, чехословацький уряд вимушено прийняв ці вимоги й Польща анексувала Заолжя (Тешинську Сілезію). Свою долю отримало і Королівство Угорщина, приєднавши до себе південні та східні регіони Словаччини, які на 80 % були заселені етнічними угорцями. Тим самим, Прага вимушено змирилася з відвертими актами анексії з огляду на своє важке міжнародне становище у постмюнхенській Європі. Тобто Польща і Угорщина слідом за нацистською Німеччиною взяли участь у поділі Чехословаччини.

Хоч у Мюнхені і не розглядали питання про Закарпаття, але прийняті там рішення негативно вплинули на долю краю. Більше того, ті рішення засвідчили першу відчутну перемогу угорської дипломатії у боротьбі за ревізію кордонів, що безпосередньо стосувалося і долі Закарпаття, де існувала значна угорська громада. Тож 1 жовтня 1938 р. регент Угорщини М. Горті писав А. Гітлеру про відчуття щирого задоволення з приводу того, що в Мюнхені «укладено мирну угоду з питань, які мають вирішальне значення, і що законні вимоги Угорщини в принципі будуть визнанні обґрунтованими». Звичайно, цьому передували заходи, проведені угорською дипломатією напе-

редодні. Керівник канцелярії Міністерства закордонних справ Угорщини І. Чакі під час телефонної розмови 15 вересня 1938 р. давав інструкції угорському послу в Німеччині Д. Стояї: «Якщо при ліквідації Чехословацької справи буде допущена дискримінація на шкоду Угорщині, то угорський уряд буде готовий на все, і в цьому випадку він розраховує на підтримку Німецької імперії». А за кілька тижнів до цього Д. Стояї у листі до міністра закордонних справ Угорщини К. Кані передав пропозиції Г. Герінга. Згідно з ними, Угорщина повинна була «офіційно вимагати права самовизначення для угорської меншини в Чехословаччині, звернутися до чеського уряду і відповідних інших урядів із зверненням, подібним до того, яке зробив Генлейн, провокувати збройні сутички, страйки, відмови від явки на призовні пункти, бо тільки серйозні інциденти можуть привернути увагу західних держав до угорських вимог, зробити все, щоб зарубіжна преса більше займалась угорським питанням» [11: 101–102, 108].

Натомість українські політичні еміграційні угруповання у Німеччині, як й із країн Американського континенту, в силу своїх можливостей прагнули вплинути на урядові кола щодо підтримки автономії Карпатського краю. Унаочненням цьому може слугувати відповідний меморандум Павла Скоропадського, направлений ним особисто до МЗС рейху на початку жовтня 1938 р. У ньому колишній гетьман української держави, відкидаючи зазіхання Угорщини і Польщі на ці українські землі, наголошував, що українці мають стати третьою складовою федеративної держави – разом із чехами та словаками. А вільний розвиток Карпатської України, на його думку, буде поєднаний у майбутньому з Києвом, з Україною [55: 8–13].

Пригнічений відкритою агресією Німеччини, а також вимогами Угорщини і Польщі, уряд Праги спробував врятувати єдність республіки і пішов на поступки у питанні словацької та української автономії. По-перше, виконуючи рішення Мюнхенської конференції, МЗС Чехословаччини 1 жовтня 1938 р. запропонувало Будапешту створити змішану чехословацько-угорську комісію експертів для розгляду проблеми угорської меншини в ЧСР. По-друге, офіційна Прага взяла курс на створення федерації із чехів, словаків та українців. Проте ситуація ускладнилася, оскільки 3 жовтня 1938 р. Угорщина подала ультимативні вимоги до уряду ЧСР, які останній мав прийняти, а 4 жовтня Будапешт запропонував Німеччині приєднати до Угорщини Словаччину і Закарпаття [51]. Одночасно з цим А. Бродію – лідеру автономістського руху в Закарпатті (він таємно співпрацював з Угорщиною), 6 жовтня 1938 р. було доведено чітку вимогу «ні в якому разі не піддаватися обіцянкам чехів», а твердо стояти на «позиції самовизначення з плебісцитом».

Проголосивши 10 жовтня федерацією трьох народів – чехів, словаків і українців, урядовий кабінет у Празі наступного дня надав автономію і визнав автономний уряд Карпатської України. Саме таку назву мав віднині Закарпатський край. Дане рішення було підтверджене парламентом Чехословаччини 22 листопада 1938 р. Відтак, користуючись поступливістю празького уряду, Карпатська Україна отримує широку автономію, перебуваючи у федерації з Чехією та Словаччиною. Таким чином, постала реальна можливість розбудовувати українську державу на цих теренах.

Перший автономний уряд, який очолював А. Бродій, провів протягом 15–23 жовтня лише три засідання. Його кабінет розглянув й затвердив основні органи управління та заходи щодо встановлення кордону зі Словаччиною, співробітництва з Німеччиною, питання надання амністії тощо. На третьому засіданні розглядалася гостра внутрішньополітична ситуація та обговорювалося питання про раціональну відповідь на угорські вимоги щодо південних територій краю.

Але набута Карпатською Україною автономія дуже непокоїла тогочасних очільників сусідніх Угорщини та Польщі. Зокрема, у Варшаві побоювались відповідного впливу на українське населення своєї країни, яке вже і так було виразно налаштоване по-незалежницьки. Посол Польщі в Німеччині 22 жовтня 1938 р. повідомив міністра закордонних справ країни перебування: Польща вважає, що Карпатська Україна повинна відійти до Угорщини [52]. Тим самим Варшава висловлювала офіційну позицію Польщі щодо встановлення спільного кордону з Угорщиною. Проте Третій рейх на той час не йшов на задоволення цих прагнень Угорщини і Польщі.

Буквально через два дні у Берліні спеціальна делегація Карпатської України 24 жовтня 1938 р. передала німецькому уряду меморандум, у якому наголошувалося, що Карпатська Україна – це лише частина всіх українських земель і її населення усвідомлює ті обов'язки, які воно має «стосовно всієї української нації». Автономна Карпатська Україна, зазначалося у меморандумі далі, щоб не стати жертвою агресії, «перебуває під чеською охороною, чекаючи об'єднання з Україною». Меморандум пропонував перетворити Карпатську Україну в незалежну державу під покровительством чотирьох великих держав, що підписали угоду в Мюнхені. Однак дана пропозиція не знайшла підтримки, як також і заходи українських громад у європейських державах та за океаном [56: 215–216].

Вказуючи на право націй на самовизначення, але не визнаючи домагання спільного польсько-угорського кордону, Німеччина й Італія вирішили частково задовольнити вимоги Угорщини. Проблеми територіального облаштування та угорської громади у

Чехословаччині покликані були розв'язати переговори урядових делегацій обох держав на конференції в Комарно, яка проходила 9–13 жовтня 1938 р. Проте угорська делегація, маючи підтримку нацистської Німеччини, висунула важкі для Чехословаччини умови: негайно повернути землі, заселені угорцями, провести плебісцит на територіях із змішаним населенням, надати право на самовизначення всім іншим народам. Однак ці переговори не принесли позитивних результатів: Угорщина, звинувативши Чехословаччину в небажанні йти на поступки, звернулася до Італії та Німеччини, щоб ці країни виступили арбітрами.

Досить показово, що Великобританія і Франція, які були державами-підписантами угоди в Мюнхені, заявили про свою незацікавленість зазначеною проблемою. Тож засідання арбітражної німецько-італійської комісії відбулося 2 листопада 1938 р. у м. Відень. За її рішенням було визначено новий угорсько-чехословацький кордон: до Угорського королівства відійшли південні рівнинні райони Словаччини та Підкарпатської Русі. За офіційними даними, які наводить М. Вегеш, територія Чехії зменшилася на 33%, Моравії – на 36 %, Словаччини – на 21 %, а територіальні втрати Карпатського краю становили 12 % [8: 452].

Згідно узагальнюючих даних, тоді Чехословацька Республіка змушена була уступити гітлерівській Німеччині 28 200 км²; Польщі – біля тисячі км²; Угорщині – 12 000 км². Відтак після цих «обрізень» площа ЧСР становила лише близько 100 000 км². До Угорщини відійшло 180 тис. населення, з яких понад 33 тис. були українцями, більше 16 тис. – чехами і словаками та 82 тис. – угорцями. Віденський арбітраж визначав долю п'яти закарпатських округів – Ужгородського, Мукачівського, Берегівського, Севлюшського та Іршавського. Від Карпатської України до Угорщини відійшли три найбільших міста: столиця Ужгород, Мукачево та Берегове. Українці мусили перенести столицю до м. Хуст, і це, своєю чергою, перешкодило утворенню спільного кордону між Угорщиною і Польщею.

Віденський арбітраж завдав відчутного удару по Чехословаччині та Карпатській Україні, хоча Угорщина так і не добилася рішення про повну окупацію краю, а Польща не домоглася встановлення з нею спільного кордону. Це викликало у політичних лідерів цих країн стриманість стосовно Берліна. Відтак арбітражне рішення уможливило створення нового угорсько-чехословацького кордону. Що стосується Чехословаччини, то її очільники закликали чехів, словаків і українців «рука в руку співпрацювати на відбудові держави». Змушений був погодитися з рішенням арбітражної комісії і другий автономний український уряд на чолі з А. Волошином – лідером української

«партії» в краї. Про це йшлося у відповідному маніфесті, прийнятому Українською Центральною народною радою 17 листопада 1938 р.

Віденський арбітраж свідчив не лише про поглиблення політичної кризи в Чехословаччині, яка фактично опинилася перед державною катастрофою, але і про загарбницьку діяльність Угорщини та Польщі. Ставало очевидним, що й подальший розвиток політичних подій у Європі залежав від нацистської Німеччини, яка підтримувала ревізію несправедливих (на думку останньої) післявоєнних кордонів. Зазначу, що Третій рейх мав свої плани, віддаючи на відкуп Угорщині спочатку лише частину земель Карпатської України, тим самим спонукаючи Будапешт до більш тісної співпраці з Берліном. Водночас, зберігши Карпатську Україну, гітлерівське керівництво мало ще значні можливості тиску не лише на Угорщину і Польщу, а й СРСР, за рахунок чийх підвладних українських територій ще могла бути, принаймні гіпотетично, створена «Велика Україна» [30: 285]. Це розуміли керівники європейських держав і, відповідно, автономний уряд Карпатської України. Уже з перших днів свого прем'єрства А.Волошин почав орієнтуватися на Німеччину як велику державу, на прихильність якої можна було розраховувати.

Уряд фашистської Німеччини, своєю чергою, підігрівав сподівання кабінету Волошина. Останній мав серйозні наміри стосовно підтримки з боку Третього рейху, прагнув навіть певними поступками використати на свою користь зростаючий міжнародний вплив Німеччини. У цей час небезпідставно зростають надії на підтримку Берліна, зокрема у Хусті засновується українсько-німецьке товариство, головою якого стає Ф. Ревай та посилюються економічні зв'язки з Третім рейхом [57: 32–33]. Вже 7 грудня 1938 р. була підписана німецько-карпатськоукраїнська угода. Згідно з нею уряд А.Волошина зобов'язувався поставляти до рейху деревину, молочні продукти, шкіру, хутра, вовну та вина. Водночас підписується й угода з німецьким «Товариством з експлуатації корисних копалин», відповідно до неї уряд Карпатської України, по суті передавав гітлерівській Німеччині права на розвідування й експлуатацію надр Закарпаття. За такого перебігу подій Європа і світ вбачали серйозність намірів нацистської Німеччини створити «Велику Україну» [31: 249].

Проте наприкінці 1938 – на початку 1939 р. гітлерівська Німеччина, прагнучи до втілення власної стратегічної мети дещо змінила свої тактичні кроки з тим, щоб ввести в оману політиків і дипломатів багатьох держав. Так, за розпорядженням фюрера рейх все більше дистанціювався від Карпатської України, про що повідомив керівник політичного відділу МЗС Німеччини Е.Верман німецьке дипломатичне представництво у Празі. Зокрема, у листі від 19 листопада 1938 р. він

також інформував, що німецька преса отримала розпорядження не повідомляти про інциденти в Карпатській Україні, та що питання про відкриття генконсульства у Хусті відтермінується [58: 134].

ЛІТЕРАТУРА

1. *Богів О., Задорожний В.* Карпатська Україна (Підкарпатська Русь) у міжнародних відносинах (травень 1938 – березень 1939). Ужгород, 1999. 80 с.
2. *Болдижар М.* Закарпаття між двома світовими війнами: Матеріали до історії суспільно-політичних відносин: у 2 ч. Ужгород, 1993. Ч. 1. 159 с.
3. *Болдижар М.* Закарпаття між двома світовими війнами: Матеріали до історії суспільно-політичних відносин: у 2 ч. Ужгород, 1996. Ч. 2. 96 с.
4. *Болдижар М., Мосні П.* Державно-правовий статус Закарпаття (Підкарпатської Русі) в складі Чехословаччини. Ужгород, 2002. 238 с.
5. *Вегеш М.М.* Карпатська Україна в 1938–1939 рр.: соціально-економічні і політичні аспекти: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Ужгород: Ужгород. держ. ун-т, 1994. 20 с.
6. *Вегеш М.М.* Закарпаття в контексті центральноєвропейської кризи напередодні Другої світової війни: автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 1998. 30 с.
7. Вони боронили Карпатську Україну: Нариси історії національно-визвольної боротьби закарпатських українців / М.М. Вегеш, М.В. Делеган, О.Д. Довганич та ін; відп. ред. М.М. Вегеш. Ужгород: Карпати, 2002. 709 с.
8. *Вегеш М. М.* Закарпаття в центральноєвропейській політичній кризі напередодні Другої світової війни // Україна в історії Європи ХІХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси / За ред. С.В. Віднянського. Київ: Інститут історії України, 2020. С. 448–486.
9. *Вегеш М., Віднянський С.* Країни Центрально-Східної Європи та українське питання (1918–1939 роки). Київ; Ужгород: Національна академія наук України; Інститут історії України, Ужгородський державний університет, 1998. 257 с.
10. *Вегеш М.М., Віднянський С.В.* Августин Волошин – «батько карпато-українського народу». Київ: Парлам. вид-во, 2020. 472 с.
11. Венгрия и Вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны / Пер. с венг. Б.Я. Гейгера и Н.Н. Сикачева; предисл. Г.А. Деборина. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 368 с.
12. *Віднянський С.* Закарпаття – Підкарпатська Русь: від здобуття автономії до проголошення незалежної держави (до 70-річчя Карпатської України) // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика: зб. статей. Київ, 2009. Вип. 15, ч. 1. С. 184–207.
13. *Віднянський С.* Закарпаття: від «землі без імені» до власної державності – Карпатської України // Україна-Європа-Світ: міжнародний збірник наукових праць. Серія: Історія, міжнародні відносини. 2014. Вип. 13. С. 111–126.
14. *Гай-Нижник П.* Карпатська Україна (Підкарпатська Русь) 1938–1939 рр. як одна із «розмінних монет» Мюнхенського договору // Гілея. Історичні науки. 2018. Вип. 139 (№ 12), ч. 1. С. 48–56.

15. *Гранчак І., Гапоненко І.* Закарпаття в міжнародних відносинах напередодні та в період Мюнхена // Нарис історії Закарпаття. Ужгород, 1995. Т. 2: 1918–1945. С. 264–273.

16. Документи внешней политики СССР. 1939. Т. XXII: в 2 кн. Кн. 1: январь – август / Под ред. В.Г.Комплектова. М.: Междунар. отношения, 1992. 712 с.

17. *Дробот І.* Україна в геополітичних планах західноєвропейських держав на передодні Другої світової війни // Україна дипломатична 2004. Київ, 2005. Вип. 5. С. 347–362.

18. *Житарюк М.* Четвертована, але жива: Закордонна преса про політичні процеси в Україні напередодні Другої світової війни. Львів, 1997. 124 с.

19. *Забродський М.П.* Вітчизняна та зарубіжна історіографія про етнічну ідентичність русинів карпатського регіону у XIX – на початку XX ст. // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка. Історичні науки. Кам'янець-Подільський, 2012. Т. 22. С. 146–154.

20. Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура / Під ред. М. Вегеша та ін. Ужгород: Ліра, 2010. 720 с.

21. Історія Центрально-Східної Європи / За ред. Л. Зашкільняка. Львів: Львівський національний університет ім. І. Франка, 2001. 660 с.

22. *Камінський Є., Трощинський В.* Українське питання в англо-американських архівних документах (1938–1951 pp.) // Всесвіт. Київ, 1993. № 11/12. С. 147–151.

23. Карпатська Україна. Бібліографія. Сайт Українського інституту національної пам'яті. URL: <http://www.memory.gov.ua/publication/bibliografiya-1> (останній перегляд: 17.08.2020).

24. Карпатська Україна. Документи і матеріали. Хроніка подій. Персоналії: у двох томах / Упорядники: О.Д. Довганич, О.М. Корсун, О.М. Пагіря. Ужгород: ВАТ «Видавництво “Закарпаття”», 2009. Т. 1. 755 с.

25. Карпатська Україна. Хроніка подій. Персоналії: у двох томах / Упорядник С.Д. Федака. Ужгород: ПРАТ «Видавництво “Закарпаття”», 2010. Т. 2. 774 с.

26. *Коваль В.* Шлях до війни: Партнерство двох диктаторів (1939–1941) // Політична історія України XX ст.: у 6 т. Т. 4: Україна у Другій світовій війні, 1939–1945. Київ: Генеза, 2003. С. 15–62.

27. *Косик В.* Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993. 684 с.

28. *Кудряченко А.* Карпатська Україна в геополітичній грі держав континенту // Україна в Європі: контекст міжнародних відносин. Київ, 2011. С. 299–314.

29. *Кудряченко А.* Карпатська Україна у планах гітлерівської Німеччини // Русин. 2019. № 57. С. 271–293. DOI: 10.17223/18572685/57/15

30. *Кудряченко А.І., Калінічева Г.І., Костиця А.А.* Політична історія України XX століття. Київ, 2006. 696 с.

31. *Лемак В.В.* Закарпаття у державно-правовій системі Чехословацької Республіки (1919–1939 pp.): автореф. дис.... канд. юрид. наук. Київ, 1996. 22 с.

32. *Мищак І.* Закарпаття напередодні Другої світової війни у працях сучасних українських істориків // Історіографічні дослідження в Україні: зб. наук. пр. Київ, 2008. Вип. 19. С. 410–421.

33. *Офіцинський Р.* «З Карпатської України для нас почалася Друга світова». URL: 2013: http://www.istpravda.com.ua/articles/2013/03/15/117613/view_print (останній перегляд: 17.08.2019).

34. *Офіцинський Р.* Окупація та анексія Карпатської України. 2014. URL: <http://1939.in.ua/statti/roman-ofitsinskij-okupatsiya-ta-aneksi> (останній перегляд: 21.08.2019).

35. *Пагіря О.* Карпатська Січ: військове формування Карпатської України. Київ: Темпора, 2010. 152 с.

36. *Пагіря О.* Опір у Карпатах. Як закарпатці боронилися від угорської агресії в 1939 році. 2017. URL: <https://www.istpravda.com.ua/articles/2017/03/15/149620> (останній перегляд: 14.08.2019).

37. *Рассекреченные документы Второй мировой войны* // «Завтра может быть уже поздно...». Вестник МГИМО-университета. Спецвыпуск / Отв. ред. А.Л. Чечевишников. М., 2009. С. 405–598.

38. *Ринажевський Б.* Правове становище в складі іноземних держав та становлення національної державності в Закарпатті (1918–1939). Львів: Видавництво ЛРІДУ УАДУ, 2002. 198 с.

39. *Сардачук П.Д., Швагуляк М.М.* Насувалась воєнна гроза. Ужгород, 1984. 208 с.

40. *Сталин И.* Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). М., 1945. С. 13–14 (извлечение из доклада к вопросу о Карпатской Украине). URL: <https://1939.in.ua/chronicle/vytjah-iz-dopovidij-stalina-na-xviii-zjizdivkr-b-pro-karpatsku-ukrajinu> (останній перегляд: 17.08.2020).

41. *Стерчо П.* Карпато-Українська держава: До історії визвольної боротьби карпатських українців у 1919–1939 роках. Львів, 1994. 288 с.

42. *Тернистий шлях до України: зб. документів і архівних матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946 рр.»* / Упоряд. О.Д. Довганич та О.М. Корсун. Ужгород: Закарпаття, 2007. 749 с.

43. *Україна в історії Європи XIX – початку XXI ст.: історичні нариси* / За ред. С.В. Віднянського. НАН України. Інститут історії України. Київ: Інститут історії України, 2020. 814 с.

44. *Україна у Другій світовій війні у документах: зб. нім. арх. матеріалів: у 4 т. / упоряд. В. Косик.* Київ, 1997. Т. 1. 382 с.

45. *Федак С.* Героїка, трагедія і уроки Карпатської України. 2014. URL: <http://7dniv.info/publications/40562-gerojika-tragediya-i-urokikarpatskoji-ukrajini.html> (останній перегляд: 14.07.2020).

46. *Фляйшхауер И.* Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939 / Пер. с нем.; вступ. сл. В.М. Фалина; предисл. Л.А. Безмиренного. М.: Прогресс, 1991. 481 с.

47. *Химинець Ю.* Тернистий шлях до України. Ужгород: Граджа, 1996. 397 с.

48. *Ширер В.* Злет і падіння Третього рейху. Історія нацистської Німеччини: у 2-х т. 2-ге видання / Пер. з англ. К. Діса. К.: Наш формат, 2018. Т. 1. 704 с.

49. «Look» / of USA // The Next European War Wille Start In The Ukraine. 14.03.1939. <http://argumentua.com/stati/sleduyushchaya-evropeiskaya-voina-nachnetsya-v-ukraine-zhurnal-look-1939-god-karta> (останній перегляд: 17.09.2020).

50. Akten zur deutschen auswärtigen Politik (weiter – ADAP). T. IV. Doc. 29.

51. ADAP T. IV. Doc. 80.
52. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Deutschlands (weiter – PAAAD). Bestand R – 104430. Pol. IV. S. 37.
53. PAAAD. Bestand R – 104430. Pol. IV. S. 43, 78.
54. PAAAD. Bestand R – 104430. Pol. IV. Denkschrift über Karpato-Ukraine. S. 8–13.
55. PAAAD. Bestand R – 357. Pol. IV. S. 215, 216.
56. PAAAD. Bestand R – 103408. Pol. IV. S. 32–33.
57. PAAAD. Bestand R – 357. Pol. IV. S. 134.
58. PAAAD. Bestand R – 103408. Pol. IV. S. 27.
59. PAAAD. Bestand R – 103422. Pol. IV. S. 5.
60. PAAAD. Bestand R – 103408. Pol. IV. S. 39–53.
61. PAAAD. Bestand R – 104430. Pol. IV. Telegramm aus Praha 59 83 102/99 1850 Herrn Adolf Hitler Führer und Kanzler Aufgenommen Amt Berlin Ausgf. 14.9.2024 Haupttelegraphenam. t.
62. Weltgeschichte in der Gegenwart in Dokumenten. München, 1953. Vol. III. 379 s.
63. Wuermeling H.L. August 39. 11. Tage zwischen Frieden und Krieg. 21 August – 1 September 1939. Ullstein. 1989. 2 Auflage. S. 192–198.

REFERENCES

1. Bohiv, O. & Zadorozhnyy, V. (1999) *Karpats'ka Ukraïna (Pidkarpats'ka Rus') u mizhnarodnikh vidnosinakh (traven' 1938 – berezen' 1939)* [Carpathian Ukraine (Subcarpathian Russia) in international relations (May 1938 – March 1939)]. Uzhhorod: Patent.
2. Boldizhar, M. (1993) *Zakarpattya mizh dvoma svitovymi viynamy: Materialy do istoriyi suspil'no-politychnykh vidnosyn* [Transcarpathia between the two world wars: Materials on the history of socio-political relations]. Vol. 1. Uzhhorod: [s.n.].
3. Boldizhar, M. (1996) *Zakarpattya mizh dvoma svitovymi viynamy: Materialy do istoriyi suspil'no-politychnykh vidnosyn* [Transcarpathia between the two world wars: Materials on the history of socio-political relations]. Vol. 2. Uzhhorod: [s.n.].
4. Boldizhar, M. & Mosni, P. (2002) *Derzhavno-pravoviy status Zakarpattya (Pidkarpats'koï Rusi) v skladi Chekhoslovachchini* [State and legal status of Transcarpathia (Subcarpathian Russia) as part of Czechoslovakia]. Uzhhorod: Uzhhorod National University.
5. Vegesh, M.M. (1994) *Karpats'ka Ukraïna v 1938–1939 rr.: sotsial'no-ekonomichni i politichni aspekti* [Carpathian Ukraine in 1938–1939: socio-economic and political aspects]. Abstract of History Cand. Diss. Uzhhorod.
6. Vegesh, M.M. (1998) *Zakarpattya v konteksti tsentral'noevropeys'koï krizi naperedodni Drugoi svitovoi viyni* [Transcarpathia in the context of the Central European crisis on the eve of the Second World War]. Abstract of History Dr. Diss. Kyiv.
7. Vegesh, M.M., Delegan, M.V., Dovganich, O.D. et al. (ed.) (2002) *Voni boronili Karpats'ku Ukraïnu: Narisi istorii natsional'no-vizvol'noi borot'bi zakarpats'kikh ukraïntsiiv* [They defended Carpathian Ukraine: Essays on the history of the national liberation struggle of Transcarpathian Ukrainians]. Uzhhorod: Karpati.

8. Vegesh, M.M. (2020) Zakarpattya v tsentral'noevropeys'kiy politichniy krizi naperedodni Drugoi svitovoi viyni [Transcarpathia in the Central European political crisis on the eve of the Second World War]. In: Vidnyansky, S.V. (ed.) *Ukraina v istorii Evropi XIX – pochatku XXI st.: istorichni narisi* [Ukraine in the history of Europe of the 19th – early 21st century: historical essays]. Kyiv: Institute of History of Ukraine. pp. 448–486.

9. Vegesh, M. & Vidnyansky, S. (1998) *Kraïni Tsentral'no-Skhidnoi Evropi ta ukrains'ke pitannya (1918–1939 roki)* [Countries of Central and Eastern Europe and the Ukrainian question (1918–1939)]. Kyiv, Uzhhorod: National Academy of Sciences of Ukraine; Institute of History of Ukraine, Uzhhorod State University.

10. Vegesh, M.M. & Vidnyansky, S.V. (2020) *Avgustin Voloshin – “bat'ko karpatokrains'kogo narodu”* [Augustyn Voloshin – “father of the Carpatho-Ukrainian people”]. Kyiv: Parlam. vydavnytstvo.

11. Deborin, G.A. (ed.) (1962) *Vengriya i Vtoraya mirovaya voyna. Sekretnye diplomaticheskie dokumenty iz istorii kanuna i perioda voyny* [Hungary and the Second World War. Secret diplomatic documents from the history before and during the war]. Translated from Hungarian by B.Ya. Geyger, N.N. Sikachev. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury.

12. Vidnyansky, S. (2009) Zakarpattya – Pidkarpats'ka Rus': vid zdobuttya avtonomiyi do proholoshennya nezalezhnoyi derzhavy (do 70-richchya Karpats'koyi Ukrayiny) [Transcarpathia – Subcarpathian Russia: from gaining autonomy to the proclamation of an independent state (to the 70th anniversary of Carpathian Ukraine)]. In: Smoliy, V.A. (ed.) *Ukrayina XX st.: kul'tura, ideolohiya, polityka* [Ukraine of the 20th Century: Culture, Ideology, Politics]. Vol. 15. Kyiv: Ukrainian AS. pp. 184–207.

13. Vidnyansky, S. (2014) Zakarpattya: vid “zemli bez imeni” do vlasnoi derzhavnosti – Karpats'koï Ukraïni [Transcarpathia: from “land without a name” to its own statehood – Carpathian Ukraine]. *Ukraina-Evropa-Svit*. 13. pp. 111–126.

14. Gay-Nizhnik, P. (2018) Karpats'ka Ukraïna (Pidkarpats'ka Rus') 1938–1939 rr. yak odna iz “rozminnikh monet” Myunkhens'kogo dogovoru [Carpathian Ukraine (Subcarpathian Russia) 1938–1939 as one of the “exchange coins” of the Munich Agreement]. *Gileya. Istorichni nauki*. 139(12/1). pp. 48–56.

15. Granchak, I. & Gaponenko, I. (1995) Zakarpattya v mizhnarodnikh vidnosinakh naperedodni ta v period Myunkhena [Transcarpathia in international relations on the eve and in the period of Munich]. In: Granchak, I. (ed.) *Naris istorii Zakarpattya*. Vol. 2. Uzhgorod: Zakarpattya. pp. 264–273.

16. Komplektov, V.G. (ed.) (1992) *Dokumenty vneshney politiki SSSR. 1939* [USSR foreign policy documents. 1939]. Vol. 22. Moscow: Mezhdunarye otnosheniya.

17. Drobot, I. (2005) Ukraïna v geopolitichnikh planakh zakhidnoevropeys'kikh derzhav na peredodni Drugoi svitovoi viyni [Ukraine in the geopolitical plans of Western European states on the eve of World War II]. *Ukraina diplomatichna*. 5. pp. 347–362.

18. Zhitaryuk, M. (1997) *Chetvertovana, ale zhiva: Zakordonna presa pro politichni protsesi v Ukraïni naperedodni Drugoi svitovoi viyni* [Quartered, but

alive: Foreign press on political processes in Ukraine on the eve of WW II]. Lviv: Za vil'nu Ukraïnu.

19. Zabrodskiy, M.P. (2012) Vitchiznyana ta zarubizhna istoriografiya pro etnichnu identichnist' rusiniv karpats'kogo regionu u XIX – na pochatku XX st. [Domestic and foreign historiography on the ethnic identity of the Carpathian Rusins in the 19th – early 20th centuries]. *Naukovi pratsi Kam'yanets'-Podil's'kogo natsional'nogo universitetu im. Ivana Ogiienka. Istorichni nauki*. 22. pp. 146–154.

20. Vegesh, M. et al. (eds) (2010) *Zakarpattya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia 1919–2009: History, Politics, Culture]. Uzhhorod: Lira.

21. Zashkilnyak, L. (ed.) (2001) *Istoriya Tsentral'no-Skhidnoi Evropi* [History of Central and Eastern Europe]. Lviv: Lviv National University.

22. Kaminskiy, E. & Troshchinskiy, V. (1993) Ukraïns'ke pitannya v anglo-amerikans'kikh arkhivnikh dokumentakh (1938–1951 rr.) [The Ukrainian question in Anglo-American archival documents (1938–1951)]. *Vsesvit*. 11/12. pp. 147–151.

23. Ukrainian Institute of National Memory. (n.d.) *Karpats'ka Ukraïna. Bibliografiya* [Carpathian Ukraine. Bibliography]. [Online] Available from: <http://www.memory.gov.ua/publication/bibliografiya-1> (Accessed: 17th August 2020).

24. Dovganich, O.D., Korsun, O.M. & Pagirya, O.M. (eds) (2009) *Karpats'ka Ukraïna. Dokumenti i materialy. Khronika podiy. Personalii* [Carpathian Ukraine. Documents and materials. Chronicle of events. Personalities]. Vol. 1. Uzhhorod: Zakarpattya.

25. Fedak, S.D. (ed.) (2010) *Karpats'ka Ukraïna. Khronika podiy. Personalii* [Carpathian Ukraine. Documents and materials. Chronicle of events. Personalities]. Vol. 2. Uzhhorod: Zakarpattya.

26. Koval, V. (2003) Shlyakh do viyni: Partnerstvo dvokh diktatoriv (1939–1941) [The way to war: Partnership of two dictators (1939–1941)]. In: Kuras, I.F. (ed.) *Politichna istoriya Ukraïni XX st.: u 6 t.* [Political history of Ukraine in the 20th century: in 6 vols]. Kyiv: Geneza. pp. 15–62.

27. Kosyk, V. (1993) *Ukraïna i Nimechchyna u Drugiy svitoviy viyni* [Ukraine and Germany in the Second World War]. Translated from French. Paris; New York; Lviv: [s.n.].

28. Kudriachenko, A. (2011) Karpats'ka Ukraïna v geopolitichniy gri derzhav kontinentu [Carpathian Ukraine in the geopolitical game of the continent]. In: Kudriachenko, A.I. (ed.) *Ukrayina v Yevropi: kontekst mizhnarodnykh vidnosyn* [Ukraine in Europe: the context of international relations]. Kyiv: Feniks. pp. 299–314.

29. Kudriachenko, A. (2019) Carpathian Ukraine in the plans of Hitler's Germany. *Rusin*. 57. pp. 271–293 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/57/15

30. Kudriachenko, A.I., Kalinicheva, H.I. & Kostyrya, A.A. (2006) *Politichna istoriya Ukraïni XX stolittya* [Political History of Ukraine of the 20th Century]. Kyiv: MAUP.

31. Lemak, V.V. (1996) *Zakarpattya u derzhavno-pravoviyi sistemi Chekhoslovats'koi respubliki (1919–1939 rr.)* [Transcarpathia in the state and legal system of the Czechoslovak Republic (1919–1939)]. Abstract of Law Cand. Diss. Kyiv.

32. Mishchak, I. (2008) Zakarpattya naperedodni Drugoi svitovoi viyni u

pratsyakh suchasnikh ukrains'kikh istorikiv [Transcarpathia on the eve of the Second World War in the works of modern Ukrainian historians]. In: Smoliy, V.A. (ed.) *Istoriografichni doslidzhennya v Ukraini*. Vol. 19. Kyiv: Ukrainian AS. pp. 410–421.

33. Ofitsynskyy, R. (2013) "Z Karpats'koï Ukraini dlya nas pochalasya Druga svitova" ["The Second World War began for us from Carpathian Ukraine"]. [Online] Available from: http://www.istpravda.com.ua/articles/2013/03/15/117613/view_print/ (Accessed: 17th August 2019).

34. Ofitsynskyy, R. (2014) *Okupatsiya ta aneksiya Karpats'koï Ukraini* [Occupation and annexation of Carpathian Ukraine]. [Online] Available from: <http://1939.in.ua/statti/roman-ofitsinskij-okupatsiya-ta-aneksi/> (Accessed: 21st August 2019).

35. Pagirya, O. (2010) *Karpats'ka Sich: viys'kove formuvannya Karpats'koï Ukraini* [Carpathian Sich: military formation of Carpathian Ukraine]. Kyiv: Tempora.

36. Pagirya, O. (2017) *Opir u Karpatakh. Yak zakarpattsi boronilisya vid ugors'koï agresii v 1939 rotsi* [How Transcarpathians defended themselves from Hungarian aggression in 1939]. [Online] Available from: <https://www.istpravda.com.ua/articles/2017/03/15/149620> (Accessed: 14th August 2019).

37. Chechevishnikov, A.L. (ed.) (2009) *Rassekrechennyye dokumenty Vtoroy mirovoy voyny* [Declassified documents of the Second World War]. *Vestnik MGIMO-universiteta*. Special issue. pp. 405–598.

38. Rynazhevskyy, B. (2002) *Pravove stanovishche v skladi inozemnikh derzhav ta stanovlennya natsional'noi derzhavnosti v Zakarpatti (1918–1939)* [The legal status of foreign states and the formation of national statehood in Transcarpathia (1918–1939)]. Lviv: Vydavnytstvo LRIDU UADU.

39. Sardachuk, P.D. & Shvagulyak, M.M. (1984) *Nasuvalas' voenna groza* [A military storm was approaching]. Uzhhorod: Karpati.

40. Stalin, I. (1945) *Otchetnyy doklad na XVIII s'ezde partii o rabote TSK VKP(b)* [Report at the 18th Party Congress on the work of the Central Committee of the CPSU (b)]. pp. 13–14. [Online] Available from: <https://1939.in.ua/chronicle/vytjah-iz-dopovidij-stalina-na-xviii-zjizdi-vkp-b-pro-karpatsku-ukrajinu> (Accessed: 17th August 2020).

41. Stercho, P. (1994) *Karpato-Ukrains'ka derzhava: Do istorii vizvol'noi borot'bi karpats'kikh ukrainsiv u 1919–1939 rokakh* [Carpatho-Ukrainian state: To the history of the liberation struggle of Carpathian Ukrainians in 1919–1939]. Lviv: Za vil'nu Ukraïnu.

42. Dovganich, O.D. & Korsun, O.M. (eds) (2007) *Ternistiy shlyakh do Ukraini: zb. dokumentiv i arkhivnikh materialiv "Zakarpattya v evropeys'kiy polititsi 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946 rr."* [The thorny path to Ukraine: Documents and archival materials "Transcarpathia in European politics 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946"]. Uzhhorod: Zakarpattya.

43. Vidnyanskiy, S.V. (ed.) (2020) *Ukrayina v istoriyi Yevropy XIX – pochatku XXI st.: istorychni narysy* [Ukraine in the history of Europe of the 19th – early 21st century: historical essays]. Kyiv: Institute of History of Ukraine.

44. Kosik, V. (ed.) (1997) *Ukraina u Drugiy svitoviy viyni u dokumentakh: zb. nim.*

arkh. materialiv [Ukraine in the Second World War in documents: from German archival documents]. Vol. 1. Kyiv: [s.n.].

45. Fedak, S. (2014) *Geroika, tragediya i uroki Karpats'koï Ukraïni* [Heroics, tragedy and lessons of Carpathian Ukraine]. [Online] Available from: <http://7dniv.info/publications/40562-gerojika-tragediya-i-urokikarpatskoji-ukrajini.html> (Accessed: 14th July 2020).

46. Fleischhauer, I. (1991) *Pakt: Gitler, Stalin i initsiativa germanskoy diplomatii 1938–1939* [Hitler, Stalin and the initiative of German diplomacy 1938–1939]. Translated from German by V.M. Falin. Moscow: Progress.

47. Khiminets, Yu. (1996) *Ternistiy shlyakh do Ukraïni* [Thorny way to Ukraine]. Uzhhorod: Gradzha.

48. Shearer, V. (2018) *Zlet i padinnya Tret'ogo reykh. Istoriya natsists'koï Nimechchini: u 2-kh t.* [The rise and fall of the Third Reich. History of Nazi Germany in 2 vols]. Vol. 1. 2nd ed. Translated from English by K. Dis. Kyiv: Nash format.

49. Maïorov, M. (2018) *The Next European War Will Start in Ukraine. Look (USA). 1939.* [Online] Available from: <http://argumentua.com/stati/sleduyushchaya-evropeiskaya-voina-nachnetsya-v-ukraine-zhurnal-look-1939-god-karta> (Accessed: 17th September 2020).

50. Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). Vol. IV. Doc. 29.

51. Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). Vol. IV. Doc. 80.

52. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Deutschlands (PAAAD). Bestand R – 104430. Pol. IV. p. 37.

53. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Deutschlands (PAAAD). Bestand R – 104430. Pol. IV. pp. 43,78.

54. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Deutschlands (PAAAD). Bestand R – 104430. Pol. IV. Denkschrift über Karpato-Ukraine. pp. 8-13.

55. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Deutschlands (PAAAD). Bestand R – 357. Pol. IV. pp. 215, 216.

56. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Deutschlands (PAAAD). Bestand R – 103408. Pol. IV. pp. 32–33.

57. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Deutschlands (PAAAD). Bestand R – 357. Pol. IV. pp. 134.

58. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Deutschlands (PAAAD). Bestand R – 103408. Pol. IV. p. 27.

59. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Deutschlands (PAAAD). Bestand R – 103422. Pol. IV. p. 5.

60. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Deutschlands (PAAAD). Bestand R – 103408. Pol. IV. p. 39-53.

61. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Deutschlands (PAAAD). Bestand R – 104430. Pol. IV. Telegramm aus Praha 59 83 102/99 1850 Herrn Adolf Hitler Führer und Kanzler Aufgenommen Amt Berlin Ausgf. 14.9.2024 Haupttelegraphenamt.

62. Freund, M. (ed.) (1953) *Weltgeschichte in der Gegenwart in Dokumenten.* Vol. 3. München: [s.n.].

63. Wuermeling, H.L. (1989) August 39. 11. Tage zwischen Frieden und Krieg. 21 August – 1 September 1939. Ullstein: [s.n.]. pp. 192–198.

Кудряченко Андрей Иванович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Украины, директор Института всемирной истории НАН Украины (Украина).

Кудряченко Андрій Іванович – доктор історичних наук, професор, член-корреспондент Національної академії наук України, директор Інституту всесвітньої історії НАН України (Україна).

Andriy I. Kudriachenko – Institute of World History of the National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine).

E-mail: kudani@ukr.net

УДК 930.23:94(477.87)"1944-1950"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/11

Методология исследований советизации Закарпатья 1944–1950 гг.

В.В. Мищанин

Ужгородский национальный университет
Украина, 88000, г. Ужгород, пл. Народная, 3
E-mail: vasyi.mistchanyn@uzhnu.edu.ua

Авторское резюме

Проанализирована современная методология исследований советизации Закарпатья 1944–1950 гг. Рассмотрены наработки отдельных авторов, опубликованных в индивидуальных (Н. Макара, В. Мищанин) и коллективных монографиях (Н. Макара, Р. Официнский). Несмотря на попытки учёных представить этот процесс в причинно-следственных связях, говорить о серьёзной методологической базе ещё рано. Для лучшего понимания советизации в конкретном регионе (Закарпатье) надо посмотреть на историческое и географическое пространство. Нынешнему исследователю следует выйти за узкие рамки регионального подхода в изучении советизации Закарпатья. Используя методику сравнительного анализа, можно сравнить послевоенные преобразования с подобными процессами в западных областях Украины, Белоруссии, Балтийских республиках, а также в странах Центрально-Восточной Европы (Э. Эпплбом). Но не стоит пренебрегать историческими особенностями края – его полиэтничностью, поликультурностью, поликонфессиональностью (С. Макаrchук). Для этого подойдёт эпистемологический подход, который в своём исследовании использует П.Р. Магочий. Критическим взглядом послевоенную политику советской власти оценивала украинская эмиграция. В частности, В. Маркус называет присоединением вхождение Закарпатья в Советскую Украину. В «Энциклопедии украиноведения», напечатанной в 1984–1993 гг. в Канаде, анализируются многие аспекты советских преобразований в Украинской ССР. Современному исследователю следует чётко разобраться в понятиях «тоталитаризм» (Х. Арендт), «советизация», «социалистический вариант модернизации» (С. Гавров), дефинициях «транзит», «трансформация» и т. д. Указывались некоторые ошибки современных учёных, занимающихся проблемами советизации края. Таким образом, проблема советизации Закарпатья ещё пребывает в стадии разработки и усовершенствования. Многогранность исследуемой проблемы обуславливает необходимость междисциплинарных подходов с исполь-

зованием инструментария истории, экономики, права, статистики, политологии, обществоведения, этнологии, культурологии.

Ключевые слова: советизация, Закарпатье, методология, методы.

Methodology of the research of the Transcarpathia Sovietization in 1944–1950

V.V. Mishchanyn

Uzhgorod National University
3 People's Square, Uzhhorod, 88000, Ukraine
E-mail: vasyli.mishchanyn@uzhnu.edu.ua

Abstract

The article analyzes the modern methodology of the Transcarpathia Sovietization research in 1944–1950. Though there are individual (N. Makara, V. Mishchanyn) and collective monographs (N. Makara, R. Ofitsinsky), it is too early to speak about a serious methodological base to present the causal links of this process. A better understanding of Sovietization in Transcarpathia requires studying the historical and geographical space. A contemporary researcher should go beyond the narrowed framework of the regional approach in the study of the Sovietization in Transcarpathia and compare its post-war transformations with those in Western Ukraine, Belarus, the Baltic Republics, Central and Eastern Europe (A. Applebaum) using the methodology of comparative analysis. The epistemological approach employed by P.R. Magocsi can be used to study the historical specificity of the region with its multi-ethnicity, multiculturalism, multiconfessionality (S. Makarchuk). The Ukrainian emigration was rather critical of the post-war policy of the Soviet regime. In particular, V. Markus defines the entry of Transcarpathia into Soviet Ukraine as annexation. *The Encyclopedia of Ukraine* published in the 1950s and 1980s in Canada analyzes many aspects of Sovietization in the Ukrainian SSR. A contemporary researcher should clearly understand such concepts as “totalitarianism” (H. Arendt), “Sovietization”, “socialist version of modernization” (S. Gavrov), “transit”, “transformation”, etc. The article also points out some errors of scholars studying the problems of Sovietization in the region. Thus, the problem of Sovietization of Transcarpathia is still under development. Its multifaceted nature requires interdisciplinary approaches using the tools of history, economics, law, statistics, political science, social science, ethnology, and cultural studies.

Keywords: Sovietization, Transcarpathia, methodology, methods.

С одной стороны, на формирование подходов постсоветской историографии уже длительное время в той или иной степени влияют концепции западных учёных. С другой стороны, даже на уровне учебников утвердилось уже давно используемое на Западе толкование послевоенных процессов на западноукраинских землях как целенаправленной «советизации» [21]. Этот термин имеет ограниченное использование в зарубежной историографии, хотя и отрицать целесообразность его применения не стоит. Даже этот момент дефинитивного словоупотребления показывает: говорить о том, что современная украинская историография по проблеме послевоенной советизации Закарпатья имеет определенную методологическую базу, ещё рано. Поэтому понятным является своеобразный методологический эклектизм, который проявляется в специальных публикациях по развитию Закарпатья в 1944–1950 гг. Им отмечено, например, довольно обстоятельное исследование М. Макары [8], третий том коллективной монографии «Очерков истории Закарпатья» [9–11], тематические подразделения синтетического издания «Закарпатье 1919–2009 годов» [17–19]. Надо отметить, что подведение под конкретно исторические студии современного методологического базиса уже давно назрело, поскольку установление фактов и даже их расположение в определенной системе причинно-следственных связей хотя и является возможным и нужным, но ограничение чисто этим одним познавательным подходом неопозитивистского толка уже давно себя исчерпало.

Очевидным и неоспоримым является то эпистемное положение, что все события в прошлом разворачивались в условиях определённого времени и пространства, с участием определённого круга лиц и структур. Указанные сущностные свойства исторических действий и событий наполняют их временно-пространственной конкретикой, отражают их соответствие определённым общим тенденциям, демонстрируют повторяемость при схожих обстоятельствах или могут продемонстрировать их уникальность.

Соответственно, применение территориального измерения является условием научного описания и интерпретации исторических процессов с точки зрения компаратива, что создаёт возможность выделения общего, особенного, единичного. Это помогает оптимально решить познавательную дилемму в дихотомии фактописания на позитивистский манер и социальной закономерности, позволяя найти между этими полюсами золотую середину в формате определённой модели непротиворечивого исторического объяснения, которое подвергается верификации на предмет логичности, доказательности и соответствия истине.

Поэтому понятие исторического пространства – одно из ключевых в исторической науке, его определение является необходимым условием для построения научной концепции в соответствии с желаемой степенью обобщения. Под историческим пространством понимается совокупность экономических, природно-географических, социально-культурных и политических процессов, которые происходят на определённой территории в определённый отрезок времени [25]. Тем самым географическое пространство в его онтологическом смысле превращается в историческое, а определение территориальных рамок приобретает специфические смыслы, обусловленные очеловеченностью, социализацией пространства.

Совершенно очевидно, что историческое пространство нестабильно. На одной и той же территории на протяжении веков могут эволюционировать и изменяться совершенно разные государственные формы, культурно-цивилизационные образования, происходить миграции этносов, спонтанные или искусственно обусловленные. Иногда государство «перемещается» по карте, и его современные границы уже не совпадают с местом первоначальной локализации. Историческое пространство также сакрализуется и приобретает тесную связь с национальными и имперскими идеологемами, мифами об исторической прародине, «исконных территориях», о «законных территориальных претензиях», «наших землях» и т. д. У всех народов бытуют подобные мифологемы как в отношении себя, так и в отношении других. Частично они основаны на исторических реалиях, прецедентах, частично представляют собой идеальные или даже идеологические конструкторы. Такие исторические и социокультурные представления относятся уже к сфере ментальной географии, которая часто становится побуждением к значимым политическим действиям [25].

Если конкретизировать эти пространственные теоретические предпосылки данного исследования, отметим, что регион Закарпатье достаточно чётко определён в системе географических координат благодаря естественным контурам и ареалу расселения этносов.

Следует обратить внимание на традиционное преобладание узкого регионального подхода к изучению историками темы советизации Закарпатья, свойственного для краевой историографии. Подобное имело место довольно длительное время. Отсюда следует очевидная провинциальность, склонность к научной самоизоляции и искусственному акцентированию региональной специфики, в т. ч. и не без идейно-политических коннотаций момента, поскольку исторические процессы в крае в послевоенное время выпадают из общего украинского контекста. Таким образом, теряется масштаб исторического

мировоззрения, который сужается до сугубо локального. Но не стоит пренебрегать методикой сравнительного анализа послевоенных изменений в Закарпатье с процессами подобных преобразований того времени не только в западных областях Украины, но и в соседних странах Центрально-Восточной Европы – Чехословакии, Венгрии, Румынии, Польше, странах Балтии. Считаем, что выход за узкие региональные пределы является необходимым условием панорамного видения и понимания, поскольку он позволяет более основательно осветить суть и последствия советизации Закарпатья с позиций выделения общего и особенного.

В познавательном отношении следует пройти между Сциллой теоретического, структурно-системного обобщения и Харибдой чрезмерной временно-пространственной конкретизации. На этот познавательный феномен обратила внимание британская ученая Хиллари Патнэм. Она вела речь о том, что истина не может быть просто рациональной приемлемостью с какой-то одной фундаментальной причины. Как в нашем случае, допустим, советизация, тоталитарный транзит охватили все страны и регионы, которые попали в сферу влияния СССР на завершающем этапе Второй мировой войны. Истина является определённой идеализацией этой приемлемости, как бы образцом идеальных условий. Но если перейти от уровня обобщения к конкретике, то мы сразу же видим национальные и региональные варианты советизации, создание тотального контроля коммунистической верхушки над обществом. В каждом случае речь идёт о темпах и степени соответствия идеальной модели. Т. е. рациональная приемлемость, по Г. Патнэм, превращается в дело меры [20: 66–67].

Соответственно, принципиальным является то, что не стоит избегать пространственной конкретизации фокуса рассмотрения исследовательской проблемы тоталитарного транзита согласовано со спецификой региона Закарпатья. Принципиальной особенностью и прошлого, и настоящего края являются его полиэтничность, поликультурность, поликонфессиональность. Поэтому, например, С. Макачук пишет о Закарпатье не как об этнографически однородном районе, а как об ареале, крае, на сравнительно небольшой территории которого наблюдаются разнообразные этнографические особенности и этнические традиционно-бытовые реалии и культурные взаимовлияния, обусловленные объективными природными, многовековыми политическими и экономическими условиями его исторического бытия. Многовековое сосуществование и взаимодействие украинцев-закарпатцев с представителями различных национальных меньшинств существенно отразилось в различных срезах материаль-

ной и духовной культуры местного населения. В то же время в этом сложном комплексе культурных пересечений, наслоений и влияний чётко прослеживается субстрат этнокультурного единства и общности закарпатских украинцев (или, как они называли себя ещё в недавнем прошлом, русинов) с основным материком украинского народа [12]. Это и составляет специфику Закарпатья.

Продуктивным с познавательной точки зрения и, как ни странно, не очень распространённым в украинской историографии является эпистемологический подход, который реализовал в своём обобщающем издании по истории Украины известный канадский учёный украинского происхождения П.Р. Магочий. Речь идёт об историко-географической объектности его исследования, в котором он рассматривает не только и не столько историю украинского этноса, сколько историю народов, населявших территорию современной Украины, которая формировалась и структурировалась на протяжении веков [7: 18–19]. Ведь не только опыт влиятельной в мировой историографии XX в. французской школы «Анналов», но и американской гуманитаристики и обществоведения демонстрирует успешность подобного географического измерения, которое генерирует новые модели научного видения и способствует формированию положений и выводов концептуального характера. Из этого мы делаем предварительный вывод: П.Р. Магочий применил к истории Украины те эпистемологические подходы, которые давно и продуктивно используются в историографии.

У нас не возникает сомнений, что общая историческая тенденция, свойственная для всей Восточной Европы первого послевоенного пятилетия, заключалась в формировании уподобления советской модели огосударственной экономики, тоталитарно-вождистской политической системы и особой тоталитарной ментальности. Но в каждом отдельном случае имели место как проявления общей тенденции, так и масса конкретных, обусловленных условиями определённой страны / региона особенностей. Их выяснение в отношении Закарпатья и составляет в общем понимании наше исследовательское задание.

При этом целесообразно использовать чёткий понятийно-категориальный аппарат. В частности, адекватному раскрытию темы способствовали бы уточнение понятий «советизация», «тоталитаризм» и системный анализ исторических процессов на основе этих дефиниций или же их модификаций. По справедливому замечанию Энн Эпплбаум, некоторые исследователи воспринимали термин «тоталитаризм» как грубый, неточный и открыто заидеологизированный. Но немногие согласны с тем, что тоталитарные режимы способны обеспечить полноценное функционирование государства [5: 14].

Классическими считаются студии, касающиеся феномена тоталитаризма и его системного и исторического понимания, которые в своё время представила в ряде блестящих работ Ханна Арендт. Во-первых, она поставила на одну ступень два варианта тоталитаризма, которые на самом деле являются разными сторонами одной медали: национал-социалистический и интернационал-большевистский. Во-вторых, Х. Арендт, проанализировав истоки тоталитаризма, правомерно поставила вопрос о конкретно-исторической доле ответственности различных составляющих общества, метаморфозах принципа классовости и партийности, специфической роли бюрократии и партийной элиты. Наконец, на что обращается почему-то меньше внимания: исследовательница представила динамическую модель формирования тоталитарных обществ. Правила игры были известными. Но утверждение тоталитаризма после временного его ослабления в Советском Союзе во время войны – это был процесс, а не момент. Большевизация сателлитов началась по тактике народного фронта и застенчивой парламентской системы. Хотя установление однопартийной диктатуры произошло достаточно быстро. Причём особую роль в этом сыграли не местные коммунисты, а агенты Москвы [1: 26–27]. Это во многих местах отмечает Энн Эпплбом.

Кстати, коммунистическую партократию как общественно-политический слой оценивают и изучают как в конкретно-историческом, так и в обществоведческом смысле с точки зрения элитологии. Блестящий французский антрополог Жорж Баландьё отмечает, что понятие должности или обязанности с титулом дополняет понятие ранга слоя или состояния. Оно демонстрирует политическую власть и её собственную иерархию по отношению к социальной стратификации [2: 91]. Что и говорить: своеобразная кастовая замкнутость коммунистической партийной элиты и её репродуцирование на недемократических основаниях кооптации, или же безальтернативных «выборах», стали наглядным воплощением тоталитарной диктаторско-вождистской модели партийно-политической системы, которая является родовым признаком сообществ иногда домодерных или же таких, где основы демократии слабо укоренившиеся и неустойчивые. Эти рассуждения могут быть прямо соотнесены с региональным историческим опытом.

Исследуя теоретико-методологические основы советизации Закарпатья, не можем не воспользоваться опытом, накопленным в обществоведении, в частности в исследовании проблем модернизации политических и социальных систем. Социалистический общественный проект трактуется в литературе как альтернативный, который противопоставлялся почти безоговорочно доминирующей западной либеральной модели модернизации в течение большей

части прошлого века. Этот проект представлял собой отчаянную попытку достичь количественных экономических показателей государств модерности. Социалистические варианты модернизации, практиковавшиеся в течение XX в. в разных странах мира, прежде всего в СССР, если говорить о своеобразной эталонной модели, были, несмотря на все идеологические разногласия, лишь одним из ответвлений общего модернизационного процесса, адаптационной реакцией незападных обществ. Не случайно, что за традиционным ареалом западной модерности был воспринят именно социалистический вариант модернизации, поскольку именно он коррелировал с коллективистской ментальностью незападных обществ. Насколько социализм близок коллективизму Азии, настолько же он далёк от индивидуалистической евроатлантической цивилизации, где его шансы очень малы [3: 36–43]. По нашему мнению, это утверждение достаточно убедительно объясняет быстрый крах тоталитаризма в странах Центрально-Восточной Европы после 1989 г. Оно может применяться также в качестве аргумента о чужеродности социалистической модернизации для стран и обществ Центрально-Восточной Европы, которые со времен своей суверенизации, начиная с последней трети XIX в., выразительно тяготели к либерально-демократическому варианту модернизации. Но в результате их системной отсталости и длительной оторванности от Запада этот вариант воплощался не сразу же, нелинейно и имел достаточно выразительные варианты своего воплощения – от демократической Чехословакии к полуавторитарной Венгрии и Польше.

Рассматривая предметность любой историко-политической проблемы в её теоретико-методологическом и опытно-эмпирическом смысле, любой исследователь неизбежно выходит на категории, понятия, политические тенденции и закономерности, которые в системе и отдельно составляют инструментальный базис. Он является не просто необходимым, главное – позволяет доказательно решить тот или иной вопрос и даже гипотетически его выразить. Целостные дефиниции, которые охватывают системное единство составляющих компонентов, элементов, аспектов и сторон, противоречий и трудностей, причин и последствий, играют в познавательном отношении особую роль.

Речь идёт о взаимосвязанных дефинициях транзита, трансформации. В немецком обществоведении традиционное для американской политической науки понятие «транзит» было модифицировано посредством нейтрального в аксиологическом отношении концептуального понятия «трансформация». Трансформация может быть следствием транзита, как в нашем случае тоталитарного, а транзит –

трансформативным, которым он был в случаях переноса опыта модернизации, в частности социалистической.

Трансформация представляет собой динамический процесс модернизационных изменений разнообразных и многоуровневых связей между коллективными и индивидуальными субъектами в политической системе общества, её институтах, видах и формах деятельности. В понятие «трансформация» на базе его концептуальности более адекватно вписываются спонтанность и слабая управляемость процессов общественных изменений, поскольку акцентируется зависимость общественно-политических сдвигов не только от действий правящей элиты, но и массовых слоёв общества [22]. Эти характеристики понятия «трансформация» вполне могут быть взяты за основу рассмотрения данной проблемы.

Наконец, должны высказаться по социально-экономическому детерминизму, который долгое время обозначал исторические исследования по советизации Закарпаття. Историческая наука независимой Украины только критически и весьма ограниченным образом может полагаться на результаты и положения исследований предварительного советского периода. Это никоим образом не является нигилистским отрицанием большой научной разработки предыдущего этапа изучения проблемы. И это не вина отдельных учёных, ибо они вынуждены были творить только по существовавшим жёстким идеологическим нормам. Работы, которые хоть чуть противоречили «партийности» и «классовости», не имели шанса увидеть свет в советской Украине. Вместе с тем постоянная «корректировка» реального исторического процесса по упрощённой марксистской методологии, в т. ч. объяснения причин, хода, сути, последствий советизации Закарпаття по заранее заданному алгоритму, привела к длительному закреплению фальшивых штампов и стереотипов. Даже сейчас многим учёным трудно отказаться от проторенного когда-то пути марксистской историографии.

Проблематику советизации Закарпаття современные учёные рассматривают в нескольких аспектах. Во-первых, по инерции мышления в качестве основного рассматривается вопрос, связанный с коллективизацией края, ведь Закарпатье даже в чехословацкие времена сохраняло немало признаков домодерного уровня развития. До сих пор аграрный и другие срезы региональной истории изучаются через призму одной из трёх составляющих «ленинского плана строительства социализма» – индустриализации, коллективизации, культурной революции. Попутно отметим, что послевоенные аграрные преобразования в Закарпатье не исчерпывались тотально принудительным сгоном крестьян в колхозы. Ключевыми факторами

деградации закарпатского села стали следующие: уничтожение института частной собственности, прежде всего на землю; ликвидация мелкого товарного производства и регионального аграрного рынка; нивелирование социальной структуры села на принципах колхозной общины; пролетаризация крестьянства и изменение его ценностных векторов с ориентацией на город; создание маргинальных групп маятниковых работников, регулярно уезжавших на работу в город и возвращавшихся в деревню. К слову, сейчас произошло своеобразное возвращение к трудовой зарубежной эмиграции, что было присущим для начала XX в.

Во-вторых, выходу современных исследований по проблемам советизации Закарпатья за схоластические рамки тоталитарной идеологии помешал распространённый метод, который можно условно назвать «изменением полярности». Нередко тот самый фактологическо-событийный материал, ранее представленный в положительном свете, историки-конъюнктурщики после 1991 г. толковали негативно – и наоборот. Т. е. историческая оценка вытекала из механической смены «плюса» на «минус», а «минуса» на «плюс». Однако такое изменение «полярного» подхода не влияло на объект и предмет исследования, которые оставались в ранее зафиксированных марксизмом идеологических рамках.

В-третьих, история послевоенных изменений в Закарпатье в лучших традициях тоталитаризма оставалась безальтернативной, герметично «закрытой». Мол, события произошли – и точка, другого варианта развития исторического процесса и не могло быть. Это отражение мышления, характерного для ортодоксальной марксистско-ленинской школы исторического фатализма. Ведь получается, что в первые годы после окончания Второй мировой войны в Закарпатье не существовало альтернативных концепций общественных преобразований и их социальных носителей. А как объяснить идеологический плюрализм и многопартийность в крае в 1920–1930-х гг.? Разве не были в довоенные годы характерными для закарпатского села традиционные и новейшие формы кооперирования производственной и предпринимательской деятельности? Каким образом в досоветское время почти бесконфликтно в крае сосуществовали этнические сообщества и религиозные конфессии без внешней опеки? Разве не уроженцы края работали и были уважаемы в образовательных, научных или художественных кругах Европы?

Рассматривая советизацию в безальтернативном контексте, такой исследователь служит апологетом не научной, а чисто идеологической концепции о необратимости и закономерности как коллективизации, так и других социалистических модернизационных

преобразований. К этому нередко склоняются не только некоторые современные историки, но и представители других общественных наук. В то же время в условиях интеллектуальной свободы, на которой возводится здание современной исторической науки Украины, в свободной стране, нельзя отрицать право любого исследователя советских преобразований в Закарпатье на собственную концепцию, причём не обязательно обусловленную общепринятым мнением, без «внутреннего цензора» и других эвристических и познавательных ограничений. В конкуренции идей и подходов к проблеме и заключается суть научного плюрализма как важной методологической основы. Однако методологические стереотипы тоталитарного прошлого не могут определять парадигму, которая предлагается современному и грядущему поколению.

Критический взгляд на послевоенную политику советской власти в течение 1950–1980-х гг. откровенно выражали только историки из когорты украинской эмиграции, которая обосновалась в Западной Европе и Северной Америке. Показательными в первую очередь являются научные достижения закарпатцев, которые убежали от тоталитаризма в страны Запада. В 1956 г. на истории Закарпатской Украины концептуально остановился В. Маркус, выходец из закарпатского села Бедевля, в своей франкоязычной монографии, которая впервые была опубликована в Бельгии и переиздана на украинском языке в Киеве в 1993 г. Не отрицая положительных результатов некоторых послевоенных социально-экономических и культурно-образовательных преобразований, учёный указал на их ложную и бесперспективную политическую направленность [13]. Вхождение Закарпатья в состав Украины он называет не воссоединением, а присоединением, потому что это коммунистическая власть делала насильственными методами.

Как следует из «Энциклопедии украиноведения» (печаталась в течение 1984–1993 гг. в Канаде [28; 29], зарубежные учёные в методологическом смысле не представляют советизацию Закарпатья без коллективизации, без закрепощения в колхозах крестьян. При этом предлагается делать акцент на сравнительной оценке экономических показателей развития сельского хозяйства края в довоенные и послевоенные годы, а также с другими подобными регионами стран рыночной экономики. Т. е. следует применить два измерения – диахронический и синхронический.

К сожалению, очень не хватает специальных методологических работ по проблемам советизации не только Закарпатья, но и других регионов бывшего СССР [23]. Эту лакуну отечественные историки пытаются заполнить заимствованиями у историков из украинской

диаспоры. В частности, на важные суждения с точки зрения освещения исторического фона и источников советизации Закарпатья наталкивают научно-мемуарные разведки непосредственных участников переломных событий в крае [26; 27]. Они смещают акцент с идеологических трафаретов на историю повседневности, стратегию и тактику выживания населения в условиях государственно-правовых преобразований, т. е. на познавательные подходы, которые свойственны западной историографии и которые целесообразно имплементировать в отечественные исследовательские практики.

Появлению методологических новаций способствует ряд публикаций по советской истории Закарпатья, вышедших на Украине в течение последнего десятилетия. Их следует разделить на несколько групп. Во-первых, это общие исследования по истории во всеукраинском и региональном измерениях, где проблемы послевоенной советизации рассматриваются в русле сжатой оценки исторического процесса в рамках этатистской парадигмы (закономерностей украинского государства). Во-вторых, вышли специальные работы по истории советизации, в т. ч. Закарпатья. Все эти работы профессиональных историков логично дополняются новыми опубликованными документами, значительную массу которых составляют архивные, закрытые ранее для доступа учёных и общественности.

Первая группа опубликованных работ имеет собственное внутреннее разделение. В её основе лежит не показатель обобщённого (синтезирующего) или регионального подхода, а принцип исторического плюрализма. С одной стороны, это научные публикации государственного толка, они закладывают мировоззренческие устои новой украинской историографии и раскрывают прежде всего общее в исторической эволюции различных территориальных сообществ украинской нации [4]. С другой – это исторические работы с акцентом на региональной специфике [6]. Конечно, без чувства любви к «маленькой родине» и локал-патриотизма невозможно убеждение в принадлежности к своей нации и государству.

Отметим, что в последние десятилетия послевоенная история Закарпатья стала предметом исследования не только украинских, но и зарубежных учёных из Словакии, Чехии, России, США, других стран [14–16; 24; 30; 31]. С одной стороны, это существенно обогатило источниковедческую базу и разнообразило методологию, а с другой – позволило закарпатским историкам выйти за рамки провинциального регионализма, рассмотреть историю края в контексте европейских и мировых цивилизационных и общественно-политических процессов. Также появились совместные исследования украинских и зарубежных ученых [32].

Мы – сторонники методології, которая сочетает цивилизационный и стадіальний підходи в изучении советизации региона [14: 49–54]. Она предусматривает применение методов синтеза исторического и логического, обеспечивает конкретно-исторический характер исследования в реальных временных (1944–1950-й гг.) и пространственных рамках с применением сравнения Закарпаття с другими регионами Украины, прежде всего – западными областями, а также с республиками СССР, странами Центрально-Восточной Европы. Теоретические обобщения проблематики невозможны без системного подхода, структурно-функционального и структурно-системного анализа. Раскрытие исторической взаимосвязи процессов и узловых вопросов проблемы невозможно без специальных научных методов: историко-генетического – для верификации исторических источников по советизации Закарпатской Украины; историко-сравнительного – для создания компаративной модели советизации Закарпаття и других регионов Украины, а также Беларуси, Балтии, стран Центрально-Восточной Европы; историко-типологического – для установления взаимосвязи общегосударственных и региональных тенденций политики советизации; историко-системного – для обеспечения целостности исследования и получения обоснованных обобщений и выводов.

Вместе с тем многогранность исследуемой проблемы обуславливает необходимость междисциплинарных подходов с использованием инструментария истории, экономики, права, статистики, политологии, обществоведения, этнологии, культурологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арендт Х.* Джерела тоталітаризму / Пер. з англ. Київ: Дух і літера, 2002. 539 с.
2. *Баландье Ж.* Политическая антропология / Пер. с франц. Е.А. Самарской. М.: Научный мир, 2001. 264 с.
3. *Гавров С.Н.* Модернизация России. Постимперский транзит / Пред. Л.С. Перепёлкин. М.: МГУДТ, 2010. 269 с.
4. *Грицак Я.* Нарис історії України. Формування модерної нації ХІХ–ХХ ст. Київ: Генеза, 1996. 360 с.
5. *Епплбом Е.* Залізна завіса. Приборкання Східної Європи 1944–1956 / Пер. з англ. І.В. Гарнік. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2017. 622 с.
6. *Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура* / Під ред. М. Вегеша, Ч. Фединець. Ужгород: Ліра, 2010. 716 с.
7. *Марочій П.Р.* Історія України. Київ: Критика, 2007. 639 с.

8. *Макара М.* Закарпатська Україна: шлях до возз'єднання, досвід розвитку (жовтень 1944 – січень 1946 рр.). Ужгород: Патент, 1995. 108 с.

9. *Макара М.* Ідеологічні та адміністративні заходи // Нариси історії Закарпаття: в 3 т. Т. III. (1946–1991). Ужгород: Госпрозрахунковий редакційно-видавничий відділ управління у справах преси та інформації, 2003. С. 58–73.

10. *Макара М.* Утвердження радянського ладу // Нариси історії Закарпаття: в 3 т. Т. III. (1946–1991). Ужгород: Госпрозрахунковий редакційно-видавничий відділ управління у справах преси та інформації, 2003. С. 43–57.

11. *Макара М.* Формування органів влади на місцях. Вибори до Верховних Рад СРСР та УРСР // Нариси історії Закарпаття: в 3 т. Т. III. (1946–1991). Ужгород: Госпрозрахунковий редакційно-видавничий відділ управління у справах преси та інформації, 2003. С. 35–43.

12. *Макарчук С.А.* Етнографія України. Навч. посібник. Львів: Світ, 2004. URL: http://www.ebk.net.ua/Book/history/makarchuk_eu/part5/502.htm (дата обращения: 23.02.2020).

13. *Маркусь В.* Приєднання Закарпатської України до Радянської України 1944–1945 / Пер. з франц. Київ: Інтел, 1993. 111 с.

14. *Марьина В.* К событиям в Подкарпатской Руси 1944–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 130–142.

15. *Марьина В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.

16. *Мищанин В.* Радянізація Закарпаття 1944–1950 рр. Ужгород: РІК-У, 2018. 644 с.

17. *Офіцинський Р.А.* Загальна характеристика радянського періоду в історії Закарпаття // Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Ужгород: Ліра, 2010. С. 252–253.

18. *Офіцинський Р.А.* Номенклатура // Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Ужгород: Ліра, 2010. С. 255–257.

19. *Офіцинський Р.А.* Фіктивні вибори // Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Ужгород: Ліра, 2010. С. 254–255.

20. *Патнем Г.* Розум, істина й історія: пер. з англ. Київ: Альтернативи, 2003. 231 с.

21. Політична історія України. Посібник для студентів вищих навчальних закладів / За ред. В.І. Танцюри. Київ: Видавничий центр «Академія», 2001. 488 с.

22. *Працко Г.С., Шпак Г.Ю.* Политические транзиты и трансформации // Философия права. 2013. № 5 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tranzity-i-transformatsii> (дата обращения: 14.03.2020).

23. *Протью Т.С.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.). Минск: Тессей, 2002. 688 с.

24. *Пушкаш А.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М.: Европа, 2006. 564 с.

25. *Филюшкин А.И.* Теория и методология истории. Б.М.: Studme.org., 2017.

URL: https://studme.org/77619/istoriya/istoricheskoe_prostranstvo#521 (дата обращения: 12.03.2020).

26. Химинець Ю. Тернистий шлях до України. Ужгород: Гражда, 1996. 399 с.
27. Шандор В. Спомини. Т. II. Карпатська Україна (1939–1945). Ужгород, 2000. 245 с.
28. Encyclopedia of Ukraine. Toronto, 1987. Vol. 1. 952 p.
29. Encyclopedia of Ukraine. Toronto, 1993. Vol. 5. 886 p.
30. Rychlík J., Rychlíková M. Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946. Vyšehrad, 2016. 47 s.
31. Švorc P. Zakletá zem: Podkarpatská Rus 1918–1946. Praha: Lidové noviny, 2007. 320 s.
32. Vidňanský S., Gajdoš M. Niektoré osobnosti nastolenia totalitného režimu v Zakarpatskej Ukrajině // Od diktatury k diktaturě. Slovensko v rokoch 1945–1953. Bratislava, 1995. S. 80–87.

REFERENCES

1. Arendt, H. (2002) *Dzherela totalitarizmu* [The Origins of Totalitarianism]. Translated from English. Kyiv: Dukh i litera.
2. Balandier, J. (2001) *Politicheskaya antropologiya* [Political Anthropology]. Translated from French by E.A. Samarskaya. Moscow: Nauchnyy mir.
3. Gavrov, S.N. (2010) *Modernizatsiya Rossii. Postimperskiy tranzit* [Modernization of Russia. Post-Imperial Transit]. Moscow: MGUDT.
4. Gritsak, Ya. (1996) *Naris istorii Ukraïni. Formuvannya modernoi natsii XIX–XX st.* [Essay on the history of Ukraine. Formation of a modern nation of the 19th – 20th centuries]. Kyiv: Geneza.
5. Applebaum, A. (2017) *Zalizna zavis. Priborkannya Skhidnoi Evropi 1944–1956* [Iron Curtain. Taming of Eastern Europe 1944–1956]. Translated from English by I.V. Garnik. Kyiv: Kievo-Mogilyans'ka akademiya.
6. Vegesh, M.Ch. & Fedinets, Ch. (eds) (2010) *Zakarpattya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia 1919–2009: history, politics, culture]. Uzhhorod: Lira.
7. Magocsi, P.R. (2007) *Istoriya Ukraïni* [History of Ukraine]. Kyiv: Kritika.
8. Makara, M. (1995) *Zakarpats'ka Ukraïna: shlyakh do vozz'ednannya, dosvid rozvitku (zhovten' 1944 – sichen' 1946 rr.)* [Transcarpathian Ukraine: the path to reunification, the experience of development (October 1944 – January 1946)]. Uzhhorod: Patent.
9. Makara, M. (2003a) *Ideologichni ta administrativni zakhodi* [Ideological and administrative measures]. In: Granchak, I. (ed.) *Narisi istorii Zakarpattya: v 3 t.* [Essays on the history of Transcarpathia: in 3 vols]. Vol. 3. Uzhhorod: Gosprozrakhunkoviy redaktsiyno-vidavnychiy viddil upravlinnya u spravakh presi ta informatsii. pp. 58–73.
10. Makara, M. (2003b) *Utverdzheniya radyans'kogo ladu* [Approval of the Soviet system]. In: Granchak, I. (ed.) *Narisi istorii Zakarpattya: v 3 t.* [Essays on the history of Transcarpathia: in 3 vols]. Vol. 3. Uzhhorod: Gosprozrakhunkoviy

redaktsiyno-vidavnicхий viddil upravlinnya u spravakh presi ta informatsii. pp. 43–57.

11. Makara, M. (2003c) Formuvannya organiv vladi na mistyakh. Vibori do Verkhovnikh Rad SRSR ta URSR [Formation of local authorities. Elections to the Supreme Soviets of the USSR and the USSR]. In: Granchak, I. (ed.) *Narisi istorii Zakarpattya: v 3 t.* [Essays on the history of Transcarpathia: in 3 vols]. Vol. 3. Uzhhorod: Gosprozrakhunkoviy redaktsiyno-vidavnicхий viddil upravlinnya u spravakh presi ta informatsii. pp. 35–43.

12. Makarchuk, S.A. (2004) *Etnografiya Ukraini* [Ethnography of Ukraine]. Lviv: Svit. [Online] Available from: http://www.ebk.net.ua/Book/history/makarchuk_eu/part5/502.htm (Accessed: 23rd February 2020).

13. Markus, V. (1993) *Priednannya Zakarpats'koi Ukraini do Radyans'koi Ukraini 1944–1945* [Annexation of Transcarpathian Ukraine to Soviet Ukraine 1944–1945]. Translated from French. Kyiv: Intel.

14. Marina, V. (2002) K sobyitiyam v Podkarpatskoy Rusi 1944–1945 gg. [On the events in Subcarpathian Rus 1944–1945]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 3. pp. 130–142.

15. Marina, V. (2003) *Zakarpatskaya Ukraina (Podkarpatskaya Rus') v politike Benesa i Stalina. 1939–1945 gg. Dokumental'nyy ocherk* [Transcarpathian Ukraine (Subcarpathian Rus) in the policy of Benes and Stalin. 1939–1945. A documentary sketch]. Moscow: Novyy khronograf.

16. Mishchanyn, V. (2018) *Radyanizatsiya Zakarpattya 1944–1950 rr.* [Sovietization of Transcarpathia in 1944–1950]. Uzhhorod: RIK-U.

17. Ofitsinskiy, R.A. (2010a) Zagal'na kharakteristika radyans'kogo periodu v istorii Zakarpattya [General characteristics of the Soviet period in the history of Transcarpathia]. In: Vegesh, M.Ch. & Fedinets, Ch. (eds) (2010) *Zakarpattya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia 1919–2009: history, politics, culture]. Uzhhorod: Lira. pp. 252–253.

18. Ofitsinskiy, R.A. (2010b) Nomenklatura [Nomenclature]. In: Vegesh, M.Ch. & Fedinets, Ch. (eds) (2010) *Zakarpattya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia 1919–2009: history, politics, culture]. Uzhhorod: Lira. pp. 255–257.

19. Ofitsinskiy, R.A. (2010c) Fiktivni vibori [Fictitious elections]. In: Vegesh, M.Ch. & Fedinets, Ch. (eds) (2010) *Zakarpattya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia 1919–2009: history, politics, culture]. Uzhhorod: Lira. pp. 254–255.

20. Putnem, G. (2003) *Rozum, istina y istoriya* [Reason, Truth, and History]. Translated from English. Kyiv: Al'ternativi.

21. Tantsyura, V.I. (ed.) (2001) *Politichna istoriya Ukraini* [Political History of Ukraine]. Kyiv: Akademiya.

22. Pratsko, G.S. & Shpak, G.Yu. (2013) Political Transits and Transformations. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 5(60). pp. 69–73 (in Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tranzity-i-transformatsii> (Accessed: 14th March 2020).

23. Protko, T.S. (2002) *Stanovlenie sovetskoy totalitarnoy sistemy v Belarusi*

(1917–1941 gg.) [Formation of the Soviet totalitarian system in Belarus (1917–1941)]. Minsk: Tessey.

24. Pushkash, A. (2006) *Tsivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'e 1918–1945* [Civilization or barbarism: Transcarpathia 1918–1945]. Moscow: Evropa.

25. Filyushkin, A.I. (2017) *Teoriya i metodologiya istorii* [Theory and Methodology of History]. [Online] Available from: https://studme.org/77619/istoriya/istoricheskoe_prostranstvo#521 (Accessed: 12th March 2020).

26. Khiminets, Yu. (1996) *Ternistiy shlyakh do Ukraini* [Thorny way to Ukraine]. Uzhhorod: Hrazhda.

27. Sandor, V. (2000) *Spomini* [Memories]. Vol. 2. Uzhhorod: [s.n.].

28. Kubijovyc, V. (ed.) (1987) *Encyclopedia of Ukraine*. Vol. 1. Toronto: University of Toronto Press.

29. Husar Struk, D. (ed.) (1993) *Encyclopedia of Ukraine*. Vol. 5. Toronto: University of Toronto Press.

30. Rychlík, J. & Rychlíková, M. (2016) *Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946*. Vyšehrad.

31. Švorc, P. (2007) *Zakletá zem: Podkarpatská Rus 1918–1946*. Prague: Lidové noviny.

32. Vidňanský, S. & Gajdoš, M. (1995) Niektoré osobnosti nastolenia totalitného režimu v Zakarpatskej Ukrajine. In: Barnovský, M. (ed.) *Od diktatúry k diktatúre. Slovensko v rokoch 1945–1953*. Bratislava: Veda. pp. 80–87.

Мишанин Василий Васильевич – доктор исторических наук, доцент кафедры современной истории Украины и зарубежных стран Ужгородского национального университета (Украина).

Vasyl V. Mishchanyn – Uzhgorod National University (Ukraine).

E-mail: vasy.l.mistchanyn@uzhnu.edu.ua

УДК 81

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/12

Паремиологическое богатство языка русинов Словакии: компонентный состав и семантические особенности*

М. Чижмарова

Пряшевский университет в Пряшево
Словакия, 08001, г. Пряшево, ул. 17 ноября, 1
E-mail: maria.cizmarova@unipo.sk

Авторское резюме

Рассмотрено современное состояние лингвистического изучения паремиологии русинов Словакии. Проанализированы важнейшие работы, начиная с 1950-х гг. и до наших дней, которые являются чрезвычайно ценным источником информации о жизни населения этого региона, об окружающем мире и о культуре, мировоззрении, обычаях, стереотипах, а также о его историческом прошлом. Обозреваются книжные труды Е. Недзельского «З уст народу», Ю. Цигры и И. Легдана «Народ скаже – як завяже», М. Мушинки «З глибини віків: Антологія українського фольклору Пряшівщини», Н. Вархол и А. Ивченко «Фразеологічний словник лемківських говірок», М. Шмайди «...А іщі вам вінчую...», А. Галгашовой «Стружніцкыма пішниками» и Й. Вархол «Календарна та сімейна обрядовість українців Словаччини». Богатый фактический фразеологический материал русинов Словакии накапливался учёными в течение десятилетий, а значительная их рукописная часть хранится в Музее украинской культуры в Свиднике. Многочисленные диалектные фразеологизмы печатались на страницах местных газетных изданий «Нове життя», «Дукля» и журнала «Дружно вперед». Исследованы паремии с анималистическими и фитонимическими компонентами, а также паремии с компонентами – названиями еды и продуктов питания.

Ключевые слова: пословица, поговорка, паремиологические единицы, анималистический компонент, фитоним, названия еды в паремиях, русины Словакии.

* Исследование проводилось в рамках проекта «Славянские межъязыковые и междисциплинарные связи (западнотрансильванский и восточнотрансильванский контекст)», поддержанного грантом Министерства образования, науки, исследования и спорта Словацкой Республики (грант VEGA 1/0060/19).

Paremiological wealth of the language of the Slovakian Rusins. Component composition and semantic features*

M. Čižmarova

University of Prešov

1 November Street, Prešov, 08001, Slovakia

E-mail: maria.cizmarova@unipo.sk

Abstract

The article draws attention to the current state of study of Rusin phraseology and paremiology in Slovakia and analyzes the most important works from the 1950s to this day. These works are the most valuable source of information about the residents of the region, the world around them, their culture, world outlook, customs, stereotypes and historical past. The following books are presented: E. Nedzelsky's *The Nation's Word of Mouth. Proverbs – Sayings – Incantations – Riddles – Sayings of Transcarpathia*, Y. Tsyhra and I. Lehdan's *People Will Say How to Tie It*, M. Mushynka's *From the Depths of Ages. Anthology of Oral Folk Art of Presov Region*, N. Warhol and A. Ivchenko's *Phraseological Dictionary of Lemko Dialects of Eastern Slovakia*, M. Schmaida's "... And I am also wishing you...", J. Warhol's *Calendar and Family Ritual of Ukrainians of Slovakia*, and A. Galgashov's *Struzhnitsky Walkways*. The rich factual phraseological material of the Slovakian Rusins has been accumulated by scholars for decades, and a significant part of it remains in the manuscripts of the Museum of Ukrainian Culture in Svidník. Numerous dialect phrases were published in the pages of local periodicals – *Nove Zhytja*, *Dukla* and the magazine *Druzhno Vpered*. The author investigates paremias with animalistic and phytonymic components, as well as paremias with components – names of food and food products.

Keywords: proverb, saying, paremiological units, animalistic component, phytonym, names of food in paremias, Rusins of Slovakia.

* The study was carried out within the framework of the project "Slavic interlanguage and interliterary relations (West Slavic and East Slavic context)", supported by a grant from the Ministry of Education, Science, Research and Sports of the Slovak Republic (VEGA 1/0060/19).

Введение

В современном языкознании проводится изучение отдельных паремиологических фондов, учёные активно исследуют паремии своего народа. В нашей статье паремии понимаются как «устойчивые выражения преимущественно народного происхождения, которые образно раскрывают определённое явление, передают элементарную ситуацию или короткий диалог; выражаются одним или несколькими предложениями» [15: 287]. К ним относят преимущественно народные пословицы и поговорки, являющиеся следствием обобщённого наблюдения за природой, человеком, за различными сферами его деятельности и реалиями окружающей среды. Лингвисты обычно рассматривают пословицы как устойчивые единицы языка поучительного характера, отражающие особенности языковой картины мира того или иного народа. Поговорка же не имеет обычно поучительного характера, ей свойственна синтаксическая незавершённость.

Пословицы и поговорки русинов¹ Восточной Словакии исследовали не так много учёных. Прежде всего следует упомянуть З. Ганудель [6–8], М. Гиряка, М. Мушинку [12] и Н. Вархол [2; 3].

Цель исследования заключается в постановке проблемы изучения паремий русинов Словакии, рассмотрении пословиц и поговорок с анималистическими и фитонимическими компонентами и компонентами, обозначающими еду и продукты питания. Для достижения поставленной цели были использованы описательный и сопоставительный методы, метод анализа и синтеза. Материалом исследования послужили паремии, отобранные посредством сплошной выборки из раздела «Пословицы и поговорки» публикаций «Стружницькими тропами» («Стружницькима пішниками») Анны Галгашовой и «Малые фольклорные жанры в Старинской долине» («Дрібні фольклорні жанри в Старинській долині») Надежды Варьян в «Научном сборнике Музея украинской культуры в Свиднике».

Актуальность работы заключается в недостаточной исследованности паремий русинов Словакии.

Изложение основного материала исследования

На славянской земле паремии (пословицы и поговорки) начали возникать задолго до появления письменности. Первые памятники Древней Руси («Изборник Святослава», «Повесть временных лет», «Поучение Владимира Мономаха», «Русская правда» и др.) содержат фразеологические единицы, использовавшиеся в определенных стилистических целях, в переносных значениях, что свидетельствует об их широком распространении. В культуре Киевской Руси уже в X в.

пословицы и поговорки носили развитую форму. Некоторые произведения малых жанров дошли до нашего времени, сохранились для будущих поколений и стали документальным доказательством их популярности в далёком прошлом [10: 3; 14: 11].

Собирание и изучение паремииологического богатства русинов Словакии началось в XIX в. В 1955 г. увидел свет сборник Евгения Недзельского «Из уст народа» («З уст народу...» [13]), в который вошли материалы, собранные в 1809–1944 гг. в Закарпатье и Восточной Словакии. В частности, известны записи И. Югасевича (1741–1814), дьяка из села Невыцкое под Ужгородом, переписчика спевников, собирателя поговорок и т.д. Сборник «Из уст народа» содержит восемь пословиц и 74 загадки из статьи Ивана Верхратского, опубликованной в «Записках Шевченковского научного общества». К его материалам были добавлены записи священника из Мидяницы Иршавского района Александра Шерегелия, а также других собирателей. Стоит вспомнить 271 пословицу и одну поговорку, записанные поэтом из Маковицы Александром Павловичем (1819–1900) в селе Беловежа в Свидницком районе (в настоящее время это территория Словакии). Сборник пословиц, поговорок и образных выражений русинов и украинцев Восточной Словакии «Народ скажет – как свяжет» («Народ скаже – як зав'яже» [16]), составленный Юрием Цигрой и Ильей Легданом, увидел свет в 1964 г. Это первая печатная коллекция пословиц, поговорок и метких выражений. Преобладающее количество из них было записано в сёлах Снинского района. Антология устного народного творчества русинов Словакии «Из глубины веков» («З глибини віків», 1967), составленная М. Мушинкой, кроме других жанров, включает и 370 пословиц.

В 1970-х гг. при участии специалистов из различных учреждений и представителей различных культурных центров Словакии было проведено всестороннее изучение материальной и духовной культуры населённых пунктов, расположенных в русле реки Цироха (Снинский район). При строительстве водохранилища «Старина» (резервуар для питьевой воды) в Снинском районе исчезли под водой семь русинских сел (Старина, Дара, Велика Полянка, Руске, Смолник, Остружница, Звала). Коллективные усилия собирателей и учёных воплотились в двух этнографических и этнологических монографиях: «Материалы по комплексному исследованию Старинской долины в 1975–1978 годах» («Матеріали з комплексного дослідження Старинської долини на Снинщині в 1975–1978 рр.», 1979) [11] и «Верхняя Цироха: краеведческая монография затопленной области» («Horná Cirocha: vlastivedná monografia zátopovej oblasti», 1985). В первом издании свою статью «Дрібні фольклорні жанри в Старинській долині» [4:

255–302] опублікувала Надежда Варьян, етнолог Музея української культури в Свиднику. Матеріалом для неї послужили пословиці і поговори, записані в упомянутых выше населённых пунктах, а также другие диалектные тексты.

Зузана Ганудель в 1980-х гг. опублікувала две статьи о диалектных фразеологизмах. Первую из них – «К структурной и семантической классификации фразеологизмов села Пихне» – исследовательница написала на основе устойчивых выражений, собранных ею в родном селе Пихне на Снинщине. Базой для другой статьи З. Ганудель «Генетическая классификация фразеологизмов деревень Пихне и Видрань», как и в предыдущей, стали фразеологизмы, услышанные исследовательницей от коренных жителей упомянутых в названии деревень и записанные ею.

Около 2 300 фразеологических единиц, расположенных по стержневому принципу, содержатся во «Фразеологическом словаре лемковских говоров Восточной Словакии» («Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини», 1990), изданном Надеждой Вархол и Анатолием Ивченко. Диалектный фразеологический материал был собран составителями в течение 1982–1987 гг. в 58 населённых пунктах Восточной Словакии по специально составленному опроснику. Монография Михаила Шмайды «...А ещё вам желаю...: календарная обрядовость русинов-украинцев Чехословакии» («...А іші вам вінчую...: календарна обрядовість русинів-українців Чехо-Словаччини...»; её первый том увидел свет в 1992 г.) [19] посвящена зимним и весенним календарным обрядам русинов-украинцев и связанным с ними пословицами и поговорками, которые сохранились в 1960-е г. на Снинщине и в Пряшевском районе.

В 1993 г. была издана книга Анны Галгашовой «Стружницкими тропами» («Стружніцкыма пішниками») со вступительными замечаниями, послесловием и комментарием текстов Михаила Гиряка. Анна Галгашова была русинской певицей и рассказчицей, собирательницей народной культуры, уроженкой села Острожница на востоке Словакии, которое было затоплено водохранилищем «Старина». М. Гиряк пишет о селе так: *«Село з векшой части было деревяне. Стріхи были покрыты жупов, яки селяне робили із жытної соломы. Так выбудована Стружніца у 1935 р. згоріла. Зась была выбудована а у 1939–1944 рр. была припоєна до гортійовскохо Мадярска. Мадярьскы шандарі (місны жителі їм говорили – піркошы), але і вояці в селі справовали ся вольно, мож повісти, аж круто. Зато даколи ліпше было ся перед нима сховати або піти до міста служити, як ся з нима стрічати, бо дакотры Стружнічане так або інакше были нима перенаслідованы. Прічінов того перенаслідованя были такы факты, як орієнтація на*

русиньску віру і народність» [5: 175]. Издание «Стружницькими тропами» имеет 10 разделов, в которых представлены сказки, рассказы, анекдоты, загадки, пословицы и поговорки, записанные А. Галгашовой. Пословицами и поговорками насыщен и текст монографического исследования Йосифа Вархола «Календарная и семейная обрядовость украинцев Словакии» («Календарна та сімейна обрядовість українців Словаччини», 2019) [1]. Многие записанные на территории Восточной Словакии фразеологизмы хранятся в архивных фондах Музея украинской культуры в Свиднике, печатаются на страницах местных периодических изданий «Нове життя», «Дукля», «Дружно вперед» и др. [18: 291].

Заметное место в исследуемом паремиологическом материале русинов Словакии занимают пословицы и поговорки с анималистическими компонентами. Преобладают наименования животных, используемых в хозяйственной деятельности этноса. Из названий домашних животных в исследуемых паремиях встречаются следующие:

кунь (рус. *конь*) – давний спутник человека, символизирующий трудолюбие, силу, преданность, скорость, выносливость: *За спаня не купиш коня; Коли коня їмають, шапку перед ним знімають; Муцний як кунь, глупий як вул; Кедь би не тот кох, та би ай кунь не здох; Доброго коня і в стайні глядають, а пудлого і на ярмарку не хочуть; Пани са гостять, а коні постять; Кунь на чотирьох лабах са пошпотить;*

кобыла: *Пушов до світа, як кобыла сліпа;*

корова – источник благосостояния и богатства; нуждается в особой защите от нечистой силы; символ женщины (в свадебных песнях – невеста в свадебном наряде), а в ироничных присказках – глава семьи. Её как залог изобилия, как члена семьи оберегали от злого глаза, от ведьм и вообще от всякой нечистой силы. Вместе с тем *корова* – символ материнской любви: «Каждая корова своего теленка лижет»; символизирует также здоровье [9: 306]: *Добру корову не треба сочїти; Горе тому дворові, де розказує корова волові* (о подчинении мужа / мужчины жене/женщине); *Корова забула, коли телятом була* (родители забывают, как сами вели себя в детстве);

теля (рус. *телёнок*): *Ласкавой теля дві корови выссе, а планої ані єдну; Кедь пушла корова, най іде і теля;*

бык в народе выступает символом созидания, следовательно, олицетворением мужчины, парня; это символ силы, мужества, храбрости; выступает также объектом традиционных сравнений (*здоровый, сильный, крепкий как бык*), отражающих образ силы и здоровья; вместе с тем символизирует и глупость, упрямство: *Замолода – парада, за середніх року – як звык, а на старість – тягай – як бык;*

вол (рус. вол) символизирует тяжелую работу, смирение, терпение (работает, как чёрный вол, он в работе, как вол в ярме): *Вул знає, кулько має питу, але чоловік ні;*

свіня/свиня (рус. свинья) – символ плодородия и изобилия; издавна почиталась в народе. Позже свинья стала считаться нечистым животным, поскольку ассоциируется с грязью и всякой нечистью. В народном представлении это животное символизирует неразборчивость и даже глупость [9: 526]: *Кажда свія свуй барлог хоче мати; Кебы свиня роги мала, та бы світ пободала; Мы на свиню вінець, а свиня все лем у кутець;*

коза даёт молоко, мясо и т. п.; самка козла; по старым поверьям, козу связывают с нечистой силой, она бывает и объектом шуточных характеристик: *Кобы коза не скакала, та бы ножку не зламала* и др.

Домашними любимцами исследуемого этноса также являются:

пес (рус. собака, пёс) используется для охраны, на охоте и т. д.; с глубокой древности это животное стало символом верности (отсюда – *верный, как собака*); вместе с тем может воплощать злость, жестокость, недоброжелательность (отсюда – *злой, как собака*), причём особенно опасны бешеные собаки (отсюда – *бояться, как бешеной собаки (бешеного пса)*); опасно дразнить собак, когда они в своре [9: 557–558]: *Не тот пес кусать, шо бреше; Не буде з пса солонина, ани з вовка баранина; Так ті ся хоче робити, як голодному псови воду хлелтати; Де са свої пси кусавуть, ний са чужі не мішавуть;*

мачка (рус. кошка), **коцур** (рус. кот): *І мачка є добра сокачка, кить є в чум. Ізів коцур сало, кричить «мало»* и др.

Из домашней птицы опорными словами-компонентами в паремиях чаще всего выступают слова:

курка (рус. курица) – её разводят на мясо и для получения яиц; издавна служит традиционным символом счастья и плодovitости, поэтому является ритуальной (и жертвенной) в свадебных обрядах; объект метафорического переосмысления в тех паремиях, где поведение птицы переносится на поведение человека. В народном представлении курица (в частности, её перья) ассоциируется также с нечистой силой; наблюдая за тем, как куры клюют зерно, гадали на новый урожай; куры символизируют также глупость [9: 323]: *Та мі ся упало, як сліпій курці зерно; Курка, шо не поїсть, та розгребе;*

когут (рус. петух) в народной образности выступает прежде всего символом света и солнца, приход которых он возвещает; петух украшает собой двор и дом в целом (*Без петуха – изба глухая*); выражение *красный петух* символизирует поджог, пожар. У русинов также используется при отражении социального неравенства, хвастовства: *Богачові і когут яйця несе, а худобному і курка не хоче; І когут на своїму смітю наймудріший.*

Наиболее частыми наименованиями диких животных в исследуемых паремиях выступают:

вовк (рус. волк) символизирует неблагодарность, злобу и жестокость, ненасытность, корыстность, эгоизм, опасность, несчастье, взаимную поддержку злых людей, а также опытность и голодную жизнь, голод [9: 103]: *Мы за вовка, а вовк за дверми; Хто ся вовка боїть – до ліса ний не йде; Ші вовка не їмили, а вже на нього пили;*

лишка (рус. лиса) связывается с хитростью, хвастливостью; это животное выступает также объектом шутки, насмешки: *Кажда лишка свуй хвуст хвалить;*

заць (рус. заяц) – так же, как и у многих народов, символ трусости, быстроты бега, объект сравнения: *Робота не заць, не утікне.*

Группа зоонимов, обозначающих птиц, составляет меньшее количество. В исследуемом фактическом материале выделяются такие названия, как:

ворона – в народе эта птица олицетворяет зловестность, её карканье не предвещает ничего хорошего; птица символизирует также жадность, алчность, злобное оговаривание, сплетничанье, неблагодарность, беспорядок, галдеж [9: 116–117]. Известна пословица *Ворона вороні воко не выколе;*

воробель (рус. воробей) – в народном представлении этой птице присуща свадебная символика; образно осмысляется её ловкость, расторопность, а также воровство как отражение недоброй славы. Старому (стреляному) воробью народ не отказывает в мудрости и уловках; птица символизирует также легкомысленность, жизнерадостность и выносливость; выступает и воплощением меньшего размера и малой меры [9: 146–147]: *Ліпше мати воробля в руці, як голуба на стрісі;*

голуб (рус. голубь) – у многих народов мира (в т. ч. и русинского) голуби выступают символом всего нежного и вечной любви, поэтому говорят: *Миловаться, как пара голубей*, у русинов: *Живуть як голубята;*

потя (рус. птичка) – в древней мифологии птицы представляются создателями мира; много древних весенних хороводов имеют названия птиц. С птицами связано бесчисленное количество народных легенд, пословиц, поговорок, сказок; особенно любят в народе перелётных птиц, прилетающих с юга (из рая); они воспринимаются как вестники весны, приплода, урожая, добра, здоровья и счастья [9: 489]. У русинов бытует паремия: *Як потя їмають, та го гладкають* и др.

Среди зоонимов, обозначающих насекомых, наиболее распространены: **блыха** (рус. блоха), **муха**, **вош** (рус. вошь), **павук** (рус. паук) и др.: *Сита і блыха менше кусать; Добра псови муха, кедь не є восуха; Пила бы і вош, кобы їй мож; Шо булшой як вош, шыткой одлож; Павук і плану не має, а красну сіть зробити знає.* Зоонимы в составе паре-

мий указывают на значимость упоминаемых живых существ в жизни человека, поэтому часто их качества переносятся на особенности человека и наоборот.

В паремиологическом фонде русинов встречаются также фитонимы, обозначающие растения, деревья и кусты, плоды, овощи и фрукты. О растениях в поверьях Надежда Вархол издала ценную работу «Растения в народных поверьях русинов-украинцев Прешовщины» («Рослини в народних повір'ях русинів-українців Пряшівщини», 2002). Ботаническую лексику изучаемого этноса автор записала и проанализовала в монографии «Номинативные модели в ботанической номенклатуре» («Nominatívne modely v botanickom názvosloví», 2017) [17].

Растения в языке русинов представлены широко и разнообразно, они использовались в народном обиходе и хозяйственной деятельности, служили продуктами питания, применялись для лечения, а некоторые оберегали человека от злых сил: *Стару верьбу не пересадит* (о старом человеке в новой среде); *Старый стром шкода пересаджовати*; *Великий як дуб, глупый як слуп* и др. Дуб испокон веков почитался в народе как большого размера дерево с твёрдой древесиной. Верили, что это необычное дерево, потому что его любили боги и селились на нём. По поверью, дуб был деревом Перуна, поэтому ему приносили жертвы; ценили твёрдую древесину дуба – делали из неё прочную мебель. Дуб сравнивали с человеком. Это дерево в целом имеет богатую народную символику; в песнях оно отождествляется с мужчиной, чаще всего отцом, а также парнем, казак. В пословицах дуб символизирует важное дело, здоровье, силу, могущество; в свадебных присказках и пожеланиях – супружескую жизнь [9: 203–204].

В исследуемом регионе Словакии бытуют такие паремии с компонентом-фитонимом: *Кідь ся терня з черешеньков снубить, мороз шытко згубить*; *Якись із бучка падав та ші одпочівав*; *Родини як вербины а никого свого* (говорят о большой разветвленной семье); *Тримать са як репій кожуха*; *Тихо як бы мак сіяв*; *Старый біб та й задержав цілий рід*; *Часнок девять хворіб загоїт а цибуля* [рус. лук] *девять хворіб насобит*; *Планка* [рус. яблоко] *вуд планкы далеко не впаде* и др.

Кроме лечебных, растениям приписывались и магические свойства. Такие растения должны были охранять человека и его имущество от нечистых сил, несчастья или стихийного бедствия. Зубчики чеснока, например, вплетали в барвинковый венок невесты как охранное средство от всего зла и для обеспечения здоровья молодой паре [2: 4, 24].

Значительное количество исследуемых пословиц и поговорок связано с едой и продуктами питания. Лексику, обозначающую пищу,

проаналізувала в своїй монографії «Народные блюда и напитки» («Народні страви і напої» [6]) Зузана Ганудель. Автор отмечает, что старые традиционные блюда и продукты питания выходят из употребления. Сегодня забываются названия таких блюд, как *виш'інок*, *адз'імка*, *посух*, *кныш*, *баник*, *пошкрібок* и др., которые вытесняются новыми. Подавляющее большинство названий блюд у русинов Словакии относится к общеславянским (*білок*, *баранина*, *воловина*, *голубки*, *юха*, *капуста*, *ковбаса*, *молоко*, *свинина*, *телятина*), вторую группу составляют специфические диалектизмы (*баля*, *трепаньки*, *хл'іпане* *галушки*, *варянка*, *боршнянка*, *даровач'ка*, *зимуха*, *сподина*), спорадически встречающиеся названия (*засівал'ник*, *папч'а*, *пахняч'ій*, *торганик*, *радісник*, *шляма*, *хамуля*) и иноязычные напластования [6: 141–149]. Из продуктов питания регулярными компонентами являются *сыр*, *масло*, *мясо* (рус. *мясо*), *бандурки* (рус. *картофель*), *хрін* (рус. *хрен*), *колач*, *паска* (рус. *пасха*), *пирогы* (рус. *пирог*), *поливка* (рус. *суп*), *кобаса* (рус. *колбаса*), *мёд* и др. Из напитков часто встречаются лексические компоненты *вода*, *молоко*, *вино* и др. Названия еды, а также напитков у русинов стали компонентами паремиологических единиц: *Мала грудка, самый сыр; Як будеш раховати сыр, масло, не будуть пироги; Пан поливку* [рус. *суп*], *а циґан м'ясо; Хто поїв м'ясо, ний грызе кустя; Чир* са сам уварить, кить са не доварить; *На вечирю лем бы чир*, хоць рідкого, лем бы много; *Бандурки* печены, мы на то научены; *Як са хробак до хріну зарыє, та думає, же ліпшой не є; Не плач, не плач, куплю ті колач; Добра паска, кить є і кобаска; У мойой кумы, добры пироги; Де є робота, там є і мед; Дарьмо плакати над розлятым молоком; Вино* на радуть, але одоберать мудрость; *Так са ня тримаш, як вода на решеті*. Как пишет З. Ганудель в своей монографии, «Всяку гостину починали від сыру. Раритетом вважався так званий кл'аґаний сыр або гіркий сыр. Сыр їли з хлібом руками або виделков. Після сыру подавали м'ясний суп, а потім всі інші страви» [6: 204].

Преобладающее количество компонентов славянского происхождения встречается и в составе паремиологических единиц других славянских языков. Зузана Ганудель о связанных с едой обычаях и этикете в упоминавшейся монографии отмечает, что «у минулому, а не рідко, ще й сьогодні, наше населення дотримувалось певного етикету, пов'язаного з їжею і харчуванням. Він був нормою, якою керувались люди у своєму побуті. Мужчини, діти та молодша челядь, як правило, їли за столом сидячи, а жінки і дівчата – навстоячки. Старші жінки їли біля печі. За столом їли з однієї миски. Кожний член сім'ї мав свою ложку. Після їжі ложку клали ниць. Якщо у когось хліб падав на землю, його піднімали і цілували. Хліб ніколи не кидали, бо вважали це гріхом. На стіл ніколи не сідали, бо на столі лежав святий хліб. Коли починали

їсти, завжди перехрестилися або прочитали молитву. Так робили і після їжі. Якщо починали різати буханку хліба 'підпалок', то на спідній частині хліба робили ножем хрест, аж потім його розрізали» [6: 203]. Из сказанного следует, что русины с большим уважением относятся к хлебу и другой выпечке, о чём свидетельствуют и многочисленные их названия: *путпалок, підпал'а, житный хліп, млинц'овый хліп, пахн'ачій хліп, пшенічний хліп, пекл'ований хліп, колач, паска, кушок* и др. Об этимологии названий см. [6: 23–57]. Название **хліб/хлібець/хлебчик** в ряде случаев в одном контексте с другими обозначениями еды, продуктов питания и напитков бытует также в народных пословицах и поговорках: *Вшиткой са приїсть, лем хліб ні; Де хліб і вода, там не є голода; Голодній кумі, лем хліб на думі; Яка мука, такий хліб; Кадыль хлоп махне, тадыль хлібом пахне; Хоць хліба не было, холем тепло было; Який-такий ремесличок, але все має свуй хлебчик*.

Семантика паремий с компонентом **хліб** связана с работой, заработком, средствами существования и др. Хлеб является символом труда, благополучия и жизни. Исследуемые пословицы обычно имеют поучительный характер: *Хто в літі лініє, тот в зимі голодіє; Хто як сіє, так жне; Як собі постелиш, так будеш спати; Кому ся не лінить, тому ся зеленить; Там не посходиш, де тя не посіють; Хто як робить, так має* и др. В анализируемых паремиях замечается игра слов, рифмовка, шутливое отражение смысла: *Добра паска, кидь є і кобаска; Бог створив бандурки на то, жебы і бідняк мав з кого скору дерти; Такий са мі хлібець удав, попід скору коцур бігав, ші і хвостик закачурич, бы са скоры не дотулив* и др.

Заклучение

Основой различных культур, включая русинскую, является система ценностных ориентаций, отражённых в пословицах и поговорках. Их изучение способствует более глубокому пониманию этноса, его языка, традиций и верований. Языковой анализ паремиологического фонда русинов даёт возможность исследовать главные ценностные приоритеты, отражённые в языке. Посредством языка происходит передача опыта, обычаев, традиций и верований. Паремии характеризуют человека по физическим и внешним признакам, интеллектуальным особенностям, от поколения к поколению оценивают его поступки, деятельность и т.д. Самыми частотными в паремиологическом корпусе русинов среди единиц с анималистическим компонентом являются лексемы *кінь, корова, свиня, коза, мачка, курка*; из фитонимов в составе пословиц и поговорок преобладают наименования растений, деревьев, плодов, в т. ч. овощей и фруктов: *верьба, стром, дуб, терня*,

черешенька, біб, часнок і др. Замітне місце в пареміях займають найменування продуктів харчування: *поливка, пироги, паска, ковбаска* і др. Перспективою нашого дослідження є сопоставительний аналіз паремій. В зібраному фразеологічному і пареміологічному матеріалі багато діалектних одиниць, загальних з одиницями інших мов; численну групу складають локалізми, характерні для досліджуваного регіону: *потя, сокачка, воробиль* і др. Систематизація матеріалу за семантичними і тематичними параметрами дозволить виявити загальні і специфічні тенденції в розвитку і функціонуванні русинських паремій в слов'янському і загальнослов'янському контексті.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Для позначення корінного русинського населення Словаччини в нинішній час використовуються етноніми *русины, русины-українці*, а також спостерігається імпліцитне позначення цього народу в широкому розумінні терміну *українці*. Ця особливість відображена в назвах аналізованих збірок, т. є. термінологія нестабільна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вархол Й.* Календарна та сімейна обрядовість українців Словаччини. Київ: ІМФЕ ім. М. Рильського НАН України, 2019. URL: <http://etnolog.org.ua/pdf/stories/monografiji/2019/varhol.pdf> (дата звернення: 20.12.2020).
2. *Вархол Н.* Рослини в народних повір'ях русинів-українців Пряшівщини. Пряшів: Exco s.r.o., 2002. 152 с.
3. *Вархол Н., Івченко А.* Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини. Пряшів: Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі, відділ української літератури в Пряшеві, 1990. 160 с.
4. *Вар'ян Н.* Дрібні фольклорні жанри в Старинській долині // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 1979. № 9. Книга друга / За редакцією Івана Русинка. Братислава: Братиславське словацьке педагогічне видавництво, відділ української літератури у Пряшеві, 1979. С. 255–302.
5. *Гал'ашова А.* Стружницькими пішниками. Пряшів: Русинська оброда, 1993. 206 с.
6. *Ганудель З.* Народні страви і напої. Братислава; Пряшів: Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі, відділ української літератури в Пряшеві, 1987. 216 с.
7. *Ганудель З.* До структурної та семантичної класифікації фразеологізмів села Пихонь // За культурну національну єдність. Пряшів: Союз русинів-українців Словацької Республіки, 2018. С. 187–192.
8. *Ганудель З.* Генетична класифікація фразеологізмів говірок сіл Пихонь і

Видрані // За культурну національну єдність. Пряшів: Союз русинів-українців Словацької Республіки, 2018. С. 193–199.

9. Жайворонок В.В. Знаки української етнокультури: словник-довідник. Київ: Довіра, 2006.

10. Ковальська Н.А. Семантико-стилістичні функції паремій: теоретичний аспект // Культура народів Причорномор'я. 2004. № 47. С. 22–28. URL: <http://dspace.oneu.edu.ua/jspui/handle/123456789/4454> (дата обращения: 20.12.2020).

11. Матеріали з комплексного дослідження Старинської долини на Снинщині в 1975–1978 рр. Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. № 9. Книга друга / За редакцією Івана Русинка. Братислава: Братиславське словацьке педагогічне видавництво, відділ української літератури у Пряшеві, 1979. 632 с.

12. Мушинка М. З глибини віків. Антологія усної народної творчості українців Східної Словаччини. Братислава: Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі, Відділ української літератури в Пряшеві, 1967. 396 с.

13. Недзельський Є. З уст народу. Прислів'я – приказки – заклинання – загадки – примовки Закарпаття. Пряшів: Видавництво Культурної спілки українських трудящих, 1955. 364 с.

14. Пазяк М. Прислів'я та приказки: Природа. Господарська діяльність людини. Київ: Наукова думка, 1989. 480 с.

15. Українська мова. Енциклопедія / За ред. І.В. Муромцева. Київ: Майстер-клас, 2011. 400 с.

16. Цигра Ю., Легдан І. Народ скаже – як зав'яже. Братислава: Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі, Відділ української літератури в Пряшеві, 1967. 303 с.

17. Čižmárová M. Nominačné modely v botanickom názvosloví. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2017. 291 с.

18. Чижмарова М. Вивчення фразеології та пареміології русинів-українців Словаччини // Науковий вісник Ужгородського університету. 2020. С. 288–293.

19. Шмайда М. ...А іші вам вінчую... Календарна обрядовість русинів-українців Чехо-Словаччини. Братислава: Словацьке педагогічне видавництво, відділ української літератури в Пряшеві, 1992. Т. I. 502 с.

REFERENCES

1. Warhol, J. (2019) *Kalendarna ta simeyna obryadovist' ukrainsiv Slovachchini* [Calendar and Family Ritual of Ukrainians of Slovakia]. [Online] Available from: <http://etnolog.org.ua/pdf/stories/monografiji/2019/varhol.pdf> (Accessed: 20th December 2020).

2. Warhol, N. (2002) *Roslini v narodnikh povir'yakh rusiniv-ukrainsiv Pryashivshchini* [Plants in the Folk Beliefs of Rusin-Ukrainians of Prešov Region]. Prešov: Exco s.r.o.

3. Warhol, N. & Ivchenko, A. (1990) *Frazeologichnyi slovník lemків's'kikh govirok Skhidnoi Slovacchini* [Phraseological Dictionary of Lemko Dialects of Eastern Slovakia]. Prešov: Slovač's'ke pedagogične vydavnistvo v Bratislavi, viddil ukraїns'koї literatury v Pryashevi.

4. Varyan, N. (1979) Dribni fol'klorni zhanri v Starins'kij dolini [Small Folk Genres in Starinska Valley]. In: Rusinok, I. (ed.) *Naukoviy zbirnik Muzeju ukraїns'koї kul'turi u Svidniku*. Vol. 9(2). Bratislava: Bratislav's'ke slovač's'ke pedagogične vydavnistvo, viddil ukraїns'koї literatury u Pryashevi.

5. Gal'ashova, A. (1993) *Struzhnitskyma pishnikami* [Struzhnitsky Walkways]. Prešov: Rusins'ka obroda.

6. Ganudel, Z. (1987) *Narodni stravi i napoi* [Folk Dishes and Drinks]. Bratislava; Prešov: Slovač's'ke pedagogične vydavnistvo v Bratislavi, viddil ukraїns'koї literatury v Pryashevi.

7. Ganudel, Z. (2018a) Do strukturnoi ta semantichnoi klasifikatsii frazeologizmiv sela Pikhon' [To the Structural and Semantic Classification of Phraseology of the Village of Pykhon]. In: Ganudel, Z. (ed.) *Za kul'turnu natsional'nu ednist'*. Prešov: Union of Rusin-Ukrainians of the Slovak Republic. pp. 187–192.

8. Ganudel, Z. (2018b) Genetichna klasifikatsiya frazeologizmiv govirok sil Pikhon' i Vidrani [Genetic Classification of Phraseology of Dialects in Pykhon and Vidrani Villages]. In: Ganudel, Z. (ed.) *Za kul'turnu natsional'nu ednist'*. Prešov: Union of Rusin-Ukrainians of the Slovak Republic.

9. Zhayvoronok, V. V. (2006) *Znaki ukraїns'koї etnokul'turi: Slovník-dovidnik* [Signs of Ukrainian ethno cultural: Dictionary-reference book]. Kyiv: Dovira.

10. Kovalska, N.A. (2004) Semantiko-stilistichni funktsii paremiy: teoretichnyi aspekt [Semantic and stylistic functions of paremias: a theoretical aspect]. *Kul'tura narodov Prichornomor'ya*. 47. pp. 22–28. [Online] Available from: <http://dspace.oneu.edu.ua/jspui/handle/123456789/4454> (Accessed: 20th December 2020).

11. Anon. (1979) Materiali z kompleksnogo doslidzhennya Starins'koї dolini na Snynshchini v 1975 – 1978 rr. [Materials on a comprehensive study of the Starinska Valley in the Snynshchyna region in 1975–1978]. In: Rusinok, I. (ed.) *Naukoviy zbirnik Muzeju ukraїns'koї kul'turi u Svidniku*. Vol. 9(2). Bratislava: Bratislav's'ke slovač's'ke pedagogične vydavnistvo, viddil ukraїns'koї literatury u Pryashevi.

12. Mushinka, M. (1967) *Zglibini vikiv. Antologiya usnoi narodnoi tvorchosti ukraїntsiv Skhidnoi Slovacchini* [From the Depths of Ages. Anthology of Oral Folk Art of Ukrainians of Eastern Slovakia]. Bratislava: Slovač's'ke pedagogične vydavnistvo v Bratislavi, Viddil ukraїns'koї literatury v Pryashevi.

13. Nedzelsky, E. (1955) *Zust narodu. Prisliv'ya – prikazki – zaklinannya – zagadki – primovki Zakarpattya* [The Nation's Word of Mouth. Proverbs – Sayings – Incantations – Riddles – Sayings of Transcarpathia]. Prešov: Vydavnistvo Kul'turnoi spilki ukraїns'kikh trudyashchikh.

14. Pazyak, M. (1989) *Prisliv'ya ta prikazki: Priroda. Gospodars'ka diyal'nist' lyudini* [Proverbs and Sayings: Nature. Human Economic Activity]. Kyiv: Naukova dumka.

15. Muromtsev, I.V. (2011) *Ukraїns'ka mova. Entsiklopediya* [Ukrainian Language. Encyclopedia]. Kyiv: Mayster-klas.

16. Tsyhra, Yu. & Lehdan, I. (1967) *Narod skazhe – yak zav'yazhe* [People Will Say How to Tie It]. Bratislava: Slovats'ke pedagogichne vydavnistvo v Bratislavi, Viddil ukraïns'koï literaturi v Pryashevi.

17. Čižmárová, M. (2017) *Nominačné modely v botanickom názvosloví* [Nomination Models in Botanical Nomenclature]. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.

18. Čižmárová, M. (2020) *Vivchennya frazeologii ta paremiologii rusiniv-ukraïntsi Slovacchini* [Study of Phraseology and Paremiology of Rusin-Ukrainians in Slovakia]. *Naukoviy visnik Uzhgorods'kogo universitetu*. pp. 288–293.

19. Schmaida, M. (1992) *...A ishi vam vinchuyu....* . *Kalendarna obryadovist' rusiniv-ukraïntsi Chekho-Slovachchini* [...And I am also wishing you.... Calendar rituals of Rusin-Ukrainians of Czechoslovakia]. Vol. 1. Bratislava: Slovats'ke pedagogichne vydavnistvo, viddil ukraïns'koï literaturi v Pryashevi.

Чижмарова Мария – кандидат филологических наук, профессор Института украинистики Пряшевского университета (Словакия).

Maria Čižmarova – Institute of Ukrainian Studies of the University of Presov (Slovakia).

E-mail: maria.cizmarova@unipo.sk

УДК 94(=1.439=161)"1849"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/13

Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров – участников Венгерского похода 1849 г.

**Составление, вступительная статья и комментарии кандидата
исторических наук М.Ю. Дронова. М.: Граница, 2020. 159 с.**

К.В. Шевченко

Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске

Беларусь, 220107, г. Минск, ул. Народная, 21

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Rusins of the Austrian Empire in diaries and memoirs of the Russian officers – participants of the Hungarian campaign of 1849

**Compilation, introductory article and comments
of M.Yu. Dronov, PhD in History. Moscow: Border, 2020. 159 p.**

K.V. Shevchenko

Minsk Branch of Russian State Social University,

21 Narodnaya Street, Minsk, 220107, Belarus

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Революции, прокатившиеся по Европе в 1848–1849 гг., стали мощным катализатором политического и социально-экономического развития государств Центральной Европы, оказав колоссальное влияние и на славянские народы Австрийской империи [2: 72–73]. Для коренного восточнославянского населения Галиции и Угорской Руси – галицких и угорских русинов – революция 1848 г. в известной степени может считаться отправной точкой их национального возрождения, которое в силу ряда факторов началось позже, чем у

соседних западнославянских народов. Существенную роль в становлении национальной идентичности карпатских русинов и культурно-языковой ориентации русинской интеллигенции сыграл Венгерский поход 1849 г., в ходе которого почти двухсоттысячная русская армия под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, выполняя союзнические обязательства России перед Австрией, подавила антигабсбургское венгерское восстание.

Тесные контакты русинского населения Галиции и Угорской Руси с солдатами и офицерами русской армии обнаружили их очевидное этнокультурное, языковое и конфессиональное родство, стимулировав стремительный рост уже существовавших русофильских настроений среди местной интеллигенции. Это, в свою очередь, оказало колоссальное влияние на последующий культурно-языковой облик национального возрождения русинов Галиции и Угорской Руси, надолго предопределив его цивилизационный вектор.

Подготовленный и изданный в 2020 г. известным московским историком-русинистом М.Ю. Дроновым сборник воспоминаний русских офицеров – участников Венгерского похода 1849 г. об их контактах с русинами Галиции и Угорской Руси представляет собой удачную подборку ценных исторических источников, свидетельствующих о материальном положении, умонастроениях и церковной жизни русинов, а также о сложных межнациональных отношениях в данном регионе Австрийской империи, пропущенных сквозь призму восприятия русских офицеров.

Сборник предваряет обширное введение, в котором его составитель М.Ю. Дронов, констатируя многовековые традиции культурных связей между Россией и русинами Галиции и Венгрии, справедливо замечает, что именно Венгерский поход 1849 г. в наибольшей степени «вошёл в народную память русинов и, как принято считать, даже повлиял на их последующее самосознание» [1: 7]. Перебрасывая мостик в современность, учёный констатирует, что «сегодня основная часть потомков русинов, встреченных армией Паскевича, относит себя в национальном отношении либо к украинцам, либо к четвёртому восточнославянскому народу – карпаторусинам... Так получилось, что, к сожалению, именно на современной Западной Украине... чаще всего встречаются проявления радикального национализма, выраженного в ненависти к России и этническим русским. На волне политической конъюнктуры в массовом сознании планомерно купируются исторические пласты, не вписывающиеся в националистическую парадигму. На этом фоне свидетельства о встречах 1849 г. убедительно опровергают распространённые утверждения о естественном антагонизме русских и украинцев...» [1: 7]. К этой справедливой констатации

можно добавить, что русинское население Галиции и Угорской Руси, не обладавшее в середине XIX в. украинским самосознанием, даже не подозревало, что их потомки несколько поколений спустя окажутся «украинцами».

Практически все офицеры – авторы воспоминаний о Венгерском походе отмечали исключительную доброжелательность галицких русинов в отношении вступившей в Галицию русской армии. Так, М.Д. Лихутин, являвшийся в 1849 г. младшим офицером при штабе 4-го пехотного корпуса, вспоминал: «...простой народ, русняки, встречали русских военных приветливо, радовались нашему приходу и громогласно высказывали надежды на скорое усмирение мадьяров; удовольствие сияло на их лицах. Когда я подходил к толпе мужиков на улице или входил в корчму, передо мной все снимали шапки. Если приближался пан, мужики тотчас надевали шапки и задорно подбочивались. На вопрос мой, отчего они высказывают такое неуважение к панам, они отвечали, что эти... уже не паны им и не стоят никакого уважения» [1: 31].

При откровенно негативном отношении к местной польской шляхте галицкие русины демонстрировали полную лояльность и преданность Австрии и особенно австрийскому императору. По словам М.Д. Лихутина, если в разговоре упоминалось об австрийском императоре, то «крестьяне снимали шапки и говорили о нём с преданностью, с благоговением – австрийское правительство умело привязать к себе простой народ Галиции разными мерами в его пользу» [1: 31]. Примечательно в этой связи, что Лихутину и его коллегам – русским офицерам австрийская Галиция «показалась несравненно богаче, устроеннее и красивее наших соседних губерний: местечки и города обустроены хорошо, улицы вымощены; страна изрезана шоссе; в деревнях избы просторные, чистые, все выбеленные; крестьяне одеты чище и, видимо, зажиточнее, чем у нас. Всё это производило странное впечатление, и невольно являлся вопрос, отчего у нас хуже» [1: 30].

Убедившись в положительном отношении к России и русской армии со стороны местных русинов, Лихутин задал нескольким русинам вопрос о том, не хотели ли бы они присоединиться к России. К его удивлению, ответ был отрицательным – по словам русинов, «у нас лучше. У вас дана большая воля панам и исправникам» [1: 32]. Комментируя данный ответ русинов, Лихутин добавлял, что от знакомых русских офицеров, бывавших в Турции, он слышал, что «даже турецкие славяне, любя нас и желая нам успеха, боялись быть присоединены к России, ссылаясь также на панов и исправников» [1: 32]. Впрочем,

барон А.И. Дельви́г, участвовавший в Венгерском походе, упоминал о русинах, говоривших ему, что они были бы очень довольны, если бы император Николай «забрал Галицию» [1: 85].

Другой русский офицер, прапорщик Камчатского егерского полка П.В. Алабин обращал внимание на то, что далеко не всё население Галиции приветствовало русскую армию. «Нами восхищалась, нами гордилась, торжествовала и ликовала при нашем вступлении в Галицию партия русинов, составляющая три четверти всего населения Галиции», – писал он [1: 54]. При этом, по словам Алабина, некоторые жители Львова демонстративно игнорировали «наше торжественное вступление в их город... приняв мрачный и угрюмый вид» [1: 53]. Наблюдения за галицкими русинами позволили П.В. Алабину сделать вывод о том, что «русский народ в Галиции всё время польского над ним владычества хранил неприкосновенно свои обычаи, свой русский язык, конечно в несколько искажённом виде... но религия его предков искажилась унией» [1: 54]. Анализируя свой опыт общения с русинским греко-католическим духовенством в Галиции, он предположил, что «униатские ксёндзы русинов, может быть, разделяя сочувствие к нам своей паствы, по-видимому, искренно нам преданы. Многие из них приходили поближе познакомиться с нами, откровенно нам высказывая, что они гордятся нами как своими братьями перед немцами и поляками, и сопровождали нас приветами и благословениями...» [1: 54].

Несмотря на в целом слабую информированность о восточнославянском населении Галиции, некоторые из русских офицеров имели определённое представление о научной и культурной жизни галицких русинов, упоминая, в частности, изданные к этому времени галицко-русские литературные сборники, основанную во Львове газету «Зоря Галицкая» и Галицко-русскую матицу во Львове. По словам пехотного офицера М.М. Левченко, «замечательно стремление русинов к образованности... Деревушка, состоящая всего из 45 дворов, просит позволения учредить у себя школу на своём содержании... Главным двигателем русинов к образованности служит, надо сказать к чести его, униатское духовенство» [1: 27].

Вступление в Венгрию и первые контакты с угорскими русинами были особо отмечены в воспоминаниях русских офицеров, т. к. это было связано с преодолением существенного в то время географического препятствия – Карпатских гор, красоты которых не оставили их равнодушными. Угорские русины встретили русскую армию с радостью, энтузиазмом и готовностью оказать помощь, что подчёркивало большинство оставивших воспоминания офицеров. «Руснаки обра-

довались приходу русских и встретили нас с доверчивостью, – писал М.Д. Лихутин. – Толпы их – мужчины, женщины и дети – собирались к бивуакам войск, приносили всё, чем могли угостить: кур, яиц, молока, масла, и некоторые не хотели брать предлагаемую им плату» [1: 37].

Более близкое знакомство с угорскими русинами и их бытом привело русских офицеров к выводу о близком родстве русинов и населения западных губерний Российской империи. «Родственное сходство с нами заметно во всём. После трёх дней пребывания в Карпатах я мог объясняться с ними довольно свободно, и они понимали меня, – вспоминал Лихутин. – Одевание русинов состоит из белой рубашки и портов, как у наших белорусов... Некоторое носят бурки, заимствованные ими у венгерцев. Ходят большей частью босиком, особенно летом... Их дома снаружи не выбелены, сколочены из толстых брёвен, как в России... Под одною кровлею устроены и разделены стенами жилая комната, иногда две, кладовая, амбар, конюшня и проч. В некоторых избах комнаты внутри выбелены, в большей же части чёрные, и есть даже курные избы с тараканами; пол глиняный. Одежда женщин также похожа на нашу западных губерний» [1: 34]. По воспоминаниям русского офицера барона А.И. Дельвига, после перехода Карпат он был поражен «сходством везших меня крестьян с крестьянами великорусского племени, их лошадей, упряжи и телег с русскими крестьянскими лошадьми... Везшие меня крестьяне были русины, несколько сот лет не имевшие ничего общего с их единоплеменниками в Российской империи, а между тем сохранившие так много с ними общего» [1: 84].

Очень подробно русские очевидцы событий описывали многочисленные насилия, которым в то время угорские русины подвергались со стороны венгерской администрации. По свидетельству Лихутина, «венгерцы били и грабили их, брали деньги, лошадей, волов, хлеб, забирали в рекруты всех, кто попадался, от 15 до 40 лет, остальное же население заставляли работать земляные укрепления... для обороны края от русских; не щадили даже церквей, из которых выбирали золото, серебро и другие более ценные украшения» [1: 35]. Несмотря на своё традиционное смирение и «привычку к мадьярскому игу» угорские славяне «роптали и по мере сил уклонялись от притеснений», но при этом, как замечал русский офицер, «о каком-либо сопротивлении карпатских славян мадьярам не было слышно» [1: 35]. По этой причине, подчёркивал Лихутин, «славяне... ждали нашего прихода как спасения; это говорили все, с которыми мне приходилось иметь сношения. Многие из них перебегали в Галицию, являлись к начальникам австрийских и русских войск и оставались здесь до перемены обстоятельств; втихомолку ловили поляков, которые шли из Галиции

для поступления в венгерские войска, и сдавали их австрийцам и нам...» [1: 35].

Существенное место в своих воспоминаниях русские офицеры уделили размышлениям о причинах столь бедственного и угнетённого положения угорских русинов и их отношениям с мадьярами и немцами. Отличительной чертой подобных размышлений было горячее сочувствие к судьбе своих карпатских соплеменников и разная мера критики в адрес венгерских и австрийских властей.

Так, М.Д. Лихутин полагал, что крайне приниженное состояние венгерских славян, прежде всего русинов и словаков, было вызвано прямым завоеванием местных славян кочевой мадьярской ордой в конце IX в. «Венгерские славяне были покорены, разгромлены и подпали под тяжелое иго, были унижены подавлены нравственно», – констатировал он [1: 41]. Крайнее возмущение Лихутина и других русских офицеров вызывало услышанное ими от мадьяр мнение: «...мы покорили славян силою оружия и имеем над ними право завоевания. Всё, что мы даём им, – наша милость, а не обязанность» [1: 40]. По словам русского офицера, в Венгрии «часто случалось слышать мнение, высказываемое мадьярами и немцами, что владычество их очень полезно славянам, народу грубому, невежественному и безнравственному... Мнение о благотворном цивилизующем влиянии немцев и мадьяр на славян высказывается печатно в немецкой и мадьярской литературах, его придерживаются некоторые учёные люди у нас в России. Высказываемое на месте всякой дрянь, – эмоционально заключал Лихутин, – оно кажется насмешкою над бедственным положением славян и новым оскорблением, бросаемым им в лицо» [1: 41].

Ряд свидетельств русских офицеров отразил и довольно высокие темпы ассимиляции той части русинов, которые жили на равнине в непосредственном контакте с венгерским населением. Так, находясь в селе Бёкёнь (венг. Bököny) неподалеку от г. Дебрецен, русский офицер М.М. Левченко, малорус по происхождению, обратил внимание на восточный церковный обряд венгероязычных жителей этого села, при этом хозяин дома, где он остановился, прочёл «Отче наш» на славянском языке. Позже Левченко выяснил, что все жители этой и ближайших деревень – «малорусы или, как их здесь называют, русняки, но так омадьярены, что только старики помнят родной язык» [1: 22]. В качестве причин столь стремительной мадьяризации Левченко усматривал влияние школы и церкви. По его словам, «в школах, находящихся здесь в каждой деревне, учат по-венгерски, даже в последнее время разосланы по церквям священные книги на венгерском языке, а на славянском запрещено исправлять службу» [1: 22].

Что касается униатской церкви и униатского русинского духовенства, то русские офицеры, с одной стороны, отмечали их бедность в сравнении с римско-католической церковью, с другой стороны, их большое сходство с православным духовенством в России. По словам барона А.И. Дельвига, «у всех церквей, расположенных на большой дороге, стояли священники с причтом, испрашивая подаяние для церквей. Священники униаты были одеты так же, как наши православные, они были в рясах и епитрахиях чрезвычайно бедных. Бедность униатских церквей и духовенства в сравнении с римско-католическими должна была весьма неприятно поражать проезжающего, в особенности православного» [1: 84]. Показательно, что подобные отзывы о крайней бедности униатской церкви и священников в сравнении с римско-католической церковью оставляли и путешественники, посетившие белорусско-литовские губернии до проведения Полоцкого церковного собора и воссоединения белорусских униатов в 1839 г.

Общие итоги Венгерского похода, судя по всему, вызывали не самые позитивные эмоции у русских офицеров, небезосновательно замечавших, что в перспективе они лишь подорвали позиции России. Так, по мнению барона А.И. Дельвига, «наш поход в Венгрию, столь непопулярный в России и столь, по-видимому, успешно оконченный, имел, по моему мнению, самые невыгодные последствия для России. Венгерцы нас возненавидели; славянские племена, обманутые в своей надежде на нашу защиту, стали к нам равнодушнее; австрийцы были недовольны тем, что должны были пользоваться пособием России, и вскоре выказали свою неблагодарность» [1: 85].

При всей обоснованности данного мнения нельзя не заметить, что косвенным результатом данного похода было то, что он способствовал знакомству русской армии с местными русинами и словаками, которые в то время были малоизвестны широкой российской общественности. Что же касается широких масс русинов, то для них опыт общения с русским православным воинством, которое «по-нашему говорит и по-нашему молится», стало своего рода цивилизационным открытием и культурным откровением, оказавшим колоссальное влияние на последующее развитие русинской культуры. Среди русинских детей, приходивших к бивуакам русских войск и с любопытством слушавших разговоры и песни «москалей», был и юный в то время И. Сильвай, впоследствии один из ведущих карпаторусских будителей и убеждённый сторонник русского литературного языка, известный под псевдонимом «Уриил Метеор».

Поколение А. Добрянского, А. Духновича, И. Сильвая и их последователей из числа угрорусской интеллигенции сформировало мощную русофильскую традицию, перед которой длительное время были бессильны глашатаи «украинской идеи» из соседней Галиции. Украинский учёный и культурный деятель из Галиции В. Гнатюк в 1899 г. в чешском журнале «Словански пршеглед» признавал, что отличительной чертой угорских русинов является москвофильство. Описывая угрорусскую интеллигенцию, Гнатюк не без досады отмечал, что «самыми приятными воспоминаниями этих людей являются рассказы о походе русского войска. При этом у них горят глаза, улыбаются уста, озаряются лица... По их убеждению, все славяне должны стать русскими» [3: 220]. Для окончательного выкорчёвывания столь нежелательной для Вены и Будапешта общерусской идентичности русинов австро-венгерским властям в ходе Первой мировой войны пришлось прибегнуть к такому вескому «аргументу», как массовые внесудебные расправы и концлагеря...

ЛИТЕРАТУРА

1. Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров-участников Венгерского похода 1849 года. Составление, вступительная статья и комментарии кандидата исторических наук М.Ю. Дронова. М.: Граница, 2020. 159 с.
2. Шевченко К.В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX века. М.: Regnum, 2011. С. 72–73.
3. Hnatiuk V. Rusíni v Uhrách // Slovanický přehled. 1899. Ročník 1. S. 218–223.

REFERENCES

1. Dronov, M.Yu. (2020) *Rusiny Avstriyskoy imperii v dnevnikh i vospominaniyakh russkikh ofitserov-uchastnikov Vengerskogo pokhoda 1849 goda* [Rusins of the Austrian Empire in diaries and memoirs of the Russian officers – participants of the Hungarian campaign of 1849]. Moscow: Granitsa.
2. Shevchenko, K.V. (2011) *Slavyanskaya Atdantida. Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX veka* [Slavic Atlantis. Carpathian Rus and Rusins in the 19th – first half of the 20th centuries]. Moscow: Regnum.
3. Hnatiuk, V. (1899) *Rusíni v Uhrách* [Rusins in Hungary]. *Slovanický přehled*. 1. pp. 218–223.

Шевченко Кирилл Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин филиала Российского государственного социального университета в г. Минске (Беларусь).

Kirill V. Shevchenko – Minsk Branch of Russian State Social University (Belarus).

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ВАДИМОВИЧА БАБИЛУНГИ

7 июня 2021 г. ушёл из жизни известный историк и политолог Молдавии, академик Международной славянской академии, профессор Приднестровского университета Николай Вадимович Бабилунга.

Николай Бабилунга родился в Кишинёве 20 февраля 1952 г. Его отец Вадим Сергеевич, молдаванин родом из села Гандрабуры Ананьевского уезда Одесской области, был главным редактором телевидения Молдавии в годы его становления, редактировал молдавский вариант газеты «Вечерний Кишинёв». Мать Зинаида Алексеевна, уроженка города Буй Костромской области, заведовала сектором партийного учёта в Ленинском райкоме КПМ Кишинёва. Николай сформировался как человек русской культуры, но определял себя как молдаванина, отметив в одном интервью: «По своему менталитету я молдаванин».

Он окончил исторический факультет Кишинёвского университета и аспирантуру академического Института им. Я.С. Гросула.

Уже в 80-е гг. XX в. выступил против охаивания политики России в Бессарабии под предлогом критики «царизма», в научных статьях и диссертационной работе «Промышленность Бессарабии в конце XIX – начале XX в. Очерк капиталистической эволюции», аргументированно доказав её прогрессивный характер.

К партийной номенклатуре и политике КПСС Н.В. Бабилунга относился критически. Пренебрегая возможностью сделать административную карьеру, остался беспартийным. Однако в предкризисные годы как патриот Советского Союза подготовил в соавторстве школьный учебник на русском и молдавском языках «Страницы истории Молдавской ССР» (1986) и публицистическую книгу о событиях 1905–1907 гг. в Бессарабии «Барометр показывает бурю» (1987).

Идеологом молдавенизма Н.В. Бабилунга проявил себя осенью 1988 г. На публикацию преподавателя истории КПСС «Язык один – алфавит один» (Народное образование, 1988. 19 октября) он ответил хлёсткой и доказательной концептуальной статьей «Наука – не игра в кубики» (Советская Молдавия, 1988. 17 декабря), в которой с позиций молдавского патриотизма дал отпор попыткам «упразднения» молдавской нации. Написанная живо и убедительно статья Бабилунги получила отклик в обществе.

Он отстаивал молдавское этническое сознание, использование этнонима «молдаване» и лингвонима «молдавский язык», традиционной молдавской письменности. Выступал на телевидении и по радио, участвовал в публичных «дискуссиях» с румынистами, разоблачал их выдумки о молдавском флаге, о гербе, о латинице и кириллице, о процессах формирования молдавской нации, о роли румын в молдавской истории.

На фальсификацию разрушителями СССР национальной политики дореволюционной России Н.В. Бабилунга ответил написанием краткой монографии «Население Молдавии в прошлом веке: миграция? ассимиляция? русификация?» (1990). Три вопроса в названии пробуждали мысль читателей; в книге была раскрыта несостоятельность чёрных мифов о положении молдаван в системе Российской империи.

Когда правящая партия отказалась от защиты национального равноправия и молдавской самобытности, Бабилунга выступил одним из организаторов Интердвижения Молдавии. 30 декабря 1988 г. на его квартире состоялось первое совещание инициативной группы. Он поддержал программное требование Интердвижения о придании государственного статуса наряду с молдавским также русскому языку.

В июле 1989 г. Н.В. Бабилунга вместе с группой историков-участников Интердвижения учредил Кишинёвское добровольное историко-просветительское общество «Мемориал». Вошёл в состав правления

всесоюзного «Мемориала». На его пленумах и конференциях бил тревогу по поводу процессов, ведущих страну к распаду. Он предал гласности убийство националистами учащегося техникума Димы Матюшина за то, что он «слишком громко» говорил на улице на русском языке, и попытку устроить 15 ноября 1990 г. в Кишинёве погром, выступил в защиту гонимых исполнительной властью депутатов парламента – сопредседателя Интердвижения В.Н. Яковлева и деятеля гагаузского движения С.С. Курогло.

В мае 1991 г. под предлогом выполнения Закона «О функционировании языков...» национал-радикалы начали этнополитическую чистку в Академии наук, и Н.В. Бабилунга ушёл из Института истории. Научную и преподавательскую работу продолжил в Приднестровском университете. Уже в августе он возглавил первое идеологическое учреждение непризнанной республики – лабораторию «История Приднестровья», а затем и кафедру отечественной истории. Он добился открытия в ПГУ аспирантуры. Трое его бывших студентов защитили в Москве кандидатские диссертации и продолжают научные исследования.

В Приднестровье Бабилунга пользовался духовной свободой, и его научная работа оказалась чрезвычайно плодотворной. В лаборатории были подготовлены сборник документов «Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики» (1993), «Книга Памяти защитников Приднестровья» (1995), «Бендеры 1992 год: сорок трагических дней» (2007), однотомники «Феномен Приднестровья» (2000, 2002) и «Государственность Приднестровья: история и современность» (2010), сборник статей «Россия в исторических судьбах молдавского народа» (2009), коллективная работа о восточной политике Румынии в XX в. «Натиск на Восток» (2011).

В соавторстве с бывшим коллегой по академическому Институту истории Б.Г. Бомешко он подготовил 11 книг курса лекций по истории Молдавии (1992–1997 гг.) и 9 школьных учебников истории родного края, изданных на русском и молдавском языках (1997–2015 гг.). Долгие годы Бабилунга редактировал журнал «Исторический альманах Приднестровья».

Вместе с главным научным сотрудником Института российской истории Российской академии наук профессором В.Я. Гросулом Н.В. Бабилунга разработал план двухтомника «История Приднестровской Молдавской Республики», призванного утвердить приднестровскую государственную идентичность. В 1992 г. приказом ректора ПГУ профессора В.Н. Яковлева Гросул был назначен председателем редколлегии этой работы, а Бабилунга – его заместителем и руководителем авторского коллектива. Труд, рассчитанный на работу целого

поколения историков, вышел уже десять лет спустя. Его авторский коллектив удостоен Государственной премии ПМР.

Идеолог приднестровской государственности участвовал и в движении молдавенистов. 30 мая 1992 г. Н.В. Бабилунга принял участие в учредительном съезде Союза молдаван Приднестровья. Как молдаванин он сформулировал восточную геополитическую ориентацию молдавенизма: «С Россией мы – молдаване! Без России мы – никто! Может быть, мы признали бы себя “второсортными румынами”, да не нашлось в нашей среде таких людей. Мы хотим одного: и вчера, и сегодня, и всегда быть и оставаться молдаванами. Мы не являемся румынами и не будем ими».

Свои воззрения по вопросам молдавской идентичности Н.В. Бабилунга изложил в концептуальной статье «Когда раздаётся клич: правый экстремизм и маргиналы в прошлом и теперь» (В кн.: Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. С. 527–540. (2011)).

На протяжении трёх десятилетий он выступал по этой тематике в периодической печати. Являлся постоянным автором органа движения молдавенистов Приднестровья «Адевърул нистрян», единственной в мире газеты, издаваемой традиционным для молдавской письменности русским гражданским шрифтом. Формируя учителей представления о непрерывности молдавской истории, публиковал очерки о господарях Молдавского княжества, губернаторах Бессарабии времен Российской империи, руководителях Молдавской автономии и Молдавской ССР. В том, что газета обрела популярность, есть и его заслуга. Часть этих статей издана двумя томами – «Бессарабия под русским правлением» и «Бессарабия под румынским правлением» (2020 г.).

Николай Вадимович обладал широким, действительно государственным взглядом на православие и место церкви в жизни общества. При его участии Приднестровский университет совместно с Тираспольской и Дубоссарской епархией ежегодно проводил православную научную конференцию «Покровские чтения». Под редакцией Н.В. Бабилюнга изданы 12 номеров их материалов. Это был полноценный церковно-исторический журнал.

Н.В. Бабилунга владел проблематикой этнической истории Карпато-Днестровских земель. Он входил в состав редакционной коллегии международного исторического журнала «Русин», выступал на его страницах и способствовал разработке истории русинов.

Как авторитетный учёный Николай Вадимович постоянно участвовал в международных научных конференциях, заседаниях «круглых столов», проводимых в странах ближнего и дальнего зарубежья. На

телевизионных передачах и в дискуссиях он был научным лицом Приднестровья.

Научная, учебная и общественная деятельность профессора Н.В. Бабилунги получила заслуженное признание – он был дважды удостоен звания лауреата Государственной премии ПМР, ему было присвоено звание «Отличник народного образования ПМР». Он был награждён медалью «За трудовую доблесть», медалью в честь 20-летия ПМР, орденом Почёта. За вклад в разработку истории православной церкви Николай Вадимович награждён митрополитом Кишинёвским и всея Молдовы медалью преподобного Паисия Величковского, а патриархом Московским и всея Руси Алексием II – орденом митрополита Московского Макария.

Жизненный путь, научная и общественная деятельность учёного-патриота Н.В. Бабилунги заслуживают изучения и постижения.

Светлая ему память!

Редколлегия журнала «Русин»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русини

Основан в 2003 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2021. № 64

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 268 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, а/я 1041

Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 25.05.2021. Формат 60х90 ¹/₁₆.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 14/0521.

Отпечатано в типографии «Taicom».

г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

В 2021 году международный исторический журнал
ФОНД РУССКИЙ МИР «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

НЕТ, НЕ ЗНАЕШЬ ТЫ, ГИТЛЕР, СЛАВЯНСКОЙ ПОРОДЫ

ВАСИЛИЙ ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Нет, не знаешь ты, Гитлер, славянской породы,—
Не понять палачу душу вольных людей!
Не согнутся свободные наши народы
И не будут лежать под пятою твоей.

Никакая твоя мясорубка-машина
Вольной расы славянской с земли не сотрёт.
Ты бессилен убить светлый дух славянина,
Потому и взбесился ты, кат и урод.

Но ни зверства твои, ни насилие, ни плаха,
Никакие драконы не сломят вовек
Нашей силы, свободы, культуры, размаха —
И машину войны победит Человек!

Ты решил упразднить на земле честь и совесть,
Благородного — в рабство отдать подлецу,
Но твоя бредовая, кровавая повесть,
Твой кошмарный «порядок» приходит к концу.

И славяне, которых ты в мании дикой
За людей не считал и плевал им в лицо,
Встали грозной семьею единой, великой,
Чтоб тебя, вурдалак, посадить на кольцо.

Вместе с русским испытанным набольшим братом
Бьётся брат украинец и брат белорус,
Братья сербы и чехи, поляки, хорваты
Рвут кровавые цепи — и крепнет союз.

Будет гнев наш святой беспощаден и страшен,
Расплатиться заставим мы катов и псов
За сестер и за братьев замученных наших,
За Белград и Варшаву, за Минск и за Львов!

1941 г.